

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В Е С Т Н И К БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 14а

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Улан-Удэ

2012

Редакционный совет «Вестника БГУ»

С.В. Калмыков, чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф. (председатель);
И.К. Шаранхаев, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.Н. Татарникова (зам. председателя); *М.В. Бадмаева*, д-р филос. наук, доц.;
Т.С. Базарова, канд. пед. наук, доц.; *Д.И. Бураев*, д-р ист. наук, проф.;
А.В. Гаськов, д-р пед. наук, проф.; *Н.Ж. Дагбаева*, д-р пед. наук, проф.;
Ц.З. Доржиев, д-р биол. наук, проф.; *С.С. Имхелова*, д-р филол. наук, проф.;
Л.П. Ковалева, канд. филол. наук, проф.; *К.Б-М. Митупов*, д-р ист. наук,
проф.; *В.Е. Хитрихеев*, д-р мед. наук, проф.; *И.И. Осинский*, д-р филос. наук,
проф.; *М.Н. Очиров*, д-р пед. наук, проф.; *В.В. Хахинов*, д-р хим. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска

И.И. Осинский, д-р филос. наук, проф. (гл. редактор); *А.Н. Постников*, д-р филос.
наук, проф. (зам. гл. редактора); *Э.Д. Дагбаев*, д-р социол. наук, проф. (зам. гл.
редактора); *Л.Л. Абаева*, д-р ист. наук, проф. (зам. гл. редактора);
Д.Ш. Цырендоржиева, д-р филос. наук, проф. (зам. гл. редактора); *П.А. Чукреев*,
д-р социол. наук, проф.; *М.В. Бадмаева*, д-р филос. наук, доц.; *Л.Е. Янгутов*,
д-р филос. наук, проф.; *В.И. Коваленко*, д-р филос. наук, проф.; *О.Н. Козлова*,
д-р филос. наук, проф.; *В.Л. Кургузов*, д-р культурологии, проф.; *В.В. Мантатов*,
д-р филос. наук, проф.; *П.Ю. Саух*, д-р филос. наук, проф.; *Ц.Ц. Чойропов*,
д-р социол. наук, проф.; *А.М. Кузнецова*, д-р филос. наук, доц. (отв. секретарь)

**ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 14а

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-36 152 от 06 мая 2009 г.
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

В авторской редакции

Компьютерная верстка А.В. Доржиевой

Свидетельство о государственной аккредитации
№1289 от 23 декабря 2011 г.

Подписано в печать 15.12.2012. Формат 60 x 84 1/8.
Усл. печ. л. 19,76. Уч.-изд. л. 18,23. Тираж 1000. Заказ 315.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
riobsu@gmail.com

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

© А.Л. Сафонов

СОЦИАЛЬНЫЕ АТРИБУТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ключевые глобальные проблемы имеют не экономическую, а социальную природу и являются объективным порождением глобализации. Ключевая угроза – кризис национального государства и его институтов. Необходимое условие решения – управляемое сдерживание глобализационных процессов в социальной сфере.

Ключевые слова: атрибут, глобализация, глобальные проблемы, глобальный кризис, этнос, гражданская нация, этнизация, десоциализация, дивергенция.

A.L. Safonov

SOCIAL ATTRIBUTES OF GLOBALIZATION

Key global problems have not economic, and social nature and a product of globalization is an objective, inherent attributively. A key threat – the crisis of the nation state and its institutions. A necessary condition for the solution – controlled containment globalization processes in the social sphere.

Key words: attribute, globalization, global issues, global crisis, ethnic, civic nation, ethnicization, desocialize, divergence.

Одним из распространенных взглядов на глобализацию является концепция так называемых «глобальных проблем» – достаточно произвольно выстроенного иерархического списка вызовов и угроз, требующих совместных действий стран-членов мирового сообщества под руководством определенных международных организаций, получающих для этого дополнительные международно-правовые полномочия и финансовые ресурсы. Список возглавляют экологические проблемы, антропогенный характер части которых научно не доказан (глобальное потепление), чья приоритетность, особенно для России с ее спецификой, отнюдь не очевидна, а также социальные проблемы – бедность, неравномерность экономического развития, этнокофессиональные конфликты и др.

При этом считается, что исторические корни социальных проблем современности лежат в прошлом. Отсюда необходимым условием их решения считается продолжение и даже ускорение глобализации как в части глобализации экономики, так и в части дальнейшего сужения функций национального государства и его институтов – политических и, особенно, социальных.

Часть острых социальных проблем (например, прогрессирующая деградация образования и науки, массовая неконтролируемая миграция) в списках глобальных угроз не значатся вообще.

Между тем, многие глобальные проблемы, особенно социального порядка, являются не наследием прошлого, а объективным и неизбежным следствием именно нерационально форсируемой экономической и политической глобализации, то есть являются ее атрибутами.

Это означает, что по мере дальнейшего развития глобализации и ее институтов атрибутивно присущие ей социальные проблемы будут обостряться вплоть до катастрофического уровня, а их преодоление возможно только на пути управляемого сдерживания глобализационных процессов в социальной сфере.

Ключом к познанию современности является глобализация – все более многомерный процесс качественного усложнения, ускорения и интеграции развития человечества, все более чреватый переходом от предшествующих двух веков прогресса к неуправляемости и глобальной катастрофе.

В первую очередь, глобализация – это система качественных социальных изменений последнего времени, заключающихся в формировании единого всемирного рынка, всемирной информационной открытости, в небывалом расширении контактов между локальными сообществами и отдельными людьми, в том числе не опосредованных государством и его социальными институтами.

В процессе глобализации возникает качественно новая реальность общественных отноше-

ний, при которой ни один элемент не может функционировать и управляться вне системы связей с другими элементами, входящими в систему. И если раньше мир был совокупностью сравнительно замкнутых локальных систем, то сегодня социальные и экономические системы де факто приобрели открытый характер и не могут быть поняты и, тем более, устойчиво управляемы вне глобального контекста.

Безусловно, важнейшей, и вместе с тем наиболее очевидной особенностью, атрибутом глобализации является глобализация экономики – возникновение мирового рынка, качественное снижение пространственных, политических и иных барьеров, еще недавно разделявших локальные социумы, превращение государств в открытые социальные и экономические системы.

Соответственно, процессы конвергенции и интеграции в экономической сфере формируют конвергентные и унификационные процессы в других сферах общественной жизни.

Однако за пределами экономики конвергентные тенденции теряют свой определяющий характер: вопреки единству глобальной экономической среды, глобализованный мир продолжает сохранять свою «цветущую сложность».

Сложность глобализации, как предмета научных исследований, не только в ее междисциплинарности, но и в стоящей за этим тотальности, несводимости к сумме слагаемых и к отдельным научным дисциплинам, в терминах которых обычно определяют глобализацию и «глобальные проблемы».

Таким образом, тотальность глобализации, ее системный характер, охватывающей все сферы общественной жизни, также является очевидным атрибутом глобализации.

Третий атрибут глобализации – качественное ускорение социальных процессов, порождающее проблему неуправляемости, непознаваемости (анализ процессов отстает от их развития) и, соответственно, неустойчивости развития. Неуклонное нарастание скорости социальных процессов все чаще опережает их анализ, изучение и, соответственно, целенаправленное регулирование.

Еще одним общепризнанным атрибутом глобализации стало становление глобального цифрового пространства как качественно новой, внепространственной социальной реальности, значение которой все более сопоставимо с ролью физического пространства и объективной физической реальности.

Включая в себя и интегрируя в неразрывное единство средства связи (коммуникации), хра-

нения и распространения информации (электронные СМИ), электронного документооборота и электронной торговли (электронные деньги), пространственной навигации, цифровая среда стала четвертым пространственным измерением, непосредственно и мгновенно связывающим людей, находящихся в любых точках планеты.

Такое изменение топологии социального пространства, де факто ставшего четырехмерным, привело, в частности, к исторически мгновенному глобальному распространению виртуальных социальных сетей как качественно новой формы социальных групп, отношения в которых опосредованы цифровым пространством.

Другим следствием возникновения цифрового пространства, непосредственно интегрированного с социальной средой, стало качественное ускорение социальных процессов, скорость которых отныне не ограничивается скоростью физических перемещений и пространственным фактором.

Вместе с тем, признание очевидной роли глобальной информатизации, за каких-нибудь двадцать лет превратившей земной шар в «мировую деревню», где каждый потенциально связан с любой точкой мира и имеет доступ к недоступным ранее объемам информации, не сопровождается адекватным осознанием не менее весомых негативных социальных последствий цифровой глобализации, воспринимаемой через «розовые очки» рекламы IT-индустрии.

Так, «цифровое» ускорение социальных коммуникаций и социальных процессов, утрачивающих пространственные ограничения, стало причиной появления новых видов социальной неустойчивости и дестабилизации, так как ускоряются в первую очередь деструктивные, катастрофические социальные процессы, не требующие затрат времени и ресурсов.

С другой стороны, цифровая среда и возникшие вместе с ней человеко-машинные социальные сети порождают и качественно новый уровень целенаправленного и централизованного вмешательства политических субъектов в жизнь общества и отдельных индивидов, что означает становление новых технологий альтернативной власти и новых властных субъектов. Много-субъектность, анонимность и неявный характер «цифровой власти», действующей через цифровую среду, порождает и новые виды социальных угроз.

Не менее важно, что все большее количество социальных транзакций и отношений опосредуется цифровой средой, вытесняющей, заменяющей и трансформирующей весь комплекс соци-

альных отношений и институтов в обход правовых процедур.

В результате тотальной компьютеризации возникла качественно новая, человеко-машинная, социальная среда, в которой отдельный индивид занимает зависимое, неравноправное, манипулируемое положение.

На примере «цифровой глобализации» видно, что реальная глобализация не исчерпывается процессами интеграции и конвергенции, сопровождающими становление глобального рынка и глобальной экономики. Выходя за рамки экономики, в терминах которой определялась первоначально, глобализация начинает принимать всеобщий характер, порождая широкий круг разнокачественных социальных процессов, проблем и угроз, затрагивающих ключевые социальные структуры общества.

Возникает парадоксальная ситуация, когда экономическая и технологическая глобализация находятся в фокусе общественного внимания, но ведущие социальные тенденции глобализации все еще не осознаны научным сообществом как объективные закономерности развития, атрибуты глобализации, составляющие ее неотъемлемую сущность.

Господствующий в глобалистике экономический детерминизм игнорирует собственно социальную материю исторического развития, субъектами которого являются не экономические субъекты и не отдельные индивиды, а социальные группы и социальные структуры.

Между тем, стимулом, результатом и мерой исторических процессов были и будут не макроэкономические показатели, а именно социально-групповые процессы и изменения. В то же время ставшие фетишем макроэкономические параметры являются важными, но далеко не единственными индикаторами собственно социальных изменений.

Известные списки «глобальных проблем» и «глобальных угроз» фиксируются на природно-ресурсных ограничениях роста экономики и народонаселения, но в то же время как глобальные социальные проблемы в этих перечнях отсутствуют.

Под прессом экономического мышления, редуцирующего глобализацию к экономике и политике, социальные механизмы глобализации, включая вызовы и угрозы именно социального порядка, не изучаются и даже не осознаются в должной мере, воспринимаясь либо как наследие индустриализма, либо как преходящие «болезни роста», либо как «историческая неизбежность», целенаправленное изменение которой «бесполезно».

Если понимать под глобализацией становление глобального рынка и его институтов, то глобализация как процесс перехода к единой мировой экономике без национальных границ де факто завершена еще на рубеже веков. Для современного, уже, по сути, «постглобализационного» этапа развития уже единой мир-системы, в значительной степени исчерпавшей потенциал конвергентных процессов и конвергентного развития, характерно преобладание процессов дивергенции и дифференциации, связанных с распадом, фрагментацией и дифференциацией локальных социумов. Вынужденная адаптация социальных групп и структур к новому, безбарьерному и прозрачному, но именно поэтому более конкурентному и нестабильному миру, вынуждает их усиливать собственные барьерные и защитные функции.

Таким образом, еще одним атрибутом современного этапа глобализации являются социальные процессы и тенденции дивергентного характера, включая тенденции к непространственному «изоляционизму» отдельных социальных групп, росту межгрупповых барьеров, перекрытию всех видов «социальных лифтов».

Транснациональная и транскультурная конвергенция и интеграция, еще недавно считавшиеся ведущим социокультурным процессом глобализации, на практике все более ограничены потребительским коммуникативным минимумом и бытовыми потребительскими стандартами достаточными для существования индивида в глобальной рыночной среде. А как максимум – расширенным коммуникативным стандартом, необходимым для работы в транснациональных структурах.

И если для предшествующих этапов дифференциация – культурно-цивилизационная, этническая, политическая – носила в значительной степени пространственный характер, то в эпоху глобализации преобладает социальная дифференциация непространственного порядка.

Основной механизм и основная предпосылка дифференциации и дивергенции – распад, качественное ослабление и социальная деактуализация национальных государств и гражданских наций как системообразующих социальных групп и связанная с этим деградация и фрагментация институтов и социальных групп более низкого порядка.

Кроме того, дифференциация и дивергенция – прямой результат кризисных и конфликтных процессов, связанных с тотальной борьбой социальных субъектов за передел все более дефицитных ресурсов, в ходе которой идет «отбраковка» и отчуждение от ресурсов не столько от-

дельных индивидов, сколько целых социальных групп.

В частности, результатом глобализации экономики становится массовая пауперизация и маргинализация населения индустриальных стран, в первую очередь – «среднего класса», составляющего основу производительных сил и внутреннего потребительского рынка.

Десоциализация среднего класса – парадоксальный, но очевидный результат продолжения технического прогресса в условиях глобальной экономики и обострения глобальных природно-ресурсных ограничений.

Катастрофическое отчуждение населения индустриальных стран от индустриального производства имеет очевидную причину: неуклонно растущая производительность труда при нарастающем дефиците предметов труда порождает дефицит рабочих мест. Однако и эти рабочие места либо перемещаются в «новые индустриальные страны» вследствие «бегства капитала», либо теряются коренным населением в результате массовой иммиграции рабочей силы, разрушающей не только рынки труда, но и базовые социальные структуры принимающих государств, прежде всего – сами гражданские нации.

В результате глобализация создает неразрешимые социальные проблемы в первую очередь для социумов «старых индустриальных» стран – того самого «золотого миллиарда», интересами которого мотивировалась глобализация.

Разрушая границы и барьеры, глобализация активизирует не столько смещение и интеграцию, сколько дивергентные процессы структурообразования и социогенеза, порожденные выходом финансовых и ресурсных потоков из ведения национального государства, обесцениванием связанной с ним системы социальных статусов и ролей.

Вместе с тем, корпоративные социальные структуры, изъяв из ведения государств ресурсы, по своей природе неспособны обеспечить полного цикла воспроизводства социума, необходимого для его устойчивого развития. Таким образом, системная десоциализация объективно связана с распадом и изъятием ресурсов из сферы социального воспроизводства, исторически привязанной к институтам государства.

Деактуализация гражданских наций и институтов гражданского общества ведет к реактуализации альтернативных гражданской нации социальных групп и идентичностей, в первую очередь – этнических и религиозных групп, еще недавно считавшихся «рудиментами» доиндустриальной эпохи.

Актуализация этнических и религиозных групп и соответствующих форм групповой идентичности и массового сознания приобрела такие масштабы и значимость, что может рассматриваться как отдельный атрибут глобализации.

Неожиданность и неочевидность для научного сообщества глобальной этнизации и клерикализации связана с тем, что в 20 веке гражданские нации считались продуктом необратимой трансформации и слияния этнических общностей в ходе государственного строительства.

Между тем, для объяснения социального механизма этнизации и мультикультурализации общества достаточно предположить, что нация и этнос – две различные социальные группы, в которых индивид участвует одновременно [1].

Для объяснения глобальной активизации этничности достаточно рассматривать этнос и нацию не как взаимоисключающие, а как устойчиво сосуществующие и часто конкурирующие формы социального бытия: доминирование этнической идентичности оттесняет на второй план национально-государственную (национально-политическую), и наоборот.

Различие этноса и нации заключается не в характеристиках принадлежности (язык, территория и др.), как внешних атрибутов, а в механизмах воспроизводства и функционирования: непосредственной социальной наследственности для этноса и взаимодействия индивида с институтами государства и гражданского общества для нации.

Порожденный глобализацией системный кризис нации ведет к активизации этнических социальных структур и этнического и религиозного сознания. Ослабление институтов национального государства и нации как интегрирующей социальной группы объективно ведет к их замещению архаичными формами социальной организации, ранее находившимися «в тени» процветающих гражданских наций.

Соответственно, архаизация массового сознания, связанная с его этнизацией и клерикализацией, сопровождается массовым возвратом к донаучным формам мышления, что, создавая угрозу регресса, не является препятствием для непосредственного потребления плодов научно-технического прогресса.

Архаизация общественного сознания, дробление прежде единой нации на конфликтующие и конкурирующие этнические (шире – групповые, например, клановые) фрагменты вступает в противоречие с современными формами общественного производства, и это несоответствие приобретает все более явные формы не только

«холодных» и «горячих» этнических конфликтов, но и системного регресса всего общества, все более фрагментированного на этнические и религиозные группы.

Соответственно, ключевым атрибутом глобализации можно считать социальный регресс, приобретающий системный, всеобщий характер.

Исчерпание ресурсов и резервов экономического, технического и социального прогресса, характерного для 19-20 вв., объективно ведет к социальному регрессу, который проявляется не только и не столько в отбрасывании отдельных стран и регионов на периферию мирового развития, сколько в десоциализации громадных масс людей, возникновению и распространению новых социальных страт, отчужденных и отстраненных от социального развития и социальных лифтов [2].

Непосредственной причиной и механизмом социального регресса стал кризис достигшего пика своего развития в 20 веке национального государства и соответствующей ему системообразующей социальной группы – гражданской нации.

Гражданские нации и входящие в них социальные группы и структуры более низкого порядка обеспечивали полный цикл воспроизводства локального социума как закрытой системы, потенциально способной к устойчивому самодостаточному развитию.

Распад и деактуализация гражданской нации как структурированного социального большинства, интересы и деятельность которого обеспечивали расширенное экономическое и социальное воспроизводство, то есть прогресс, привел к реактуализации альтернативных нации религиозных и этнических социальных групп, а также обособлению корпоративных социальных групп и элит.

Идущий в глобальном масштабе системный социальный регресс не является исключительно следствием ресурсно-демографического кризиса как такового. Причины роста расслоения и массовой десоциализации в начале 21 века носят социально-групповую природу, связанную с качественным изменением объективных интересов элит, отрывающихся от локальных социумов.

Впервые в истории (не считая исторического эпизода с огораживанием в Англии) элиты объективно и осознанно заинтересованы в численном сокращении и качественном снижении материального потребления зависимых социальных групп. Это проявляется не только в реальной социальной политике, но и на концептуальном уровне, например, в рекомендациях комиссии ООН по народонаселению.

И если раньше элиты были объективно заинтересованы в численном росте, материальном благополучии и гражданской лояльности податных сословий, то сегодня источником ресурсов для элит становится все большее отчуждение зависимых социальных групп от процесса распределения общественного богатства.

В демографических процессах – росте перенаселенности бедных стран и депопуляции индустриальных стран – ярко проявляется тенденция к нарастанию неравномерности всех аспектов глобального развития, которую также следует признать одним из атрибутов глобализации.

Сочетание неравномерности глобального демографического и экономического развития в условиях глобальной открытости порождает, в частности, массовые глобальные миграции, в ходе которых идет замещение и маргинализация коренного населения. Это ведет не только к экспорту социальной катастрофы с глобальной периферии, но и к неразрешимым этнорелигиозным конфликтам, дополнительно усугубляемым тем, что тип воспроизводства населения в значительной степени определен не доходами, а принадлежностью к этническим и религиозным группам [3].

Следующий атрибут глобализации – ее принципиальная многосубъектность, то есть не только наличие, но господство в ней сильнейшей субъективной и идеологической составляющих, отражающих жизненно важные интересы противоборствующих субъектов мирового развития, конкурирующих за все более дефицитные мировые ресурсы во всех сферах и измерениях.

Из многосубъектности современных глобальных процессов с необходимостью следует, что объективно предзаданного, предопределенного исхода глобализации, на чем настаивают сторонники ее западной модели, не существует.

Западные концепции глобализации исходят из понимания глобализации как бессрочного и устойчивого господства западной цивилизации, вплоть до объявления «конца Истории», отменяющего ситуации исторического выбора, как таковые. Из этого следует, что все остальные, периферийные, субъекты мирового процесса должны встраиваться, то есть пассивно приспосабливаться к реалиям мировой системы, заметно изменить которую – теперь и на локальном уровне – они не в состоянии. Предполагалось, что глобальное общество будет представлять собой подобие однополярной феодально-иерархической системы с Западом в центре и с расположенными вокруг него концентрическими кругами перифериями разных уровней. В частности, такая перспектива социологически

проанализирована и изображена А.А. Зиновьевым [4].

Однако в последние годы однополярность современной мир-системы и вытекающая из нее предзаданность истории ставятся под сомнение такими влиятельными авторитетными экспертами, как С.Хантингтон и Ричард Хаас. Так, Председатель Совета по иностранным делам (Council of foreign relations, CFR) Ричард Хаас в своей статье «The Age of Nonpolarity» («Эра бесполярности») [5] окончательно хоронит «момент однополярности», возникший в начале 90-х, утверждая концепцию «бесполярности». Принципиальное отличие «бесполярности» от уже привычной «многополярности» заключается в том, что сильными акторами, полюсами мирового процесса в эпоху бесполярности являются не только государства, как это было бы в случае многополярности, но и другие социальные образования и субъекты, не имеющие однозначной пространственной и государственной принадлежности: транснациональные корпорации, террористические и криминальные сети, но, прежде всего, – приобретающие субъектность этнические и религиозные группы.

Вопреки канонам экономического детерминизма, исчезновение привычных пространственных, политических и экономических барьеров не превратило и вряд ли превратит человечество в единый социальный субъект, «мировое государство», эволюционирующее к объективно предзаданному конечному состоянию, «концу истории» [6].

Таким образом, глобализация – это не эволюционное приближение «однополярного» мира к единственно возможной точке устойчивого равновесия, а глобальное противоборство широкого круга социальных субъектов, исход которого принципиально непредсказуем. В ходе глобального противоборства решается вопрос рождения, жизни и смерти широкого круга социальных субъектов, определяющих облик будущего.

Практика глобализации предметно доказывает, что безусловно достигнутое единство нового глобального мира означает не становление единого социального организма, «мирового государства», а снятие пространственных и экономических барьеров между локальными социумами, игравших для них важную защитную роль.

Многосубъектность мирового процесса означает качественно иной характер глобализации – глобальное единство в глобальном противоборстве социальных субъектов. Мир объединился, но в качестве поля перманентного глобального противоборства, на котором решается судьба

всех субъектов, акторов мирового процесса – государств, народов, социальных групп, юридических и физических лиц. При этом важнейшее следствие глобальности – невозможность уклонения от противоборства в силу его тотального и универсального характера.

Сущностью и содержанием глобального единства человечества становится эскалация все более многостороннего и многопланового конфликта: глобальная война объединяет противников в единую систему гораздо быстрее и теснее, чем глобальный мир.

Само состояние мира можно определить, как состояние пониженной интенсивности взаимодействия субъектов, хотя бы потому, что мирное сосуществование не ставит вопроса жизни и смерти сторон. Верно и обратное: рост интенсивности взаимодействия субъектов до определенного порога (а глобализация – это нарастающая интенсификация связей) перерастает в конфликт. В этом отношении всеобщая связность – не что иное, как объективная предпосылка всеобщего конфликта.

И действительно, размывание пространственных и административных границ привело не к снятию, а к обострению межсубъектных, в том числе – межцивилизационных и межгрупповых противоречий, переносу старых геополитических конфликтов в новые, непространственные измерения (информационное, правовое, этнокультурное...), количество и роль которых растет.

И если раньше кризисы и противоборства самодостаточных локальных социумов носили изолированный, локальный характер, то глобализация превратила локальные общества всех уровней в неравновесные открытые системы, создав между ними мощные каналы (финансовый, миграционный, информационный...) как стихийного «перетока кризиса», так и целенаправленного экспорта нестабильности, что качественно снизило устойчивость мировой системы в целом.

В результате глобализация как глобальный системный кризис объединяет мир-систему не через единство интересов и ценностей, а через всеобщность конфликта субъектов мирового развития, интересы которых объективно антагонистичны [7].

Таким образом, еще одним атрибутом глобализации является ее кризисный, а точнее – мультикризисный характер. Реальная глобализация – не просто глобальный кризис в стадии нарастания, а именно система взаимосвязанных и совмещенных во времени и пространстве кризисов, несводимая к их сумме, для которой ха-

рактельны сложность, неожиданность, неустойчивость, тотальная конфликтность и конкурентность. То, что привычно считается «издержками», «контрастами», «временными неудобствами», «переходными процессами» глобализации, составляет ее сущностное содержание.

Модель взаимодействия разнокачественных субкризисов дает более адекватное представление о сложности глобализации, ее «рваной», часто взрывной и обвальной, динамике, ее способности порождать качественно новые явления и субъекты, в первую очередь – новые вызовы и угрозы.

Соответственно, взгляд на глобализацию как на глобальную систему взаимоусиливающих кризисов и катастроф, порожденную не столько ресурсными «пределами роста», сколько неконтролируемым ростом всеобщей связности, позволяет преодолеть узость существующих теоретических подходов, воспринимающих крушение основ цивилизации как «издержки роста». Собственно, в условиях фундаментальных ресурсных ограничений теряет первоначальный смысл и само понятие роста как освоения ресурсов внешней среды.

В конечном счете, мультикризисный характер глобализации означает завершение эпохи устойчивого социально-экономического прогресса и переход к нисходящей, регрессивной ветви развития, от поступательного развития к самосохранению в условиях тотального антагонизма и неустойчивости. Это как минимум означает утрату многих социальных достижений и возможностей индустриальной эпохи, вплоть до утраты субъектности и гибели крупных локальных социумов.

Вместе с тем, многосубъектная и кризисная природа социальных вызовов и угроз, атрибутивно присущих глобализации, имеет и позитивную сторону – возможность маневрирования и управления, которая сохраняется не только на глобальном, но и на локальном уровне, но при этом зависит от уровня понимания актуальных социальных процессов.

Таким образом, взгляд на глобализацию как системный кризис, связанный с исчерпанием потенциала прогресса 19-20 веков и переходом общества и системообразующих социальных групп к фазе нисходящего и кризисного развития, позволяет сделать вывод, что наиболее острые социальные проблемы современности яв-

ляются не столько наследием прошлого, сколько объективным порождением глобализации, присущими ей атрибутивно.

Это означает, что глобальные социальные проблемы современности не могут быть решены в рамках существующей парадигмы глобального развития, в основе которой лежит универсализация товарно-денежных отношений, внегосударственных и «постгосударственных», «постнациональных» форм и приоритетов развития, антагонистичных государственным форм организации общества.

Соответственно, преодоление негативных социальных последствий глобализации, присущих ей атрибутивно, возможно только на пути управляемого сдерживания глобализационных процессов.

Литература

1. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Глобализация как дивергенция: кризис нации и «ренессанс» этноса // Вестник Бурятского государственного университета. – Выпуск 6, сер. Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ, 2011. – С. 17-23.
2. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Социальный регресс, как атрибут глобализации // Социально-гуманитарные знания. – № 4. – 2012. – С 80-94.
3. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Россия в глобальном ресурсно-демографическом кризисе: миграционные вызовы // По ту сторону кризиса: модернизационный потенциал фундаментального образования, науки и культуры: материалы международного теоретического форума, Москва, 19-20 апреля 2010 г. – М, 2010. – С. 321 – 325.
4. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М., 2000. – С. 310-355.
5. Naass Richard. The Age of Nonpolarity // Foreign Affairs, 2008. – May-June.
6. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Глобализация и проблема предзаданности мирового развития // Вестник Бурятского государственного университета. – Выпуск 14, сер. Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ, 2011. – С.3-7.
7. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Глобализация: кризис мировой системы как система кризисов // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – №2. – С.114-125.

Сафонов Андрей Леонидович, кандидат технических наук, доцент кафедры истории и социологии, проректор по международным отношениям Московского Государственного индустриального университета, г.Москва, e-mail: zumsiu@rambler.ru.

Safonov Andrey Leonidovich, candidate of technical science, assistant professor, department of history and sociology, vice-rector for international relations, Moscow State Industrial University, Moscow, e-mail: zumsiu@rambler.ru.

УДК 101.1 : 316

© Л.В. Гомбоева, В.Н. Пристенский

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ
В СВЕТЕ ЦЕЛОСТНОЙ ФИЛОСОФИИ**

В статье авторы анализируют основные проблемы модернизации страны как результат господства дискретного мировоззрения и обозначают свое видение модернизации на основе целостной философии.

Ключевые слова: *современные проблемы модернизации России, целостная концепция модернизации общества, мировоззрение, образование, политика, право, экономика, культура.*

L.V. Gomboeva, V.N. Pristenskiy

**THE PROBLEMS OF SOCIO-CULTURAL AND POLITICO-LEGAL MODERNIZATION
OF THE COUNTRY IN THE LIGHT OF A HOLISTIC PHILOSOPHY**

In this paper, we analyze the main problems of modernization of the country as a result of the discrete world view and denote our own vision of modernization based on a holistic philosophy.

Key words: *the problems of Russia's modernization, holistic concept of modernization of society, ideology, education, politics, law, economy, culture.*

Будучи единственной дисциплиной о всеобщем, философия содержит в себе потенциал интегративной мысли, которого так не хватает для эффективного решения назревших социальных проблем России. Очевидные проблемы, такие как коррупция, преступность, социальная несправедливость, коренятся в провоцирующем эти проблемы дискретном мировоззрении. Именно последнее не позволяет увеличить число потенциальных акторов – тех людей, кто мог бы, видя абсурдность современной социальной реальности и направление прогресса, способствовать созданию и функционированию необходимых для развития личности и общества демократических структур, институтов и механизмов.

Модернизация общественных процессов и конструирование новой реальности требуют новых подходов и изменения мировоззренческих установок каждого члена общества. Нам следует понять каковы ныне существующие установки. Рассмотрим более подробно некоторые из них.

а) *наивный реализм*, то есть познавательная установка, что мир такой, каким он нам представляется или каким описывается в авторитетных религиозных или научных текстах, как отметил К.Поппер, является шагом вперед по сравнению с познавательным пессимизмом, когда люди ни о чем особо не думают и ни во что не верят. Так, в Средневековье наивный реализм христианства способствовал распространению нравственных ценностей среди не всегда цивилизованных народов, а в Новое Время научный наивный реализм показал могущество разума в обстановке господства веры. Но сегодня наивный реализм, глубоко проникший в ментальное

пространство нашей страны благодаря семидесятилетнему господству марксизма-ленинизма, должен быть признан ведущим фактором, препятствующим развитию личности и общества. Это подтверждают практически все последующие пункты в данной статье.

б) *позитивизм*. Научный наивный реализм есть позитивизм, в соответствии с которым существует только чувственно-воспринимаемая реальность, вполне редуцируемая к каким-то устойчивым определяемым структурным неживым единицам, подобным атому, химическому элементу и т.п. Якобы вполне выражаемая в четких и ясных понятиях и непротиворечивых суждениях природа ассоциируется с механизмом, а не с органическим развивающимся бытием. Ощущаемая гармония природы, возникновение и сущность жизни рассматриваются как результат случайно-возникающих механически понимаемых факторов и их «естественного отбора».

в) *позитивистская антропология*. Отрицая развитие как цель природы, позитивизм отрицает развитие как цель человека. Человек не воспринимается как способный к бесконечному развитию микрокосм в макрокосме и рассматривается как полностью обусловленное механически понимаемой природой и обществом биосоциальное существо. Из общего мировоззренческого дискурса фактически изгнаны понятия души и духа, а ведь, с точки зрения никем не опровергнутой метафизики, именно душа и дух являются источником всего лучшего в человеке. Отсюда возникают, по крайней мере, две проблемы: 1) механическое понимание личности: ее духовное содержание (целостность, зрелость и

созидательность души) не имеет значения; внешние интересы и формальные требования решают все; 2) глобальная тенденция «нераскрытия самости» (Юнг). Деструктивное влияние на человека позитивистской антропологии можно проиллюстрировать разницей во внешнем виде людей, успешно занимающихся холистическими духовными и духовно-телесными практиками (например, йога, цигун, медитации), и теми, кто механически относится к себе и собственному телу.

г) *позитивистская мотивация*. Позитивизм редуцирует все к существующему и прошлому. Он оставляет последователя на поверхности вещей и не ведет вглубь. Он приучает к причинной объяснительной аргументации «потому что» и отучает от целерациональной и перспективной аргументации «для того, чтобы». Позитивист и позитивистское общество в дилеммах «иметь или быть» (Э.Фромм) и «приспособиться» (Ч.Дарвин) или «поступить наилучшим образом» (Сократ) выбирают стороны «иметь» и «приспособиться», а не «быть» и «улучшить».

На трансформацию российского общества оказывает влияние существующая система образования. Анализ социально-философских проблем следует начать с рассмотрения инерционных проблем системы образования.

- Господство дискретных мировоззренчески-ценностных ориентиров в системе образования негативно влияет на направленность и качество системы образования в стране.

Современное образование:

- в последнее время ставит целью лишь обучение имеющимся знаниям, практически полностью отказалось от воспитательной функции и не способствует формированию качеств свободной личности: ответственности, справедливости, любви к отечеству, самоактуализации, творчества, мужества, щедрости, умеренности;

- основано на монологическом, авторитарном, формальном образовательном процессе, отучающем личность учащегося от самостоятельного мышления и чувствования, а общество – от культуры доверительного общения и дискуссий;

- не дает видения целостной картины мира (введение религиозной дисциплины не меняет сути дела, потому что и религии могут отчуждать человека от собственной сущности (Э.Фромм), а также потому что естественнонаучные дисциплины продолжают излагаться на основе наивно-реалистического и позитивистского мировоззрения);

- формирует отчужденное отношение к себе и другим, антидемократическую культуру нетерпимости к инакомыслию;

- готовит узко-специализированных функционеров, роботов, догматиков, «отсутствующих»¹ уклонистов, закрытых к диалогу, развитию, творчеству и доброте.

- Остаточное финансирование учительского труда. Господство механической концепции личности ведет к недооценке личности педагога и его труда. Низкий уровень заработной платы, не всегда оправданная перегруженность и правовая незащищенность педагогов ведет к тому, что среди них крайне недостаточно самоактуализаторов (по Маслоу) и полноценно функционирующих личностей (ПФЛ, по Роджерсу), тех, кто доверяет, прежде всего, данным собственного сознания и хотел бы и мог помочь учащемуся развить личностные и другие компетенции.

- Пренебрежение эмпирическими методами в изучении естественнонаучных дисциплин. Нужные для инновационной экономики научные открытия в значительной степени имеют эмпирический характер, но в отечественной школе физика, химия, биология и другие естественнонаучные дисциплины изучаются не с помощью опытов и экспериментов, а, как правило, на низком теоретическом уровне. Соответственно, крайне мало кто из учащихся хорошо разбирается в этих науках и готов к научным и научно-техническим открытиям. К тому же сугубо теоретический образовательный подход препятствует формированию веры в данные собственного опыта, веры в себя, раскрытию творческого потенциала и формирует либо чрезмерное доверие к текстам, имеющее, как отмечают постмодернисты, тотализирующий характер, либо полное недоверие к ним, что, в общем-то, не способствует развитию образованности.

- Проблема синтеза вышеуказанных факторов с фактором информационной эпохи. Отученный от самосознания, развращенный обилием информации и развлекательной продукции потребитель, как отмечает И.Джохадзе, ««впадает в своего рода «ментально-психоэкономическую апатию» – состояние, характеризующееся эмоциональной опустошенностью и безразличием к происходящему вокруг,

¹Понятие «отсутствие» мы вводим как оппозицию введенному метафизиками-хайдеггерианцами Э.Толле, Ж.Л. Нанси и Х.У. Гумбрехт понятию «присутствие», означающему здесь-и-сейчас-бытие, полную включенность человека в момент «сейчас».

утратой остроты восприятия и способности удивляться чему бы то ни было» [4, с. 14].

Проблемы экономики и управления составляют следующий блок проблем.

- **Механический менеджмент.** Механически понимающая себя личность нуждается в указаниях свыше. Механически понимаемое общество способствует механическому организационному менеджменту в экономике: имеет значение лишь структура организации, а не личность. От индивида требуется исполнение указаний свыше, а не действие в соответствии с собственной оценкой ситуации.

- **Позитивистская индустриальная экономика советских лет.** Как известно, механическая индустриальная плановая нерыночная экономика советской России была весьма отчужденной от человека: она не была ориентирована на удовлетворение его потребностей. Направленная в сторону наращивания основных фондов и увеличения объема валового продукта в 1970-е гг. советская индустриальная экономика стала одной из самых могущественных в мире. Ее могущество держалось на общественной собственности на средства производства, централизованном планировании, насилии со стороны правящей коммунистической партии и определенном энтузиазме трудящихся масс. К 1980-м альтруистический энтузиазм погас, и индустриальная экономика перешла сначала на стадию застоя, а затем и регресса. Как предрекали экономические либералы, неэффективная экономика стала прямым следствием экономической несвободы.

- **Западная позитивистская постиндустриальная экономика.** В западном мире, как известно, процветает постиндустриальная экономика, главными факторами которой принято считать не материальные ресурсы, а человеческий и социальный капиталы. Эти понятия, введенные Т.Шульцем, Г.Беккером, в значительной степени расширяют механические экономические представления.

Понятие «социальный капитал» представляет собой показатель общественных отношений, включающий в себя социальные сети (т.е. горизонтальные и вертикальные связи в разного рода уровнях коммуникаций: от государственных до организационных и даже семейных), нормы, правила, доверие. И поскольку сама идея социального капитала – признак целостного и весьма конструктивного мышления в экономике, здесь стоит отметить основные концепции социального капитала.

1) институциональный, сетевой вертикальный подход (П.Эванс), утверждающий первич-

ность политической, правовой и институциональной среды в процессе формирования социального капитала. «Вызывающие доверие, прозрачные и прогнозируемые действия государства, низкий уровень коррупции, независимая система судебных органов, надежно гарантируемые имущественные права – это только некоторые черты общества, в котором индивидуальная и общая инициатива может быть успешной» [10, с. 37].

2) коммунитарный, сетевой горизонтальный подход (Р.Д. Патнем) связан с гражданским контактированием. Патнем на примере северной и южной Италии показывает, что в тех местах, где люди активно общаются в спортивных клубах, литературных организациях и т.п., социальный капитал выше, а правительства работают творчески, более эффективно и менее коррумпируются, чем в местах, где люди менее социально активны.

3) синергетический подход сочетает отдельные положения, разработанные в рамках институционального и коммунитарного подходов. Здесь в формировании социального капитала признаются важными процессы и «снизу-вверх», и «сверху-вниз».

Из этих трех подходов первый не принимает во внимание акторов модернизации, их мировоззрение, образование, а второй не уделяет достаточного внимания действующим институтам (например, в Осетии высок уровень гражданского контактирования, но институциональная ситуация оставляет социальный капитал на невысоком уровне), и более целостным, очевидно, является синергетический подход.

В целом, уровень развития человеческого и социального капитала современного Запада, конечно, должен быть признан ориентиром для России, занимающей 67 место в рейтинге по глобальной конкурентоспособности 2012-2013 гг., (данные Всемирного экономического форума). Вместе с тем необходимо учитывать и деструктивный аспект фишеровского понятия «человеческий капитал», состоящий в провозглашении единственного требования господствующей экономической концепции к человеческому капиталу – «приноси доход». Следуя такому подходу, исключая духовный капитал из человеческого, экономисты остаются в рамках потребительского отношения к человеку и более того формируют такое же, в сущности неправомерное, отношение к человеку у общества, провоцируют потребительскую ориентацию, духовную и душевную нищету элит и масс.

- Современная отечественная позитивистская экономика. В постсоветской России эконо-

мика вследствие установления рыночных отношений немного приблизилась к человеку, но не возвысилась до постиндустриального уровня, а опустилась на доиндустриальный, сырьевой. Западные концепции человеческого и социального капитала правящей властью не воспринимаются всерьез. Директор института экономики РАН Р.Гринберг констатирует текущее положение дел: «Экономика стала примитивной» [15], а директор центра исследований постиндустриального общества В.Иноземцев отмечает бесперспективность российской экономики: «Идея развития исключена из бюджета» [16]. Таким образом, дискретное понимание экономики как средства извлечения прибыли элитами и в дальнейшем будет способствовать возрастанию различного рода кризисов. Как при всем этом планируется избежать краха российской индустрии при вступлении в ВТО? – остается непонятным.

Проблемы политики и правопонимания рассматриваются нами также в свете целостной философии.

Наивный реализм ведет и к политической недальновидности. Позитивистская политика направлена не на развитие личности и общества, а лишь на сохранение и безопасность государства. Для такой политики вполне естественной является этатистская авторитарная политическая модель, представляющая собой сферу государственного управления, а не сферу гражданского взаимодействия, как понимали политику Аристотель и Х.Арендт. Люди в этатистском государстве – средство, а не цель. Даже если формально позитивистская политика признает эгалитаризм – всеобщее равенство, то в реальности этатизм неизбежно ведет к элитаризму – к разделению общества на правящие элиты и массы. Так было в советские годы, так есть и в наши дни, только в более значительных масштабах: ослабление власти закона на фоне атмосферы страха и недостатка свободы привело к «очень высокому уровню социального, экономического, структурного и культурного неравенств» [1, с. 110].

Позитивистское правопонимание производно, как это следует из учения Аристотеля, от позитивистской политики. В позитивизме «право» понимается лишь как «закон». И именно так думает подавляющее большинство отечественных студентов, в том числе по специальности «Юриспруденция», и это вполне объяснимо тем, что в вузовском государственном стандарте по правоведению, отражающем юридический позитивизм, нет понятий «естественное право», «естественно-правовое правопонимание». Между тем, вопрос «что есть право?» философия права

признает фундаментальным и определяющим две правоведческие традиции: позитивистскую и естественно-правовую. Начиная с эллинизма и эпохи Средневековья, на Западе господствовали естественно-правовые концепции, согласно которым, если человеческие законы нарушают естественные права, то следует руководствоваться естественным правом как наиболее фундаментальным. В XX в. вследствие распространения философского позитивизма в мире распространились утилитаристские и позитивистские концепции права, отождествляющие право с законом и расценивающие права человека как определенные культурные нормы, а не как неотъемлемые, общечеловеческие права. Тоталитарные государства фашистской Германии, СССР и другие были построены на позитивистском правопонимании. После Второй мировой войны Густав Радбрух показал, что закон может быть неправым, если он нарушает важнейшие принципы права свободы, равенства и справедливости (как, например, многие законы фашистской Германии). Современный философ права Деннис Ллойд пишет: «Право может быть использовано в качестве орудия тирании, как это происходило на протяжении веков во многих обществах, а может быть и инструментом наделяния гражданина теми основными правами и свободами, которые в демократическом обществе рассматриваются в качестве неотъемлемой части нормальной жизни» [9, с. 9]. В нашем обществе еще со времен советской эпохи право, в соответствии с юридическим позитивизмом, однозначно отождествляется с властно-принудительными законами, понятие естественное право считается результатом свойственных человеческому уму «априорных заблуждений» и отрицается существование каких-либо врожденных, неотъемлемых прав человека.

Господствующая ныне позитивистская политика способствует угнетению человека, а позитивистская юриспруденция по-прежнему отождествляет право с законами. В обществе если и есть идея правового государства, то она носит искаженный характер. Во многом в силу вышесказанного, не действуют в должной мере основные принципы правового государства – соблюдения законов гражданами, организациями и органами власти; независимости и объективности судов; соблюдения властью основных прав и свобод граждан. Пока граждане не ощущают себя вполне правомощными, сложно ожидать от них усилий по подъему экономики и страны.

Итак, проведенный анализ проблем модернизации страны подчеркивает справедливость целостного подхода: не только бытие определяет

сознание, но и наоборот, сознание (мировоззрение) определяет бытие; а все проблемы современной экономики, права, политики и образования, вся деструктивность нынешней культуры следуют из наивного реализма и позитивизма.

Рассмотрим основные положения целостной концепции модернизации общества.

Восточная мудрость учит, что с тьмой борются с не помощью указания на темноту, а путем привнесения света. Источником света, способным выявить проблемы и указать путь модернизации, является целостная метафизическая философия, на ее основе должны быть сформулированы целостные образовательные, экономические, политико-правовые и другие концепции.

Концепция целостного мировоззрения.

Утверждение гипотетического реализма. Гипотетический реализм – рационально-критическая познавательная установка, согласно которой мир сложнее, чем он нам представляется или может быть дан в научных теориях. Гипотетический реализм оставляет место вере и как философская позиция утверждается мистицизмом, скептицизмом, кантианством, прагматизмом, постпозитивизмом, постмодернизмом. Открытые в квантовой физике принципы неопределенности и дополненности научно подтвердили гипотетический реализм. В современной неклассической и постнеклассической философии принято, что неопределенность и неопределяемость находятся в основании рационального познания. Гипотетический реализм приучает к критическому восприятию реальности и к терпимости по отношению к критике: «Все мы можем ошибаться» (К.Поппер). Гипотетический реализм признает вопросы о природе мира, человека, государства, политики, права и экономики принципиально открытыми. Из открытости этих вопросов следует один очень важный вывод: мы свободны в выборе тех концепций, которые могут быть наилучшими для нашего развития. Таким образом, гипотетический реализм в мировоззренческом плане более выигрышен, чем наивный реализм – он не предписывает, а оставляет свободу выбора. Гипотетический реализм ведет к незнаниевой культуре¹, в которой здесь-и-сейчас индивидуальное познание ценится выше уже готовых «правильных знаний».

Свободный выбор целостной онтологии. Главный выбор, который следует сделать для

модернизации страны – это выбор между аналитическим, разлагающим все на части, а значит, умертвляющим наукоцентризмом (позитивизмом) и синтетическим целостным воззрением, в котором развитие выступает не эпифеноменом, а сущностным свойством и даже целью Вселенной и ее частей/целостностей.

Целостная философия (даосизм; некоторые направления индуизма; синтез античной философии Гераклита, Парменида, Аристотеля, стоицизма; в современности – постнеклассическая наука, концепции голографической вселенной, трансперсональной психологии, синергетика и т.п.) постулирует основания природы, понимание души и духа как оснований человека. Согласно целостным представлениям о мире, в основе изменяющейся Вселенной находится Нечто, как отметили бы Парменид и И.Кант, не воспринимаемое чувствами, но постигаемое умом, называемое Бытием, Богом, Логосом, Брахманом, Высшим сознанием и т.п. В целостном мышлении Вселенная, природа воспринимается не как ньютоновский механизм, а как целостный организм, каждая часть которого представляется как клетки или органы большего организма, причем последние тоже могут быть рассмотрены в качестве организмов в силу их целостной и психической природы.

Целостная метафизика похожа на идеализм, но последний часто уводит в крайности. Например, средневековый христианский идеализм утверждал, что все земное есть суетное и грешное и недостойное внимания человека; кантовский идеализм утверждал примат разума над чувственностью, а гегелевский идеализм – примат целостности над частью, в том числе – государства над индивидом. В отличие от нецелостного идеализма, целостная метафизика утверждает два принципа.

1) принцип тождества причинно-обусловленной реальности и Абсолюта (принцип тождества сансары и нирваны, выражаясь языком буддизма) предписывает, что следует жить не будущим временем (надеждой на рай, счастье в будущем, «золотой век»), а настоящим здесь-и-сейчас моментом.

2) принцип «все в одном и одно во всем» предлагает ситуативное, осознанное и ответственное решение дилеммы «Часть для целого или целое – для части?».

Целостная концепция человека. Все мы, как и весь окружающий мир, представляем собой разные степени актуализации единого психического первоначала. Человек в холизме рассматривается как часть/целое, холон (К.Уилбер) единого развивающегося сознательного универсума. Как

¹«Незнаниевая культура»: производно от знаменитой Сократовой философы «Я знаю только, что ничего не знаю».

и прочие холоны, человеческий холон «тянет быть целым, тянет быть частью, тянет вверх, тянет вниз». «Обретение психикой актуальной формы существования в виде разных видов психической активности и разных уровней ее реализации (психических процессов, состояний и сознания) происходит как порождающий процесс перехода психики из «бытия в возможности» [14, с. 22]. «Тяга к превосхождению себя включена в саму ткань космоса» (К.Уилбер). Все мы представляем разные степени совершенства, причем все мы разные и неповторимые и никто не совершенен абсолютно. Человек рождается с большим потенциалом для развития, у него есть потенциал к самоактуализации (А.Маслоу) и самотрансценденции (В.Франкл).

Сократ учил, что все лучшее в человеке рождается в благой душе. И.А. Ильин отмечал, что душа, будучи связанной с телом, несвободна, но дух – глубинное проявление Абсолюта в душе – свободен. Между душой и духом есть определенные диалектические противоречия, но благодаря медитации проникновения в глубину и культивированию осознанности гармоничность сочетания души и духа, ощущение подлинного счастья и могущества могут возрастать. Дух, или Высшее сознание, можно рассматривать как глубинную силу души, которая может вести душу по пути блага, самосовершенствования. Для познания в себе Высшего сознания метафизик Э.Толле советует обратиться к себе с вопросом: Кто я есть? Здесь некто может последовательно отвечать: Я есть ребенок, школьник, студент, преподаватель, отец, руководитель, пенсионер, умирающий, – все это наши временные я. Кто же есть я настоящий? И тогда возникает естественный ответ: наше подлинное Я есть нечто большее, чем наши разные маленькие, эгоцентричные я, высшее Я есть дух. Благодаря разотождествлению себя с эго и актуализации духовного уровня сознания у нас могут возникать проявления совести, чувства справедливости, сострадания, духовной силы.

Утверждение целостной системы ценностей. Ценности в изменчивом мире подобны очертаниям облаков (Ч.Пирс), но высшая ценность и цель человеческой жизни с точки зрения холизма – это индивидуация (К.Г. Юнг) – раскрытие заложенного универсумом человеческого потенциала, познание в себе высшего начала, достижение состояния единения с высшим уровнем сознания, переживание уникальности себя и одновременно переживание сопричастности семье, обществу, человечеству (гуманизм) и всей Вселенной (трансгуманизм).

Основная задача человека, с точки зрения холизма, состоит в раскрытии своего творческого потенциала. Целостная концепция человека согласуется с неклассической психологией личности (Д.А. Леонтьев), утверждающей переход «от жизнедеятельности к житнетворчеству, от смысловой регуляции к регуляции смыслов, от психологии «изменяющейся личности в изменяющемся мире» – к психологии личности, творящей и изменяющей себя и свой жизненный мир» [8, с. 444]. Вслед за И.Кантом мы говорим, что главной целью антропологических и социальных концепций должно быть максимальное развитие человеческих способностей и талантов. Самоактуализатор – по Маслоу; полноценно функционирующий человек – по Роджерсу; самотрансцендирующий человек – по Франклу; даос, миролюбиво наслаждающийся моментом «здесь-и-сейчас»; буддийский бодхисаттва – все это ориентиры для личностного роста, для того, чтобы становиться все более целостным.

Познавший в себе Бытие, из «бытия в возможности» переходит в форму «бытия в действительности» (по Аристотелю), актуализирует свой человеческий потенциал, находит в своей душе настоящий источник счастья и силы, обретает целостность, миролюбие и свободу от деструктивных внутренних и внешних влияний. Целостный человек не согласится с Сартром, утверждавшем «другие – это ад», он понимает, что люди могут поступать плохо под влиянием их эго – маленького, неистинного «я»; он признает, что на самом деле ад – это следование собственным и чужим «омрачениям» (буддизм).

Повседневные заботы разрывают связь человека с бытием, но у него всегда есть такая возможность достижения целостности как духовная практика, включающая в себя творение добрых дел и медитацию, благодаря которым решается одна из самых благородных задач – создание атмосферы любви внутри и вне себя, творение здорового, гармоничного, находящегося в радости осознанного бытия ума.

Концепция целостного образования.

Утверждение целостных мировоззренчески-ценностных ориентиров в системе образования и в обществе. Необходим пересмотр цели и содержания школьной программы на базе гипотетического реализма и холизма. В изменчивом и все более хрупком мире целью образования должно быть не вбивание зачастую устаревших знаний, а раскрытие личностного потенциала учащегося. Образование должно быть не навязывающим «сверху-вниз», а исходящим из потенциала ребенка «снизу-вверх». Важно не только и не столько обучение готовым знаниям,

сколько способности познающего субъекта оправданно доверять собственному сознанию. Конечно, отечественная и мировая педагогическая мысль (В.Сухомлинский, Дж.Дьюи, К.Роджерс) многое об этом сказала, но господство дискретного мышления в стране практически подавило целостные образовательные системы. В наши дни вдохновляюще могут подействовать современные образцы моделирования целостного типа образования, например, идея самоорганизующихся систем Сугаты Митра (self-organising systems, Sugata Mitra), концепция «я могу-мы можем» Киран Бир Сети («I can – We can», Kiran Bir Sethi) [17], образование как преобразование Дианы Чапман Уолш (Education as Transformation, Diana Chapman Walsh).

Демократический характер образовательной среды. Раскрытие личностного потенциала учащегося как основная цель образования предполагает смену авторитарного характера педагогики на демократический. Человек, как и всякое другое живое существо, лучше всего себя раскрывает при помогающих (Роджерс), добрых, а не подавляющих, отчужденных отношениях.

Распространение эмпирического обучения естественным наукам. Эмпирические методы обучения приводят к тому, что учащийся приучается доверять данным собственного опыта, а не чужим книжным знаниям. Живой опыт гораздо ценнее сухой теории. Поэтически об этом высказался Уолт Уитмен в стихотворении «Когда я слушал ученого астронома»: живое небо гораздо больше вдохновляет, чем небесные карты. И конечно для инновационного развития страны необходимо, чтобы эмпирические методы обучения стали обыденными в преподавании естественнонаучных дисциплин.

Личность имеет значение. Справедливое финансирование учительского труда. В идеале, все учителя должны быть диалогически ориентированными самоактуализаторами, и тогда среди учащихся самоактуализаторами смогут стать не 1-2% предрасположенных по природе к самоактуализации людей, а гораздо больше.

Целостная философия и медитативные практики должны стать неотъемлемыми компонентами образования не только для детей (в адаптированной форме) и студентов, но и для более взрослых людей, нуждающихся в прояснении понимания вещей и в гармонизации сознания. Античный философ-киник Кратет Фивонский сказал: «Философией нужно заниматься до тех пор, пока не поймешь, что нет никакой разницы между вождем войска и погонщиком ослов». Будда бы сказал, что философией и духовной практикой нужно заниматься до тех пор, пока не

постигнешь философию взаимозависимости и пустотности.

Концепция целостной инновационной экономики.

Процессуальный менеджмент. В отличие от механического менеджмента, процессуальный менеджмент органично вписывается в процессуально понимаемый мир. Процессуальный менеджмент ориентирован не столько на готовые решения, сколько на самоактуализаторов, умеющих принимать правильные решения в каждый текущий момент. Это в принципе самоустраивающийся менеджмент даосско-конфуцианского типа, при котором все само собой образуется наилучшим образом, если актеры – благородные мужи и даосские мудрецы.

Подлинное развитие человеческого и социального капиталов. Господство целостного мировоззрения, целостного образования, целостной политики и целостного права, перфекционизм, присущий самоактуализаторской культуре, реальное установление господства права и гражданского общества, учреждение либерально-демократической атмосферы в стране, утверждение принципов свободы, равенства и справедливости, развитие атмосферы доверия – все это является подходящим основанием для развития человеческого и социального капиталов, а значит инновационной экономики постиндустриальной эпохи.

Целостное понимание экономики. С целостной точки зрения, следует вернуться к аристотелевскому пониманию экономики, ориентирующему не столько на приобретение сиюминутной выгоды, сколько на перспективу согласованного развития человечества и природы. Поэтому в целостно понимаемый человеческий капитал следует включать не только способность приносить доход, но и желание и способность Быть в согласии с универсумом, т.е. духовный капитал. Духовный капитал обеспечивает «доступ к нашим глубочайшим смыслам, целям и высоким мотивациям», таким как «существование для», «веры в», «стремление к», «взятие на себя ответственности за» (Д.Зохар). Конечно, духовность далеко не всегда приносит материальный доход, но без нее экономика и люди, как показывают многочисленные экологические катастрофы, становятся нецелостными, деструктивными, а значит, в перспективе они приносят больше убытка, чем прибыли. Стремящаяся к целостности экономика перестает быть варварской и уверенно становится на творческие рельсы осознанности.

Целостная инновационная культура. Целостная философия неизбежно ведет к целостной

культуре, в которой люди, а также образование, экономика, право и другие социальные сферы практикуют осознанность, ответственное отношение к природе и человеку. Здесь стоит привести совет Ю.Хабермаса о распространении культурных салонов, подобных тем, что существовали в эпоху Просвещения. Неформальное духовное общение в группах может быть прекрасным средством для возвращения духовности. Зачатки подобного движения, по-видимому, уже есть. Например, мы слышали, как группа врачей в г.Улан-Удэ однажды собралась на вечер, посвященный Пушкину; каждый при этом подготовил выступление, и вечер получился замечательным. Культура развитого общения, высокой терпимости по отношению к «критическому испытателю культурных предметов» (В.В. Петухов), чуждая авторитаризму, действующему на основании не разумных законов, а произвола, естественным образом способствует инновационному развитию.

Концепция целостной политики и права.

Сильное гражданское общество. Целостная политика должна пониматься не в макиавеллевском понимании как удел власть-имущих по управлению народом, а в аристотелевском духе – как общение свободных людей с целью определения и достижения блага и справедливости. Целостная мировоззренческая позиция определяет главным благом развитие талантов и способностей людей (Кант). Тогда распространяемый и распространенный деструктивный стереотип «политика – грязное дело» может сместиться в общественном сознании к конструктивному пониманию политики как удела свободных людей. Все социальные сферы (не только образование, но и экономика, политика, право, культура и др.) должны готовить способных к политике свободных людей. Свободные люди могут объединиться в гражданское общество – единственный полноценный гарант власти закона. Такая политика содержит потенциал для развития общества. Поэтому политика иерархических механических социальных отношений «управляющие управляют, а остальные не вмешиваются» обеспечивает менее жизнеспособный социальный организм, чем политика либерально-демократического типа, при которой принцип обратной связи обеспечивается развитым гражданским обществом.

Органицистское осознание взаимозависимости социального организма должно подчиняться принципам свободы, равенства и справедливости в социал-либералистском понимании, признающем справедливым (в отличие от либертарианства) вмешательство государства в эконо-

мику, с целью создания условий для реализации человеческих способностей и обеспечения равенства возможностей. Свобода есть необходимое условие для раскрытия потенциала, для продвижения за пределы существующих границ, концепций, возможностей, для утверждения справедливости (Дж.Ролз), развития творчества (Бердяев) и ответственности (Кант). Равенство перед законом и равенство возможностей – есть условия справедливости, а справедливость – «высшая ценность социальных институтов» (Дж.Ролз). В целостном обществе люди имеют основание уважительно относиться друг к другу как к цели, и уровень социального доверия высок. Таким образом, целостному мировоззрению соответствует аристотелевское понимание политики как сферы гражданского общения, с целью определения блага и справедливости. Опирающееся на целостное мировоззрение общество автоматически является гражданским, а государство – правовым.

Сильное государство. Идея сильного государства, пожалуй, такая же древняя, как и само государство, но многие усомнились в необходимости сильного государства в связи с появлением либертарианской, по существу, идеи «государства – ночного сторожа» (идеи «слабого государства»), признающей лишь минимальные налоги ради оставления наибольших доходов гражданам, а значит, для наибольшей их свободы. После 11 сентября 2001 г. Ф.Фукуяма написал и издал книгу «Сильное государство», где обосновал необходимость сильного государства, способного противостоять терроризму, массовым эпидемиям, стихийным бедствиям и т.д. Под сильным государством Фукуяма понимает государство со значительной силой, но с ограниченной сферой влияния [13, с. 36]. И тем не менее в его тексте есть неоднозначность, которая противоречит приведенной концепции и искажает либерально-демократическое представление о государстве: «Построение сильного государства заключается в создании новых правительственных учреждений и укреплении существующих» [13, с. 5]. В России концепция сильного государства приобретает четко выраженные государство-центрические черты. Автор отечественной книги «Сильное государство» [6] А.Д. Керимов выделяет следующие признаки сильного государства: обладание значительным властным потенциалом; достаточно обширная сфера влияния государственно-властных структур; обладание духовной властью, т.е. «властью над умами», привлечение на свою сторону светской и духовной интеллигенции; национальная ориентированность, ответственность и откры-

тость господствующей элиты. А.Д. Керимов представляет государство как некий совершенный институт, где функцией всех граждан должно быть подчинение сильному государству. Такая позиция неправомерна с точки зрения целостной философии: она ведет к превращению человека в средство, а не в цель. Государство может быть сильным только при установлении господства права, последнее достигается либо благодаря сильному гражданскому обществу, либо честной элите. Но, как писал Д.Дидро «Деспот характеризуется объемом власти, а не применением ее. Одним из величайших несчастий для нации были бы два или три последовательных правления справедливых, кротких и просвещенных, но самодержавных государей: благоденствие довело бы народ до полного забвения своих привилегий, до самого беспросветного рабства... Горе тем народам, у которых уничтожили всякую мысль о свободе, хотя бы самыми похвальными по видимости средствами: тем пагубнее эти средства для будущего. В результате люди погружаются в сладкий сон, но в могильном этом сне угасает патриотическое чувство и всякий интерес к вопросам государственного управления. Дайте англичанам три Елизаветы подряд, и англичане будут последними рабами в Европе» [3, с. 439]. И.Кант отмечал, что природа человека подобна кривой тесине, из которой нельзя сделать ничего прямого, и всякий облеченный властью будет стремиться злоупотреблять своей властью. И.Кант убедительно обосновал необходимость гражданского общества, но почему-то в концепции А.Д. Керимова социальные концепции Д.Дидро и И.Канта полностью проигнорированы. Можно сказать, что сильное государство без сильного гражданского общества обладает такой же устойчивостью, как и айсберг, у которого надводная часть тяжелее подводной.

Правовое государство признает нормы поведения, выработанные индивидами в гражданском обществе, и подчиняется им. Право, таким образом, как и все законодательство, становится формой подчинения государства гражданскому обществу, формой ограничения государства в пользу свободы индивида, формой реализации этой свободы. В этом качестве право выступает как само основание государственности, а государство представляет собой правовую форму организации и функционирования власти. Государственная власть основывается на дозаконотворческих и незаконотворческих требованиях права как объективной меры свободы, первичных по отношению к государственной власти и ограничивающих ее поле.

Естественно-правовое мышление. Основной источник права в целостном мировоззрении, признающем принцип «все в одном и одно во всем», не государство и его предписания, а активная, автономная, остро и глубоко осознающая свою естественную, изначальную свободу и стремящаяся во что бы то ни стало ее развернуть, реализовать личность. Таким образом, целостная философия опирается на естественно-правовое мышление, сущность которого, как отмечают авторы современного учебника по философии права, состоит в философской и, прежде всего, нравственной критике права и государства [12, с. 39], а цель – борьба за гуманизацию правопорядка.

Будучи первичным по отношению к государству, а не производным от него, право, следовательно, не может быть отождествлено с законом как со вторичным явлением. Закон является вторичным именно потому, что государство оказывается институцией, не устанавливающей право, а лишь фиксирующей и формулирующей его в законе. Сформулированное в законах право должно соответствовать указанным Аристотелем целям удержания государства в правильной форме и служения мерилом справедливости. Право производно от государства, а государство «устанавливает» право лишь в том смысле, что государство своей силой защищает и гарантирует правоотношения.

Подводя итоги, следует отметить, что главной проблемой современной России является нецелостное мировоззрение, ведущее к отчуждению от глубинного духовного уровня сознания, к деструктивным социальным отношениям (коррупция, несправедливость, преступность, деструктивная экономика и т.д.), к бесперспективной мотивации «потому что» и от этого к бессистемным и поэтому неэффективным способам решения проблем. Для развития человека и общества необходимо переключиться на целостное мировоззрение, утверждающее развитие от бытия-в-возможности к бытию-в-актуальности как сущностное свойство и цель человека и мира. Следует расширить целостное мировоззрение на все сферы человеческой культуры: образование, политику, право, экономику, науку и т.д., для этого, прежде всего, необходимо реформировать государственные образовательные стандарты с целью преобразования дискретного мировоззрения в целостное.

Укорененная в поверхностном пласте безмерного человеческого сознания дискретная культура имеет основания для процветания в течение достаточно неопределенного времени. Но под влиянием целостной философии и осоз-

нения критического состояния нашего существования мы можем взглянуть в глубины собственного сознания и найти там основание для целостной культуры, которая не только не будет рубить корни нашего существования, но и делает его более осознанным и счастливым. В переходе от дискретной культуры к целостной, по видимому, следует обращаться не только и не столько к руководящим структурам, сколько к собственному неравнодушному Я.

Литература

1. Глинчикова А.Г. Кризис индустриальной распределительной модели и перспективы развития информационного общества // Мир России. – 2003. – № 1. – С. 109-120.
2. Гуревич П.С. Расколотость человеческого бытия. – М.: ИФ РАН, 2009.
3. Дидро Д. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1991.
4. Джохадзе И.Д. Демократия после Модерна. – М.: Праксис, 2006.
5. Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. Человеческий капитал в транзитной экономике: формирование, оценка эффективность использования. – СПб.: Наука, 1999.
6. Керимов А.Д. Сильное государство: ответ на вызов современной эпохи. – М.: Nota bene, 2009.
7. Кочаргин Ю.А. Человеческий капитал – что это такое и почему капитал? – [Электронный ресурс]. – <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=3&page=20>.
8. Леонтьев Д.А. Психология смысла. – М.: Смысл, 2007.
9. Ллойд Д. Идея права. – М.: Югона, 2002.
10. Мачеринскене И., Минкуте-Генриксон Р., Симанавичене Ж. Социальный капитал организации: методология исследования. – Социс. – 2006. – № 3. – С. 29-39.

11. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2004.
12. Философия права: учебник / О.Г. Данильян, Л.Д. Байрачная и др.; под ред. О.Г. Данильяна. – М.: Эксмо, 2007.
13. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. – М.: АСТ, 2006.
14. Экопсихологические исследования / К 15-летию лаборатории экпсихологии развития: монографический сборник; под ред. В.И. Панова – М.: изд-во УРАО; СПб.: Нестор-история, 2011.
15. <http://interaffairs.ru/read.php?item=8664>. – [Электронный ресурс].
16. <http://www.youtube.com/watch?v=rOHHUk4ySjs>. – [Электронный ресурс].
17. <http://www.ted.com>. – [Электронный ресурс].

Гомбоева Лидия Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г.Улан-Удэ, e-mail: lida67@mail.ru.
Пристиенский Владимир Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Воронежского института Министерства внутренних дел России, г.Воронеж, e-mail: pvn1563@mail.ru.
Gomboeva Lidia Viktorovna, candidate of philosophical science, associate professor, department of philosophy, Easten-Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, e-mail: lida67@mail.ru.
Pristenskiy Vladimir Nikolayevich, candidate of philosophical science, associate professor, department of social-humanities and economical disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, e-mail: pvn1563@mail.ru.

УДК 159.22.63

© Н.В. Меднис

РЕКРЕАЦИОННАЯ РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ

В статье рассматриваются проблемы старения общества и их решение путем введения философии в систему образования.

Ключевые слова: философия, геронтология, педагогика.

N.V. Mednis

THE RECREATIONAL ROLE OF PHILOSOPHY IN GERONTOLOGICAL ASPECT OF MODERN PEDAGOGY

The article considers the problems of aging of the modern society it is supposed to fix by means of introduction in the education of the subject of philosophy.

Key words: philosophy, gerontology, pedagogy.

Начало XXI тысячелетия принесло человечеству новую проблему стремительно стареющего общества. Долголетие в развитых странах значительно увеличивается. В Германии пожилых людей 14,95% населения, во Франции – 14,5%, в

США – 12,6%, в Японии – 12,55%, а в России – более 20% [6, с. 53].

Эти цифры увеличиваются с каждым годом. Население так называемого «третьего возраста», то есть уже имеющее внуков, очень часто занимает рабочие места наравне не только с детьми,

но и с детьми детей. Информационное общество, предполагающее занятость рабочими местами в сфере информации более 50% населения, дает возможность полностью нейтрализовать мышечный физический перегруз на рабочем месте, что приводит к практически идеальному здоровью при достижении пенсионного возраста; интеллектуальная деятельность и информационная доступность, возможность переобучения в немолодом возрасте практически уравнивают социальные возможности всех трех поколений. Более того, часто старшее поколение находится в более выгодном материальном положении в силу обеспеченности жильем и источниками дохода и часто с интересом продолжает трудовую деятельность. Но достаточно редко можно встретить человека в этом возрасте, который считал бы себя полностью счастливым.

«Наша хозяйственная деятельность едва ли обнадеживает в большей мере. Мы живем в такой экономической системе, где слишком высокий урожай зачастую оказывается экономическим бедствием, – и мы ограничиваем продуктивность сельского хозяйства в целях «стабилизации рынка», хотя миллионы людей остро нуждаются в тех самых продуктах, производство которых мы ограничиваем» [5, с. 8]. «Золотой миллиард» европейцев уже работает не из-за необходимости выживать, а из-за поддержания привычного социально-экономического положения. Достаточно частый случай, когда «третье поколение» ни в чем не желает уступать «второму», и количество зарабатываемых денег имеет значение не в плане удовлетворения материальных запросов, а как некая «статусность» и нежелание выглядеть «старым».

«Существующий сегодня страх перед старостью и смертью является составным элементом неонарциссизма: безразличие к будущим поколениям усиливает страх смерти, в то время как ухудшение условий жизни лиц преклонного возраста и постоянная потребность человека в том, чтобы его ценили, восхищались его красотой и обаянием, делают невыносимой мысль о старости. Из этого следует, что процесс персонализации, систематически выводя за рамки трансцендентальность всяческих явлений, обуславливает существование без цели и смысла, а также без головокружительного воздействия самообольщения. Индивид, запертый в своем «гетто» предназначений, отныне оказывается лицом к лицу с перспективой смерти, не имея никакой «трансцендентальной» поддержки (политической, моральной или религиозной)» [2, с. 94].

Сам термин «старый» на сегодня едва ли не самый оскорбительный в нашем обществе, более того совершенно невежливо даже для второго «поколения» назвать визави его истинный возраст, даже если ему не больше 30-ти. «Хорошими манерами» в случае «третьего возраста» будет уменьшить его лет на десять, а еще лучше на двадцать, если известно, что человек уже пользуется услугами пластической хирургии. Не будет преувеличением назвать одним из самых массовых психозов нашего времени курс на «омоложение», заменивший понятие «оздоровление». Наличие возрастных морщин на лице становится социальным сигналом, что у человека нехватка материальных средств для их удаления. Это результат искусственно заданной социальной ущербности, порожденный коммерцией на рынке пластической хирургии и косметологии.

«Спиноза очень четко сформулировал проблему социально заданной ущербности. Он писал: «...когда скупой ни о чем не думает, кроме наживы и денег, честолюбец – ни о чем, кроме славы, и т.д., то мы не признаем их безумными, так как они обыкновенно тягостны для нас и считаются достойными ненависти. На самом же деле скупость, честолюбие, разврат и т.д. составляют виды сумасшествия, хотя и не причисляются к болезням». Эти слова были написаны несколько столетий тому назад; они и до сих пор верны, хотя в настоящее время различные виды ущербности наперед заданы обществом в такой степени, что обычно уже не вызывают раздражения или презрения» [5, с. 22].

Сейчас современный индивид находится в своеобразной вилке псевдоуспеха «молодость – богатство». Пока молод – торопись разбогатеть, разбогател – покупай «молодость». Человек совершенно не готов смириться с природной цепочкой детство – юность – молодость – зрелость – старость. Последние два звена для него необходимо удалить. Невзирая на доводы рассудка, что ум и интеллект – тоже показатель возраста и выглядеть в 50 лет на 35 аналогично тому, что в 20 выглядеть на 5, то есть быть умственно недоразвитым, он усиленно молодится, дабы удерживать внешнее подобие сексуальности. Люди стремятся казаться счастливыми, выглядеть здоровыми. «Люди не захотели больше верить, потому что они уверили себя, будто вера есть противоразумное, научно несостоятельное и «реакционное» состояние души. Люди отреклись от сердца, потому что им стало казаться, что сердце мешает инстинкту, что оно есть разновидность «глупости» и сентиментальности, что оно подрывает человеческую деловитость и

ставит человека в смешное положение; а «умный» человек больше всего боится показаться смешным; он желает «делать дела» и утверждаться в земной жизни. <...> Голодное самочувствие, тщеславие и честолюбие соединяются здесь с робостью перед «общественным мнением» [1, с. 6].

Популяризация клише молодости и сексуальности ведет к тому, что семейные отношения в большинстве случаев прекращаются, и нередко после сорока лет мужчины стремятся «обновить» семьи с более молодой женщиной, чтобы почувствовать себя более социально уверенными.

«...под влиянием неофеминизма значительно ухудшились отношения между мужчиной и женщиной, поскольку и тот, и другая оставили за бортом умиротворяющие правила галантности. Женщина, с ее сексуальными требованиями и невероятной способностью к многократному оргазму<...> становится в глазах мужчины угрожаящим, пугающим и вызывающим страдания партнером: «Призрак полового бессилия преследует воображение современного мужчины». Согласно последним докладом, эта мужская импотенция будет усиливаться из-за страха перед женщиной и ее свободной от всяких ограничений сексуальностью. <...> Одновременно феминизм вызывает в женщине ненависть к мужчине, приучает ее к мысли, что он ее враг, источник угнетения и разочарований, при этом предъявляя мужчине гораздо больше требований, чем тот способен удовлетворить. В результате взаимные ненависть и упреки превратились в sexual warfare (сексуальную войну), характерную для нашего времени» [2, с. 106]. Здесь очевиден животный атавизм, когда способность к размножению давала возможность стать альфа самцом или альфа самкой. Из понимания человеческой природы исключено, что человек, в отличие от животных, осознает конечность своей жизни и ее закономерную этапность, как благодать. Человек интуитивно, по-животному боится смерти, ассоциируя ее со старостью. «И все же с утвердительным ответом спешить не стоит: старость и смерть качественно разнятся меж собой, они, как это понятно, совсем не суть одно и то же. Старость – этап жизни, бытия человека. Смерть – уход из жизни, погружение в небытие. <...> И если мы убегаем от старости, то не обкрадываем ли самих себя в собственной жизни? Не оказываемся ли в таком случае такими неполноценными людьми, не ощутившими всей полноты жизни? Ведь природой человеку предназначена старость как его естественное состояние, которого он должен достичь.» [3, с. 7].

Как же возможно прекратить этот массовый психоз молодящихся старцев? Мировые религии, веками убеждающие человечество в возможности духовного бессмертия, в настоящее время никоим образом не влияют на общественное сознание по реальному восприятию старения. Понятие «духовности» у современного человека ассоциируется чаще с некоей культурностью – походами в театр, чтением книг. Те, кто разочаровался в этой бесполезной гонке за статусностью, но не привык к духовной работе, становятся жертвами различных сект, где им поднимают самооценку.

Вероятно, единственным выходом может быть введение философского курса в общеобразовательные программы, когда еще с начальных классов человеку будут объясняться не только нормы морали и обучение практическим навыкам, но и представления об основных ценностях жизни, рассчитанные на очень длительный срок. Сейчас, рассматривая ценности, предлагаемые современному школьнику, нельзя не упомянуть написанные более полувека назад слова великого русского философа И.Ильина: «Современный человек, чувствуя, что ему грозит бедность с ее лишениями, и, ослепляясь мнимой мощью капитала, старается как можно больше нажить и как можно меньше утрудить себя. Он гонится за «прибылью», он желает получать и иметь много, но не желает давать со своей стороны. Он хочет жить долго и наслаждаться много» [1, с. 17]. Если современного студента спросить о смысле его жизни, то ответ будет, как правило, следующий: получить образование – сделать карьеру, чтобы обеспечить будущую семью – вырастить и дать образование детям. То есть обычную норму жизни он воспринимает как высшую цель человеческой жизни – не более, чем воспроизведение себя в потомках, что в общем-то ничем не отличается от животного уровня. Осознание себя несколько иным, нежели братья наши меньшие, предлагает русская религиозная философия: «Христианство открывает нам совершенно новые горизонты бытия; оно дополняет видимый земной мир – который мы склонны отождествлять с бытием, с реальностью вообще – указанием на некий невидимый «иной» мир. С точки зрения так называемого здравого смысла это кажется чем-то вроде помешательства, искусственным погружением человеческого духа в прозрачную область снов и фантазий» [4, с. 158].

Современному человеку, несмотря на технический прогресс, до сих пор в большинстве случаев свойственно религиозное мировоззрение либо античного человека – страх перед высшими силами, либо Ренессанса – технические сред-

ства уравнивают с Богом. Он воспринимает мир как систему менеджмента, где он руководитель определенного звена и живет с подсознательным страхом кары свыше за плохие поступки, несмотря на то, что прошли уже сотни и тысячи лет, и пришло понятие богочеловека. «Можно сказать, что христианство впервые полностью раскрыло смысл богоподобия и богосродства человека, постигло всю значительность этой идеи и вытекающие из нее следствия.<...> Это решающее открытие, в конце концов, прямо содержится в центральном догмате христианской веры в Бога как «отца». «Отец» есть не только любящее существо, на покровительство которого мы можем положиться, «Отец» есть именно отец – существо, от которого мы произошли, которому мы сродни, к «дому» которого мы принадлежим и «царство» которого нам уготовано от века» [4, с. 195]. Проблема донесения до человека христианских догм осложнена тем, что в настоящее время авторитет церкви катастрофически падает. Люди не доверяют священникам, видя откровенную коммерциализацию «святого» и нередко недостойное поведение служителей. В большинстве школ родители отказались от изучения какой-либо отдельной религии, выбрав общий курс ознакомления с различными религиями. И, тем не менее, в вере нуждаются не меньше, чем ранее. Эта потребность в духовной жизни используется различными сектами. В последнее время на рынок «духовных услуг» выходят так называемые «ведические» центры, спекулирующие на якобы древних ведических знаниях, имеющие, как правило,

рекламную заставку в виде обучения йоге и здоровому образу жизни. Возможно, популяризация и введение в обязательную программу философского наследия заполнит эту духовную пустоту. Но это должен быть очень адаптированный к восприятию современного ребенка и их родителей подход и особая подготовка преподавателей для воспитания мировоззрения современного индивида. Основная задача – показать еще в начале пути те этапы жизни, которые ребенку предстоит пройти, и объяснить всю важность каждого из них.

Литература

1. Ильин И. Путь к очевидности. – М.: АСТ, 2007. – 221 с.
2. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – 331 с.
3. Рыбакова Н.А. Феномен старости. – М., 2000. – 169 с.
4. Франк С. С нами Бог. – М.: АСТ, 2007. – 380 с.
5. Фромм Э. Здоровое общество / пер с англ. Т.Башкетовой. – М.: АСТ, 2006. – 539 с.
6. Comparative Anomie Research: Hidden Barriers – Hidden Potential for Social Development / P. Atteslander, B. Granshow, J. Western (eds.) / Swiss Academy for Development. – Aldershot; Brookfield, USA; Singapore; Sydney: Ashgate, 1999. – 461 с.

Меднис Наталья Вольдэмаровна, кандидат философских наук, доцент Калининградского государственного технического университета, г.Калининград, e-mail: natalymednis@gmail.com.

Mednis Natalia Voldemarovna, candidate of philosophical science, associate professor, Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, e-mail: natalymednis@gmail.com.

УДК 115+164.02+612.833

© К.С. Мочалов

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В ЗНАКОВОЙ СИСТЕМЕ УСЛОВНОГО РЕФЛЕКСА: МЕХАНИЗМ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ И РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ ЗНАКА-СИГНАЛА

В качестве механизма приведения событий к формату настоящего времени используется принцип симуль-танирования, реализация которого преобразует последовательные процессы, участвующие в формировании условного рефлекса в структуре знака-сигнала в одновременную симультанную «идеализированную» форму. Настоящее время, с одной стороны, симультанно объединяет в знаке-сигнале отдельные «идеализированные» стороны рефлекторной деятельности, придавая им действенную силу; с другой – адекватно разделяет их посредством воплощения на разных уровнях, образованных парадоксальной структурой настоящего времени.

Ключевые слова: знак, сигнал, условный рефлекс, настоящее время, симультанирование, децентрация.

K.S. Mochalov

THE PRESENT IN THE SIGN SYSTEM OF CONDITIONED REFLEX: MECHANISM OF FORMATION AND ITS ROLE IN THE ORGANIZATION OF STRUCTURE OF THE SIGN-SIGNAL

In the formation of the sign-signal's structure of the conditioned reflex the principle of simultaneous perception that transforms successive events into «idealized» form of the present is considered. The present, on the one hand simulta-

neously integrates some «idealized» components of reflex activity, giving them an effective force, on the other separates them by means of embodiment at different levels formed by the paradoxical structure of the present.

Key words: *sign, signal, reflex, the present, simultaneous perception, deceneration.*

Необходимой основой для понимания сущности условно-рефлекторных процессов являются исследования по физиологии высшей нервной деятельности И.П. Павлова [7]. В них раскрывается, как многочисленные агенты действительности превращаются в условные раздражители определенной рефлекторной деятельности, сигнализируя будущие безусловные раздражители как подкрепляющие факторы. Очевидно, что для осуществления будущего подкрепления условные сигналы должны качественно представлять отдельные стороны природы безусловного раздражителя, посредством воплощения определенных его свойств – то есть, по сути, играть роль знаков.

Исходя из наиболее общего понимания знака как явления, отображающего в себе содержание других событий, можно сказать, что условный раздражитель контрастно обнаруживает свою знаковую природу, в первую очередь, выступая заместителем безусловного раздражителя. Например, свет как бы становится заместителем пищи [7].

Становление знаковой системы условного рефлекса представляет собой сложное причинно-следственное изменение взаимоотношений организма и среды [10]. Началом этих изменений является практическое воздействие организма на безусловный раздражитель, вследствие чего «идеализируется» его способность причинять деятельность. Эта способность при овладении раздражителем не исчезает полностью, а «снимается». При формировании условного рефлекса «идеализированные» причиняющие свойства безусловного раздражителя с «конца» деятельности в безусловном рефлексе «перебрасываются» на «начало», становясь основным содержанием знака – условного сигнала. Поэтому в условном рефлексе деятельность регулируется посредством носителя «идеального» – знака; эта деятельность направлена на цель – овладение безусловным раздражителем, превращение его в подкрепление [10].

При этом следует подчеркнуть, что реализация сигнальной функции формирует ответ не на события прошлого, а на события актуальные и значимые для организма. Это события настоящего и будущего времени по достижению подкрепления. Поэтому условный сигнал должен воплощать «прошлый» по природе раздражитель в актуальном формате настоящего времени,

что придает явлениям характер реально воспринимаемых факторов.

В опубликованных ранее работах при рассмотрении становления условных раздражителей как знаков мы использовали принцип так называемого симультирования [6]. Он представляет собой преобразование последовательного (сукцессивного) психического процесса в одновременные (симультианные) целостные психические конструкции настоящего времени. В широком плане этот принцип получил освещение рядом авторов при анализе взаимоотношений временных и пространственных компонентов в структуре образов [2, с. 5].

Вопрос о взаимоотношениях пространственных и временных компонентов в психических конструкциях непосредственно стыкуется с философскими представлениями о единстве проявления времени и пространства.

Характеристика вещей во времени, в их непрерывном становлении и постоянной текучести, в частности в воззрениях Гераклита, еще во времена античности подготавливала основу для вопроса о возможностях познания, в первую очередь органами чувств. Как можно правильно постигать мир, если в нем все постоянно ускользает и становится другим, увлекаемое «гераклитовым потоком»? В этой связи, как хорошо известно, в философии Платона познанием истинного и неизменного, неподвластного времени являются идеи в противовес неустойчивым и постоянно изменяющимся вещам.

Отсюда можно видеть, что для осуществления полноценного процесса познания вещи и отображаемые знаками объекты должны иметь не перетекающую, а однозначную, в определенном смысле инвариантную временную характеристику. В этой связи должны быть и определенные механизмы, которые как бы «останавливали», «кристаллизовали» временную динамику.

Структурами, которые способны фиксировать одномоментно результат временных изменений, являются, прежде всего, пространственные конфигурации, в которых осуществляется «схватывание» временной текучести в устойчивое состояние. Следовательно, осуществляется и переход, трансформация временных величин в величины пространственные. В частности, А.Бергсон пишет: «...устанавливая порядок в последовательности, мы тем самым превращаем ее в одновременность и проецируем в пространство» [1, с. 94].

Наиболее детальную разработку принцип симультанирования получил в работах Л.М. Веккера. Процесс формирования любого психического образа (зрительного, слухового и др.) в его концепции представляет собой эффект перехода временного ряда в целостно-пространственную симультанную структуру [2]. В частности, это положение выразительно демонстрируют эксперименты по пассивному осязанию, в которых контур воспринимаемого предмета последовательно обводится по соответствующему участку кожной поверхности испытуемого. При этом возникает «...временной ряд последовательно нанизываемых друг на друга элементарных тактильных ощущений», траектория перемещения которых преобразуется в поверхность или контур пространственных объектов [2, с. 535].

По Л.М. Веккеру переход временных компонентов в пространственные первоначально опосредствуется формированием временной симультанности, которая затем трансформируется в симультанность пространственную. К этому должны существовать определенные предпосылки. Они могут быть выяснены из исследования самого феномена психологического времени, природа которого в высшей степени обнаруживает свою парадоксальность.

Так, если в физическом времени последовательно развертывающиеся процессы исключают одновременность (то, что последовательно – не одновременно), то в субъективном времени параметры последовательности, длительности и одновременности формируют единую комбинацию [2].

В некоторых философских работах указанные черты парадоксальности феномена времени определяются, в первую очередь, в представлениях о так называемом «кажущемся», психологическом настоящем. В соответствии с ними субъективное настоящее – это не математическая точка, а целостно-непрерывный участок, в который включаются и прошлое и будущее.

В теоретическом отношении истоки такого понимания уже имеются во взглядах Аристотеля. Суть рассматриваемого настоящего ясно определяется в сравнении Дж. Уитроу времени сознательного опыта с движущейся линией, в которой восприятие изменения хотя и обнаруживается в виде последовательности событий, но также требует в нашем сознании их одновременного присутствия [9]. Экспериментальным подтверждением парадоксальности настоящего времени являются, в частности, опыты В. Вундта с применением метронома. В них констатирована способность к осознанию определенного чис-

ла последовательных ударов как данных целиком [3].

Необходимым условием для превращения последовательных событий в одновременные является объединение их в пределах временного ряда, распространяющимся на него диапазоном настоящего. Например, для осуществления процесса симультанирования в выше указанных опытах по формированию тактильных образов [2] необходимо, чтобы на момент окончания последовательного перемещения элементов контура предмета все предыдущие последовательные взаимодействия удерживались в едином временном ряду.

После рассмотрения сути принципа симультанирования и парадоксальных черт настоящего времени изложим основные положения нашей гипотезы.

Восприятие новых стимулов небезразлично для организма, оно вызывает ориентировочный рефлекс «что такое?», по терминологии И.П. Павлова [7]. Он заключается в системном психофизиологическом ответе, который экстренно исключает текущие виды деятельности и в поведенческом отношении проявляется в сосредоточении восприятия на стимуле. Животное при этом поворачивается к раздражителю, принимает характерную позу, настраивает органы чувств с целью выяснения и оценки значимости воздействующего явления. По нашему предположению, в момент подачи индифферентного раздражителя в психическом плане организуется ось настоящего времени определенной длительности. Если далее следует безусловный раздражитель, то ось настоящего, точкой отсчета которой является индифферентный раздражитель, распространяется и на момент подачи безусловного раздражителя. Таким образом, взаимодействие условного и безусловного раздражителей охватывается сферой целостно-непрерывного настоящего времени. Реализация механизмов овладения безусловным раздражителем раскрывает его природу: определяются и «идеализируются», в первую очередь, свойства раздражителя как причины и цели деятельности. Однако в сферу овладения безусловным раздражителем, которая охватывается участком настоящего, теперь включаются не только стандартные средства, но и события, предшествующие ему, – действие индифферентного раздражителя и новые формы инструментальных реакций. По ходу достижения подкрепления успешные – последовательные реальные события «снимаются» и трансформируются в «идеальную» единую одновременную – симультанную интеграцию и «перекидываются» в знак – сигнал. При актуа-

лизации знака-сигнала, его «идеализированное» содержание выступает в формате настоящего времени, и реализует весь комплекс поведенческих реакций по достижению будущего подкрепления.

Этапы, которые предшествуют и способствуют достижению подкрепления, превращают индифферентный раздражитель в знак-сигнал. Знак-сигнал становится носителем преобразованных во времени событий – в симультанном виде, заключая «историю» формирования условной связи.

В системе взглядов Л.М. Веккера, принцип временных преобразований и его основа в виде парадоксальной организации психологического времени пронизывают общей закономерностью всю иерархию явлений психической реальности, начиная от элементарного уровня ощущения до высших сфер мышления и интеллекта. Осуществляющиеся на каждом уровне временно-пространственные преобразования приводят к повышению адекватности и объективности отображаемых объектов. Применительно к этой мысли Л.М. Веккером анализируется эмпирико-теоретический материал школы Ж.Пиаже и в особенности его представление об эгоцентризме допонятийного мышления [2].

Эгоцентризм заключается в фиксированности, «привязанности» отображения свойств и отношений к системе отсчета, начало которой находится в самом субъекте. Явление эгоцентризма находит выражение в преобладании своей собственной точки зрения и игнорировании других точек зрения, что самим человеком не замечается. В частности, ребенок правильно указывает на свою правую руку, однако путает отношения, если смотрит на стоящего напротив партнера, поскольку не способен встать на другую точку зрения. В эгоцентричной системе из-за отсутствия сознания своей субъективности мысль центрируется на актуальном объекте только в определенном отношении, отдельном аспекте; она приближается к реальности в перцептивной видимости, находясь во власти непосредственного опыта [8]. К примеру, детям на этом уровне умственного развития кажется, что при переливании жидкости из сосуда одной формы в сосуд другой формы (например, более широкий) изменяется ее объем, чего на самом деле нет. Так происходит потому, что у этих детей в предпонятиях отсутствует согласованность инвариантных и вариативных компонентов познавательного объекта и в общем плане нет согласования родовых и видовых признаков. В зрелой же понятийной структуре при воплощении уровней разной обобщенности – как мини-

мум двух: родового и видового – осуществляется их адекватное разведение (разделение), но в то же время они удерживаются вместе, поскольку находятся в единой временной интеграции. Само разведение возникает в результате преобразования системы отсчета как следствия временно-пространственных трансформаций [2]. Это преобразование системы отсчета, так называемая «децентрация» ведет к формированию более общей и универсальной системы. Она складывается в результате развития, в котором осуществляется последовательный переход от одной субъективной позиции к другой. Проходя ряд последовательных смен позиций, индивид «децентрирует» свое Я посредством координации точек зрения от разных индивидов и формирует независимость от каждой из них. В результате образуется «группировка» всех действующих отношений, которая по своей природе представляет координацию точек зрения, координацию наблюдателей [8]. В более общей и более «децентрированной» объективной системе точки предыдущей системы отсчета, в первую очередь и собственной, понижаются рангом и становятся более частным – вариативным уровнем, чем достигается полнота инвариантности отображения. Так, в зрелой мысли объем жидкости представляет собой род-инвариант, а его форма – является вариативной видовой характеристикой в пределах общего родового инварианта [2].

Отметим, что временно-пространственные преобразования создают общность определенных черт организации разных уровней психической иерархии. Л.М. Веккер проводит следующую аналогию. Отображение объекта на перцептивном уровне (восприятие) обеспечивает инвариантное воспроизведение внутренней структуры образа. Например, расстояние между точками самого объекта остается постоянным при смене расстояний между объектом и началом координат. В понятийном мыслительном отображении имеет место нечто аналогичное: адекватная разведенность родовых и видовых признаков образует инвариантное «расстояние», «пространство» между ними как разнообобщенными признаками одного и того же объекта [2].

С учетом этих представлений обратимся теперь к анализу знаковой системы условного рефлекса и роли настоящего времени в координации разных аспектов достижения подкрепления.

Основным фондом образования условных рефлексов, как известно, являются безусловные рефлексы. Безусловные рефлексы вызываются строго установленными раздражителями опре-

деленных анализаторных систем и реализуют строгим образом исполнительные реакции. В связи с этим, безусловно-рефлекторная деятельность имеет четко очерченный и достаточно ограниченный диапазон, в котором рефлекс может быть осуществим. Организм здесь заключен в рамки «узкой» необходимости, которую он вынужден осуществлять. Так, усвоение пищи возможно только при соприкосновении с ротовой полостью животного. Аналогично и защитная реакция возникает только при контактном взаимодействии с болезнетворными раздражителями.

Существенным моментом при характеристике результатов рефлекторной деятельности является способность к достижению подкрепления – то есть адекватного и полного усвоения объекта. Важно отметить, что в безусловных рефлексах зачастую подкрепление остается лишь в возможности. К примеру, контактное болезнетворное раздражение (удар током, воздействие кислоты и др.) вызывает защитную реакцию, однако не освобождает организм от непосредственного физического взаимодействия с повреждающим фактором. Осуществляемая организмом необходимость здесь не позволяет адекватно усваивать объект.

Можно предположить, что взаимодействие с безусловным раздражителем осуществляется в «центрированной» системе, жестко «привязанной» к субъективному началу координат. Для достижения действительности подкрепления необходим выход за пределы безусловно-рефлекторной системы в «децентрированную» систему отсчета условного рефлекса. Формирование же новой системы отсчета по своей сути представляет собой процессы «оборачивания» отношений.

Широко известно, что когда животное оказывается в экспериментальной комнате по выработке пищевых условных рефлексов, сначала вся окружающая обстановка вызывает у нее слюноотделение. Это и есть первый пункт в «децентрации» – смещении начала координат от точки непосредственного взаимодействия к моменту регуляции опосредованной – «снятой» формой раздражителя. Совершаемые события являются следствием «перебрасывания» идеализированных свойств от прошлого раздражителя к началу деятельности, которые «вбираются» в систему знаковых раздражителей обстановки. Деятельность же, вызываемая этими раздражителями, «оборачивается» на достижение будущего подкрепления.

Вместе с тем, дальнейшее формирование этой новой – «децентрированной» знаковой сис-

темы, реализуемое «оборачиванием», характеризуется определенными этапами, которые включают в себя обратимое перемещение по диапазону: возможность-действительность подкрепления.

Для этого, в первую очередь, должны быть посредством сигнала упразднены отношения «узкой» необходимости как положительной, так и отрицательной безусловно-рефлекторной деятельности. Сначала действительность подкрепления определенной полноты, которая характерна для безусловного рефлекса, «редуцируется» до возможности. Так, поведение животного в вышеприведенных условиях обстановки представляет этап, в котором достижение действительного предметно определенного подкрепления может отсутствовать – что олицетворяет только возможность, если эти условия непосредственно не подкрепляются (пища не дается просто в условиях комнаты). Иными словами, причина и цель рефлекса существуют здесь как отдельные моменты, не объединенные динамической связью. Однако реализация механизмов, исходящих из «начала» «децентрированных» координат – знаковых явлений обстановки, мотивирует включение новых инструментально-эффекторных звеньев. Например, выполнение определенного движения животного, сопровождаемого подачей пищи, вырабатывает инструментальный условный рефлекс. В нем возможность превращается в предметно определенное полноценное подкрепление. А это имеет место только благодаря становлению новой необходимости.

Таким образом, отношения в безусловном рефлексе, регулируемые непосредственной необходимостью, трансформируются в необходимость, осуществляемую опосредованной – «снятой» формой раздражителя. Эти события сопровождаются первоначальным переходом действительности в возможность, а затем воссозданием необходимости, но уже на новом уровне. Возможность выступает как бы центральным пунктом «шарнира», который поворачивает события прошлого в сторону достижения будущего подкрепления. Этот пункт первым закладывается в знаке и выступает основой для формирования начала системы отсчета «децентрированной» системы координат. Посредством дальнейшего «оборачивания» осуществляется возврат к действительности, в которой достигается полнота подкрепления.

Конструирование опосредованной связи организма со средой в общем виде позволяет освободиться организм от жестких ограничений предыдущей системы отсчета (в первую оче-

редь, безусловно-рефлекторной) и осуществлять возврат к необходимости в качественно новом формате ее осуществления. В опосредованной связи с раздражителями, упразднив прошлые «узкие» рамки, организм получает способность не просто вернуться к действительности, но и получить более полный и широкий доступ к подкреплению. Одновременно в опосредствованной форме взаимодействия с помощью знака животному организму необходимо «вернуться» к взаимодействию с определенными сторонами действительности так, как будто они выступают непосредственно, являются инвариантными при изменении условий.

В этой связи важной проблемой является выяснение того, какие стороны взаимодействия от безусловно-рефлекторных процессов остаются неизменными, а какие подвергаются широкой вариации в знаковой координационной системе.

В процессе «идеализации» происходит освобождение причиняющей способности от вещественно-материального бытия естественного носителя – безусловно-раздражителя. Причиняющая способность при «снятии» как бы унифицируется и поэтому может быть воплощена в огромное множество новых носителей – знаков. Сама форма носителя, которая была обязательной и инвариантной в безусловном рефлексе, превращается в вариативную частную характеристику в условном рефлексе.

Такое положение является необходимым для формирования новых координационных систем. Поскольку эти системы должны приспособлять животное к новым условиям, то и «начала» их точек отсчета в виде знаков должны изменяться, будучи элементами этих условий. В этом и находит выражение известная мысль И.П. Павлова о переменной сигнализации условно-рефлекторной деятельности [7].

С «идеализацией» безусловно-раздражителя появляется определенного рода «свобода» не только чувственного, но и двигательного компонента рефлекса. Ведь способность к усвоению объекта в новых условиях напрямую зависит от пластичности исполнительных, эффекторных механизмов. Исполнительный компонент в условном рефлексе приобретает чрезвычайную пластичность: он может не только изменяться по интенсивности, но и по направлению, то есть вызывать эффекты противоположные безусловно-рефлекторным.

Например, в исследованиях [12] показано что, в условном рефлексе с минимальным предъявлением безусловно-раздражителя – удар тока – условный раздражитель вызывает усиление сердечных сокращений, аналогично

безусловно-рефлекторной реакции. Однако при длительной выработке связи условный раздражитель начинает замедлять сердечный ритм. Ясно, что длительное действие тока как безусловно-раздражитель идет вразрез оптимальной регуляции функций организма. Это действие компенсируется противоположной реакцией, вызываемой «идеализированным» раздражителем, представленным в знаке-сигнале.

Будучи единственно возможной (инвариантной для достижения подкрепления) в безусловно-рефлекторной деятельности, исполнительная реакция, переходя в новую систему координат в структуре знака, понижает свой ранг общности, превращаясь в вариативный компонент.

Такой же порядок отношений демонстрируют опыты Мак-Ферлана, в которых освоение лабиринтной задачи предполагает переход от бега к плаванию [11]. Важно отметить, что организация движений ног при беге и плавании совершенно различна. Следовательно, для достижения подкрепления необходимо варьировать двигательный компонент сообразно возникающим обстоятельствам.

Итак, можно видеть, что форма носителя и исполнительные компоненты, будучи фиксированы в безусловном рефлексе, «идеализируясь», в более общей «децентрированной» системе переходят на частный уровень и приобретают способность к широкой вариации.

Для того чтобы реализация одной и той же деятельности была возможна при разных условиях и осуществлялась разными знаковыми единицами, она должна сохранять свою качественную своеобразность. Вместе со становлением гибких компонентов предполагается и сохранение в знаке инвариантно воспроизводимых сторон объекта, которые должны быть «пригодны» одновременно к широкому кругу новых обстоятельств. Сама инвариантность, независимость от условий как раз заключается в том, что раздражитель оказывается действенным при разнообразных условиях. С учетом этого при разных уровнях опосредствованности для осуществления новой необходимости определенные стороны воплощенного в структуре знака раздражителя должны быть представлены как бы непосредственно. Здесь важно то, что не только параметры самих объектов, но и связанные с ними закономерности, имеющие место в прошлом, должны быть правомерно отнесены к настоящему и спроецированы на будущее.

С учетом сказанного необходимо, чтобы рост иерархии рефлекторных процессов сопровождался инвариантным переносом свойств раздражителя из одних систем координат в другие –

более сложные и общие – без потери действенной силы раздражителя. Этот перенос предполагает сохранение в инвариантном виде временной характеристики раздражителя. Преобразование системы отсчета при становлении условного знака-сигнала «снимает» начало координат прошлой системы безусловного рефлекса. «Снятие» упраздняет жесткие безусловно-рефлекторные механизмы, но сохраняет отдельные качественно определенные их черты. Сохранение этих черт в актуальной и действующей силе в новом десубъективизированном, «децентрированном» начале координат – в знаке – требует их воплощения в настоящем времени.

Механизмом, в котором находит выражение принцип «снятия», позволяющим переносить события из одной системы координат в другую – в инвариантной действенной характеристике, по нашему мнению, выступает симультированное прошлых событий в актуальный формат настоящего времени.

Г.В.Ф. Гегель отмечал, что при переходе к ступени представления созерцание сохраняется в актуальном виде: «оно в нем снято, – не исчезло, не есть нечто только прошедшее». И это верно выражается в языке: «я это видел (*ich habe Dies gesehen* – имею это виденным)» [4, с. 253]. В этих словах выражается не только прошедшее, но вместе с тем и настоящее. Прошедшее здесь относительно. Оно имеет место при сравнении непосредственного текущего созерцания с тем, что мы имеем в представлении сейчас. В прошедшем совершенном слове *haben* (иметь) содержится прямое указание на настоящее: не только имел, но и продолжаю иметь в настоящем [4, с. 253]. Переход к ступени представления благодаря трансформациям времени формирует новую интеграцию настоящего времени в парадоксальной комбинации последовательности и одновременности.

Теперь следует указать, какие характеристики объекта сохраняются инвариантно при трансформации времени в знаковой системе условного рефлекса. Ими являются, прежде всего, причиняющая способность раздражителя и цель рефлекса – овладение ситуацией, достижение подкрепления. Именно от причины к цели «протягивается» инвариантная связь, которая образует качественно определенную архитектуру поведенческого рефлекторного акта. Сама форма выражения причиняющей способности и способы достижения подкрепления могут быть различными, то есть имеют вариативный характер.

Кроме того, важнейшим инвариантным компонентом структуры сигнала, на котором бази-

руется деятельность, не меняющимся при росте опосредованности (росте систем), является чувство реальности существования определенных объектов, факторов, раздражителей. При актуализации сигнала, животное отвечает не только на будущую пищу в кормушке, но и на существующую в ней сейчас пищу, хотя сам момент непосредственного взаимодействия с пищей отсутствует.

Черты безусловного раздражителя, качественно определяющие архитектуру рефлекторного акта, при преобразовании системы координат должны сохраняться инвариантно и выступать мотивирующей силой, то есть осуществляться в настоящем времени. Перенос же других сторон безусловно-рефлекторной деятельности – формы носителя исполнительных реакций, может сопровождаться их вариативными изменениями. Однако и они должны быть актуальными и действующими компонентами в новой координационной системе знака, то есть также воплощенными в формат настоящего времени. Отсюда следует, что инвариантные и вариативные компоненты, будучи трансформированы в единое настоящее время, должны быть и разграничены в нем.

Само разведение инвариантных и вариативных признаков в структуре знака-сигнала обеспечивается парадоксальными свойствами настоящего времени. Настоящее время представляет собой не точку, в которую «стягиваются» события при симультировании, а образует развернутую временную конфигурацию, в которой события удерживаются в сочетании одновременности и последовательности. Благодаря этому, в знаке события соотносятся с разными участками настоящего времени, образующими уровни: инвариантными и частными вариативными, которые как бы разделяются определенным «расстоянием» друг от друга. В то же время эти уровни представляют собой единое целое, поскольку пролегают в единой плоскости настоящего времени.

Роль настоящего времени в знаке, таким образом, состоит не только в том, что оно интегрирует события в отношениях симультированной одновременности, но и адекватно разводит их, относя к разным участкам последовательности своей структуры.

Аналогично тому, как родовые характеристики в понятии находят свое осуществление в конкретных видовых, так и при актуализации знака-сигнала общий инвариантный уровень находит свое выражение посредством частных механизмов, соответственно имеющимся условиям. Этим достигается гибкость и «свобода» реалии-

зации условно-рефлекторной деятельности. Ее знак – условный сигнал – это не элементарное явление, не просто стимул, а сложное образование, в структуре которого отображено достижение подкрепления разными уровнями, но в функциональном единстве, обеспеченном связью настоящего времени. И если в психических когнитивных актах временно-пространственные преобразования приводят к осуществлению полноты инвариантности отображения (перцептивного, мыслительного), то со становлением знака в условно-рефлекторной деятельности осуществляется полнота достижения подкрепления при вариативности условий.

Литература

1. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания: в 4 т. Т.1. – М., 1992.
2. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М., 2000.
3. Вундт В. Введение в психологию. – М., 2007.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия духа. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т.3. – М., 1956.
5. Ломов Б.Ф. Проблема образа в психологии // Вестник РАН. – 1985. – № 6.

6. Мочалов К.С. Временные преобразования в ходе становления и функционирования знаковых систем, обеспечивающих организацию деятельности // В мире научных открытий. – 2011. – № 9.4.

7. Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. – М., 1973.

8. Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб., 2003.

9. Уитроу Дж. Естественная философия времени. – М., 2003.

10. Шингаров Г.Х. Условный рефлекс и проблема знака и значения. – М., 1978.

11. Macfarlane D.A. The role of kinesthesia in maze learning // University of California Publications in Psychology. – 1930, V.4.

12. Obrist P.A., Webb R. A., Sutterer J. R., Howard J. L. Cardiac deceleration and reaction time: An evaluation of two hypotheses // Psychophysiology. – 1970, V.6.

Мочалов Константин Сергеевич, кандидат биологических наук, соискатель кафедры философии Современной гуманитарной академии, г.Москва, e-mail: kostja_mochalov@mail.ru.

Mochalov Konstantin Sergeevich, candidate of biological science, competitor, department of philosophy, Modern Academy for the Humanities, Moscow, e-mail: kostja_mochalov@mail.ru.

УДК 316.4

© М.В. Чуркина

СТРАХ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Статья посвящена рассмотрению основных концепций страха. Особое внимание автор обращает на социокультурные детерминанты социального кризиса, где причины, суть и последствия исследуются на примере цивилизации, культуры, власти.

Ключевые слова: страх, социальный страх, кризис, культура, цивилизации, катастрофы.

M.V. Churkina

FEAR AS SOCIOCULTURAL PHENOMENON OF HUMAN LIFE AND SOCIETY

The article deals with the basic concepts of fear, aimed at studying the social crisis and a crisis of consciousness studies. Particular attention is paid to social and cultural determinants of the crisis, where the causes are and the impact of the crises studied by looking at the civilization, culture, and government.

Key words: fear, social fear, the crisis, culture, civilization, disaster.

Реформы, происходящие в российском обществе, вместе с позитивными переменами в социально-политической и экономической сферах вызвали немаловажные изменения в привычном укладе жизни большого числа людей, иерархической структуре и системе ценностей, затронув базисные потребности человека. Сложности переходного периода, проблемы и трудности развития современного общества поставили в очень тяжелое положение большую часть населения. Так, недостаточная защищенность населения от негативных явлений порождает у многих тревоги, опасения и страхи за свое будущее. Существ-

венно увеличиваются различные дезадаптивные расстройства, среди которых страх занимает преобладающее место.

Страх служил объектом изучения многих наук на протяжении веков, и большинство проблем не потеряло свою актуальность и в наши дни. Несмотря на огромные технические достижения, растет количество экологических катастроф, возникают новые риски и угрозы. Существующие достижения научной рефлексии о природе страха, его функциях, свойствах и особенностях ставят вопрос о его социокультурной обусловленности, основывающейся на ценност-

ных и смысловых ориентирах, которые заданы в данном обществе.

В качестве феномена культуры страх определяется через связь с категориями «ценность» и «норма». Видение опасности в человеческом сознании, по мнению О.С. Фроловой, преломляется через символический мир, основу которого составляет система ценностей. Страх для человека выступает как беспокойство, связанное с угрозой некоторым ценностям и нормам, значимым для индивида. Человек встраивает страх в систему норм и ценностей, управляет им и с его помощью. При этом страх выполняет в культуре ряд функций, где основной является поддержание норм культуры, заключающееся в том, что человек выстраивает жизнь, исходя из чувства страха, таким образом, чтобы социум мог существовать и стабильно развиваться. Страх позволяет увидеть опасность и вовремя среагировать на нее, активизирует к действиям для изменения и регулирования ситуации. В культуре осуществляется процесс «приручения» страхов, поиски высших ценностей, идеалов и целей, которые могли бы дать людям возможность преодоления чувства опасности, нестабильности и трудностей жизни.

Все культурологические работы XIX-XX веков, затрагивающие проблемы кризиса культуры, социальных кризисов и изучений кризисного сознания, затрагивают вопрос об эмоциональном настроении в ситуации кризиса ценностных основ, и страх рассматривается в качестве первостепенного состояния.

В социологии проблематика социальных страхов возникла и получила свое развитие в рамках исследования социальных кризисов и изучений кризисного сознания. Содержание социальных кризисов рассматривались с начала XX века. Причины, суть, динамика и последствия кризисов исследовались на примерах цивилизации, культуры, власти. Одним из первых, кто анализировал феномен кризиса в культуре, был Освальд Шпенглер. В своей работе «Закат Европы» Шпенглер рассматривает цивилизацию как завершение культуры, при этом культура зарождается в тот момент, когда из первобытно-душевного состояния человечества пробуждается и выделяется великая душа, «некий образ из безобразного, ограниченное и преходящее из безграничного и пребывающего» [4, с. 171]. Культура умирает после того, как эта душа осуществит все свои возможности в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств и наук и, таким образом, вновь возвратится в первичную душевную стихию. Под культурой Шпенглер понимает внешнее проявление души народа,

которая существует несколько веков, постоянно совершенствуясь и борясь за утверждение идеи против хаоса и бессознательности. Цивилизация, по мнению ученого, последняя, заключительная стадия существования любой культуры, когда возникает огромное скопление людей в больших городах, развивается техника, идет деградация искусства, народ превращается в «безликую массу». Цивилизация, считает Шпенглер, – это эпоха духовного упадка. Идея противопоставления культуры и цивилизации является основной в работах Шпенглера. Культура, по словам Шпенглера, могущественное творчество созревающей души, расцвет высокого искусства, а цивилизация это умирание творящих энергий в душе, неизбежная форма смерти искоренившейся культуры. Шпенглер выделяет восемь культур: египетскую, индийскую, вавилонскую, китайскую, греко-римскую, византийско-арабскую, западноевропейскую, культуру майя и предсказывает рождение и расцвет русской культуры. Культура, по словам Шпенглера, имеет свои формы, такие как: народ, язык, эпоха, государство, искусство, наука, право, религия, мировоззрение, хозяйство. Чувство страха в разных культурах принимает разнообразные формы. Так, для первобытного человека наступает момент знакомого внутреннего переживания, рождения своего я, когда он получает способность постигать феномен чисел и приобретает представление о внешнем мире по отношению к своему я. Полнота и блаженство внутреннего становления влечет за собой тоскующее стремление, и вместе с тем является и чувством страха каждой души. «Как всякое становление имеет своей целью ставшее, в чем и находит свой конец, так прачувство становления, тоскующее стремление, уже соприкасается с чувством завершения, со страхом» [4, с. 138]. Постоянная боязнь, священный трепет, абсолютная беспомощность, тоска, ненависть, неопределенные желания близости, соединения, удаления – все это ведет к безнадежной неуверенности.

Немецкий философ и социолог Г. Зиммель описывает концепцию кризиса европейской культуры через философию жизни. Жизнь порождает новые культурные формы, которые, в свою очередь, начинают играть самостоятельную роль, противостоя вечно текущей и видоизменяющейся жизни. Постепенно культурные формы «застывают», тем самым перекрывая поток жизни, в таком случае уничтожаются ею и заменяются новыми формами. В этом процессе осуществляется множество конфликтов, сюда можно отнести конфликты содержания и формы, «души» и «духа», «субъективной» и «объек-

тивной» культуры. Эта борьба и зарождает противоречия культуры, ее трагедию. Жизнь, по Зиммелю, состоит из действий и созиданий. «Связанные с этим разорванность и сомнительность достигают своей высшей точки из-за того обстоятельства, что ряд средств для наших конечных целей, «техника» в широком смысле, беспрерывно удлиняется и уплотняется» [3, с. 488]. Стремительные жизненные перемены социальных, моральных, религиозных устоев и ценностных представлений рождали в массе населения чувство нерешительности, неуверенности, потери ориентации, вызывали эмоции страха и ощущение приближающейся опасности. Громадный, насыщенный и экстенсивный рост нашей техники вовлекает человечество в сеть средств, которые все больше и больше отдаляют нас от наших истинных конечных целей. Быстрорастущая гонка и жажда наслаждений современной действительности являются проявлением и результатом реакции, вызванной тем, что личных ценностей ищут в той сфере, в которой их вообще не бывает. К примеру, успехи в технике прямо оцениваются как успехи в области культуры, методы в области духа часто рассматриваются как нечто святое и считаются более существенными, чем содержания и их результаты, а жажда денег значительно превосходит жажду вещей, способом приобретения которых они являются.

Альфред Вебер различает развитие культуры и цивилизации. В процессе цивилизации существует развитие, хотя и зависящее от исторических закономерностей, «идуший через всю человеческую историю единый процесс прояснения, который ведет к определенной цели, к общему прояснению предсуществующего» [1, с. 24]. Альфред Вебер объясняет развитие культуры взрывами продуктивности, создающими нечто совершенно новое, грандиозное, особенное, ни с чем несравнимое создание. Это мир идей, символов, мифов, он индивидуален, неповторим по своей сущности. Поле деятельности культуры развивается по непредвиденным и особым путям и включает в себя распространение творческой воли, связывающей людей с вечными началами мирового существования.

Так же, как и Зиммель, Вебер считал, что наряду со значительным достоинством технических и интеллектуальных достижений мира, усиленным развитием новых возможностей и форм деятельности, обнаруживается напряженная обстановка жизненного пространства, проявляется это в резком росте недовольства, конфликтности в обществе, тревожности и страхе, а также стрессогенности отношений. Тем не менее,

Вебер видел возможность преодоления кризиса европейской культуры. Прежде всего, следует перейти «из грязи и закостенелости, болезней и безнадежности в новый мир, которому принадлежит будущее» [1, с. 176]. Несмотря на то, что идет повсеместное приобщение к европейским знаниям и умениям, а также к европейским идеям, что вызывает к жизни движение, которое является центральным для будущего развития мира, развитие в духовной области означает сосредоточение на существующих расовых, исторических и географических особенностях и содержании своей самобытности. Оно в свою очередь ведет к стремлению возродиться. Духовное начало, по мнению Вебера, во всем своеобразии его проявлений повсюду постепенно снова одержит верх над механистическим материализмом и стремящимся к всеобщей унификации техницизмом современной европейской культуры.

Знаменитый нидерландский историк Йохан Хейзинга отмечает, что разложение культуры стало прогрессировать совсем недавно, всему этому послужил экономический кризис, поэтому мир сейчас живет в ожидании катастроф. Несмотря на это, человечество стремится сообщать трудиться над сохранением, а также совершенствованием культуры и земного благополучия. «Если эта цивилизация будет спасена, если она не потонет в веках варварства, но, сохранив свои высшие ценности, доставшиеся ей по наследству, перейдет в обновленное и более прочное состояние, тогда совершенно необходимо, чтобы ныне живущие отдавали себе отчет в том, насколько далеко зашла угрожающая этой цивилизации порча» [6, с. 244-245].

Суммируя свой обзор болезней культуры, Хейзинга отмечает, что переживаемые культурой катаклизмы можно обозначить как ее «варваризацию». Под «варваризацией» Хейзинга понимает культурный процесс, в ходе которого весь достигнутый духовный опыт затихает и вытесняется элементами низшего содержания. Стремление элиты общества завоевать и подчинить низшие слои, пропагандируя насилие, жестокость, культ физической силы, порождает тем самым повсеместный страх и трепет в обществе, которое жаждет или страшится борьбы. Особенно роковым является страх перед приближающейся издалека будущего неизвестностью. И чем сильнее техническая вооруженность, чем инициативнее совместный контакт заинтересованных сторон, тем больше угроза внешнеполитического конфликта. Невзирая на желание не доводить дело до предела, взаимный страх может вспыхнуть в безудержной и, в конечном счете,

нерациональной форме, а именно в войне. Итоги технического прогресса, экономической и политической эффективности ни в коей мере не оберегают нашу культуру от движения в сторону варварства. Общественные силы пытаются предотвратить властвующий в мире разброд, волнение, беспокойство и панику, пытаясь добиться согласия и взаимопонимания. Хейзинга утверждает, что одно возрождение благополучия и порядка еще не обещает очищения культуры, его также не следует ожидать и от предотвращения войны стараниями международной политики. Только очистившееся человечество может сотворить новую культуру.

Английский историк Арнольд Тойнби высказывает мысль о множественности цивилизаций и цикличности их развития. Каждая цивилизация проходит стадии возникновения, роста, надрыва, распада и крушения, уступая место другой. Тойнби также отмечает, что критерий роста не зависит от уровня контроля над обществом, равно как критерием распада не может быть потеря этого контроля. «Тщательный эмпирический анализ показал также, что не существует строгого соответствия между способностью общества контролировать окружение и процессами надлома и распада цивилизации. Напротив, есть обратные свидетельства, говорящие в пользу того, что если связи такого рода и существуют, то они состоят в том, что по мере укрепления власти над окружением начинается процесс надлома и распада, а не роста» [2, с. 265]. Проявляется все это в росте внутренних войн, которые, в свою очередь, ведут к надлому, который, усиливаясь, переходит в распад. Тойнби высказывает мысль о том, что основным критерием и фундаментальной причиной надломов цивилизаций является внутренний взрыв, через который общество теряет свойство автономии. Последствиями этого взрыва могут стать социальные трещины. Существуют «горизонтальные» трещины, которые присутствуют внутри смешанных общин, разделенных на классы и «вертикальные» трещины между территориально разделенными общинами. При «вертикальном» типе раскола общество раскалывается на ряд локальных государств, что, в свою очередь, приводит к кровопролитной междоусобной войне. Война длится до тех пор, пока одной из борющихся сторон не удастся нанести разрушительный удар врагу и установить собственную власть и жесткий режим. Война и страх – понятия неразрывные, поскольку реальная вероятность гибели влечет за собой мощнейший инстинкт самосохранения, который сопровождается страхом. Оценивая состояние «цивилизации

западного христианства», Тойнби делает вывод о наличии в ней симптомов кризиса. Он считает, что есть возможность избежать трагичной гибели или хотя бы отдалить ее. Избавление может прийти от «единения в духе» путем приобщения к вселенской религии на основе экуменических идей. Целями экуменического движения является усиление влияния религии и выработка общехристианской социальной программы, пригодной для верующих, живущих в странах с различными социальными системами. В конечном итоге Тойнби воссоздает идею единства мировой истории, где мировая цивилизация является не предпосылкой, а результатом исторического процесса. Современная история характеризуется проникновением западной науки, технологии и основанного на них индустриализма во все остальные сообщества. Несмотря на положительные моменты этих процессов, Тойнби отмечает и их негативные стороны, например, экологические и политические проблемы.

Крупнейший русский социолог П.А. Сорокин развивал своеобразную концепцию культуры. Так, в своем труде «Социальная и культурная динамика», где он излагает историю культуры с древнейших времен до середины XX в., П.А. Сорокин отмечает характерные особенности современной ситуации в обществе, при этом указывая на то, что в настоящее время западная культура находится в глубоком кризисе. Этот кризис заключается в распаде стержневых форм западной культуры и общества последних столетий и затрагивает не только экономическую и политическую формы западного общества, но и искусство, науку, философию и религию, право и мораль, образа жизни и нравы, а также формы брака и семьи. Сорокин считает, что современный кризис цивилизации является неизбежным свойством мирового исторического процесса, который подчиняется определенным законам. Кризисное состояние современного общества предполагает изменение западной культуры, а именно ее переход от прежней социокультурной системы к новой, со свойственным ей новым типом мировоззрения. Наиболее характерной чертой кризиса, по мнению П.А. Сорокина, является соотношение уже ослабевшего старого и еще слабого нового, влекущее за собой массовые психологические состояния и явления, такие как фрустрация, моральная дезорганизация, аномия, психические заболевания, самоубийства, рост преступности. Оценивая состояние современной ситуации, П.А. Сорокин подчеркивает, что настоящий «кризис чрезвычайен в том смысле, что он, как и его предшественники, отмечен необычайным взрывом войн, революций,

анархии и кровопролитий, социальным, моральным, экономическим и интеллектуальным хаосом; возрождением отвратительной жестокости, временным разрушением больших и малых ценностей человечества; нищетой и страданием миллионов – потрясениями значительно большими, чем хаос и разложение обычного кризиса» [5, с. 432]. Исходя из такого понимания кризиса, выход из него П.А. Сорокин видит в необходимости увеличения неэгоистической творческой любви и этики солидарности.

Жизненные условия в каждой культуре порождают множество страхов, они могут вызываться внешними опасностями, такими как природа, враги; формами социальных отношений – ростом враждебности вследствие угнетения, несправедливости и культурными традициями. Страх переживается человеком как предчувствие, неуверенность, полная незащищенность. Культурные страхи формируются неслучайно и не под влиянием индивидуальных особенностей индивидов, но в процессе культурной динамики. Функция страхов состоит в блокировании ин-

ституциональных трансформаций и сохранении сложившихся культурных практик.

Литература

1. Альфред Вебер. Избранное: Кризис европейской культуры. Университетская книга. – СПб., 1998. – 565 с.
2. Арнольд Джозеф Тойнби. Постигание истории: – М.: Айрис-Пресс, 2006, – 482 с.
3. Зиммель Г. Избранное: в 2 т. Т. 1. : Философия культуры; пер. с нем. – М., 1996. – 671 с.
4. Освальд Шпенглер. Закат Европы. Образ и действительность. – Новосибирск: Наука, 1993. – 583 с.
5. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 393 с.
6. Хейзинга И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл.; общ. ред. и послесл. Г.М. Тавризян – М.: Прогресс, 1992. – 464 с.

Чуркина Мария Викторовна, аспирант кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета, г.Иркутск, e-mail:mariya-churkina-88@mail.ru.

Churkina Mariya Viktorovna, postgraduate student, department of sociology and social work, National Research Irkutsk State Technical University, Irkutsk, e-mail:mariya-churkina-88@mail.ru.

УДК 7.011.4

© М.В. Думинская

КОМПЛЕКСНЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОСТИЖЕНИЮ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ БЫТИЯ

Автором актуализируется необходимость разработки комплексного методологического подхода к постижению эстетических явлений, основанного на принципе «онтологической согласованности с предметом исследования». Раскрываются особенности структурных компонентов данной системы.

Ключевые слова: онтологическая эстетика, методологическая система, эстетическая природа бытия, эстетический феномен, методология эстетического отношения.

M.V. Duminskaya

A COMPREHENSIVE METHODOLOGICAL APPROACH TO THE RESEARCH OF AESTHETIC NATURE OF BEING

Author actualizes the need for a comprehensive methodological approach to understanding aesthetic phenomena. The approach is based on the principle of «ontological consistency with the object of research». Features of structural components of the system are considered.

Key words: ontologic esthetics, methodological system, esthetic nature of being, esthetic phenomenon, methodology of the esthetic relation.

Современная философия в горизонте онтологической проблематики формирует целый корпус проблем антропологического, экзистенциального, феноменологического, герменевтического характера. Онтология эстетического буквально пронизывает все ее направления, выступая изначальным основанием единения такого, казалось бы, разнопланового и многомерного

содержания. Эстетически мыслящий субъект оказался способным превосходить предельность и статичность конструктивных возможностей рационального типа мышления, открыв для себя потенциал особой философско-эстетической формы самовыражения.

Сегодня мы можем говорить о том, что процесс эстетизации бытия приобретает универ-

сальный характер, эстетически окрашивая не только форму, но и внутренне содержание всех онтологических слоев существования личности и социокультурной реальности. В частности, глубокие преобразования в понимании онтологии эстетического, происходившие в лоне классической, неклассической и постклассической философско-эстетической мысли, привели к тому, что в современном мире «историческое событие бытия» [1] стало рассматриваться как эстетическое событие Бытия. В центре концепта онтологической событийности располагается эстетический субъект, в котором совмещаются онтологическое и метафизическое начала, побуждающие его к постоянному поиску предельных оснований своего бытия, воспроизведения новых форм и способов личностного самосозидания.

С утверждением онтологического статуса эстетического начала, имманентно заложенного в фундаментальной структуре экзистенциального осуществления личности и проявляемого на всех уровнях его бытийствования, открылись новые возможности для исследования онтологической природы человека как существа, способного быть в модусе эстетического существования. Эстетически мыслящему субъекту открылось тождество человеческой природы и сущности художественного творения. Онтология эстетического обрела глубинный антропологический смысл.

Стала оформляться новая художественно-эстетическая картина мира, которая в процессе своего становления постепенно сменяла научно-рационалистические мировоззренческие установки. В итоге сложилась ситуация, когда природа человека начала раскрываться преимущественно в категориях и инфинициях, прежде всего, эстетического характера. В свою очередь, «научные» попытки определения эстетического и художественного постепенно утрачивали свою правомерность и силу, отдавая приоритет подходам, позволяющим мыслить эстетическое как онтологическое основание самой жизни. Эстетическое, как утверждает представитель современных философско-эстетических воззрений В.В. Бычков, выступает «универсальной характеристикой всего комплекса внеутилитарных отношений человека с миром, основанных на узрении им своей изначальной причастности к бытию и вечности, своей гармонической вписанности в Универсум» [2, с. 8]. Иными словами, субъектно-объектная, гносеологическая модель эстетического сменилась экзистенциально-метафизической, в центре которой оказалась проблема эстетического осуществления и пре-

ображения человека как онтологического проекта собственной жизни и мира в целом. Собственно с расширением онтологической проблематики все более стали актуализироваться вопросы о метафизических и антропологических потенциалах эстетического самосозидания, саморазвития личности, знаменуя собой фундаментальный сдвиг в сторону онтологической, метафизической, событийной эстетики.

Процессы трансформации поля философско-эстетических представлений, связанные с онтологизацией неклассического философского дискурса в целом, отражают подвижный, пульсирующий, «мерцающий» характер постижения эстетической предметности, свидетельствуя о проявлении природы эстетического как «живого» события бытия.

Характеризуя современные тенденции развития философской традиции осмысления природы эстетического бытия, особо хотелось бы акцентировать внимание на том факте, что с методологической точки зрения постижение эстетического до сих пор удерживает статус трудно-разрешимой задачи. И это несмотря на то, что область эстетических явлений во всем многообразии своей проявленности представлена в чрезвычайно широком спектре разнообразных концептуальных представлений, так или иначе раскрывающих ее онтологическую сущность и качественное своеобразие.

На наш взгляд, ключевая проблема состоит в трудности создания единого онтологически однородного поля, содержащего в себе только сопряженные друг другу внутренние элементы, обращенные внутри этого пространства в процесс событийного отношения-постижения. Данную ситуацию можно назвать проблемой онтологической несогласованности «постигаемого» и «постигающего» в процессе исследования эстетического. Подобное должно постигаться подобным. В этом положении, пожалуй, заключен основополагающий принцип адекватного методологического отношения к эстетическому объекту исследования. «Я» может приоткрыть для себя эстетическое измерение только как эстетически настроенное по отношению к нему субъективное начало.

Исходя из данного постулата, обозначим основные подходы, которые, на наш взгляд, отвечают требованию онтологической сопряженности к «предмету исследования» и в силу своих разрешающих возможностей должны быть включены в методологическую систему современного исследования онтологии эстетического в качестве ее взаимообусловленных структурных компонентов.

Целостно-онтологический подход позволяет рассматривать эстетическое как особого рода уникальное целостное образование, структурно-содержательные элементы, которого определяют онтологическое своеобразие его специфических свойств, состояний, отношений. Ведь целое как органическая система проявляется через свои структурные единицы, а не выводится из механического соединения фрагментов его проявления. Данный подход отражает стремление охватить философско-эстетическим взглядом Другое в полноте и единстве своей проявленности и смысловой выраженности. Целостное видение эстетической феноменальности оказывается в непосредственной взаимосвязи с вопросом гармоничного, всестороннего развития личности как творящего, созидающего начала жизни, пребывающего в бесконечном процессе совершенствования себя и мира в целом.

Онтологическая направленность реализуемого подхода обуславливает возможность проведения структурно-системного (архитектонического) анализа по отношению к эстетически бытийствующей системе. Это позволяет выяснить, из каких внутренних компонентов состоит данная онтологическая система, выявить качественную специфику объединяющих их связей-сцеплений, раскрыть поведение каждого компонента системы в его событийных взаимодействиях с другими в пределах собственного онтологического пространства, а также на внешнем уровне. При этом структурному рассмотрению подлежит как функционирование эстетической системы, так и ее развитие. Необходимость такого аналитического подхода обусловлена структурно качественным своеобразием самой природы эстетической системы бытия. Его архитектоника, как справедливо отмечает М.С. Каган, является «не простым пучком каких-то связей между компонентами данной системы, а системой этих связей, которая и придает данному объекту устойчивую целостность и качественное своеобразие – это «закономерно организованное системное целое, качественное своеобразие которого определяется его структурой» [3, с. 57]. В свою очередь, модельный анализ, ориентированный на выделение отдельных компонентов, областей, модусов, форм проявления эстетического целого, позволяет выявить характер глубинных онтологически событийных связей-отношений, воспроизводимых на антропологическом уровне.

Антропологический подход, безусловно, является неотъемлемым компонентом методологической системы постижения эстетического, поскольку эстетическое как таковое проявляется

изначально на фундаментальных уровнях бытия человека. Сама способность к эстетически целостному видению заложена в глубине антропологических возможностей. Раскрытие потенциала эстетической чувственности подчеркивает онтологическую безусловность связи человека с миром, открывает возможность уникального самосовершенствования самой природы человека посредством ее эстетического преобразования. Как справедливо указывает В.И. Самохвалова, «...человек вносит в свое переживание мира столько, сколько есть в нем самом. Понять и оценить воспринятое он может так, как способен, и столько, сколько имеется в его распоряжении безусловных (филогенетически) и обусловленных (онтогенетически) возможностей... Это означает, что качество переживания (то есть психический субстрат и предпосылка бытия эстетических феноменов) зависит и от качества самой человеческой природы, в которой духовное опирается на материальное и личное связано с безличным» [4]. Иными словами, антропологическая компонента в исследовании онтологии эстетического связана с поиском путей «подлинного» самоопределения, самосозидания личностного начала, погруженного в мир повседневной действительности.

Методологическую значимость в постижении эстетического также обретает принцип трансцендентализма, который выводит к постановке вопросов о экзистенциально-онтологических основаниях бытия, связанных не столько с рассмотрением «неподлинности» существования (экзистенция в модусе «что»), сколько с преодолением, превышением, превосхождением налично данного, «ставшего богатства», не принадлежащего онтологической природе личности, т.е. трансцендированием (экзистенция в модусе «как»). Речь о способности Я быть одновременно имманентной данностью и трансцендентной заданностью, превосходить в акте трансцендирования наличность своего существования. Это определяет основу личностного бытия как абсолютно, актуально незавершенной и открытой возможности обретения полноты, возвышения над собой, самоосуществления в Бытии как трансцендентного Я. «Трансцендентальный уровень рассмотрения – важнейший шаг на пути к онтологической постановке вопроса, – утверждает В.Н. Волков, – ибо он позволяет исследовать самую возможность понимания тех онтологий, в которых живет человек, той иерархии экзистенциальных реальностей, жизненных миров личности, которая позволяет исследовать живые онтологии сущего» [5, с. 59].

Постижения эстетической природы бытия с позиций феноменологического подхода также следует рассматривать в качестве продуктивного элемента рассматриваемого нами методологического комплекса. Поскольку эстетическое как особого рода сущее раскрывает свою сущностную природу в ее феноменальности как онтологическом основании. И в этом процессе являемого самораскрытия эстетической качественности важно увидеть и не утратить ее исходную онтологическую «чистоту». Этот подход открывает возможность созерцать являемую сущность как бы изнутри самой «вещи», снимая при этом какие-либо внешние наслоения, навязанные научными или же иными житейскими представлениями. Это открытие способности «видеть видимое» так, как оно видится, а не так, как мы о нем знаем. Следует отметить, что феноменологическая установка позволяет открыть «видение» беспредельности восхождения личностного бытия в модусе своего эстетического свершения, описывая эстетический опыт как феноменальное разворачивание субъективного начала в процессе экзистенциально-личностного становления.

Достичь глубины такого рода «видения» позволяет удержание герменевтической позиции в эстетически-событийном акте мышления, который предполагает вхождение в бесконечный процесс понимания как вникания, вдумчивости, вслушивания, взглядывания, любования и т.д. «Герменевтика, – пишет Т.М. Шатунова, – вся «замешана» на эстетике. Соединяет их тот простой факт, что герменевтика представляет собой неклассический западноевропейский вариант философии недеяния. Кроме того, герменевтика предполагает возможность постижения смыслов бытия и бытия смыслов через анализ природы языка. При этом язык как сказ бытия представляет собой всегда эстетический, поэтически-метафорический феномен» [6, с. 89].

Особую значимость приобретает форма выражения «видимого», то есть сам стиль философствования, который должен стать отражением принципа адекватного соприродного отношения к природе эстетического. Речь идет об активации образно-метафорического мышления как эстетизированной форме философствования, когда в основе мыслительного акта оказывается процесс конституирования активного эстетического созерцания. Онтологическая природа Другого (предмет как феномен сознания Я) открывается эстетизированно, т.е. основным механизмом снятия объектной формы Другого и раскрытия его онтологического смысла является эстетическое созерцание, связанное с постоян-

ным переживанием Другого, высвобождением его бытийственных возможностей, что неминуемо приводит к его движению, пересозданию, трансформации. Это значит, что «в его горизонт вовлекается не только то, что присуще этому предмету на коммуникативном и символическом уровне в плане его предыдущего осмысления другими, но и включает в горизонт его возможностей те смысловые резонансы, которых там ранее не было, а которые присущи только нашим возможностям созерцания» [7, с. 56].

Природа эстетического созерцания активизирует в мыслительном процессе принцип онтологической повторяемости (есть реализация потребности во вторичном возврате), обуславливающего процесс спонтанного пересоздания Другого, а значит и самого себя. «Потребность во вторичном возврате, – пишет Е.А. Найман, – определяется желанием увидеть в явлении то, чего не было в нем на момент его существования, или не было в полной мере в нем проявлено, или вообще не могло быть представлено в нем. Эта потребность в повторении аналогична потребности субъекта в многократном эстетическом созерцании предмета, насыщении его эстетическими качествами» [8, с. 58]. Другой живет в эстетической, рефлексивной деятельности Я, стремится к постоянному воплощению своей идеальной, бесконечной природы, обновлению, бесконечности повторения, вступления в фазу своего духовного самоосуществления. Свойство синтетичности повтора задает направление личностно-метафизической интерпретации. Таким образом, цель онтологического повторения состоит в сближении Я с Другим на другом онтологическом, смысловом уровне. Следует отметить, что многократность повторенья позволяет достичь увеличения смысловой вариативности, что значительно расширяет сферу онтологических возможностей. Эстетическое созерцание в феномене повторяемости словно подталкивает мышление к усложнению Другого и тем самым к усложнению самого себя. Ведь чем больше истина сокрыта, тем с большей силой и выразительностью подключается к работе воображение, фантазирование субъекта, тем острее ощущается раскрытие и саморазвертывание бытийственности двух начал рефлексивно-эстетического акта. Иными словами, экзистенциально вопрошающий субъект воссоздает уникальную картину бытийствования, в которой уровень онтологической глубины и сложности является важным эстетическим фактором в ее создании.

Акт мышления предваряется порождением последовательно выступающих и сменяющих

друг друга образных представлений, которые постепенно стягиваются в эстетически схваченную целостность, требующую своего последующего самовыражения в художественно-философской форме. В результате «выраженное» оказывается нагруженным эстетически образной выразительностью, пластичностью, смысловой глубиной, которое не есть нечто ставшее, «раз и навсегда данное». Его внутренняя структура лишена четкости, определенности, статичности, границы размыты, пластичны, готовы к принятию любых других форм, в которые их способно уложить другое рецептивное сознание, стимулируя дальнейшее образно-смысловое продвижение. Образ, будучи заключенный в сферу эстетически созерцательной чувственности, нуждается в онтологическом прорыве, для которого необходимо повторное наличие данное созерцание, способное объять его во всех его бытийных характеристиках. Так, согласно Гегелю, именно эстетическое созерцание обуславливает возможность чувственного самопроявления идеи, что собственно и отражает эстетической характер активности интеллигенции, помогает мышлению, идее и интеллигенции оставить материальный след в этом мире. «Образ, который в тайнике интеллигенции был только ее собственностью, теперь, получая определение внешности, переходит в ее владение» [9, с. 285]. Самовыявление идеи оказывается процессом ее самоэстетизации.

Таким образом, изначальной основой эстетизированного типа философствования становится эстетически созерцательное моделирование, позволяющее посредством способности воображения, фантазирования воссоздавать цепь образных представлений, восполняющих недостающие звенья в цепи рефлексии. «Эстетическая созерцательность, – пишет Е.А. Найман, – располагает к философской системе мысли. Именно эстетический импульс к единению понуждает философию создавать свой предмет, разворачивать мир изнутри во всех его формах, во всем, с чем имело дело человечество, соединяя все до селе разрозненное и несоединимое» [10, с. 272].

Философское произведение в своем текстуальном звучании приобретает черты, свойственные эстетическому объекту, требующему к себе столь же адекватного – эстетически «живого», событийного отношения, которое способствует

актуализации и развитию эстетических способностей реципиента, побуждая дальнейшее смысловое разворачивание воспринятой им образно выраженной данности исследуемого явления.

Представленный нами методологический комплекс постижения эстетического можно назвать методологией эстетического отношения к «исследуемому», поскольку действие заложенных в нем механизмов позволяет эстетически входить и двигаться внутри онтологических пределов исследуемого объекта, не осуществляя насилия над его «живым телом», а живя в нем, выявлять логику внутреннего движения и сущностное своеобразие онтологической целостности. Структурные компоненты данной системы, взятые в своем неразрывном единстве, способны расширить продуктивные возможности постижения эстетического как онтологического основания экзистенциального свершения личности.

Литература

1. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
2. Бычков В.В. Эстетика отцов церкви. – М.: Ладомир, 1995. – 608 с.
3. Каган М.С. Эстетика как философская наука: университетский курс лекций. – СПб.: Петрополис, 1997. – 544 с.
4. Самохвалова В.И. Эстетическая культура как комплексный феномен утверждения и реализации человека в мире // Эстетическая культура. – М.: ИФРАН, 1996. – С. 31 – 45.
5. Волков В.Н. Онтология личности. – [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра филос. наук. – М.: РГЕ, 2002. – 485 с.
6. Шатунова Т.М. Социальный смысл онтологии эстетического. – [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра филос. наук. – М.: РГЕ, 2008. – 347 с.
7. Найман Е.А. Эстетические основания философской онтологии. – [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра филос. наук. – М.: РГЕ, 2004. – 311 с.
8. Гегель Г.В.-Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т.1.: Наука логики. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
9. Найман Е.А. Эстетические основания философской онтологии. – [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра филос. наук. – М.: РГЕ, 2004. – 311 с.

Думинская Марина Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Сургутского государственного педагогического университета, г.Сургут, e-mail: marina-duminskaya@yandex.ru.

Duminskaya Marina Viktorovna, candidate of philosophical science, associate professor, department of philosophy and sociology, Surgut State Pedagogical University, Surgut, e-mail: marina-duminskaya@yandex.ru.

УДК 18

© М.В. Думинская

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОНТОЛОГИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО

Обосновано значение основного постулата неклассической онтологической эстетики, в котором утверждается неразрывная онтологическая связь эстетического, экзистенциального и метафизического начал. Выделены онтологически значимые моменты процесса эстетической событийности. Показано, что в эстетической природе бытия заложен механизм трансцендирования, который обуславливает экзистенциальное развитие личности.

Ключевые слова: онтологическая эстетика, эстетическая природа бытия, эстетический феномен, эстетическое событие, трансценденция, экзистенциальное развитие, метафизическое переживание.

M.V. Duminskaya

EXISTENTIAL-METAPHYSICAL ASPECTS OF THE ONTOLOGY OF AESTHETIC

The sense and value of the main postulates of nonclassical ontological esthetics are proved, in which indissoluble ontologic communication of the esthetic, existential and metaphysical beginnings affirms. Ontologically significant moments of a process of an esthetic eventfulness are allocated in the article. Author shows that the mechanism of transcending laid down in aesthetic nature of being that existential personality development causes.

Key words: ontologic esthetics, esthetic nature of being, esthetic phenomenon, esthetic event, transcendental, existential development, metaphysical experience.

Обращаясь к раскрытию фундаментальных онтологических характеристик бытия личности, мы неминуемо приходим к постановке и необходимости осмысления вопросов, касающихся определения тех внеприродных, исходных онтологических оснований, которые открывают некие особые состояния, задающие траекторию самоосуществления человека в Бытии, выступают источником трансцендирования в процессе экзистенциального преобразования личности.

Таким особым онтологическим статусом обладает эстетическое начало, которое имманентно заложено в глубине экзистенциальной природы человека и проявляется на всех уровнях, в сферах бытия личности, является источником как его собственного созидания, так и источником эстетического преобразования сущего. Область эстетических явлений есть онтологическое измерение бытия личности. Это значит, что эстетическая природа бытия личности есть источник проявления фундаментальных онтологических характеристик человеческого бытия в целом. Онтология эстетического есть путь к постижению онтологии личности.

Данные положения, утверждающие эстетическое начало в качестве онтологического основания природы бытия личности, сегодня не требуют своего обоснования, поскольку вся история философско-эстетической мысли выступает в качестве прямых или косвенных доказательств, начиная с античности и заканчивая современным взглядом на проблему. Бытие человека весьма продуктивно исследовалось в русле

онтолого-эстетических концептов. «В самых различных исторических условиях человек понимался и как творческое существо (творец, подобный Богу), и как существо бытийственно прекрасное (венец эволюции Вселенной, образ и подобие Бога и т.п.), и как существо, стремящееся к гармонии и умеющее ее создавать. Но эта эстетическая компонента всегда была лишь одной из характеристик человеческой природы, существующей наряду с основными, определяющими качествами (homo sapiens, homo faber и т.п.)» [1, с. 90]. Периодически в традиции философии складывались ситуации, когда онтологические проблемы эстетического то отодвигались на второй план, то приобретали первостепенный характер, конституируя собственную вполне самостоятельную проблематику, неразрывно связанную с осмыслением проблем человеческого бытия.

Разработка проблем неклассической онтологии стала точкой отсчета, из которой стала актуализироваться и формироваться онтологическая эстетика. В центре событий Бытия оказался человек как эстетически живущее и действующее существо, в котором совмещаются онтологическое и метафизическое начала, побуждающие постоянно пребывать в поиске предельных оснований и новых форм созидания своей субъектности в самом себе. Открылись новые горизонты понимания природы эстетического (художественного) бытийствования как такового. Так, например, в неклассической парадигме западноевропейской философии экзистенциально-

метафизическая роль эстетического развивалась в философии М.Хайдеггера, Ф.Ницше, Г.-Г. Гадамера, М.Мерло-Понти, М.Фуко. В русской философской традиции онтологические аспекты эстетического прорабатывались в трудах В.Соловьева, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина и др.

Современная философская эстетика в настоящее время переживает особый этап своего развития, обретает и формирует себя в новом качестве – онтолого-метафизической, событийной эстетики, в центре которой оказывается проблема эстетического самосозидания человека как онтологического проекта его жизни и мира в целом. Эстетическое удерживается в своем статусе как онтологическая, экзистенциальная и метафизическая категория. Так, например, В.В. Бычков определяет область эстетического как «духовный контакт с универсумом», где «эстетическое выступает ...универсальной характеристикой всего комплекса внеутилитарных отношений человека с миром, основанных на узрении им своей изначальной причастности к бытию и вечности, своей гармонической вписанности в Универсум» [2, с. 8]. Среди современных исследований, посвященных аналитике онтологии эстетического, следует особо выделить работы Н.А. Кормина, С.А. Лишаева, В.А. Конева, Е.В. Наймана, Т.М. Шатуновой.

Природа бытия является эстетической. В этом основном постулате неклассической эстетики утверждается неразрывная связь эстетического, онтологического и экзистенциального начал. Эстетическая сущность человеческой природы бытия улавливается человеком изначально еще на интуитивном, дорефлексивном уровне как естественное проявление чувственности, как способность эмоционально ощущать, воспринимать, переживать жизненную событийность бытия. Это эмоционально-чувственное самоощущение себя в бытии, попадание в просвет бытия, безусловно, приобретает экзистенциально-онтологическую значимость. В связи с этим осмысление процесса экзистенциального самоосуществления напрямую связано с проблемой определения онтологических потенциалов эстетически качественной природы бытия личности.

Раскрытие экзистенциально-онтологической специфики эстетического модуса существования опирается на понимание человека в неклассической философии как субъекта, выраженного в хайдеггеровском понятии Dasein («присутствие» или «здесь бытие»), которое отражает онтологическую двойственность существования как «от-

крытой сокрытости», что, собственно, и определяет его экзистенциальную сущность [3]. Постулируя изначальную неразделенность сущего и Dasein, Хайдеггер утверждает глубинную несокрытость сущего и онтологическую фактичность трансцендирования Dasein, полагающем себя в «нахождении между» налично сущим и бытием – «здесь» и в то же время уже «там».

Условием актуализации возможности исполнения Dasein как экзистенциально-личностного развития выступают трансцендентальные фундаментальные основания онтологической природы личности. Трансцендирование является постоянным источником онтологического напряжения, расшатывающего изначальную монолитность единения сущего и Dasein, с одной стороны, высвечивая конечность, ничтожность наличного пребывания (жизнь в модусе «бытия к смерти»), и с другой, отрывая горизонты устремленности к самоисполнению в подлинности (аутентичности) бытия, конституированию личностного начала, что, собственно, и составляет смысловое содержание человеческого бытия. «Я должен к самому себе трансцендировать. Глубина может закрываться в человеке, и глубина эта требует прорыва, трансцендирования» – пишет Н.А. Бердяев [4, с. 279]. Иными словами, Dasein всегда находится в движении трансцендирования, которое схватывается в концепте «перехода» – онтологического просвета, в котором открывается подлинность бытия: «Мы сами же и есть переход, «ни то – ни другое». Что такое это наше колебание между «ни то – ни то»? Ни одно, ни, равным образом, другое, вечное, пожалуй, и все-таки нет...» [5, с. 119]. Онтологическое состояние «перехода» – трансцендирования определяет основу личностного бытия как абсолютно, актуально незавершенной и открытой возможности обретения полноты, возвышения над собой, подлинного самоосуществления в Бытии.

Таким образом, динамика личностного бытия феноменологически раскрывается в актуализации механизма трансцендирования («живом» метафизическом событии), конституирующем личность как экзистирующее сущее, устремленное за пределы своей предметно-сущей временности в универсальное измерение вечно становящегося, возможного, целостного бытия. Определение трансцендирования как процесса, обуславливающего экзистенциальное движение личности, задает условия для прояснения онтологической природы антропологического феномена и рассматривается как целостный акт, который имеет свои механизмы развертывания,

изначальные основания которого покоятся в эстетической природе бытийствования.

Жизнь, разворачиваемая в модусе эстетической событийности, – это особый процесс экзистенциального самосозидания, конституирования личности. Рассмотрим особенности порождения и этапы, стадии разворачивания эстетической событийности, выделяя онтологически значимые аспекты данного процесса.

Стадия первоначального «столкновения» с Другим на уровне повседневного существования. Первое, с чем сталкивается созерцающее Я, обращаясь во вне, – это наличный мир, являемый в пределах реальной действительности, а точнее, внешняя выраженность внутреннего мира противостоящего мне Другого, который предстает как вполне определенная наличность (пространственная, временная, смысловая), воспринимаемая как статичная, застывшая в своей уже сложившейся материальности. Однако все первично явленное взору (внешние данные Другого) – это лишь фрагменты внутренней жизни Другого, которые не могут быть утверждены как предельно соответствующие его внутренней сущности. Все полученные впечатления о его внутреннем лице крайне поверхностны, реакции на внешние проявления становятся лишь штрихами, случайно или сознательно нанесенные на поверхность внутреннего мира Другого. Однако констатация и безразличный набор внезапных всплесков внутренней жизни, случайно явленных на поверхность, не могут адекватно воспроизвести полноту внутреннего содержания мира Другого, который воспринимается как чуждое в своей инаковости начало, сокрытое в своей онтологической самости.

Погруженность в повседневный уровень существования человека – это бесконечная цель разворачиваемой событийности отношений с Другим, встреча с которым вызывает различного рода состояния, настроения, более или менее продолжительные и эмоционально выраженные. Однако далеко не всегда данные состояния фиксируются в качестве особенного и ставятся в центр внимания человека, занятого каким-то делом, какой-то заботой, каким-то желанием, при этом лишь обрамляя, создавая определенное фоновое сопровождение разворачиваемой событийности. Здесь следует согласиться с утверждением С.А. Лишаева, что такие «сопроводительные», «фоновые» расположения не могут быть признаны эстетическими: «Неэстетические расположения каждый раз есть особые (различные), но не всегда – особенные расположения» [6, с. 3].

Стадия открытия эстетической чувственности как условие перехода к порождению эстетической событийности. Условие, порождающее исключительность эстетического отношения, заключается в особом состоянии, настроенности по отношению к Другому, нейтрализующем созерцание от целесмысловых установок, второстепенных желаний неэстетичного содержания. Такую ситуацию, связанную с открытием эстетической чувственности, С.А. Лишаев именует «эстетическим расположением». Эти особые эстетические состояния рождаются по ту сторону повседневного чувствования, целиком захватывают Я, переносятся в центр внимания, отвлекая от всего второстепенного, и удерживаются в силу своей необычности, особенности, Другости [6, с. 3]. Эстетическая настроенность отличается непринужденностью, непосредственностью и поглощенностью особым отношением между двумя началами, лишенная какого-либо давления, навязывания со стороны должного формирующегося представления о созерцаемом явлении, соответствующего доминирующим идеалам красоты и совершенства, которые являются внешними, привнесенными чертами, затемняющими чистоту внутреннего мира Другого.

Это событие знаменует собой вхождение двух начал в пространство эстетической событийности. Субъект повседневной жизни переходит к позиционированию себя в качестве субъекта эстетического чувства. В свою очередь, Другой переходит в иной онтологический статус событийности, являет собой эстетическую данность, как то, что способно производить нечто особенное, – эстетическое чувство Другого.

«Эстетическое чувство, – пишет Т.Адорно, – это не возбуждающее чувство; это, скорее, удивление перед созерцаемым как перед самым главным, самым существенным для наблюдателя; преклонение перед тем, что не выражается понятиями и в то же время ясно и определенно, ощущение его всевластия над собой, а вовсе не вырвавшийся на волю субъективный аффект – вот что в эстетическом опыте вправе называться чувством» [7, с. 240]. Занятость эстетическим чувством погружает эстетический субъект в эстетическую ситуацию событийности с Другим. Следует отметить, что в качестве Другого (эстетический объект) как потенциального носителя эстетически чувственных данных может выступать любая предметность чувственно-наглядного или идеального происхождения (вещь, человек, природное явление, теоретическое мировоззрение, жизненное событие или же плод нашего воображения, не имеющий отношения к объективной реальности, и т.д.). Иными

словами, все без исключения (в силу онтологической способности субъекта к эстетически чувственному видению) может быть потенциально наделено эстетически предметной качественностью. Это свидетельствует о ситуации эстетической предрасположенности Другого, который в точке порождения эстетической событийности фиксируется нами в модусе актуализированной эстетической данности и предстает в качестве особой предметности нашего метафизического, сверхчувственного состояния, как внутреннее чувство внутреннего Я, составляющее опыт трансцендентного.

Стадия «чистого» эстетического переживания или вчувствования в мир Другого. Здесь можно выделить внутренние фазы развития: фаза эстетического вживания и эстетического дистанцирования.

Фаза эстетического вживания представляет собой акт чувственного слияния с внутренним миром Другого, «созерцательное влечение, проникающее чувство любви, обволакивающее жизнь Другого» постепенно «вливается, вживается» в его внутренне содержание [8, с. 79]. Это ожидание уникального события, в котором подлинная жизнь Другого свободно откроется в своей онтологической сокрытости. Как образно пишет М.Бахтин: «Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя...» [8, с. 79]. Такое эстетически созерцательное чувство способно разомкнуть внешние границы Другого, «женственная пассивность бытия» оказывается готовой к «оживлению смертной душой другого», наполнению новым качественным содержанием, осуществлению и утверждению таковым в полноте Бытия [9, с. 125]. Это эстетически проникновенное переживание словно изнутри оживляет, чувственно преображает Другого. Происходит событие эстетического открытия Другого, которое ни с кем другим и ни для кого другого не может свершиться. Другой раскрывается в определенной чувственно данной модальности, т.е. особым чувственным образом являя свою онтологическую «инаковость, и в тоже время включается в процесс чувственного снятия отчужденности, дистанцирования. Поэтому эстетическая встреча Я с Другим есть событие «перехода» – трансцендирования Другого за пределы собственного в-себе-пребывания во внутренний мир эстетизирующего его начала. Другое становится имманентной чувственно открытой данностью для эстетического субъекта. Это событие единения двух со-бытийных начал, это событие «индивидуальной ситуативной эстетической напол-

ненности Я чувственной данностью Другого, которая конституируется в качестве нечто особенного (удивительного, странного, запоминающегося и т.д.). При этом опыт чувственной данности Другого с необходимостью не предполагает его переноса во вне, т.е. оформления, «кристаллизации в теле пространственно внеположного ему сущего» [10, с. 3].

Таким образом, эстетическое переживание выступает локусом метафизического переживания, своеобразным источником экстатического метафизического опыта субъекта. Внутри пространства эстетической событийности открываются своеобразные порталы для «перехода» в метафизическое измерение.

Фаза «дистанцирования». Я как эстетизирующий субъект обладает уникальной способностью завершить прочувствованный мир Другого, эстетически объять его пассивную чувственную данность, завершить воспринятое до определенного рода целостности. Это становится возможным благодаря воспроизведению повторного «перехода» Я в глубины своей «позициональной исключительности» [9], обуславливающей уникальность его из-себя видения, чувствования по отношению ко всему Другому, а также восполнения увиденного таким образом, как не сможет никто иной. Иными словами, Я должно «дистанцироваться», выйти из общего поля эстетического сплетения двух начал, вновь возвратиться на «свое место», возродить опыт уже существующего «во мне» переживания. При этом отмечается ряд важных закономерностей: «...чем значительнее и интенсивней степень вживания в предмет, тем внушительнее дистанция и большая степень повторения» [11, с. 60].

Другой предстает теперь в ином эстетически «очищенном» сущностном состоянии, образно воссозданном Я. Такое «симпатическое переживание жизни Другого перерастает в «творческую любовь к сопережитому содержанию, ...создающую эстетическую форму сопережитой жизни, ей трансгредиентную» [9, с. 77]. Здесь вновь активизируется механизм «перехода» – трансцендирования пережитого чувства эстетической данности Другого. «Эстетическое «я» обнаруживает в себе «мир» (то есть Бытие, ведь именно присутствие Другого как Бытия делает созерцаемую вещь «целым миром»), а «умиротворенная» вещь открывается как «я», как «другое я», «друг», «ты» [9, с. 95].

Происходит эстетическое «очищение» бытийственности Другого от его неаутентичного присутствия. Посредством эстетической аффирмативной деструкции (эстетический акт «разрушения», рассеивания архитектурных кирпичей

чиков онтологической структуры Другого и ее одновременного обновления, созидания на качественно новом уровне) как неотъемлемой составляющей метафизического переживания Другой «переходит» в иную фазу присутствия в Бытии.

Катарсический феномен эстетической со-бытийности, «положительная эстетика Бытия» (М.Бахтин) есть обретение состояния особого онтологического равновесия в точке экзистенциального пересечения двух начал (миров), не допускающего взаимного растворения их сущностного своеобразия и субстанциональности. И в этом смысле эстетическое являет себя в постоянстве воспроизведения экзистенциального движения, как прорыв к трансцендентному, выводящему к подлинности бытия.

В итоге, эстетическое переживание имеет особое значение как звено в цепи эстетической со-бытийности, поскольку являет собой событие метафизически углубленного переживания бытийственной открытости Другого, силой которого происходит его экзистенциальное самоосуществление и конституирование в качестве эстетического творения, принадлежащего особому уровню Бытия.

Стадия воспроизведения в реальный план бытия эстетически завершенного Другого. На данном этапе эстетической со-бытийности происходит художественное преобразование эстетизируемого начала. Проследим каким образом осуществляется дальнейшее экзистирование Другого на этапе художественно-эстетического свершения. Другое как образно завершенная целостность присутствует пока только «во мне» и только «для меня» и как содержание «моего» внутреннего мира стремится быть выраженным, выделенным особым образом, обрести явленную форму своего иного – ирреального существования. В результате эстетически живущая «во мне» образная целостность получает свою художественную выразительность. И вновь здесь фиксируется событие «перехода» – трансцендирования Другого за пределы внутреннего мира Я во внешний план существования. Так, в процессе эстетически-художественного перевода из потенциального в актуальный план существования эстетически порожденный мир замыкается в художественно структурированные границы, вовлекаясь в реальную ткань Бытия в качестве уникального по своей природе эстетически творенного образования.

В данном случае Другое как эстетически творенная целостность представляет собой художественно-воплощенную систему эстетически-идеализированных образов, бытийствующую

теперь в ином – метареальном эстетическом измерении. С позиции феноменальности эстетической со-бытийности данное событие рассматривается как некая дискретная точка актуальной свершенности двух начал в бесконечно разворачиваемом процессе эстетического экзистирования.

Этап осуществления художественно воплощенной целостности в культурном измерении.

Собственно, процесс порождения и преобразования эстетической качественности единожды эстетизированного сущего оказывается бесконечным в своем дальнейшем осуществлении и иницируемым вновь эстетически настроенным по отношению к нему субъективным началом, воспроизводящим последующий цикл эстетизации.

Жизнь художественного творения в реальных пластах Бытия устремлена к дальнейшему трансцендированию – преодолению, снятию художественно наложенных границ существования. Художественно-эстетическая предметность, пребывая в застывшем состоянии эстетически качественной самоценности, требует выхода за пределы собственной вселенной к Другому эстетически активному субъекту, способному возобновить процесс ее экзистенциального самоосуществления.

Художественное Я иницировано, самопроявлено вовне, для того, чтобы быть утвержденным и признанным Другим как самоценное и исключительное в своей онтологической качественности явление. Для того, чтобы жить, эстетическое Я должно быть эстетически воспринято, пережито Другим. Постоянное «живое» продуцирование эстетической со-бытийности является онтологическим условием бытийствования эстетизированного сущего. А для этого необходимо прервать круговращение в пределах собственного мира, вырваться за границы в в-себе-бытия и продолжить свою жизнь в обращенности к Другому, через Другого, для Другого.

Ведь внутренняя жизнь художественной целостности не способна приводить в подвижность формальность своих внешних границ, не способна смыслооткрываться без участия Другого, а значит не может самостоятельно включаться в процесс всеобщего экзистенциального становления в едином для всех онтологическом измерении. Выход в горизонтность будущих свершений становится возможным лишь при условии встречного эстетически настроенного субъективного начала, возобновляющего цепь эстетически диалогических перерождений эстетизированного сущего. В этом проявляется свойство открытости и потенциальности эстети-

чески структурированной системы бытия к последующим со-бытийным отношениям, бесконечно трансформирующим ее онтологическую качественность.

Подводя итог, эстетизированное Я являет себя в различных ипостасях эстетической свершенности своей жизни, которые могут быть эстетически со-бытийно пережиты нами. Механизм «перехода» (трансцендирования), заложенный в бытийственной природе эстетического как такового, является основополагающим условием экзистенциального развития эстетически со-бытийных начал. Эстетические характеристики личностного бытия уникальны по своей сущностной природе. Это своего рода «чувственные окна» – фракталы «перехода» в абсолютное, трансцендентальное, метафизическое. В силу онтологического своеобразия они выполняют особое назначение – скрепляя, воссоединяя в своей сущности абсолютное и реальное, бытие и существование. Активизация эстетического начала воспроизводит механизмы трансцендирования, обуславливая возможность обретения метафизического опыта, который становится внутренним, духовным содержанием человека, восходящего по ступеням личностного свершения как становящегося бытия.

Литература

1. Шатунова Т.М. Социальный смысл онтологии эстетического. – [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра филос. Наук. – М.: РГЕ, 2008. – 347 с.

2. Бычков В.В. Эстетика отцов церкви. – М.: Ладомир, 1995. – 608 с.

3. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.

4. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // О назначении человека. – М.: Республика 1993. – 384 с.

5. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. – 1989. – №9. – С. 116-163.

6. Лишаев С.А. Эстетика Другого: эстетическое расположение и деятельность: монография. – Самара: изд-во Самарской гуманитар. академии, 2003. – 296 с.

7. Адорно Т. Эстетическая теория. – М.: Республика, 2001. – 288 с.

8. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972. – 471 с.

9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

10. Лишаев С.А. Эстетика Другого: эстетическое расположение и деятельность: монография. – Самара: изд-во Самарской гуманитар. академии, 2003. – 296 с.

11. Найман Е.А. Эстетические основания философской онтологии. – [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра филос. наук. – М.: РГЕ, 2004. – 311 с.

Думинская Марина Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Сургутского государственного педагогического университета, г.Сургут, e-mail: marina-duminskaya@yandex.ru.

Duminskaya Marina Viktorovna, candidate of philosophical science, associate professor, department of philosophy and sociology, Surgut State Pedagogical University, Surgut, e-mail: marina-duminskaya@yandex.ru.

УДК 316.7 : 001

© М.Ю. Раитина

К ВОПРОСУ КОММУНИКАТИВНОСТИ ПОЗНАНИЯ

Показано, что наука претерпевает радикальный пересмотр фундаментальных характеристик, связанный со сменой социокультурных оснований научного знания. Рассматривается проблема конструирования научного знания в социальных исследованиях науки.

Ключевые слова: наука, научное творчество, коммуникации, социокультурная обусловленность науки.

M.Yu. Raitina

THE EVOLUTION OF METHODOLOGICAL CONSTRUCTION OF MODELS SCIENTIFIC CREATION: ON THE ISSUE OF KNOWLEDGE COMMUNICATIVE

It was shown that science is undergoes radical review of fundamental characteristics connected with the change sociocultural bases of scientific knowledg. Raise the problem of the construction of scientific knowledge in social research of science.

Key words: science, scientific creation, communication, cultural-historical conditionality of science.

На современном этапе сложилось представление о науке, которое можно оценить как эталонный вид деятельности, что обусловлено принципиально безграничными возможностями

реализации через научную деятельность творческого потенциала каждой личности, проникновением ценностных ориентиров и норм профессиональной деятельности ученых в другие соци-

альные группы. В XX веке произошли новые трансформации в способах теоретического осмысления действительности, связанные с деконструкцией метафизики: социальность стала пониматься как знаковая, информационно-коммуникативная, т.е. лишенная фундамирующей основы, что повлекло за собой изменение представлений о творческом моделировании реальности и о человеке как субъекте этого процесса. Соответственно общество и производные социальные практики, в т.ч. научное познание, также утратили классическое значение, возможное через понимание единой субстанции. Таким образом, десубстанционалистская (коммуникативная) онтология, отвергающая основу мира, может быть сегодня рассмотрена как наиболее релевантная при описании социально конструируемых, коммуникативных процессов современного научного познания. Особенностью развития современной науки является процесс ее внутренней интеграции, совмещение исследовательской деятельности с другими направлениями и формами. В результате чего философия науки превратилась в коммуникативное исследовательское пространство, в котором сосуществуют подчас конфликтные традиции, школы и направления, зачастую конкурирующие между собой. Причем методология исследования извлекается из самых разных дисциплинарных областей.

Можно проследить взаимосвязь между утратой социальной онтологией субстанционального характера и кризисом позитивистской концепции, который стал очевидным уже в середине XX в., что было во многом обусловлено новым отношением к тем характеристикам науки, которые сложились еще в Новое время, а их пересмотр был обусловлен эпистемологическим поворотом. После кризиса позитивистской методологии науки стал формироваться ее новый образ, предпосылкой становления которого явился кризис стандартной концепции науки. Как известно, последняя представляет собой единство гносеологических, эпистемологических и методологических установок, сформировавшихся в недрах классической науки, на которые ориентировался как позитивизм, так и неопозитивизм: это представление абстрагировалось от социокультурных механизмов возникновения знания в науке, от представления о культурно-исторической обусловленности идеалов и норм науки, от того, что условно может быть названо основаниями науки. В пределах классической науки сложилось определенное представление об изучаемой реальности: природа понималась как неизменность, однажды данная,

а поэтому представлялось возможным конструирование завершенной системы знаний.

Причина такого взгляда на основные характеристики науки заключена в специфике изучаемых наукой объектов: наука не имела дела с объектами открытыми и развивающимися. Так, обращенность к исследованию открытых и развивающихся объектов обнаружила себя на рубеже XIX-XX веков с формированием альтернативного характера развития научного познания (неклассическое естествознание, принципы индетерминизма, вероятностное видение мира и т.д.), что привело к признанию большого значения субъектного характера познавательной деятельности.

Благодаря работам Т.Куна, можно говорить об изменении предметного поля социологии науки. Т.Кун предложил отказаться от господствующего в позитивистской, неопозитивистской и попперианской философии науки образа науки как системы знаний, предложив образ науки как деятельности научных сообществ и эволюции научных парадигм [1]. Специфика этого образа заключалась в том, что логические процедуры развития науки ставились в функциональную зависимость от господствующего способа деятельности научных сообществ (парадигма, дисциплинарная матрица, матрица понимания). Причем парадигмальность научной теории, т.е. ее эталонность, предполагающая признание какой-либо фундаментальной теории в качестве ведущей для ученого, образует основную черту понятия интерсубъективности научного знания, которую следует отличать от объективности.

Иллюстрацией коммуникативности в научном познании могут служить социально-конструктивистские модели развития науки, сфокусировавшие в себе потенциал анализа научной коммуникации, представленные направлением ситуационных исследований – так называемыми кейс-стади (case studies). Это микро-социологические исследования, начало которым было положено в англоязычной социологии науки «конструктивистской программой» К.Кнорр-Цетины, а позднее – программами Б.Латура, С.Уолгара, Ж.Кантена, В.Биджкера, Т.Пинча, П.Формана, Б.Винна [2].

Субъектом научной деятельности становится научное сообщество, а фокус внимания концентрируется на его исследовании. В связи со становлением социологии научных сообществ знание изучается не просто в рамках философии науки, его изучением занимается так называемая когнитивно-ориентированная социология науки, анализирующая различные направления его по-

лучения. Так, познавательный процесс сводится социологом к анализу социально-поведенческих особенностей ученых в научном сообществе (институте, лаборатории), исследованиям подвергаются отдельные диспуты, конференции, тексты. В связи с этим микроситуации становятся способом анализа научного познания, изменяя представления о субъектности. Обращаясь к динамике производства знания, М.Малкей указывает на то, что научное сообщество – особого рода социокультурный феномен, в котором действует сложнейший язык морали. А термин кейс стадис трактуется как поле исследования групп, событий или процессов, локализованных в пространственно-временном и социальном измерении. Вводится обозначение «социальная сеть ученых» (network of scientists), иногда заменяемое на «проблемная сеть» (problem network) и «исследовательская сеть» (research network), – что означает совокупность исследовательских сообществ, связанных общностью целей, единой информацией, техническими ресурсами. При этом члены группы – коллеги и одновременно конкуренты; группы – это «узлы» сети, их взаимодействие – «нити» сети [3].

Социология науки отошла от противопоставления знания и его социокультурного содержания, ослабив демаркационный рубеж между социальными отношениями внутри научного сообщества и содержанием научного знания. Социологи «новой волны» опровергли постулаты Р.Мертоня об отказе историографии науки и ее социологии от исследования содержательного смысла научных идей, равно как и постулат о том, что предмет философии науки отличен от предмета социологии науки [4]. Началась утверждаться исследовательская парадигма, в которой приоритет был признан за социологическими методами. В свою очередь, социология науки испытала воздействие проблематики философии науки. Научное знание претерпело превращение в вид интеллектуальной деятельности, несущей «печать случайности» (термин К.Кнорр-Цетины), что в целом противоречит самой логике научного знания, строящемся на закономерностях и их поиске. Оно было объявлено эпистемологической структурой, отражающей не явление природного мира, а социальные отношения и интересы, возникающие в научном сообществе, что расходилось с традиционным восприятием науки как познания окружающего мира [5].

Так, К.Кнорр-Цетина рассматривает жизнь научной лаборатории с позиции социологического анализа [6,7]. А поскольку для науки характерен познавательный плюрализм в виду

разнообразия позиций и методологических установок, то ученый постоянно оказывается в ситуации выбора, он активный участник конструирования знания. По мнению К.Кнорр-Цетины, в науке нет познавательного отношения ученый-природа; наука – это жизнь лаборатории, изучаемая социологическими средствами; в лаборатории не найти природу, нужную для описательной интерпретации; реальность, существующая для ученого, как правило, заранее сконструирована, а иногда является полностью искусственной. Более того, нет в лаборатории и приписываемого науке поиска истины; главным здесь является установка на успех. Такая наука имеет мало общего с верификационизмом. Теория в стенах лаборатории подменяется частной интерпретацией. Результат науки адекватен лишь с учетом процедуры его конструирования. И если применительно к смысловому пространству классической науки можно говорить о смысловой неизменности научного знания, то в анализируемой нами ситуации к знанию не применимы стандартные процедуры верификации, научное знание контекстуально зависимо.

Субъект познания (ученый-исследователь) может объяснить физический мир посредством создания «физической версии мира», той версии, которая создается, исходя из «культурных ресурсов» научного сообщества. Научное знание понимается при этом как продукт культурных влияний, оно – социокультурно обусловленная, коммуникативная конструкция. Понять подлинный процесс формирования научного знания, понять, как происходит изменение смысла в науке, как знание используется в социокультурных взаимодействиях, можно тогда, когда будет в качестве исходной понята роль «культурных ресурсов» в общей и единой динамике знания, когда знание обретает смысл интерпретационной конструкции, ограниченной в своей сути «культурными ресурсами» [3]. Критерии оценки заявок на новое научное знание всегда открыты разнообразным интерпретациям, их значение детерминировано спецификой культурно-интеллектуальных предпочтений, допущений, принятых в научном сообществе. При этом когнитивно-технические ресурсы науки подвержены постоянной смысловой трансформации, сам же физический мир, являясь предметом науки, не содержит основы для однозначных выводов науки, что определяет познавательную задачу: тщательно исследовать способы, благодаря которым научное сообщество конструирует объяснение мира, способы, посредством которых динамика и общая трансформация социокуль-

турного контекста влияет на смысловую модификацию научных выводов.

А.-Т. Уильямс, Дж.Равец, Р.Уитли, А.Сэндоу детально исследовали явление, названное ими «неформальным процессом отбора»; процесс этот – одна из динамичных сил, определяющая единый ход научной эволюции. Научные идеи могут не выдерживать многочисленные переинтерпретации, в противном случае научное утверждение приобретает значение серьезного интеллектуального достижения в сфере науки, неподвергаемой сомнению части научного знания. «С представлением сообществу решенной задачи, на основе которой начинают осуществляться новые работы, – пишет Дж.Равец, – объекты исследования необходимо меняются – подчас лишь слегка, но иногда и радикально. Если взглянуть на исходную проблему в ретроспективе даже после краткого периода ее развития, то первоначальная аргументация предстанет как относящаяся к несуществующим объектам. В таком случае возникает вопрос: можно ли перевести эту аргументацию в другую форму или еще как-то преобразовать, чтобы теперь она могла соотноситься с новыми объектами, являющимися потоками исходных, и при этом все же оставаться адекватной основой для каких-то выводов? Если этого сделать не удастся, первоначальные выводы отвергаются как относящиеся к несуществующим объектам или приписывающие неверные свойства объектам реальным. Однако же если такие преобразования оказываются возможными, то первоначально решенная проблема рассматривается как содержащая некий элемент, инвариантный по отношению к изменению объекта исследования» [3, с. 101].

Таким образом, центральными категориями в микросоциологических исследованиях «новой волны» стали категории «ситуация», «контекст», а основной проблемой социологии науки стала проблема реконструкции контекстуальности науки. Оформляя результат, полагает К.Кнорр-Цетина, ученый деконтекстуализирует знание, а понимание сути и содержания знания сопряжено с лабораторным процессом рождения знания, научный метод погружен в социальное действие по производству научного знания, вне лаборатории нет гносеологической проблематики [6]. Причем такие понятия, как «контекстуализация–деконтекстуализация», используются как амбивалентные. Первое применяется к процессу производства знания, ситуационно обусловленного; второе – к процессу оформления результатов работы. Научная деятельность в ее интерпретации предстает как обращенная не на внешний мир, а на человека, в связи с этим предметом

анализа становится исследователь как субъект познания. Можно провести параллель между концепцией К.Кнорр-Цетины и неопозитивистским изучением языка научного текста (позицией Венского кружка), предполагающим, что научность сосредоточена именно в логизированном языке исследования, в котором нет места человекосоотнесенным факторам.

В рамках ситуационных исследований специфично понимание социальности в науке, – это те отношения, которые складываются в процессе конструирования научного знания внутри лаборатории (внутренняя социальность научного сообщества). Эта форма и разновидность социальности характеризуется разнообразнейшим диапазоном отношений, исследование которых включает в себя анализ этических норм деятельности, мотивации деятельности и ее целей. Что касается способа общения, в пределах его ученый выступает как занимающий определенную позицию в научном споре, как сторонник-противник теории-парадигмы, но не как человек с конкретным служебным статусом. По сути, это отношения научных позиций, в которых каждый участник как бы персонифицирует конкретный способ логической интерпретации теории. Примером здесь может служить прием, используемый в «Диалогах» Г.Галилея и «Доказательствах и опровержениях» И.Лакатоса, когда конкретный исследователь заменен вымышленным персонажем [8,9]. На наш взгляд, методологическая значимость кейс-стадиис в том, что в рамках ситуационных исследований появляется возможность определить контекст получения той или иной картины физического мира.

И если задача историко-научных исследований традиционно кумулятивистской ориентации заключалась в выделении из богатой эмпирии существенных для понимания эволюции науки закономерностей, то задача кейс-стадис – в выявлении уникального, неповторимого в эволюции науки, что позволяет определить социокультурные основания и предпосылки научного открытия. В этом смысле мы не можем согласиться с позицией Л.А. Марковой, полагающей, что обращение анализирующего к строго конкретной ситуации делает невозможным познание закономерностей развития науки [10]. На наш взгляд, специфика и достоинство кейс-стадис в том и состоит, что ситуационные исследования позволяют сформировать социокультурную парадигму развивающегося знания, выявить социокультурные основания и механизм их реализации в исторической реконструкции науки. В определенном смысле слова конкретная анализируемая ситуация может явиться средоточием

всеобщности, но для анализирующего конкретную ситуацию в науке важно выявить и в полной мере осознать социокультурные основания уникального научного открытия.

Примечательно то, что, исследуя локальное открытие (на уровне кейс стадис), ученый может получить всеобщие характеристики определенного периода развития науки. Проблема заключается в том, что задача исследователя науки состоит в том, чтобы в истории научного познания выявить всеобщее в конкретном и частном, воспроизводя неповторимое, следовательно, и исторический анализ обретает характер всеобщности. Таким образом, если традиционная историография и социология науки воспринимала эволюцию науки как однонаправленный процесс, непрерывность которого как бы вновь оформляется после свершившейся в науке революции, социологи новой формации представляют историю науки как многособытийную, пытаются решить проблему континуальности в истории научного творчества.

Опираясь на рассуждения авторов, представляющих методологию кейс стадис, сделаем некоторые выводы. Итак, в пределах ситуационных исследований любое открытие в истории науки реконструируется в целостности, это открытие уникально и неповторимо в иных условиях. Модель исторической реконструкции явилась антиподом линейной модели развития науки, но пока, на наш взгляд, носит идейный характер, стимулирующий более сложные виды рефлексии над научным пространством как социальным феноменом. В арсенале этой идейной стратегии – представление о том, что открытие исследуется как неповторимое событие, и результатом работы социолога выступает реконструкция этой исследовательской уникальности, в соответствии с этим меняется тип теоретизирования. По сути, в этом и заключается эвристичность данной методологии, т.к. происходит реконструкция события в возможно большей полноте.

Б.Латур, принадлежащий к направлению социальных исследований науки и техники (STS), применяет подход «актор-сеть» к анализу лабораторной практики, где знание предстает в качестве сетевого взаимодействия, т.е. переплетения людей и вещей, интересов и идей. Поэтому научный результат сам становится субъектом действия сети или ее элементом [11]. Поскольку в рамках данного подхода реальность понимается как сеть, т.е. как взаимосвязь между объектами, событиями и действиями, то, следовательно, онтологический статус и свойства любого объекта имеют нестабильный характер, как консти-

тулируемый в сетевом взаимодействии. Здесь в результате процесса взаимококонструирования происходит утрата понимания человеческого субъекта как неповторимого и уникального, он рассматривается как гибрид биологических и технологических, индивидуальных и социальных процессов, т.к. его идентичность определяется сетевой локализацией и отношением к другим участникам сети [12]. Отметим лишь, что принципы сетевой модели были разработаны ранее общей теорией систем и системной философией и использовались в обработке информационных данных [13]. По мнению О.В. Летова, в рамках STS-исследований объективность знания приобретает своеобразную трактовку и представляется как анализ видов и форм знания, т.к. рассмотрению подвергается методы исследовательской деятельности коллективного субъекта познания [14]. Как видно, именно в сетевых моделях организации науки гораздо более явно представлен коммуникативный подход.

Следовательно, в противовес объективно научным методам позитивизма в качестве ведущего метода систематизации знания выдвигается интерпретация действий ученого в ситуациях межличностного общения, так как социальная реальность, не обладая объективными характеристиками, формирует их лишь в ходе речевой коммуникации собеседников, определяющих их в объективных категориях, которые впоследствии берутся за основу отображения реальности [15]. Например, Ф.Лиотар обращает внимание на то, что наука – это одна из форм «языковой игры», вид дискурса, не имеющая объективных свойств и однозначного толкования. Знание как таковое, у Ф.Лиотара, не может сводиться к науке как комплексу универсальных закономерностей. Познание им трактуется в виде совокупности высказываний, определяющих предметы или описывающие их [16].

Подчеркнем, что сам термин «исследования науки», указывающий на то, что анализ научного познания закреплён не только за философией, но и за социологией, историей, антропологией, экономикой, этнографией и т.д., обуславливает междисциплинарность и коммуникативность постмодернистских подходов. Постмодерн, отрицающий детерминацию социальных процессов (считающий их хаотичными), тем не менее, утверждает включенность исследователя общества в саму исследуемую им социальную реальность, тем самым любая теория является частью социальной реальности (изучая реальность, мы тем самым производим в ней изменения, создаем новую реальность).

В связи с выше сказанным, можно сделать вывод о том, коммуникации являются одним из главных механизмов развития научного творчества, оказывающих влияние, во-первых, на производство новых знаний, во-вторых, на деятельность научного сообщества, на методологов науки, которые, в свою очередь, изучают знание о науке (формируют метанаучный уровень), в-третьих, на формирование представлений о субъекте науки.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Наука, 1975. – 264 с.
2. Принципы историографии естествознания: XX век. – СПб.: Алетейя, 2001. – 477 с.
3. Малкей М. Наука и социология знания. – М.: Наука. – 1983. – 212 с.
4. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. – 880 с.
5. Knorr-Cetina K. The manufacture of knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science. – Oxford, 1981. – 189 p.
6. Кнорр-Цетина К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. 5. – № 1. – С. 101-124.
7. Кнорр-Цетина К. Наука как практическая рациональность // Ионин Л.Г. Философия и методология эмпирической социологии. – М.: изд-во ГУ-ВШЭ. – 2004. – 367 с.
8. Галилей Г. Избранные труды. – М.: Наука, 1964. – 645 с.

9. Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы. – М.: Медиум, 1995. – 152 с.

10. Маркова Л.А. Конструирование научного знания как социальный процесс // Философия науки. – М.: ИФ РАН, 1997. – С. 110–118.

11. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник МГУ. – Выпуск 3, сер. «Философия». – 2003. – С. 20–39.

12. Столярова О.Е. Постнеклассический образ науки: «Исследования технауки» // Философия в XX веке. – М.: изд-во РАН ИНИОН, 2003. – С. 41–82.

13. Шадрин А.Е. Сетевые модели организации // Информационное общество. – 2000. – №2. – С. 86–88.

14. Летов О.В. Проблема научной объективности в постпозитивистской философии науки (концепции Майкла Полани и Норвуда Хэнсона): автореф. дис. ... д-ра филос. наук – М., 2011.

15. Огурцов А.П. Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. – СПб.: изд-во Русско-Христианского гуманитар. ин-та, 2004. – 316 с.

16. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: изд-во ин-та экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

17. Мамчур Е.А. Образ науки в современной культуре. – М.: КАНОН+, 2008. – 400 с.

Райтина Маргарита Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, г.Томск, e-mail: raitina@mail.ru.

Raitina Margarita Yurievna, candidate of philosophical science, associate professor, department of philosophy and sociology, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, e-mail: raitina@mail.ru.

УДК 81

© О.Б. Истомина

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БИЛИНГВАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОРГАНИЗОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ

Статья посвящена вопросам формирования билингвальных компетенций в региональной системе организованного обучения. Билингвальное образование – составляющая учебно-воспитательной системы, обеспечивающая принципы этнокультурной коннотации в полиментальном пространстве.

Ключевые слова: билингвизм, языковые компетенции, билингвальное образование, этнокультурная школа.

О.В. Istomina

DEVELOPMENT TENDENCIES OF COMPETENCES BILINGUALS IN REGIONAL SYSTEM OF THE ORGANIZED TRAINING

Article is devoted to questions of formation of competences bilinguals in regional system of the organized training. Education bilingual – the important characteristic of teaching and educational system, which providing principles of ethnocultural connotation in polymental environment.

Key words: bilingualism, language competences, education bilingual, ethnocultural school.

Построение системы организованного билингвального образования населения Предбайкалья связано с процессами экономического развития региона в начале XIX в. Территориальные кон-

такты культур обусловили создание форм двуязычия, привели в действие аккультурационные процессы. Укрепление хозяйственно-бытовых отношений коренных жителей и переселенцев

постепенно обнаружило потребность в углублении социокультурных контактов, что нашло отражение в создании системы школьного образования на территории Восточной Сибири. Необходимость формирования билингвальных компетенций на основе мажоритарного межнационального и этнонациональных языков объясняется вхождением Усть-Ордынского Бурятского округа в состав многонационального региона, каким является Иркутская область.

Развитие региональной системы организованного билингвального обучения с национальным компонентом на протяжении двух столетий испытывало большие сложности. Попытки обеспечить более стабильное положение образовательной системы прерывались в связи с революционными изменениями, переходом на латинский и кириллический алфавиты, началом Великой Отечественной войны и т.п. Развитие школьного дела зависело и от экономико-политической, социокультурной ситуации в регионе. В процессе становления билингвальной образовательной системы школы испытывали серьезные трудности, обусловленные: 1) малочисленностью национальных школ на фоне изменяющегося состава классов; 2) преобладающей потребностью учащихся в практических знаниях; 3) проблемой педагогических кадров; 4) зависимостью эффективности обучения от уровня подготовки учителя ввиду моноресурсности процесса; 5) краткосрочностью обучения; 6) обучением на русском языке, что могло препятствовать полному пониманию учителем учеников коренного населения; 7) прерывающейся периодичностью работы образовательных объектов, «полукочевым» характером школ; 8) финансовой зависимостью школы от местного населения; 9) содержанием школы за счет самообложения населения и др.

Большинство перечисленных проблем не решены и в настоящее время. Более того, появились новые. Одна из главных – недостаток финансовых, технических и людских ресурсов. Трудности в системе билингвального образования во многих национальных объединениях связаны с краткосрочностью, редкостью занятий. Временная наполняемость языковых курсов в Иркутской области не превышает 70 часов в год для 5-11 классов, и не более 35 часов в 8 классе, что означает посещение уроков родного языка 1-2 раза в неделю, в то время как планирование иностранного (европейского) языка предусматривает 3 урока в неделю. Эти особенности мешают, во-первых, усвоению конкретного лингвистического материала, во-вторых, не способствуют общекультурным компетенциям, в-

третьих, не позволяют с помощью компаративного подхода повысить уровень межъязыковых знаний.

Несмотря на сложности в организации билингвального образования, присутствие регионального, миноритарного языков в сфере организованного обучения необходимо, прежде всего, для развития самого языка, пополнения лексического фонда, сохранения связи языка с текущей действительностью. Язык в образовательной системе не может стать для ребенка архаичным. Являясь средством современных коммуникаций, язык остается современным, адекватным времени коммуникантов. Билингвальное образование – неперенная характеристика системы организованного обучения, обеспечивающая принципы этнокультурной коннотации в полиментальном пространстве.

Системность передачи этнокультурного опыта успешно адаптирует к поликультурной среде: «продолжительные культурные упражнения влияют на орган душевной деятельности – мозг, не только увеличивая его объем, но и делая способным к более сложной и тонкой деятельности. Культурная деятельность, совершаемая из поколения в поколение, производит внутренние изменения в строении мозга, которые, закрепляясь, становятся наследственными. Только тогда образование станет эффективным, когда в основу будут положены опирающиеся на науку представления о путях формирования человека, механизмах усвоения культуры» [3].

Положительную роль в формировании лингвистической компетентности играет синхронность, одновременность, событийность усвоения грамматических разноязычных категорий, особенно схожих по своей структуре или принципу выражения. Обеспечение родного языка в различных вариантах присутствия: средства обучения, предметы в системе лингвистических навыков, факультативные дисциплины – все это работает на сохранение этнокультурной константы, также выполняющей образовательные, учебно-воспитательные компетенции учебного процесса. Язык, по выражению Э.Сэпира, «прорастает» в культуру, внедряется в нее, отражает глубинные особенности мировосприятия, построения предметно-понятийной базы, эмоционально-оценочных реакций. Воспринятые в раннем детстве специфические черты этнокультуры навсегда остаются в сознании как унаследованный образ жизни, как проявление характера.

Этнические, региональные языки особенно необходимы в первичной стадии социализации и в учебном процессе, т.к. наряду с жизненно-практическими и научными знаниями препода-

сят эмпирические сведения на основе интуитивных, созерцательных представлений, непосредственных перцептивных наблюдений. Все уровни знаний объединяются в собирательную категорию этноидентичности, формирующей «духовно-кровное единство, создающее свою культуру, т.е. царство идеальных ценностей» [6]. Номинативные образы лексических единиц на этапе взросления ребенка регулярно наполняются новыми значениями, отражают «реальный этнокультурный фон», под воздействием всей «совокупности ассоциаций и чувств, возникающих в памяти индивидуума при восприятии им (зрительном, слуховом и пр.) той или иной номинации» [4].

Наличие мультилингвальной образовательной системы является своего рода регулятором социокультурной жизни и гарантом этнонациональной стабильности, поэтому гибкость политики межнациональных отношений особенно важна как в образовательных, так и в социальных процессах. В «заинтересованных» языковых зонах присутствие языков миноритарных групп в системе образования конструирует лингвоэтническую мозаичность, исполняет право ребенка на изучение родного языка. Данное реализованное право исключает дискриминацию по этническому признаку. Доступность языка ввиду его особой этноидентифицирующей, этноконсолидирующей функции обеспечивает сохранность границ этнического Его. Билингвальное образование «представляет в распоряжение индивидов мощный инструмент – язык, имеющий большую значимость в качестве руководящего начала и в научном изучении культуры» [8].

Поскольку двуязычная школа решает серьезные политические и культурные задачи как в региональном, так и государственном отношении, к учителю в таком типе обучения предъявляются повышенные требования, к которым непременно необходимо отнести следующие: навык прогноза ошибочных позиций в усвоении языковых тем, «предугадывания» сложностей и принятие соответствующих учебно-методических мероприятий; навык построения корреляционных моделей знакомого и нового языков; умение последовательного построения дидактического материала; владение методиками компаративного изучения языков, их совершенствование; умение формировать принципы взаимодействия языков, их валентности в общем дискурсе; навык применения диахронического и структурно-синхронического аспектов изучения культуры и ее компонентов; знание и учет исторического и социокультурного контекста; ис-

пользование философского, социального, исторического наследия в образовательных целях.

Все эти профессиональные навыки и умения в сочетании с желанием сохранения и развития особенностей традиционных моделей воспитания с возможностью учета этнокультурных свойств в дидактике при системных, регулярных занятиях обеспечивают билингвизацию контингента, способствуют осознанию нужности этноидентификации, объясняют ее глубокий смысл, расширяют сферы применения языков этногрупп. Этнокультура в учебно-познавательной деятельности позволяет усвоить письменную форму родного языка, в совокупности с обязательными, макропосредническими компетенциями сформировать полный письменный тип билингвизма.

Таким образом, интегральные, междисциплинарные методы в системе билингвального образования являются наиболее приемлемыми, т.к. ориентируют педагога на синтетичность мышления, применения обще- и частнонаучных методик и знаний, а также позволяют избежать перевода этнических культур в культуры «для внутреннего пользования».

Политика билингвизации в школе должна быть дальновидной, уметь прогнозировать межнациональные отношения в регионе и в государстве. Мозаичность национального состава и уровень интенсивности межкультурных бесконфликтных контактов находится в прямой зависимости от идеологических установок этнокультурной сферы организованного обучения. Привитые в школьные годы ценности толерантной культуры должны быть реализованы у взрослого контингента. Этничность, базирующаяся на сохранении традиционных начал, также нуждается в проявлении традиций в учебно-воспитательном процессе.

Школа может быть инструментом деэтнизации, способствовать ассимиляции, этнической индифферентности и даже нигилизма, или консолидировать этничность, интегрируя все признаки этноса в самобытную культуру. Система организованного обучения, транслируя этнокультурный опыт, не только выполняет процессы социализации и инкультурации личности, но также сохраняет национальный портрет региона, и вместе с тем формирует понимание важности этнической идентичности и интереса к истории и современному бытию своего народа.

В современных условиях в традиционном варианте школы с национальным компонентом в большинстве республик РФ родной нерусский язык используется как средство обучения на дошкольном уровне и на начальном этапе, со

среднего звена осуществляется переход на русский язык, при этом национальный компонент становится предметом изучения. В Предбайкалье единственной формой внедрения этнокультурной коннотации в образовательные стратегии является преподавание родного (нерусского) языка как предмета по аналогии с иностранным европейским языком.

Согласно информационным справкам Министерства образования Иркутской области обучение во всех общеобразовательных учреждениях региона осуществляется только на русском языке. По итогам 2011/2012 учебного года в поселениях округа и области как предмет изучаются бурятский, польский, тофаларский, эвенкийский, татарский языки (табл.1).

Таблица 1

Образовательные учреждения с национальным компонентом на территории Иркутской области в 2011/2012 уч. г.

Язык	Количество учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет	Распределение обучающихся, изучающих родной язык как предмет			
		1-4 классы	5-6 классы	10-11 классы	Итого
Бурятский	111	2742	2084	697	5523
Польский	2	62	21	-	83
Тофаларский	3	97	-	-	97
Эвенкийский	2	19	17	-	36
Татарский	1	25	-	-	25
Итого	119	2945	2122	697	5764

Сравнительный анализ динамики двуязычного образования на основе национального компонента позволяет отметить исчезновение национального языка обучения из учебных программ региона. К примеру, в 2000/2001 учебном году

функционировали два образовательных учреждения с бурятским языком обучения, перешедшим в последующие годы в разряд отдельного предмета (табл.2).

Таблица 2

Сведения о распределении общеобразовательных учреждений и обучающихся по языку обучения и по изучению родного (нерусского) языка в 2000/2001 уч.г. (Иркутская область)

Язык	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной нерусский язык как предмет (чел.)			
		1 – 4 классы	5 – 9 классы	10 – 11 классы	Итого		1 – 4 классы	5 – 9 классы	10 – 11 классы	Итого
Бурятский	2	19	-	-	19	109	3337	3251	671	7259
Польский	-	-	-	-	-	2	45	31	-	76
Тофаларский	-	-	-	-	-	2	63	-	-	63
Эвенкийский	-	-	-	-	-	2	12	32	6	50
Итого	2	19	-	-	19	115	3457	3314	677	7448

Опираясь на отчетные данные, отметим, что при общей картине положительной динамики развития сети национальных школ реальная численность обучающихся родному языку своей этногруппы не увеличилась, а наоборот, снизи-

лась в 1,3 раза. При этом в старшем звене представлен только бурятский язык, до среднего звена включительно преподаются польский и эвенкийский языки, тофаларский и татарский изучаются только на начальном этапе. Представлен-

ность данных языков в образовательной системе обусловлена историческими процессами и современной национальной структурой региона. Преобладание конкретной этногруппы в поселении обеспечивает присутствие ее языка в школьной программе. Например, в Вершининской и Дундайской школах (Боханский район) преподается польский язык, в Шаховской (Аларский район) и Тарасинской (Боханский район) – татарский язык.

Необходимость билингвального образования на всех уровнях и особенно на раннем дошкольном и начальном школьном подтверждается психоаналитическими исследованиями. По З.Фрейду, детский опыт билингвальных коммуникаций является не только ценностно-нормативной основой формирования личностного потенциала, но и служит образцовым примером дискурса. «Эталонность» данных детских коммуникаций объясняется чувством преданности лидерам социальной ин-группы. Семья как источник первичной социализации способна легко привить уважительное отношение к языковым средствам. Речь родителей, обладающих в сознании ребенка особыми качествами, и есть

эталон. Начальная школа, в которой учитель воспринимается безапелляционно как лидер своей социальной группы (класса), имеет возможность внести в детский коммуникативный опыт положительные эмоции, связанные с речевым поведением. Естественное «вживление» языков в детское сознание определит отношение к родному языку, к своей нации, сформирует основу для положительной этноидентификации и вместе с тем заложит принципы механизма социального взаимодействия людей, живущих в многонациональном поселке, регионе, государстве.

Этнокультурные цели билингвальной школы достигаются при условии их совпадения с образовательными целями, преследуемыми ребенком и, конечно, его родителями, семьей. Языковые приоритеты и ориентации отражаются в выборе языка воспитания и обучения. По результатам авторских исследований языковых ориентаций населения Предбайкалья в 2004-2011 гг., на вопрос «На каком языке Вы считаете нужным обучение своих детей?» респонденты ответили следующим образом (табл.3):

Таблица 3

Ответы респондентов на вопрос «На каком языке Вы считаете нужным обучение своих детей?», %

Возраст	В дошкольном учреждении			В школе			В вузе	
	рус. яз.	бур. яз.	рус/ бур.	рус. яз.	бур. яз.	рус/ бур.	рус. яз.	рус/ бур.
14-20	8,8	0	10,9	4,4	0	15,3	17,5	2,2
21-40	38,5	10,3	50,3	34,4	0	65	94,1	2
41-60	28	10,9	60,9	27,2	2,4	69,6	84,8	1,9
61-80	21,4	28,6	47,6	14,3	2,4	83,3	95,2	4,8

Понимание необходимости двуязычного образования, важности языка как этнического идентификатора в большей степени отмечают респонденты старшей возрастной группы. Желание увеличения доли русского языка в системе образования характерно для молодежи. Данные процессы активно проявились в 1940-е гг., они неоднократно обсуждались на совещаниях ОкрОНО. Характер этих явлений, по мнению специалистов представляется закономерным: «Бесспорно, что при проведении коренизации мы испытываем большие трудности, механически учащиеся наших школ стремятся перейти на русский язык. Правильно, что тяга учащейся молодежи округа к русскому языку исключительно велика. Это вполне понятно, потому что западные буряты находятся в окружении русского населения. И это вполне естественно скажется на тяге к русскому языку» [1]. Таким образом, в очередной раз подтверждается зави-

симость речевого поведения от социально-демографических характеристик населения региона.

В современных условиях образовательный, социально-профессиональный, экономический факторы определяют выбор школы для всех этнических групп. Именно на этих факторах основывается выбор языков в образовательных структурах. Для 11% сельских жителей нужен родной (нерусский) язык в дошкольных учреждениях, в школе – для 1,2% респондентов, со-функционирование русского и родного языков выбрали 54,3% ответивших для дошкольной программы, 64,4% – для школы и 2,3% – для вуза. В городской среде предпочтение в большей степени отдается русскому языку: для дошкольников – 100%, школьников – 60% (остальное отводится на билингвальное образование), для студентов среднего и высшего образования – 100%.

Стремление молодых родителей ориентировать своих детей на глубокое изучение русского языка естественно, но представляет угрозу потери важного этнического идентификатора – языка. Необходимость билингвизма для представителей наций, являющихся этническим меньшинством, связана с социальной перспективой, а именно с возможностью получения образования, работы, участия в общественно-политическом процессе. За желанием продолжить обучение в высшей школе стоит необходимость полноценного владения мажоритарным языком. Очевидно, что научная литература, учебные пособия издаются на языке, выполняющем роль средства межнационального общения. Выбор языка учебной и научной литературы объясняется направленностью к широкому кругу читателей. Рассматривая языковые приоритеты, автор, издаватель основывают свой выбор в соответствии с важнейшим требованием к такого рода литературе – максимальной доступностью читателям. Очевидно, что в нашем государстве доступной к восприятию для широкой массы потребителей является книга, изданная на русском языке. Истории известны случаи издания литературы, в том числе специальной, на языках этногрупп, но данное стремление оборачивается невозможностью использовать ее за пределами соответствующей языковой зоны. На современном этапе наука развивается в мировом масштабе, поэтому для научных изданий приоритетом пользуются языки, признанные средством международного общения. Статус данных языков определен максимальным объемом социальных функций. Способность функционировать во многих сферах социальной жизни является условием приобретения языками статуса средства международного общения (80% новых знаний научного и практического характера создается с помощью шести языков, в том числе русского языка, являющихся официальными языками ООН).

Сужение уровня функционирования национального языка и, как следствие, смена родного языка связаны, в первую очередь, с ослаблением национального самосознания. Между удельным весом национального языка в языковой жизни индивида и неустойчивостью национального самосознания наблюдается прямая взаимосвязь. Существует общая закономерность: неустойчивость национального самосознания тем выше, чем глубже и интенсивнее протекает процесс объективного уменьшения удельного веса национального языка, «утрата народом своего языка равносильна его денационализации» [5].

Отношение к национальному языку, признание его родным или его смена во многом фор-

мируется в процессе осмысления этнической (национальной) принадлежности. А.Г. Здравомыслов выделяет шесть типов такого осмысления, а именно: сакральное (национальность дана человеку от природы или от Бога и менять ее нельзя); этно-историческое (благодаря национальной принадлежности у людей сохраняется память о предках, о Родине и ее истории); патристическое восприятие (утверждает в качестве нормы для человека гордость за свою национальность); социально-политическое представление (национальность объединяет людей, позволяет им добиться общих целей); национальность разъединяет людей; общегражданское отношение (человек сам вправе выбрать свою национальность) [2].

Первые четыре типа осмысления этнической принадлежности отстаивают позиции национальных языков, присваивают им роль этнического идентификатора. Два последних типа, напротив, определяют возможность для любого индивида сменить родной язык в зависимости от социальной среды. Каждый человек самостоятельно выбирает для себя любой из шести типов осмысления. Важно помнить при этом, что одной из доминирующих социальных характеристик современного общества с его сложной социоструктурной и многоэтнической организацией является поликультура. Сохранить культурную самобытность этногруппы и ее языковое олицетворение в данных условиях возможно при наличии уважения к национальности (этносу) и памяти о предках, формируя сакральное, историческое понимание национальной принадлежности.

Итак, сохранение и развитие языков этногрупп в системе организованного обучения крайне важны. Билингвальное образование участвует в процессах личностного становления коммуникантов, внедряет социокультурные, этнопсихологические диспозиции сразу нескольких языковых, а значит, культурных систем. Сформированная в раннем детстве билингвальность выполняет во взрослой жизни носителя роль образцовой модели дискурса. Все уровни знаний, приобретенные в двуязычном варианте образования, связаны с ревитализационными задачами, с сохранением языка этноса, что в свою очередь, работает на сохранение и развитие этнического Ego.

Положение двуязычного образования в Предбайкалье требует корректив в отношении общей нагрузки, улучшения материально-технической оснащенности, наконец, понимания главной задачи этнокультурных коннотаций – сохранения и развития многонациональной

структуры региона. Сформированные этноязыковые компетенции – признак полноценной, знающей традиции своего народа личности. Присутствие языков народов региона в образовательном процессе позволяет этим языкам развиваться, обновлять лексический запас, не дает им стать анахронизмом. Современные процессы прагматизации речевого поведения возвеличивают пользовательский статус языков, поэтому в молодежной среде личностной ценностью обладают те языки, которые способствуют успешной социализации, языки, которые в бытовой терминологии называются «хлебными». Названные обстоятельства предписывают миноритарным языкам сферу домашнего применения, снижают их функциональные возможности. Двуязычная школа в условиях давления универсалистских тенденций определяет сохранность языков, активизирует процессы их ревитализации.

Жизненный цикл этноса не прерывается до того времени, пока действует аккумулятивная (сохранная) и трансляционная функции его культуры. Знаниевая основа культуры любого народа с помощью языка, лингвокода, передается новым поколениям, что делает процессы билингвизации в этнокультурной школе фундаментальной задачей.

Литература

1. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 30. Ед. хр. 340 а. Л.2.
2. Здравомыслов А.Г. Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян // Социологические исследования. – 1996. – №12. – С. 25.
3. Каптерев П.Ф. О природе детей. – СПб., 1899. – С. 39.
4. Мамонтов А.С. Язык и культура: основы сопоставительного лингвострановедения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук – М., 2000. – С.53.
5. Мацейкив М.А. Некоторые аспекты этнической психологии в наследии А.А. Потебни // Исторический путь психологии. – М., 1992. – С. 121.
6. О России и русской философской культуре. – М., 1990. – С. 448.
7. Панькин А.Б. Этнокультурная коннотация образования. – Элиста, 2009. – С. 147.
8. Сэпир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / под общ. ред. А.Е. Кибрика. – М., 1993. – 656 с.

Истомина Ольга Борисовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общественных наук Ангарской государственной технической академии, докторант кафедры философии Бурятской государственного университета, г.Ангарск, e-mail: olgaistomina@mail.ru.

Istomina Olga Borisovna, candidate of sociological science, associate professor, department of social science, Angarsk State Technical Academy, doctoral, department of philosophy, Buryat State University, Angarsk, e-mail: olgaistomina@mail.ru.

УДК: 2. 273.99

© В.Б. Долгов

«АМЕРИКАНИЗМ» В КАТОЛИЧЕСТВЕ: НАЦИОНАЛЬНАЯ «ЕРЕСЬ» ИЛИ ЧАСТЬ КАТОЛИЧЕСКОГО ОТВЕТА НА МОДЕРН?

Статья посвящена основам религиозно-философских и социальных концепций движения «американизма» в католичестве конца XIX в. – части более широкого явления, названного «католическим модернизмом». Излагая основную историческую канву «американизма» и идеи его наиболее значимых представителей, автор выявляет его особенности, связанные со специфическим культурным и богословско-церковным контекстом Соединенных Штатов.

Ключевые слова: католический модернизм, «американизм», Ватикан, папство.

V.B. Dolgov

«AMERICANISM» IN CATHOLICISM: NATIONAL «HERESY» OR PART OF MODERN CATHOLIC ANSWERS?

Article is devoted to the basics of religious-philosophical and social beliefs of the movement «Americanism» in Catholicism in the late XIX – part of a broader phenomenon of «Catholic modernism». Outlining the main historical canvas «Americanism» and the idea of its most significant representatives, article reveals its features associated with a particular cultural and theological context of the Church of the United States.

Key words: Catholic modernism, «Americanism», the Vatican, the papacy.

В современной религиозноведческой литературе, посвященной движению католического модернизма и его разновидности, известной под названием «американизм», выдвигаются различ-

ные точки зрения, ставящие вопрос об идентичности обоих этих явлений. Прекрасной иллюстрацией является взгляд исследователя американского католицизма Маргарет Риер (Margaret

Reher), которая говорит о полярности мнений в данном вопросе. Так, некоторые ученые склонны видеть в католическом модернизме самостоятельный феномен интеллектуальной жизни Западной Европы конца XIX-начала XX века, отличный от других движений либеральной направленности, тогда как другие, прежде всего сами модернисты, утверждают общность католического модернизма и «американизма».

Попытаемся разобраться в сути этих разногласий. Следует сразу же обозначить, что автор, безусловно, разделяет второй тезис, полагая европейский католический модернизм и «американизм» содержательно однородными явлениями.

Путаница, связанная с размежеванием «американизма» и католического модернизма, связана, на наш взгляд, с восприятием последнего в качестве целостного, четко организованного движения, обладавшего единой структурой и централизованным управлением. В действительности, как отмечает крупнейший исследователь католического модернизма Алек Видлер (Alec Vidler), католический модернизм не содержал в себе такой целостности, он не может быть назван некоей обособленной, единой «школой» [32, с. 2].

Католический модернизм получил свое распространение в большинстве государств Западной Европы, при этом национально-культурные особенности этих стран накладывали свой отпечаток и на самих модернистов, создавая тем самым специфические формы выражения их мысли. Поэтому и движение американских католических либералов, известное под названием «американизм», можно считать одним из таких локальных явлений с ярко выраженной национальной спецификой. Происхождение «американизма» в научной литературе увязывается с определенными либеральными идеями и тенденциями. Так, французскому аббату Шарлю Меиньену фундамент «американизма» виделся в принципах критицизма, свободных исследованиях в религии [18]. Однако были и более резкие и даже крайние точки зрения: например, французский теолог-консерватор Анри Делассюз видел в нем антихристианскую природу, основанную на «жидомасонском заговоре» [3, с. 7].

В данной статье мы не будем останавливаться на характеристике католического модернизма как такового и сразу же перейдем к анализу собственно «американизма». Этот термин не является самоназванием американских христианских либералов; впервые он упоминается в энциклике «*Testem Benevolentiae Nostrae*» (лат. «Свидет-

ельство нашего благоволения») от 22 января 1899 г. для обозначения ряда «еретических» идей американского католического духовенства. Движение «американизма» возникло в понтификат папы Льва XIII (1878-1903), при котором получает оформление и европейский модернизм как попытка реформирования ряда положений католичества, не затрагивающая в целом его вероучительные основы, приспособления католичества к новым реалиям времени. В центре внимания «американизма», главными представителями которого являлись А.Хекер, Д.Айрленд, Дж.Гиббонс, У.Салливан, Д.Кин, Д.О'Конелл, стояли такие важные вопросы, как согласование веры и знания, соединения традиционных основ католицизма с демократическими институтами Америки. В своих общественно-политических взглядах «американисты» исходили из принципов свободомыслия, признавая необходимость осуществления преобразований в сфере государственно-церковных отношений, настаивая на разделении Церкви и государства; прежняя модель конкордата (соглашения) Ватикана и светской власти, как полагали «американисты», является историческим пережитком, она исчерпала себя в контексте секулярных тенденций западного мира. В основе государственно-конфессиональной политики США, напоминали «американисты», заложена светская модель отделения Церкви от государства, берущая свое начало еще во времена эпохи Просвещения [26, с. 78]. В Америке, считали «американисты», амбиции Ватикана в пропаганде конкордатной системы заведомо обречены на провал, а восприятие американских принципов государственно-конфессиональных отношений будет служить залогом гармоничного сосуществования католической Церкви и государства в американском обществе.

Кратко упомянем, что на становление «американизма» сильное влияние оказала вся интеллектуальная атмосфера американской цивилизации с ее исторически присущими принципами демократии, плюрализма мнений, либеральными ценностями, которые переносились и в религиозный контекст.

Напомним, что к тому времени католическая Церковь находилась в довольно тяжелом положении в США, где она сосуществовала с гораздо более многочисленными протестантскими деноминациями, находясь, по сути, в роли маргинальной религиозной организации, отношение к которой во многом определялось протестантскими анти-папскими стереотипами и начало меняться только с притоком иммигран-

тов из традиционно католических стран Европы [4, с. 38].

Еще одной проблемой, с которой сталкивались американские католики, являлась система образования в США, основывавшаяся на стандартах светского общества, на принципах отделения школы от государства. Этот либерализм, с точки зрения некоторых католиков, входил в противоречие с конфессиональным характером образования в католической Европе, что давало повод упрекать власти в протестантском протекционизме [4, с. 38].

Ко всему прочему, интеллектуальный уровень самих католических клириков оставлял желать лучшего, а их консервативные взгляды зачастую сталкивались с чуждой им атмосферой американского общества, пропитанной идеалами свободы и демократии [24, с. 266]. В этом отношении «американисты», с их ориентацией на либеральные ценности, по отношению к католической ортодоксии, с одной стороны, выглядели как маргиналы, с другой – как типичный продукт американской цивилизации. Неотъемлемой частью интересов «американистов» являлась возможность более широкого использования английского языка в церковном обиходе. С точки зрения церковных властей, это являлось явной уступкой протестантам, однако «американистам» данная проблема виделась в оптимистическом свете, как способ включения в социо-культурную реальность Америки новых иммигрантов-католиков, поскольку латынь как традиционный литургический язык католичества наравне с некоторыми другими его институтами, по мнению «американистов», способствует отчуждению католиков от остальных христиан Нового Света. Внедрение же в церковную практику английского языка, с точки зрения «американистов», будет способствовать укреплению экуменических связей, укрепляя тем самым положение католичества в протестантской Америке.

Идейные предпосылки «американизма» восходят ко второй половине XIX века и связаны с деятельностью группы американских католиков, получившей название «Академия». Ее члены настаивали на большей автономности американских католических общин от Рима и обсуждали вопросы, тесно связанные со свободным пониманием Священного Писания, догматов, морали и канонического права [2, с. 48]. Деятельность «Академии» сопровождалась довольно-таки радикальными реформистскими проектами, в частности, они считали не соответствующим христианскому учению догмат о папской непогрешимости, выступали за отмену celibата, актив-

ное использование английского языка в литургической практике, упрощение обрядности. Многие институты католичества, как считали в «Академии», представляют собой анахронизмы и не соответствуют нынешнему времени. Поднимаемые «академиками» вопросы имели большое созвучие с положениями материковых католических модернистов в части их критики догматов Церкви и требований литургических реформ; как и в Европе, где эти идеи встречались порицанием со стороны церковных властей, точно также проекты «Академии» оказались в противоречии с официальной церковной идеологией католицизма в США. Заметим, что наиболее ригористические требования «Академии», вроде пересмотра догмата папской непогрешимости, отмены celibата, не разделяли большинство «американистов» за исключением У.Салливана, чей случай, впрочем, представляется исключительным.

Собственно доктрина «американизма» была заложена католическим священником, монахом о. Айзеком Томасом Хекером (Isaac Thomas Hekker: 1819-1888), задавшимся грандиозной целью евангелизировать протестантскую Америку. В 1858 г. Хекер организывает «Миссионерское общество св. Павла», которое при помощи созданных миссионерами средств массовой информации способствовало проповеди католичества в Америке. Одну из проблем, которая препятствовала успешной миссии католиков, Хекер видел в европейском происхождении большинства католических священников. Анализируя теологию Хекера, видный французский модернист Альбер Утэн делает вывод о приоритетности американской нации в католических структурах США [10, с. 38].

«Американизм» Хекера провозглашал постепенность раскрытия Божьего Откровения применительно к духовному уровню развития человека в его историческом становлении [9, с. 26-28, 202]. Кульминация христианства в истории религии, согласно Хекеру, состоит в обобщении религиозных поисков человечества, оно «связывает воедино все рассеянные истины, содержащиеся в каждой религиозной системе в абсолютный, всеобщий божественный синтез» [9, с. 322]. Соответственно, рассуждает далее Хекер, в современную эпоху необходимо применять и новые формы Богопознания, преобразования христианства на принципах плюрализма мнений, экуменизма, реформы институтов Церкви [9, с. 20]. Христианство на своем новом этапе развития, считает Хекер, должно до известного предела переосмыслить прежнюю, внешнюю, институциональную сторону, и

больше стремиться к реализации своей внутренней божественной сути [9, с. 36]. Хотя, утверждает Хекер, глобальное противоречие между внешней церковностью и внутренней жизнью христианина в действительности отсутствует: «Достаточно знать, что действие Бога в Церкви и действие Бога в душе никогда не находились в противоречии и также никогда не могут приходиться в противоречие» [9, с. 220].

Наряду с традиционными христианскими добродетелями, особенно смирением и послушанием, которые в зависимости от исторической эпохи приобретали особенное звучание, в американском обществе, считает Хекер, должны внедряться и новые, «активные» добродетели, имеющие свою специфику: борьба с социальной несправедливостью, утверждение демократических принципов [9, с. 107, 201-202].

Идеал «свободного католицизма» Америки Хекер противопоставлял протестантизму, религиозное учение которого, по его мнению, строится на отрицании религиозной свободы и независимости человека [9, с. 72]. В этой связи Хекер прямо заявляет о своем неприятии протестантизма как такового, говоря, что «мы осуждаем протестантизм как учение, недостаточное для удовлетворения желаний сердца человека, которое не в состоянии удовлетворить требования интеллекта человека, и как неверное в представлении власти Христа» [8, с. 130]. Данное обстоятельство отличает Реформу от католицизма, декларирующего духовную ценность личности. На этом основании Хекер противопоставляет европейское христианство враждебным интеллектуальным достижениям человечества, и собственно американскому католицизму, воплощающему в себе наиболее адекватное раскрытие истин Откровения на современном этапе истории [9, с. 95-99]. Более того, Хекер задается целью соединить традиционное христианское учение о естественных добродетелях с принципами американской демократии; мессианство католичества в Америке, согласно религиозно-политическим взглядам Хекера, заключается в соединении идей христианства и республиканства [26, с. 79]. Будущее христианства Хекер рассматривает в том смысле, что реализация христианства нового века будет происходить в контексте американской цивилизации: «Америка является страной будущего. Живой Бог над нами, и благословения Небес с нами... Американский народ чувствуют необходимость такой религии, необходимость ее божественной санкции, ее благословения и руководства» [7, с. 48]. При этом Хекер добавляет, что «американский католицизм не должен пропагандировать себя в

любой другой стране» [9, с. 109]. Таким образом, Хекер являет интересную попытку встроить католическую идентичность в типичное для Америки мессианство, принимавшее и религиозные и светские формы.

Необходимо отметить, что доктринальные установки Хекера оказали важное влияние и на всех других представителей либеральных американских католиков. То же американское «мессианство» мы находим в творчестве известнейшего представителя либерального американского католицизма Джона Айрленда (1838-1918), архиепископа г.Сент-Пол, штат Миннесота. Перед американской Церковью, считает Айрленд, стоят грандиозные задачи евангелизации всего мира, сами американские католики наделяются Айрлендом свойствами негибкого характера и стойкостью духа; не в последнюю очередь это связано с их исключительной преданностью католической вере, авторитету папы (имеется в виду Лев XIII, которого Айрленд наделяет многочисленными духовными добродетелями: культурностью, открытостью к современному миру и его науке. Понтификат Льва расценивается теологом чуть ли не как высшее достижение католицизма конца XIX – начала XX века) [11, с. 424-425; 14, с. 325-326, 332,339].

Так же, как и Хекер, Айрленд провозглашает необходимость для католицизма быть открытым для современного мира, подчеркивая важность и неотложность проведения церковных реформ [13, с. 235-236]. Айрленд снискал в движении «американизма» репутацию модерниста, однако его модернизм представляется достаточно умеренного толка. Известно, что Айрленд был не во всем согласен с доктринальными крайностями его европейских коллег, в частности, он выступает с осуждением главных представителей европейского модернизма, о. А.Луази, о. Л.Лабертоньер, о. Дж.Тирелла. Главное заблуждение модернизма, говорит Айрленд (отказываясь называть модернистом самого себя), «заключается в том, что он исключает много функций интеллекта или, по крайней мере, минимизирует их, тем самым сводя сущность теодицеи лишь к субъективизму» [12, с. 492]. Точно такое же заблуждение модернисты демонстрируют по отношению к догматике, объясняя ее в качестве относительного и эволюционирующего феномена христианства.

В общем, как отмечает современный американский религиовед Нил Сторч, подытоживая религиозно-философские взгляды Айрленда, его место и вклад в католичество начала XX века, архиепископ Сент-Пола оказался в сложном и неоднозначном положении, вынужденно лави-

руя между двумя противоположностями – ортодоксией и либерализмом [29, с. 365].

Либеральные тенденции католической теологии «американизма» находят свое отражение в богословии другого представителя этого движения, о. Уильяма Лоуренса Салливана (1872-1935). Модернистские взгляды Салливана во многом схожи с теологическими и научными концепциями европейских модернистов, такими как эволюция догматов и обрядов Церкви, использование научных методов, прежде всего, исторической критики, в интерпретации христианского вероучения, и некоторыми злободневными вопросами церковной реформы.

Салливан разделяет многие концепции Хекера и Айрленда, такие как упоминавшиеся выше идеи избранничества американской нации и особого пути католицизма в Америке. При этом американское «мессианство» рассматривается Салливаном одновременно с демократическими ценностями и с патриотизмом [30, с. 15].

В отличие от Айрленда с его сдержанным отношением к европейскому модернизму, Салливан позиционирует себя как его горячий приверженец. Теолог подчеркивает те положения католического модернизма, которые, как ему видится, характеризуют это движение: «он нацелен на пересмотр вероисповедания, на революционные изменения во внешнем государственном устройстве и регенерацию внутреннего духа матери-Церкви христианского мира» [30, с. 15]. Необходимо отметить, что богословские, социальные воззрения Салливана контрастируют с общим фоном достаточно умеренной критики католического мейнстрима у остальных «американистов». Именно папство, указывает Салливан, ответственно за кризис христианства в современную эпоху; оно реакционно по отношению к любым свободным выражениям современного общества и его либеральным учениям, в том числе к модернизму [30, с. 25].

Салливан подвергает переоценке и ряд католических догматов, к которым он относит учение о папской непогрешимости, учение об индульгенции, которые воспринимаются им как исторические пережитки католицизма [30, с. 45-46, 87-90, 92-96]. Критическому рассмотрению Салливан подвергает и учение о целибате (безбрачии духовенства), имеющем, с точки зрения модерниста, языческие корни, которое подобным же образом объявляется американским модернистом извращением церковной доктрины, «ибо ни в каком другом вопросе Рим не показал более явным свой жестокий деспотизм и нечестивое суеверие» [30, с. 105].

Эти и ряд других высказываний теолога во многом продиктованы его оппозицией к папству, искажившего, как видится Салливану, основы католицизма. При этом Салливан декларирует свою принадлежность к Римской церкви, оставаясь в ней вплоть до 1919 г., когда Салливан меняет свою вероисповедную принадлежность, перейдя в протестантизм (Унитарную церковь) по моральным соображениям в ответ на гонения Ватикана на католический модернизм [25, с. 97-99]. В целом, взгляды Салливана на многие проблемные вопросы современного ему католицизма достаточно пессимистичны, их корень кроется в предельном традиционализме католицизма; выход видится теологу в проведении комплексных реформ, которые, однако, стали возможными лишь 50 лет спустя, в рамках II Ватиканского Собора (1962-1965), положившего начала модернизации католицизма в XX веке.

Ряд других «американистов», прежде всего епископ Джон Кин (1839-1918), ректор Католического университета Америки, кардинал Дэнис О'Конелл (1849-1927), архиепископ г.Балтимор, кардинал Джеймс Гиббонс (1834-1921) уделял много внимания другим вопросам католической реформы. Так, Джон Кин придавал большое значение роли образования в Америке, при этом патриотизм американских католиков, взаимопонимание школы и государства, с точки зрения епископа, будут способствовать укреплению католицизма в Соединенных Штатах [15, с. 16]. Образовательная система Америки, подчеркивает Кин, ориентирована на свободное развитие личности; в науке она пропагандирует методы свободных исследований, которые не должны преследоваться Церковью [16, с. 525-526]. Собственно говоря, подобные проекты были характерны для многих деятелей «американизма», которые «поддерживали не только большинство целей, но и многие из методов современных образовательных реформ» [1, с. 132].

Другой, не менее известный покровитель идей «американизма», прогрессивно настроенный кардинал Джеймс Гиббонс приобрел известность в качестве защитника рабочего движения в Америке, создав организацию «Рыцари труда» (Knights of Labor), деятельность которой, в начале настороженно встреченной Ватиканом, впоследствии получила признание благодаря стараниям самого Гиббонса. Балтиморский архиепископ являлся сторонником всестороннего христианского образования в Америке и считается одним из основателей Католического университета Америки. Гиббонс быстро приобрел репутацию прогрессивного католического иерарха, однако его приверженность некоторым

«американистским» идеям, касающимся государственно-церковных отношений, стала известна в Риме и получила там негативную оценку.

Вскоре обо всех этих свободных тенденциях в американской Церкви было высказано официальное мнение и самого папы Льва XIII, в своих нескольких энцикликах подвергнувшего осуждению доктрину «американизма». В 1895 г. папа издает энциклику «*Longinqua Oceani*» (англ. «Через просторы океана...»), адресованную американскому епископату, в которой «американизм» прямо еще не осуждается. Одной из тем энциклики становится проблема государственно-конфессиональных отношений: понтифик, отмечая успехи католической миссии в Америке, в то же время делает предупреждение либеральным католикам относительно их приверженности секулярной модели сосуществования Церкви и государства и предлагает не переносить принципы американской демократии в религиозную сферу и не стремиться к поиску «уникальности или универсальности статуса католической Церкви в Америке» и не способствовать «разъединению и разведению Церкви и государства» [31, с. 323]. В пике «американистам», в доказательство ошибочности их концепции разделения Церкви и государства, с точки зрения папы, миссия Церкви в США будет являться наиболее плодотворной как раз благодаря покровительству светских властей [31, с. 323-324].

После обнародования энциклики Ватикан начинает кампанию против «американистов». В том же 1895 г., в ходе непрестанной критики со стороны церковных властей ушел в отставку кардинал О'Конелл, а в 1896 г. его судьбу разделил и епископ Кин.

Окончательное осуждение «американизма» происходит в 1899 г. в связи с обнародованием энциклики Льва XIII «*Testem Benevolentiae Nostrae*» (лат. «Свидетельство нашего благоволения»), адресованное кардиналу Джеймсу Гиббонсу. Поводом для энциклики, в которой «не говорится об американских социальных и политических реалиях» [19, с. 275], стал французский перевод книги У.Эллиота «Жизнь о. Хекера» (1897), где основоположнику «американизма» приписываются такие представления, как «превосходство современных естественных добродетелей над сверхъестественными», «активных добродетелей над пассивными» (к проявлениям последних, согласно энциклике, Хекер относил монашескую жизнь, религиозные ордена), «мессианство» и обособленность американского католицизма [31, с. 447-449, 452], кото-

рые, как отмечает исследователь «американизма» Дж.Фогарти, были «карикатурой на теорию Хекера» [5, с. 7]. Однако Св. Престол не сомневался в принадлежности этих идей Хекеру, которые отвергаются в папском послании как неканонические. В энциклике порицаются также некоторые либеральные формы американского католицизма, выражающиеся в ослаблении учительного авторитета Церкви, предоставлении мирянам излишней самостоятельности и активности [31, с. 447]. Также в энциклике проводится мысль об относительности человеческой природы, не освященной действием благодати, передаваемой Церковью. Данное обстоятельство напрямую связано с невозможностью интеллекта применять критический подход к толкованию догматов, в частности Откровения [5, с. 8].

При этом энциклика не затрагивает другие вопросы, связанные непосредственно с «американизмом», такие как проблема государственно-церковных отношений, свободы вероисповедования, которые будут интерпретироваться католичеством в XX веке в духе традиции [5, с. 7-8]. Впрочем, данная проблематика, также как и правомочность библейской критики, станет вновь актуальной в годы проведения II Ватиканского Собора, положившего начало реформированию католичества [5, с. 10].

Наконец, документ подводит итог либерализму американских католиков, который получает официальное осуждение в папском послании: «...мы не в состоянии дать согласие на те взгляды, которые, по общему согласию, называются некоторыми "американизмом"» [31, с. 452]. Реакция ведущих «американистов» на папское послание не заставила себя долго ждать. В своем ответе Льву XIII кардинал Гиббонс опровергает еретичность взглядов Хекера, которые были ему, очевидно, просто приписаны; столь жесткая позиция Святого Престола объясняется Гиббонсом ошибочным восприятием идей Хекера европейскими церковными критиками [33, с. 261], полностью искажившими взгляды «американистов». С ним солидарен и Айрленд, утверждавший, что придерживался лишь некоторых социально-политических проектов «американизма», не затрагивавших вопросы догмы [29, с. 435].

По замечанию американского религиоведа Кевина Шмизинга, осуждение «американизма» оказало незначительный эффект на главных лидеров движения, которые отрицали правомочность всех обвинений [27, с. 7], однако, не желая обострения конфликта, они подчинились папским указаниям по нераспространению либеральных взглядов, идущих вразрез с католиче-

ской ортодоксией. На этом историческое существование «американизма» заканчивается, а его судьба предвещает исход модернистского кризиса в Европе, закончившегося таким же его осуждением в энциклике папы Пия X «*Pascendi dominici gregis*» 1907 г.; окончательно он перестает существовать как религиозно-философское движение в 1910 гг. в связи с введением так называемой «Антимодернистской присяги» (лат. «*Sanctorum Antistitum*»), введенной с целью выявления и пресечения «ереси» модернизма.

Итак, ознакомившись с краткой историей «американизма», перейдем к его сравнительным характеристикам с континентальным католическим модернизмом. Прежде всего, бросается в глаза общность базовых религиозно-философских установок модернистов США и Европы по ряду вопросов, таких как преодоление консерватизма католичества и приспособление его к новым реалиям времени; изменение характера государственно-церковных отношений (прежде всего, разграничение светской и религиозной сторон); литургические новации (введение и широкое использование на службе национальных языков); критика отдельных догматических положений, например, целибата, папской непогрешимости (присущая, впрочем, отдельным представителям «американизма», в частности У.Салливану, у европейских модернистов – А.Луази, Дж.Тиреллу, А.Утэну) и др.

На сходство европейского и американского модернизма указывали и его идеологи. Так, французский модернист Альбер Утэн прямо объявляет о взаимосвязанности учения европейских католических реформаторов и американских либералов [10]. Точно такие же параллели между ними усматривает и английский модернист Лесли Лилли [17]; кроме того, представления о взаимном влиянии и пересечении идей европейских и американских модернистов придерживается известный историк модернистского движения Алек Видлер [32]. Наконец, нельзя не упомянуть и о признании общих истоков католических модернистов у их оппонентов, прежде всего вышецитированных Делассюза и Мениньена.

Сближает идеи католических модернистов и «американистов» их общий социо-культурный контекст с его атмосферой свободных теологических исследований по ряду вопросов, связанных с интерпретацией христианской догматики (как, например, у ряда французских и английских модернистов – А.Луази, Л.Лабертоньер, Э.Леруа, А.Утэна, Дж.Тирелла) и социально-политических проектов, затрагивавших различ-

ные аспекты общественных отношений. Например, признание светского характера американской системы образования, присущее многим «американистам», разделял и ряд европейских модернистов (в частности, Л.Лабертоньер), также полагавших необходимость разграничения школы и Церкви.

Религиозно-политические концепции католических модернистов, базировавшихся на принципах свободы совести, отделения Церкви от государства, которые находят свое выражение в представлениях А.Луази и Р.Мурри, также имеют свои параллели со схожими теориями «американистов». При этом достаточно сложно судить о большей или меньшей либеральности этих проектов у европейских модернистов и их заокеанских коллег, которые во многом совпадали, скорее речь может идти о единой, с позволения сказать, парадигме критических методов исследования разнообразных аспектов христианского вероучения.

Показательна история прямых взаимоотношений между европейскими модернистами и «американистами». С целью ознакомления европейских модернистов со своими взглядами во Франции в 1897 г. при значительном участии Айрленда был опубликован французский перевод уже упоминавшейся книги Эллиота «Жизнь о. Хекера». Она сразу же встретила сопротивление (что, впрочем, и следовало ожидать) со стороны церковных властей. Критики утверждали, что идеи «американизма» только внесли дополнительную смуту в умы католиков, а сама система Хекера является эклектичным учением, в котором «смешиваются мнения относительно догмы, учения, христианства и религиозной жизни, демократические и социальные доктрины» [23, с. 421].

Также можно упомянуть, что еще одна причина неудачи в распространении идей «американизма» на европейской почве, предпринятой в результате обнародования, заключалась в «невозможности перевести один культурный опыт в состав другого» [6, с. 77]. В том же, 1897, году реформистские идеи Хекера получают известность и распространение благодаря стараниям кардинала Дэниса О'Коннелла, пытавшегося популяризировать учение Хекера в Европе. В 1897 г. он делает доклад на 4-м Международном конгрессе во Фрайбурге, на котором присутствовали либеральные европейские католики, такие как Мари Жозеф Лагранж, барон Фридрих фон Хюгель, Джон Зам, под названием «Американизм в жизни о. Хекера». В числе тем, выносимых на обсуждение, значилась проблема государственно-церковных отношений, при которой

традиционная система конкордата, определяющая взаимоотношения власти и католической Церкви и наделяющая ее приоритетом, согласно О'Коннеллу, утратила свою силу в США, где католики не занимали лидирующее положение в религиозной жизни страны [6, с. 77]. Эти идеи О'Коннелла сразу же встретили критику со стороны католиков-ортодоксов, усматривавших во взглядах теолога «американскую форму рационализма, с которой боролась европейская Церковь» [5, с. 4]. При очевидном сходстве этой проблематики с политическими теориями европейских модернистов, интерес последних ограничивался лишь поверхностным восприятием этой и других доктрин «американизма» ввиду разного культурного контекста.

Дважды на протяжении нескольких лет (в 1892 и 1901 гг.) Европу посетил архиепископ Айрленд. В частности, в 1901 г. он встретился с одним из главных французских модернистов, о. Альфредом Луази, в ходе которого поднимался вопрос о правомочности критических исследований в католичестве. Сходясь в главном, Айрленд настаивал на более деликатном решении этой проблемы в отличие от гиперкритицизма Луази [25, с. 88].

Другие католические модернисты поддерживали постоянные контакты с их американскими коллегами, находясь в процессе непрерывного поиска и взаимного обогащения разнообразными идеями. Однако, при всем сходстве этих идей в основных вопросах по реформированию католичества, между представителями этих ветвей либерального католицизма наблюдалось известное различие, обусловленное национально-культурными контекстами. Так, в европейском католическом модернизме сравнительно слабое выражение находил национальный фактор, который, наоборот, получил свое законченное выражение в доктрине «американизма» с его претензией на ведущую роль католической Церкви в США. Однако данный вопрос требует некоторого уточнения, поскольку весьма похожие представления были заметны в итальянском модернизме. Согласно концепции его главного представителя, о. Ромоло Мурри, будущее католицизма тесно связано с Италией и новым Римом, который воплотит в себе идеалы модернизма и станет центром вселенского христианства [21, с. 381; 22, с. 74].

Также можно отметить, что в «американизме» гораздо слабее представлен весь спектр критических исследований европейских модернистов, включая библейскую экзегетику, спор о месте и роли догмата в истории христианства, что особенно характерно для фундаментальных

теорий таких модернистов, как А.Луази, Л.Лабертоньер, Э.Леруа, Дж.Тирелл. Впрочем, эта индифферентность к доктринальным спорам присуща большинству «американистов», за исключением У.Салливана, чья теология ориентирована на полемическое противостояние католической ортодоксии.

Подводя итог нашему исследованию, заметим, что вся совокупность разбиравшихся здесь религиозно-философских идей католического модернизма в Европе и Америке свидетельствует об их общем происхождении, влиянии на них распространенных в то время учений либеральной ориентации; таким образом, «американизм» и католический модернизм, при различных страновых контекстах, являются, тем не менее, звеньями единого процесса демократизации религиозной жизни в католичестве конца XIX – начала XX века, связанного с поисками ответов на магистральные тенденции общества «модерна». Духовное наследие католического модернизма, несмотря на его осуждение, смогло преодолеть свои временные рамки и дало начало новым попыткам реформирования католичества, начавшим осуществляться с середины XX века, когда католичество воспринимает отдельные проекты социальных реформ «американизма» (в сфере образования, языковой инкультурации католиков-иммигрантов и проч.) [20, с. 366], которые обогатили, прежде всего, католическую Церковь в США, превратив ее из маргинальной религиозной организации в одну из ведущих христианских конфессий [26, с. 84], и критических принципов европейского модернизма, как, например, свободы теологических исследований, продолжающих иметь свое непреходящее значение для католицизма сегодняшних дней.

Литература

1. Cross R.D. The Emergence of Liberal Catholicism in America. – Cambridge, 1958. – 328 p.
2. Curran R.E. Prelude to «Americanism»: The New York Academia and Clerical Radicalism in the Late Nineteenth Century // Church History. – 1978. – Vol. 47. – №1.
3. Delassus H. L' Américanisme et La Conjuración Antichrétienne. – Paris, 1899. – 447 p.
4. Fogarty G.P. Reflections on Contemporary Anti-Catholicism // U.S. Catholic Historian. – 2003. – Vol. 21. – № 4.
5. Fogarty G.P. Reflections on the Centennial of «Testem Benevolentiae» // U.S. Catholic Historian. – 1999. – Vol. 17. – № 1.
6. Fogarty G.P. The Holy See, Apostolic Delegates, and the Question of Church – State Relations in the United States // U.S. Catholic Historian. – 1994. – Vol. 12. – № 2.
7. Hecker I.T. Aspirations of nature. – New York, 1857. – 360 p.
8. Hecker I.T. Questions of the Soul. – New York, 1855. – 294 p.

9. Hecker I.T. The Church and the Age. An Exposition of the Catholic Church in view of the needs and aspirations of the present age. – New York, 1887. – 322 p.
10. Houtin A. L'Américanisme. – Paris, 1904. – 497 p.
11. Ireland J. The Church and the modern society. – New York, 1903. – 433 p.
12. Ireland J. The Dogmatic Authority of the Papacy. The Encyclical on Modernism // The North American Review. – 1908. – Vol. 187. – №629.
13. Ireland J. The Pontificate of Pius X // The North American Review. – 1907. – Vol. 184. – №608.
14. Ireland J. et al. Leo XIII, His Work and Influence // The North American Review. – 1903. – Vol. 177. – №562.
15. Keane J. Christian education in America. – Washington, 1892. – 27 p.
16. Keane J., O'Byrne M.C. What is the Catholic School Policy? // The North American Review. – 1885. – Vol. 140. – № 343.
17. Lilley L. Modernism. A record and review. – London, New York, 1908. – 277 p.
18. Maignen C. Nouveau Catholicisme et Nouveau Clergé. – Paris, 1902. – 524 p.
19. Mc Avoy T. Americanism and Frontier Catholicism // The Review of Politics. – 1943. – Vol. 5. – №3.
20. McAvoy T. The Great Crisis in American Catholic History. 1895-1900. – Chicago, 1957. – 402 p.
21. Murri R. An Italian Modernist's Hope for the Future // The Harvard Theological Review. – 1916. – Vol. 9. – №4.
22. Murri R. Il cristianesimo e la religione di domani. – Roma, 1908. – 75 p.
23. Péchenard P. L. The End of «Americanism» in France // The North American Review. – 1900. – Vol. 170. – №520.
24. Ratte J. Three modernists: Alfred Loisy, George Tyrrell, William Sullivan. – New York, 1967. – 370 p.
25. Reher M. Americanism and Modernism – Continuity or Discontinuity? // U.S. Catholic Historian. – 1900. – Vol. 1. – №3.
26. Reher M., Sullivan J. Catholic Intellectual Life in America. Retrospect and Prospect (with Response) // U.S. Catholic Historian. – 1989. – Vol. 8. – №4.
27. Schmiesing K. American Catholic Intellectuals and The Dilemma of Dual Identities, 1895-1955. – New York, 2002. – 319 p.
28. Storch N.T. John Ireland and the Modernist Controversy // Church History. – 1985. – Vol. 54. – №3.
29. Storch N.T. John Ireland's Americanism after 1899: The Argument from History // Church History. – 1982. – Vol. 51. – №4.
30. Sullivan W.L. Letters to His Holiness Pope Pius X by a modernist. – Chicago, 1911. – 280 p.
31. The great encyclical letters of Pope Leo XIII. – New York, Cincinnati, Chicago, 1903. – 580 p.
32. Vidler A. The Modernist Movement in The Roman Church. Its Origins & Outcome. – London, 1934. – 286 p.
33. Will A.S. Life of James cardinal Gibbons. – New York, 1911. – 414 p.

Долгов Владислав Борисович, аспирант Российского государственного гуманитарного университета, преподаватель кафедры религиоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, г. Москва, e-mail: vlad_dolgov@mail.ru.

Dolgov Vladislav Borisovich, postgraduate student, Russian State Humanitarian University, lecturer, department of religious studies, St. Tikhon Orthodox University for the Humanities, Moscow, e-mail: vlad_dolgov@mail.ru.

УДК 1(470)091

© А.Р. Станкевич

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПАТРИОТИЗМА И НАЦИОНАЛИЗМА В ФИЛОСОФСКОМ УЧЕНИИ И.А. ИЛЬИНА

В статье раскрываются такие понятия, как «патриотизм» и «национализм» с точки зрения русского религиозного философа И.А. Ильина. Большое внимание уделяется вопросу о необходимости национального воспитания людей с раннего возраста, приобщения их к национальному духовному опыту.

Ключевые слова: патриотизм, национальный духовный опыт, национально-духовный уклад, патриотическое единство, укрепление русского самосознания, идея, воля, характер.

A.R. Stankevich

TO THE QUESTION OF THE ESSENCE OF PATRIOTISM AND NATIONALISM IN THE I.A. ILYIN

The article deals with such notions as «patriotism» and «nationalism» from the point of view of Russian religious philosopher I.A. Ilyin. Great attention is paid to the problem of the necessity of people national education at an early age, their introduction to the national spiritual experience.

Key words: patriotism, national spiritual experience, national and spiritual structure, patriotic unity, strengthening of national consciousness.

Иван Александрович Ильин в своем творчестве неоднократно обращался к таким проблемам, как духовное развитие и формирование личности, становление культуры, возрождение России, но его интересовали и вопросы патриотизма и национализма.

Используемое И.А. Ильиным понятие «национализм» отличается от его современной трактовки, где нередко под национализмом понимается идеология и политика, которая проповедует национальную обособленность народа, разжигание межнациональной вражды, недо-

рие к другим народам. Для А.И. Ильина «национализм» – это любовь к духу своего народа, к его духовному своеобразию, защитная реакция нации на извращение начал национального духа и бытия. Патриотизм по Ильину – это чувство любви к Родине.

У И.А. Ильина понятие «национализм» близко к понятию «патриотизм», но это более частное понятие. Национализм, по-Ильину, – это некоторая составная часть, элемент патриотизма со знаком плюс. Все отрицательные проявления национальных чувств, таких как ненависть к другим народам, обособление, самомнение, философ считал не сущностью национализма, а его извращением. Он учил чтить национальные чувства других народов, их духовные достижения.

Интернационализм он называл «духовной болезнью», а сверхнационализм считал доступным только настоящему националисту, например, «мировому гению», который утвердился в творческом акте своего народа и создал нечто прекрасное для всех народов. По мнению мыслителя, при правильном понимании национализма религиозное и национальное чувства сливаются и образуют творческое единство, из которого вырастает национальная культура. Национализм, в понимании И.А. Ильина, не противоречит и христианскому универсализму, так как каждая нация имеет свой «религиозный смысл»: «религиозная вера осмысливает национализм, а национализм возводит себя к Богу» [1, с. 329].

Истинным гражданином и патриотом, по мнению Ильина, может быть только духовно зрелый человек, так как только он добровольно и всеми силами способен защищать духовную культуру своей Родины, и только он живет тем, за что стоит и умереть.

Исходя из своего учения о равновесии и сочетании духа и инстинкта, А.И. Ильин выделял «слепо-инстинктивный» и «духовный» патриотизм. В своей работе «Путь духовного обновления» философ писал: «В здоровой жизни человека инстинкт и дух вообще не оторваны друг от друга: но степень их примиренности, взаимной согласованности и взаимного проникновения бывает неодинакова. Инстинкт, не приемлющий духа, – слеп, самоволен, безудержен и чаще всего порочен; он идет к крушению. Дух, не приемлющий инстинкта, – подорван в своей силе, теоретичен, бесплоден и чаще всего нежизненен; он идет к истощению. Инстинкт и дух призваны к взаимному приятию: так, чтобы инстинкт получил правоту и форму духовности, дух получил творческую силу инстинктивности. Так и в патриотизме. Патриотизм есть любовь – не просто

«предпочтение», «склонность» или «привычка». И если эта любовь не «пустое слово» и не «поза», то она есть инстинктивная прилепленность к родному. Поэтому патриотизм всегда инстинктивен. Но он не всегда духовен. И то, что должно быть достигнуто, есть взаимное проникновение инстинкта и духа в обращении к родине. Инстинктивная страсть должна креститься огнем духа; духовное избрание предпочтение и самоопределение должно получить всю силу инстинктивной страстности. Это будет любовь зрячая и оформляющая; это будет духовность таинственно-целесообразная и страстно-мудрая: это будет истинный патриотизм...» [2, с. 174-175].

Духовно мертвый человек не любит свою Родину и может предать ее. Истинный патриот любит ее духовной любовью, в которой инстинкт и дух едины. Это единение со своим народом человек передает многозначительным словом «мы». Родина воспринимается живым духовным опытом человека. А.И. Ильин отмечал, что есть разные виды патриотизма. Есть патриотизм, который исходит от семейного и родового чувства, есть патриотизм, исходящий от религиозного и нравственного облика родного народа, иногда исходящий от природы и от быта и лишь затем уходящий к проблемам всенародного размаха и глубины, но есть патриотизм, исходящий от духовной отчизны, сокровенной и «таинственной» и постигающий быт своего народа с этой метафизической высоты. Таким образом, в основе патриотизма лежит акт духовного самоопределения.

Патриотическое единство людей формируется из их «сопринадлежности». У них единый духовный уклад. Ильин об этом писал следующее: «Люди связываются в единую нацию и создают единую родину именно в силу подобия их духовного уклада, а этот духовный уклад вырабатывается постепенно, исторически из эмпирической данности – внутренней, скрытой в самом человеке (раса, кровь, темперамент, душевные способности и неспособности), и внешней (природа, климат, соседи). Вся эта внутренняя и внешняя эмпирическая данность, полученная народом от Бога и от истории, должна быть проработана духом, причем она и со своей стороны формирует дух народа, то облегчая ему его пути, то затрудняя и загромождая их. В результате возникает единый национально-духовный уклад, который и связывает людей в патриотическое единство» [2, с. 189].

Бремя эмпирического существования, с точки зрения мыслителя, преодолевается только «творчеством», созданием новых ценностей. И в

этом духовном творчестве у каждого народа свои специфические особенности, которые и образуют его национально-духовный уклад, его национальный, духовный акт. У каждого народа свое чувство справедливости, свой характер, представление о нравственном идеале, каждый по-своему познает, создает живопись, творит музыку, т.е. у каждого народа свой национальный духовный акт.

Истинный патриотизм и национализм, по А.И. Ильину, – это «любовь не слепая, а зрячая; и парение ее не только не чуждо добру и справедливости, и праву, и главное, Духу Божию, но есть одно из высших проявлений духовности на земле» [2, с. 217].

Философ считал, что духовно верный национализм надо прививать людям с раннего детства, бороться с их национальным обезличиванием. Воспитание детей, с точки зрения Ильина, – это «пробуждение их бессознательного чувствительности к национальному духовному опыту, укрепление в нем их сердца, их воли, их воображения и их творческих замыслов» [2, с. 202].

Достигается это посредством:

- родного русского языка, который вмещает в себя всю душу, все прошлое народа;
- русской песни, которую он должен слышать еще с колыбели, ведь именно она глубока, как человеческое страдание и искренна;
- молитвы, которая даст ему духовную гармонию;
- сказки, которая пробуждает в ребенке мечту, чувство героического;
- жития святых и героев, которые учат национальной святости и доблести;
- поэзии, которая пленяет душу ребенка гармонией и ритмом, учит духовному восторгу;
- истории, которая учит «духовному преемству» и сыновней верности; русский ребенок должен почувствовать себя славянином;
- армии, которая воплощает в себе храбрость, честь, самоотверженность русского народа;
- территории, которую русский ребенок должен увидеть воображением, ее простор, это национально-государственное наследие России;
- хозяйства, в котором ребенок почувствует творческую радость и силу труда.

Национальное воспитание необходимо каждому народу, и, по мнению А.И. Ильина, «только на этом пути человечеству удастся соблюсти священное начало родины и в то же время одолеть соблазны – как большого национализма, так и всеразлагающего интернационализма» [2, с. 208].

Всю свою жизнь А.И. Ильин посвятил борьбе за Родину, ее освобождение и обновление. И, как очень точно заметил исследователь творчества философа Н.П. Полторацкий, Ильин всегда был «проповедником русского национально-го возрождения» [3, с. 227], и его по праву можно считать русским национальным учителем.

Философ считал, что выход из российского и мирового кризиса, который разразился в мире с началом Первой мировой войны, возможен только при возвращении людей к основным принципам, аксиомам бытия в области религии, государства, права, хозяйства и культуры. Уже в первом номере своего журнала «Русский колокол» А.И. Ильин указывал, что «Россия восстановится на путях религиозного очищения и самобытного творчества» [4, с. 2] и главную задачу журнала видел в «глубоком и всестороннем обновлении духа в русском образованном слое, укреплении русского самосознания и отборе качественных сил» [4, с. 2].

В своей статье «Русский колокол» в №1 журнала (1927 г.) мыслитель отмечал, что первое, в чем нуждается Россия – это «религиозная и патриотическая, национальная и государственная идея» [4, с. 4]. Необходимо увидеть идеальную Россию, считал А.И. Ильин, в ее грядущем совершенстве, и создать те силы, которые сделают ее таковой. В статье он писал: «Это идея великодержавной России, воздвигнутой на основах подлинно христианской, волевой и благородной государственности. Это есть идея: Богу служащей и потому священной Родины... Она отвергает раба и хама; и утверждает брата и рыцаря. Она учит чтить божественное в человеке; и потому требует для него духовного воспитания. Она дает человеку свободу для духа, для любви и для творчества; но не дает ему свободы для лжи, для ненависти и для злодейства. Она учит принимать право, закон и дисциплину доброю волею; и требовать, чтобы мы заслужили себе свободу духовным самообладанием. Она зовет к братству; но выражает братство не в равенстве, а в справедливости и в справедливом ранге. Она зовет к творческому труду, ограждая собственность; но саму собственность освещает, как ответственную обязанность и как призыв к щедрости. Она утверждает брак, как таинство; и семью, как школу любви, верности и повиновения. Она учит строить государство не на выгоде и произволе, а на долге и верности...» [4, с. 5-6]. Но для этого русский народ должен «чтить в себе свое национальное достоинство, не переоценивая других народов и не подражая им», а также прислушаться к «инстинкту нашего национального самосохранения» [4, с. 6].

Второе, в чем нуждается Россия, с точки зрения А. И. Ильина – это воля и характер. Современное поколение русского народа, и особенно русская интеллигенция, должны не мечтать, а решать и осуществлять задуманное. Но эта задача нескольких поколений, поэтому нужны «русские адаманты» – люди, сильные, с крепким национальным характером, которые не только освободят и восстановят Россию, но и воспитают в ней новые поколения с гражданским мужеством и с характером. В связи с этим философ писал: «Воспитание характера – вот великое национальное задание России; вот ее волевая идея на века. Русскому человеку необходим характер, религиозно укорененный, патриотически накаленный, способный к деяниям долгого замысла и медленного, выдержанного исполнения» [4, с. 7].

Русскому человеку многое даровано от природы, но ряд свойств, по мнению А.И. Ильина, он должен приобрести сам. Обладая внутренней свободой, русский человек «нуждается в волевой дисциплине». Он талантлив, но ему необходимо трудолюбие. Его душа «глубока и темпераментна – и нуждается в волевом и разумном трезвении. Она добра и гостеприимна, – но не проработана чувством долга. Она религиозна по природе, – но нуждается в зорком очищении и в выдержанной борьбе с соблазнами. Она мечтательна, созерцательна и в чувствах своих неуравновешенна, – но именно поэтому она нуждается в самообладании и в силе характера» [4, с. 8].

Третье, в чем нуждается Россия – это «свободный и спокойный патриотический реализм для мирного и творческого выхода из революции» [4, с. 8].

Как считал философ, революция для русского народа была всенародным несчастьем, «духовною болезнью», но сейчас люди ищут духовного и политического выздоровления. И это не возврат к прошлому, а стремление к новой лучшей России. Советская власть обречена, она будет свергнута, но Ильин указывал: «Ни к кому из русских людей, любящих Россию, как свою Родину, мы не питаем ни злобы, ни мстительных чувств; напротив, выше всего ставя благо России, мы желаем одного, чтобы она была избав-

лена от нового, повального, имущественного передела и следовательно, от новой гражданской войны...» [4, с. 9].

В статье «О священном» (1927 г.), опубликованной в том же номере журнала, мыслитель призывал людей возродить в своих сердцах «живое и глубокое чувство священного», подлинную религиозность, которую они потеряли. Без священного человек не живет, а прозябает. Именно восприятие священного пробуждает душу человека к жизни, а «живое отношение к святыне впервые делает человека – человеком; служение ей – строит его личность и созидает его характер» [4, с. 14].

Современный, растерянный человек не умеет бороться с пошлостью. Для этого необходимы люди, преданные священным алтарям, с «религиозным закалом души», по-Ильину. И как отмечал философ: «Только в таком рыцарственном служении и союзе создастся и выдвинется необходимое России поколение. Поколение людей, способных вести борьбу и строить святую Русь под знаменем религиозной и национальной, – священной идеи; способных подчинить ей и начало земной власти, и начало земной прибыли; способных создать власть, подлинно идущую от Бога» [4, с. 17]. Иван Александрович Ильин был искренне убежден: только через служение священному спасется и восстановится Россия.

Литература

1. Ильин И.А. Основы христианской культуры: в 10 т. Т. 1. – М., 1996.
2. Ильин И.А. Путь духовного обновления: в 10 т. Т. 1. – М., 1996.
3. Полторацкий Н.П. Иван Александрович Ильин: жизнь, труды, мировоззрение. – N.J., 1989.
4. Русский колокол. Журнал волевой идеи. – 1927. – № 1.

Станкевич Анджела Родионовна, кандидат философских наук, декан юридического факультета Калининградского филиала Московского финансово-юридического университет, г. Калининград, e-mail: Andgela-64@mail.ru.

Stankevich Andgela Rodionovna, candidate of philosophical science, the head of the law faculty, Moscow University of Finance and Law (Kaliningrad branch), Kaliningrad, e-mail: Andgela-64@mail.ru.

УДК 24 (510)

© О.С. Литвинцев

ФИЛОСОФСКО-СОТЕРИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ БУДДИЗМА В КИТАЕ

*Исследование выполнено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (номер соглашения: 14.В37.21.0511)

В статье исследуются философско-сотериологические аспекты трансформации буддизма в Китае, обусловленной распространением в IV–V вв. позднемахаянских сутр и рефлексией на них китайских буддийских мыслителей. Раскрываются главные черты философии китайского буддизма. Обосновывается, что дискурс китайского буддизма во многом предопределило учение средневекового мыслителя Дао-шэна, стремившегося синтезировать буддизм Махаяны с традиционной китайской теоретической мыслью.

Ключевые слова: китайский буддизм, буддийская философия, Дао-шэн, сотериология буддизма, внезапное просветление.

O.S. Litvintsev

PHILOSOPHICAL AND SOTERIOLOGICAL ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF BUDDHISM IN CHINA

The article investigates the philosophical and soteriological aspects of transformation of Buddhism in China, due to the spread of IV-V centuries late Mahayana sutras and their reflection on Chinese Buddhist thinkers. It reveals the main features of the philosophy of Chinese Buddhism. It is defined that the discourse of Chinese Buddhism was largely predetermined by the teaching of the medieval thinker Tao-sheng, who wanted to synthesize Mahayana Buddhism and traditional Chinese scientific thought.

Key words: Chinese Buddhism, Buddhist philosophy, Tao-sheng, Buddhist soteriology, sudden enlightenment.

Отправной точкой буддийской религиозно-философской мысли по праву считается провозглашение Буддой идеи возможности спасения – нирваны. С желанием Шакьямуни передать свой трансцендентный опыт просветления, сделать его чем-то предметным и общезначимым рождается учение. По мысли Г.С. Померанца, вокруг парапсихологического опыта Будды как смыслового ядра сформировались буддийская философия, буддийский культ, буддийская этика, буддийская магия и т.п. [3, с. 77]. Не будет ошибочным утверждать, что буддизм – это, прежде всего, учение о спасении, о том, как его достичь. Сотериология в буддизме действительно играет важнейшую роль. Она, – по словам Л.Е. Янгутова, – является доминантой всего буддийского комплекса, его динамической частью [5, с. 5]. По сотериологическому принципу произошло разделение буддизма на Хинаяну и Махаяну, продиктованное стремлением выработать оптимальный путь к спасению для всех и каждого. Этим, в конечном счете, объясняется столь разительная трансформация буддизма в процессе своего становления в разных странах, пестрота и разнообразие самой буддийской цивилизации. Именно изменение сотериологического ориентира, осуществленное китайскими буддийскими проповедниками IV-V веков, позволило буддизму прочно закрепиться в Поднебесной и стать

наряду с конфуцианством и даосизмом одной из главных религиозно-философских систем Китая.

Трансформация буддизма в Китае обусловлена, в первую очередь, наличием в Среднем государстве собственной философской традиции с устойчивым категориальным аппаратом и рассматриваемым кругом проблем. Ключевую роль в укреплении позиций буддизма, по мнению Л.Е. Янгутова, сыграла ярко выраженная сотериологическая направленность индийского учения, чего не доставало ни господствующей идеологии ханьской империи – конфуцианству, ни соперничавшему с ним даосизму. К буддизму, призывавшему отрешиться от мирской суеты, обращались бедные слои населения – за высокими станами монастырей от потрясений смутного времени укрывались крестьяне и беглые горожане, – а также искали покоя и уединения богатые аристократы. По историческим сведениям, в III–IV вв. вокруг столичных центров, городов Лоян и Чаньань, действовало около 180 буддийских монастырей, храмов и кумирен [1, с. 326]. После падения династии Хань буддизм оказался учением, способным заполнить сложившийся идеологический вакуум. В нем искали поддержки многие правители южных, и особенно северных неханьских династий: некоторые признавали его официальной государственной идеологией. Буддийские монастыри освобождались от налогов и притеснений покров-

вительствующих им властей. Все это способствовало распространению буддизма в Поднебесной и появлению его новых центров и последователей в разных частях страны.

Однако увлеченность китайцев учением Будды требовала от миссионеров построения диалога с традиционными китайскими религиозно-философскими системами. И такой диалог имел место с самых первых веков распространения буддизма в Китае. Он проявлялся по-разному: начиная от заимствований при переводе буддийских священных текстов терминологии традиционной китайской философии, заканчивая преднамеренным сближением концепций буддизма с неодаосским учением о глубочайшем – Сюань-сюэ, предпринятым в рамках движения шести школ семи направлений. Но в конце IV-начале V вв. выдающийся буддийский проповедник Кумараджива и его ученики установили существенные различия между философским дискурсом Сюань-сюэ и буддийской Праджняпарамитой. При этом выяснилось, что интерпретация вырванной из праджняпарамитского контекста ее центральной категории – категории пустоты – неизбежно приводит к неверному или одностороннему истолкованию последней. И уже ближайшие ученики Кумарадживы – Сэн-жуй, Сэн-чжао и Дао-шэн, начинают вести активную разъяснительную работу в попытках утвердить правильное понимание праджняпарамитской метафизики. И вновь перед ними встает проблема выбора стратегии взаимодействия с традиционной китайской теоретической мыслью. Именно тогда под влиянием набиравших популярность среди китайцев позднемахаянских сутр рождается учение Дао-шэна, совершившее переворот в буддийской сотеариологии и позволившее исследователям говорить о возникновении специфического китайского буддизма.

В IV веке перед китайскими апологетами Дхармы встал вопрос о будущем буддизма в Китае: либо строго следовать слову эталонного индийского учения (Кумараджива, Сэн-чжао и др.), либо взять за основу и развивать стихийно складывающуюся буддийскую картину мира в ее интерпретации китайцами (Хуэй-юань). Первым предстояло решить проблему адаптации буддийской философии на китайской почве. Развитие по второму сценарию обеспечивало популярность учения в народе, но предполагало потерю буддизмом своей специфической сотеариологии и философии. Яркой иллюстрацией этой проблемы может служить трансформация в Китае традиционной буддийской концепции «не-Я» (санскр. «анатмавада», кит. «у во», 无我).

Суть анатмавады в отрицании какого-либо независимого от всего сущего субстанционального начала – души или духа (санскр. «джива»). Китайцы задавались вопросом: если душа отсутствует, то что, согласно учению о карме, возрождается в сансаре или достигает освобождения?

Задолго до прихода буддизма, по меньшей мере, к середине I тыс. до н.э., в Китае сложились представления, в соответствии с которыми человек есть сочетание «небесной» субстанции, заключенной в душе хунь (魂), и «земной» субстанции, заключенной в душе по (魄). По возникает в момент зачатия, а хунь – при рождении; гармоническое сочетание этих двух субстанций нарушается в период болезни, во время сна и в момент смерти. После смерти по вместе с телом уходит в землю и становится злым и опасным духом гуй (鬼 – призрак, приведение), а хунь возносится на небо, превращаясь в дух шэнь (神 – доброе начало, божество) [4, С. 68]. Проникнув в Китай, буддизм не старался опровергнуть местные традиционные верования, в результате чего анатмавада была замещена противоположной ей концепцией неуничтожимости духа. По замечанию Фан Литяня, «тезисы "дух получает воздаяние" (кит. «шэньмин шоубао», 神明受报) и "практикуй Путь, чтобы стать Буддой" (кит. «сюдао вэйфо», 修道为佛), начиная с ханьской эпохи рассматривались китайцами в качестве основоположений буддизма. В раннем буддизме в качестве субъекта кармического воздаяния указывалось «сознание» (санскр. «виджняна»; кит. «ши», 识), являющееся одной из нидан 12-членной цепи взаимозависимого происхождения, его-то китайцы и сочли за дух – шэнь. Этот дух-шэнь указывает на концентрированный дух или небесную душу (кит. «лин хунь», 灵魂) и с сознанием-ши, в его первоначальном смысле, имеет различия, однако китайцы смешали эти два понятия в одно. В первоначальный период проникновения буддизма в Китай китайцы сочли, что доктрина неуничтожимости духа является теоретическим ядром буддизма» [7, с. 121].

Это «чудовищное», по словам Э.Цурхера, переосмысление учения эталонного буддизма обрело новое дыхание благодаря известнейшему проповеднику эпохи Восточной Цзинь Хуэй-юаню. Полемизируя с Кумарадживой и настаивая на том, что буддизм в Китае должен иметь свой собственный путь развития, Хуэй-юань сочинил трактат «Рассуждения о неуничтожимости духа» (кит. «шэнь бу ме лунь», 神不灭论),

направленный на то, чтобы сблизить буддизм с конфуцианством [6, с. 81]. Опираясь на традиционные натурфилософские представления, Хуэй-юань выдвинул доктрину «добро получает воздаяние» (кит. «шань шоубао», 善受报). В соответствии с ней человек, совершавший дурные поступки, становится злым духом гуй и опускается в ад (кит. «ди ю», 地狱), а совершавший хорошие дела, благодаря своей доброй карме (кит. «шань е», 善业), получает возможность стать бодхисаттвой и родиться в Чистых Землях (кит. «цзин ту», 净土) Будды Амитабхи – промежуточном пункте между сансарой и нирваной¹. Чистые Земли Амитабхи представлялись китайцам подобием буддийского рая, оказаться в котором и имелась возможность у неразрушимой части человеческого духа – шэнь. Учение о неуничтожимости духовного начала завоевало популярность в народе и среди пробуддийской аристократии, но встретило сопротивление со стороны интеллектуалов в лице ортодоксальных конфуцианцев и ученых Хуэй-линя, Хэ Чэнтяня, Фань Е, Фань Чжэня, которые отстаивали противоположный тезис – уничтожимость духа после смерти. Эти разногласия, в свою очередь, были спровоцированы возрастающим влиянием и обогащением китайской буддийской сангхи в V веке.

Проблема неуничтожимости духа стала яблоком раздора между буддийской и небуддийской интеллигенцией раннесредневекового Китая. В отличие от последователей Хуэй-юаня, Дао-шэн руководствовался учением поздних махаянских «Махапаринирвана-сутры» (кит. «Дабан непань цзин», “大般涅槃经”), которая, не отрицая отсутствия «Я» в пределах конкретного живого существа, провозгласила доктрину вечного, блаженного и чистого «истинного Я» (кит. «чжэнь во», 真我) Будды, которое скрыто за пустотой вещей и явлений. Согласно Дао-шэну, дискуссии о неуничтожимости духа лишены основания. Придерживаясь идеи тождества сансары и нирваны и наличия природы Будды во всем сущем, он заявляет, что постигаемая Буддой подлинная реальность, дхармакая, тождественна всей вселенной. Но если вселенная предстает перед нами в форме вещей и явлений, то скры-

тая за ней подлинная реальность не обладает вербально выразимыми признаками. Тождество истинной реальности и космоса абсолютно, в то время как различие обусловлено неведением. Иными словами, одна и та же вселенная может быть и несовершенной, и совершенной, в зависимости от воспринимающего ее сознания. На основании этого Дао-шэн приходит к выводу, что достижение просветления не может быть рассмотрено ни как переход в другой мир на подобии Чистой Земли, ни как следствие накопления благой кармы. Просветление есть обнаружение истинной природы всего сущего – природы Будды, а в китайской традиционной терминологии оно соответствует видению структурирующего принципа-ли всех вещей, скрытого за их материальным воплощением. Именно такие взгляды на природу всего сущего получили дальнейшее развитие в философии школ китайского буддизма, что в итоге свело на нет дискуссии о неуничтожимости духа.

Еще одним важнейшим открытием Дао-шэна и его единомышленников стало объяснение концепций сансары и нирваны в представлениях китайского натуралистического мировоззрения. Для китайского сенсуалистического и рассудочного натурализма мир, по словам А.И. Кобзева, «един и неделим, в нем все имманентно и ничто, включая самые тонкие божественные сущности, не трансцендентно» [2, с. 45]. В противовес ему буддийское понимание мира глубоко психологизировано: то или иное переживание бытия в действительности оказывается кармически обусловленной проекцией сознания конкретного живого существа – сансарой. В представлении китайцев космос гармоничен, упорядочен и сакрален, поскольку является воплощением великого закона Дао. Для буддиста космос предстает модальностью сансарического существования. Тем не менее, концепция сансары была принята в Китае в качестве отражения представлений о непрерывных изменениях субстанции ци, происходящих во взаимодействии сил инь и ян, что на уровне «тьмы вещей» проявляется в процессах бесконечных рождений одних вещей и разрушений других. Согласно Дао-шэну, подобно тому, как за всеми превращениями ци скрыт незримый закон Дао, за страданиями, приносимыми непостоянством сансары, скрыта абсолютная реальность.

Для подтверждения этой мысли Дао-шэн вновь обращается к «Махапаринирвана-сутре», которая по праву считается одним из наиболее онтологизированных текстов буддизма. Так, вместо понятия «нирвана», мыслитель вводит в употребление важнейший концепт «Махапарини-

¹Хуэй-юань первым в Китае организовал в 402 г. китайское общество амидаистского толка – общество Белого Лотоса («Бай лян шэ»), ставшее прообразом школы китайского буддизма Цзинту-цзун. Культ Будды Амитабхи (амидаизм) зародился в Индии, но стал особо популярен в Китае, Корее и Японии.

нирвана-сутры», используемый для обозначения абсолютной реальности – природу Будды (кит. «фо син», 佛性). Такое замещение оправданно с практической точки зрения. Понятие «нирвана», имеющее смысл в оппозиции с понятием «сансара», порождало ассоциации исчезновения, ухода, освобождения от мира страданий, что резонировало с индийским менталитетом, но было чуждо китайскому. В то время как используемое Дао-шэном понятие «природа Будды» вполне соответствовало традиционному китайскому пониманию Абсолюта как закона и лона всего сущего – Дао (道), а также как упорядочивающего принципа и глубокой основы всех вещей и явлений – чжэнь ли (真理). Дао-шэн отождествляет китайское «чжэнь ли» с «природой Будды». При этом все традиционные коннотации чжэнь ли, такие как единство, неразрывность и присутствие во всем и сразу, были узаконены китайскими буддистами в махаянском термине «природа Будды». Просветление же отныне интерпретировалось как постижение природы Будды. Дао-шэн заключает, что коль скоро ли содержится во всем, то все живые существа обладают природой Будды, и раз ли неделимо на части, то постигается мгновенно целиком и полностью. Иными словами, обнаружение в себе природы Будды моментально приводит к полной реализации себя как Будды. В этом состоит теоретическое обоснование изменения сотериологического ориентира буддизма в Китае. Если для индийского мировоззрения спасение мыслится как уход из этого мира, то для китайского – как гармония и единение с ним, а значит и обретаться оно должно в настоящей жизни. Концепция мгновенного просветления в настоящей жизни (кит. «дунь у чэн фо», «顿悟成佛»), полностью отвечавшая духу китайского холистического натурализма, стала венцом философии Дао-шэна.

Взгляды Дао-шэна стали катализатором развития философско-сотериологических принципов китайского буддизма, они же обусловили широкое признание в Китае «Трактата о пробуждении веры в Махаяну», в котором была продолжена разработка основоположений учения Дао-шэна. «Трактат о пробуждении веры в Махаяну» («Махаяна шраддхотпада-шастра»; кит. «Дачэн цисинь лунь», «大乘起信论») снискал огромнейшую популярность на Дальнем Востоке и стал одним из самых часто комментируемых и изучаемых буддийских произведений в Китае, Корее и Японии. В трактате продолжен

синтез разных направлений философской мысли Махаяны – в чем отразилась специфика всего китайского буддизма, – а также провозглашено учение о Едином сознании, которое представляет собой дальнейшую разработку положения «Саддхармапундарика-сутры», а также учения Дао-шэна о единстве и тождестве феноменального и истинно-сущего. Теория Единого сознания (санскр. экачитта; кит. «и синь», 一心), включающего абсолютный (нирвана) и относительный (сансара) аспект, стала выражением китайских мировоззренческих представлений о единстве и гармонии вселенной.

Очерченный Дао-шэном круг философских проблем попал в центр внимания ведущих школ китайского буддизма – тяньтай, хуаянь и чань, составив в итоге специфические черты буддизма Дальнего Востока, выраженные в формуле единства, тождества, гармонии и не-преграды между феноменальным и истинно-сущим [8]. Благодаря синтезу буддизма Махаяны с китайской философской традицией зарождается китайский буддизм или буддизм для китайцев – фундамент всего дальневосточного буддизма – с его специфической, однако не утратившей своей сути сотериологией и философско-мировоззренческой базой.

Литература

1. Васильев Л.С. История религии востока. – М., 1988.
2. Кобзев А.И. Философия и духовная культура Китая // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т.1. – М.: Восточная литература, 2006.
3. Лысенко В.Г., Терентьев Л.А., Шохин В.К. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. – М.: Восточная литература, 1994.
4. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. – М., 1978.
5. Янгутов Л.Е. Традиции Праздника парамиты в Китае. – Улан-Удэ: изд-во Бурятского гос. ун-та, 2007.
6. Краткий словарь буддизма (主编, 杜继文, 黄明信. 佛教小辞典. 上海). – Шанхай, 2006.
7. Фан Ли-тянь. Сущность философии китайского буддизма (方立天. 中国佛教哲学要义 (上卷) – 北京:中国人民大学出版社, 2002). – Пекин, 2002.
8. Янгутов Л.Е. Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма. – Новосибирск, 1995.

Литвинцев Олег Сергеевич, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Хакасского государственного университета, г. Абакан, e-mail: litol1982@mail.ru.

Litvintsev Oleg Sergeevich, candidate of philosophical science, senior lecturer, department of philosophy and culturology, Khakas State University, Abakan, e-mail: litol1982@mail.ru.

УДК 294 (510)

© Хао Цзюй

КУЛЬТ НЕБА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ КИТАЯ

В статье рассматриваются представления китайцев о небе, его месте и роли в социальной и политической традициях Китая.

Ключевые слова: небо, идеология, культ, небесный мандат, воля неба.

Hao Tszuyu

CULT OF THE SKY IN SOCIAL AND POLITICAL TRADITION OF CHINA

The article deals with the Chinese view of the sky, its place and role in the social and political tradition in China.

Key words: sky, the ideology, the cult, sky mandate, the will of sky.

Культ неба возник в Китае в неолитический период его истории. Он был связан с культом Земли, культом Плодородия и размножения. Земля олицетворяла собой женское начало. Плодородие и размножение предполагало брачный союз Земли с Небом, олицетворявшем собой мужское начало. В древнем Китае существовал ритуал, освящающий брачные узы Неба и Земли. Этот ритуал имел огромное значение в хозяйственной деятельности Китая. В эпоху Чжоу культ неба стал рассматриваться в социальном и политическом контексте.

В 1027 году до н.э. чжоуские племена захватили, протогосударство Шан-Инь, образованное в XVI в. до н.э. Чжоуский правитель У-ван, разгромив войско шанского вана Чжоу Синя, первым делом совершил в храме предков шан-иньцев жертвоприношения шанскому божеству Шан-ди, который был родовым, тотемным божеством шан-иньского племени. Примечательность этого факта заключается в том, что У-ван совершил обряд не в честь своего родового божества, а в честь шанского. Он не воспользовался властью как победитель, а отдал ее законному наследнику [1]. Это отражает тот факт, что для чжоуского вана власть правителей Шан-Инь как прямых потомков верховного божества Шан-ди была сакральной. Поэтому переход власти от шан-иньских правителей к чжоуским должен иметь идеологическое оправдание. Иначе власть завоевателей становилась нелегитимной. Должно было быть найдено идеологическое обоснование низвержения шан-иньских правителей – прямых потомков верховного божества Шан-ди. При этом оно должно быть найдено в том же религиозном ключе. И оно было найдено в содержательном контексте культа предков, имевшего огромную значимость в общественной жизни шан-иньцев. Последний шан-иньский правитель Чжоу-синь был обвинен в том, что нарушил культ предков. Его обвинили в том, что

он перестал почитать своих предков, перестал осуществлять ритуальные действия по отношению к ним. В результате в Шан-Инь стали процветать насилие, зло и воровство.

Древнекитайские источники изобилуют указаниями на грехи последнего шан-иньского правителя, нарушившего культ предков. Так, в памятнике «Ши цзин» содержится ода «Слово Вэнь-вана последнему государю Шан-Инь». Это обращение Вэнь-вана (Вэнь-ван переводится как «царь Просвещенный») – отца У-вана, разгромившего последнего правителя Шан-Инь, в котором Вэнь-ван осуждает шан-иньского правителя за его негативные деяния. В оде говорится:

«И царь Просвещенный воскликнул: О, горе!
О горе великому царству Инь-Шан!
Насилие и угнетение вижу,
Одна лишь корысть и стяжание вокруг!
Насильники эти на месте высоком,
А ты из стяжателей выбрало слуг-
Нам небо их наглых, на муку послало,
А ты подняло их, ты силу им дало» [2].

Утверждается, что У-ван, завоевывая Шан-Инь, исполнил волю Неба, а не преследовал цели свержения династии Шан-Инь. Небо повелело ему наказать недобродетельного шан-иньского правителя Чжоу Синя. При этом У-ван характеризуется как человек, почитающий своих предков. В древнекитайском письменном памятнике «Ли цзи» («Книга ритуалов») сообщается: «У-ван и Чжоу-гун (Чжоу-гун – брат У-вана) обладали великой почтительностью по отношению к родителям! Почтительность по отношению к родителям состоит в умелом наследовании желания предков, и в умелом завершении их деяний» [3].

Окончательный переход власти к чжоуским правителям произошел после смерти У-вана. Его брат Чжоу-гун установил власть над некогда могущественным государственным образовани-

ем Шан-Инь. Однако Чжоу-гун не мог править шан-иньцами, а также собственным племенным образованием, ни от имени родового предка шанцев – Шан-ди, ни от имени собственного родового божества. Их родовым божеством считался Хоу-цзи – прародитель чжоуского племени. Хоу-цзи переводится как Государь Просо, Государь Зерно, Владычествующий над просом, Ведающий жатвой [4], что указывает на земледельческий характер хозяйствования чжоуского племени. Это божество имело сакральный характер как тотемный предок только для чжоусцев, но никак не для завоеванных ими племен. Поэтому чжоуские правители должны были искать идеологической поддержки у божества, не связанного родственными узами ни с каким родом. Таковым божеством стало Небо, которое почиталось в неолитическом Китае, а также в протогосударственном образовании Шан-Инь, о чем свидетельствуют древние письменные источники. Так в классическом памятнике древнекитайской письменности «Шу цзин» («Книга истории») говорится о том, что «все великие мудрецы древности едва ли не более всего заботились о том, чтобы правильно исчислить время и в должный момент принести жертвы всем небесным божествам и земным духам» [5]. Судя по этим высказываниям, Небо играло большую роль в социальном обустройстве Китая, а одной из важнейших функций тех, кто правил страной, было наблюдение за Небом.

Культ Неба имел огромное значение и у самих чжоусцев. Поэтому неудивительно, что Небо в новом чжоуском государственном образовании было объявлено верховным божеством. И если шан-иньские правители обосновывали легитимность своей власти через положение о непосредственном родстве с Шань-ди, то чжоуские правители объявляли себя сыновьями Неба (Тянь цзы). В «Ши цзине» сказано: «Сын неба – это отец и мать народа, и поэтому он является правителем всей Поднебесной» [5]. Культ Неба окончательно утвердился при Чжоу-гуне, которого в Китае почитали особо уважительно.

Изложенные выше события социально-политической истории Китая получили достаточно широкие пояснения в древних источниках, характеризуя Небо как верховное божество. По мере идеологического усиления культа Неба расширяются его социальные функции. Небо это не только покровитель царствующего дома правителей Чжоу, но это и покровитель рода человеческого. Например, в письменном источнике «Ши цзин» говорится:

«Небо, рождая на свет человеческий род,
Тело и правило жизни всем людям дает,

Люди, храня этот вечный закон, хороши,
Любят и ценят прекрасную доблесть души» [6].

В другом письменном источнике – «Шу Цзин» – («Книга истории») утверждается о том, что Небо даровало легендарному правителю Китая Юю Великий Закон, на основе которого Юй осуществлял принцип социального регулирования. «Небо ниспослало Юю Великий закон в девяти разделах, которым устанавливался порядок в этических нормах [поведения каждого отдельного человека] и в правилах отношений между людьми [5]».

Культ Неба, как и культ Шан-ди имел ярко выраженную социальную и политическую направленность. Небо не было творцом сущего. Оно не влияло на явления природы. В конфуцианском памятнике «Лунь Юй» говорится: «Разве небо говорит? А четыре времени года идут, и вещи рождаются. Разве небо говорит?» [7].

Влияние Неба главным образом охватывает социальную и политическую сферы.

Культ Неба, как и культ Шан-ди, был тесно связан с культом предков. Но если культ Шан-ди был связан с культом предков напрямую, поскольку сам Шан-ди был, прежде всего, предком шан-иньцев, то связь культа Неба с культом предков была, скорее всего, идеологической. Ведь главным аргументом нелегитимности последних шан-иньских правителей было обвинение в том, что они забыли о своих предках, перестали ухаживать за храмами своих предков, перестали приносить им жертвоприношения. И это вызвало гнев Неба, которое решило покарать шан-иньских правителей. Небо как верховное божество заботилось о сохранении почтения предком. Его заботой была поддержка культа предков. Гнев Неба за забвение своих предков обрушивается не только на правителей, но на всех людей. В «Шу цзине» говорится: «Люди лишаются поддержки Неба потому, что оказываются не в состоянии продолжать почтительность и светлые добродетели предков» [5].

В чжоуском Китае было выдвинуто учение о небесном мандате (тянь мин), которое имело ярко выраженную социальную и политическую направленность. Небесный мандат, или же небесное предопределение, дает право правителю на власть. Получивший от Неба право на власть правитель управляет всеми, кто проживает под Небом – в Поднебесной (Тянь ся), тем самым он осуществляет Волю Неба (Тянь чжи). Считалось, что воля Неба определяет судьбы людей, их социальное обустройство, принципы взаимоотношения между родителями и детьми, а также правителя с подданными. Небо может награждать

дать, может и карать. Сакральный характер Воли Неба как небесного предопределения выражается в его таинственности и скрытости. Ее невозможно понять и постигнуть простым людям. В Ши цзине говорится: «Неба веления и путь столь в своей тайне бесконечны» [6].

Воля Неба раскрывается лишь тому, кто обладает небесным мандатом, кто призван осуществить ее. Это правитель, кому небесным мандатом дано право управлять народом Поднебесной согласно небесному предопределению. Но если правитель нарушает это предопределение, Небо смещает его с престола. Так случилось с последним Шан-иньским правителем – Чжоу Си-нем. В «Ши цзине» дается назидание правителям:

«Трон сохраняя, от Неба себя не отринь!
Славы сиянье о долге свершенном простри,
Мудро размысли, как Небо отринуло Инь» [6].

В другом письменном источнике «Шу цзин» сообщает: «Чжоу-гун сказал: «Мудрейший Ши, не знающее сострадание Небо, послало несчастье на Инь, и Инь утратило повеление Неба [на правление Поднебесной]; мы же чжоусцы, его обрели. Я не решаюсь утверждать, что за основанием государства навсегда последует благоденствие, но, коль скоро Небо помогает тем, кто полагается на него, я не решаюсь также утверждать, что конец государства будет достоин сожаления» [5].

Учение о небесном мандате было востребовано правителями Китая вплоть до революции 1911 года. Особую востребованность оно получило в переломные моменты политической истории Китая. В период образования первой империи Китая Цинь (221-207 гг. до н.э.) его основатель Цинь Шихуан объявил о том, что небес-

ный мандат отдан Цинь навечно. Однако это заявление Цинь Шихуана было опровергнуто с падением его династии. Учение о небесном мандате выступало каждый раз при смене власти правителей и правящих династий. Оно использовалось и маньчжурскими завоевателями, в ходе формирования ими последней империи Цинь (1644-1911). Они утверждали о том, что Небо доверило им спасение Поднебесной и выдвинули идею о том, что небесный мандат может передаваться не только в пределах китайского этноса, но может вручаться и представителям других этносов, если их предшественники утратили доверие Неба [8].

Таким образом, учение о Небе явилось одной из самых востребованных идеологий правящих династий, отразившей широкий спектр социальных, политических и религиозных особенностей общественной жизни Китая.

Литература

1. История Китая. – М., 2004. – С.27.
2. Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 1: Ши цзин – М., 1994. – С.92.
3. Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 2: Ли цзи – М., 1994. – С.124.
4. Духовная культура Китая: в 6 т. Т. 2: Хоу-цзи – М., 2007. – С. 652.
5. Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 1: Шу цзин – М., 1994. – С.107.
6. Ши цзин. – М., 1957. – С.395.
7. Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 1: Лунь юй – М., 1994. – С.172.
8. Духовная культура Китая: в 6 т. Т. 2: Тянь мин – М., 2007. – С.616-617.

Хао Цзюй, директор Института международной коммерции, КНР, г. Чанчунь.

Haо Tszyuy, the head of Institute of International Commerce, China, Changchun.

УДК 294.3

© Е.А. Глебец

ПУТЬ И ПЛОД ПРОСВЕТЛЕНИЯ В УЧЕНИИ ШКОЛ ВАЙБХАШИКА И САУТРАНТИКА

Статья посвящена исследованию сотериологической концепции школ Вайбхашика и Саутрантика. Рассматриваются объекты постижения и отвержения, направления и плоды религиозного пути.

Ключевые слова: объекты постижения и отвержения, направления и плоды религиозного пути.

E.A. Glebets

PATHS AND FRUITS OF THE ENLIGHTENMENT IN THE VAIBHASHIKA AND THE SAUTRANTIKA'S DOCTRINES

The article is devoted to investigation of sotheriological conception of the Vaibhashika and the Sautrantika. There are considered objects of realization and negation, ways and fruits of religious path.

Key words: objects of realization and negation, ways and fruits of religious path.

Вайбхашика – одна из ранних буддийских школ, образованных последователями шастры Махавибхаша. Эта школа состояла из ортодоксальной кашмирской ветви школы Сарвастивада. Вайбхашика-Сарвастивада имела наиболее обширную доктринальную систему среди ранних буддийских школ и обладала широким влиянием в Индии и за ее пределами. Вайбхашики считали, что «внешняя данность» (*phyi don*) всех явлений реально существует. Науке известно три вида Вайбхашиков: Кашмирские, Апарантийские, Магадхийские. Вайбхашика получила свое название благодаря приверженности «Великой Сокровищницы подробных разъяснений» и концепции трех времен. Вайбхашик (*bye brag smra ba*) – «говорящий о видах». Объектом своих философских воззрений они считали «вещь» (*dnegos po*), главный признак которой заключается в способности выполнять функцию.

Для начала рассмотрим, что представители школ постигали на пути обретения просветления. По мнению Вайбхашиков, для начала нужно постигнуть 16 специфических особенностей четырех благородных истин. Четыре благородные истины в буддизме таковы: 1. Все есть страдание. Аспекты этой истины: 1) непостоянство; 2) страдание; 3) пустотность; 4) отсутствие самости; 2. У страдания есть причина. Аспекты этой истины таковы: 1) причина; 2) возникновение всего; 3) полное рождение; 4) условие; 3. Существует способ избавления от страдания. Аспекты: 1) прекращение; 2) успокоение; 3) полнота; 4) истинный выход (из сансары). 4. Восьмеричный путь избавления от страдания. Ее аспекты: 1) путь; 2) реализация; 3) познание; 4) истинное вызволение. Обе школы также осуществляли реализацию отсутствия у индивида «я». Отсутствие «я» у индивида может быть «грубым» и «тонким». «Тонким» они считали отсутствие независимого и существующего субстанциально «я» индивида. Постигание отсутствия «я» у индивида Вайбхашики считают необходимым для освобождения от сансары. Вайбхашика и Саутрантика являются реалистами, так как признают, что дхармы обладают «я», то есть существуют. Другими словами, они считают, что, к примеру, такой объект действительности, как дом, а точнее дхарма дома, «домовость» реально существует, а не является плодом нашего мышления. Далее рассмотрим то, от чего представители данных школ считали необходимым избавиться на пути.

Самым главным препятствием для обретения просветления они считали неведение, которое имеется у обладателя клеш. Такой род неведения выражается в признании самости у индиви-

да и, как следствие этого, возникновение трех «ядов» вместе с семенами. Три «яда» – это невежество, страсть, гнев. Затем они избавляются от неведения, порожденного у того, кто не имеет клеш. Этот род неведения препятствует обретению всеведения. К примеру, незнание глубокой и тонкой дхармы Будды.

Рассмотрим специфику религиозного пути. Представители Вайбхашиков и Саутрантиков рассматривают обретение плода просветления с точки зрения трех направлений: Шраваков, Пратьекабудд, Бодхисаттв. В отношении каждой из этих колесниц они принимают теорию пяти Путей [7, с. 45]: Пути собирания (*tshogs lam*), Пути Видения (*mthong lam*), Пути Созерцания (*sgom lam*) и Пути без Обучения (*mi slob lam*). На пути Видения представители колесницы Махаяна проходят десять ступеней святости Бодхисаттвы. Вайбхашики эти ступени не признают. Как уже отмечалось выше, существует три направления религиозного пути. Это: 1) Шраваки, 2) Пратьекабудды, 3) Бодхисаттвы. Последователи первого направления, то есть Шраваки, сначала приступают к реализации мысли о том, что независимый и субстанциально существующий индивид вообще отсутствует. Они накапливают заслуги на так называемом малом пути собирания этих заслуг. И затем они тренируют свое сознание в течение трех жизней. Затем на пути созерцания в «самадхи, подобном алмазу» устраняют «покров», который имеется у обладателя клеш, после чего они реализуют плод своего пути, то есть состояние Архата, обретая плод малого просветления. Пратьекабудды реализуют некое представление об отсутствии независимого и существующего субстанциально индивида, сочетая данную практику с накоплением собрания заслуг в течение ста и т.д. великих кальп, после чего обретают плод срединного просветления. Бодхисаттвы в период великого пути собирания за три асанкхья (великих) кальпы реализуют собрание заслуг. Затем около ста кальп они реализуют причину обретения 32 признаков Будды, а в последнем существовании под деревом Просветления побеждают Мару – сына бога желаний, после они реализуют три пути Бодхисаттвы – путь соединения, путь видения и путь созерцания, позже реализуют путь без обучения. И, наконец, достигают плода великого просветления.

Таким образом, Саутрантики и Вайбхашики постижением на пути к просветлению считали следующее: 1) 16 аспектов четырех благородных истин; 2) «грубое» отсутствие «я» – это отсутствие у индивида «постоянного, единичного и самостоятельного «я»; 3) «тонкое» отсутствие «я»

у индивида – это отсутствие существующего субстанциально и независимого «я». Последователи этих школ считают, что избавляться на пути нужно от мысли о том, что «я» индивида существует, нужно избавляться от неведения, которое имеется у индивида, обладающего клемами, неведения, которое имеется у индивида, который ими не обладает. Так же, как и школа Вайбхашика, Саутрантики не отвергают мысль о том, что «я» дхармы существует. И Саутрантики, и Вайбхашики принимают теорию пяти Путей. Это: 1) Путь Собирания; 2) Путь Соединения; 3) Путь Видения; 4) Путь Созерцания; 5) Путь без Обучения.

Саутрантика была ранней школой буддийской философии. Это самая поздняя школа ветви Стхавиравада. Основное место в философской концепции школы занимает учение о познании. В 3-4 вв. н.э. Саутрантика переживает свой наивысший расцвет. Считается, что местом распространения учения данной школы были районы северо-западной Индии. Именно здесь она становится оппонентом школы Сарвастивада. Школа Саутрантика получила свое название, поскольку ее представители являлись последователями слова Будды (то есть сутр). Название Саутрантика (*mdo sde pa*) с тибетского языка дословно обозначает «те, кто полагаются на сутры». Кроме того, свои философские взгляды они поясняли при помощи примеров, в связи с чем получили еще одно название «указывающие пример», с тибетского *dpe ston pa*, где *dpe* – пример, *ston* – указывать. Согласно ученым школы Гелуг, существовало два подразделения внутри школы Саутрантика. Это: Саутрантики, «следующие Писанию» (*lung gi rjes 'brang gi mdo sde pa*) и Саутрантики, «следующие Рассуждению» (*rigs p'i rjes 'brang gi mdo sde pa*). Первые опирались на «Разъяснение сокровищницы знаний», а вторые на «Семь трактатов о верном познании» Дхармакирти. Интерпретация учения данной системы Саутрантики является наиболее распространенной в изучении таких трактатов, как «Осознавание и знание» (*blo rig*) и разделов «Признаков и Рассуждений» (*rtags rigs*) на первой стадии обучения. Данные тексты используются для изучения дальнейших махаянских разделов, таких как «Совершенства мудрости» (*phar phyin*) и «Срединного пути» (*dbu ma*). Рассмотрим текстовые источники школы Саутрантика. Согласно школе Гелуг, главным индийским источником воззрений школы Саутрантики «следующих Писанию» является «Разъяснение Сокровищницы знаний» Васубандху. А у Саутрантики «следующей Рассуждению» это текст Дигнаги «Компендиум верного познания». Так-

же система Саутрантики рассматривается в тексте Асанги «Компендиум Знания» с комментарием Раджапутры (Яшумитры) и в «Семи трактатах правильного познания» Дхармакирти. Частично их утверждения разъясняются в текстах Бхававивьеки, особенно в тексте «Сердце срединного пути». Считается, что представителями Саутрантики были такие ранние ученые, как Кумарата, Ширата, Дзунпарата и другие. Саутрантики, как и Вайбхашики, признавали, что «внешняя данность» явлений (*phyi don*) существует в реальности. Однако Саутрантиков отличало то, что они также признавали и самосознание (*rang rig*). Воспринимающее сознание, считают Саутрантики, сопровождается элементом самосознания (*rang rig*), которое познает данное сознание. К примеру, при восприятии сознанием глаза затмения самосознание воспринимает это зрительное сознание и делает его своим объектом. Самосознание действительно существует, так как при мысли о затмении вспоминают не только увиденное, но и ум, который это воспринимал. Саутрантики полагают, что самосознание – это некоторый фактор, который позволяет вспомнить прошлое существование.

В отличие от Вайбхашиков, которые считали, что Архат (обретший плод просветления) способен лишиться высшего плода, реализованных им постижений и избавлений, Саутрантики исходили из того, что отбросить можно только то, что благородная мудрость считает нужным отбрасывать. Саутрантики полагали, что первый плод религиозной практики (вступление в поток) и последний плод (архатство) могут быть обретенны при помощи Благородной мудрости [6, с. 78]. Саутрантики опирались на слова Будды о том, что наличие имущества и различных почестей является помехой на религиозном пути архатства. Будда, по мнению Саутрантиков, объясняет, что Архат, обладающий имуществом и т.д. перестает ощущать блаженство в данной жизни. Но, как отмечали Саутрантики, Будда не упоминает об утрате архатства. Блаженство, испытываемое Архатом, делится в буддийской канонической литературе на четыре разновидности: Блаженство принятия аскетизма, блаженство различения дхарм, блаженство полного успокоения сознания и блаженство Просветления [5, с. 67]. Эти четыре вида блаженства относятся к высшим состояниям сознания. Саутрантики трактовали слова Будды о необремененности имуществом в том смысле, что наличие последнего лишает йогина обретенных в данной жизни высших состояний сознания, а не архатства [8, с. 94]. При том, что Саутрантики отрицательно относились

к идее отпадения от архатства, они считали, что есть индивиды – архаты, которые наделены свойством неотпадения и есть архаты, обладающие устойчивостью. Неотпадающие архаты не нуждаются в совершенствовании своих психологических способностей, так как они от природы даны ему высокими. Архат, обладающий устойчивостью, постоянно их совершенствует. Он не лишается архатства. Но он не способен войти в более высокое семейство, стремящихся к Просветлению, чем то, в котором находится он сам. У Саутрантиков была концепция «семян» – предрасположенностей сознания. По их мнению, йогин не может обладать плодом архатства, если он окончательно не избавился от аффектов, и они продолжают существовать в виде семян. У Шраваков, пребывающих на стадии обучения, могут возникать аффекты. По их мнению, в сутрах под понятием Шравака имеется в виду обучающийся, но не архат. Они считают, что индивиды, находящиеся на обучающейся стадии, могут отпасть от плодов монашества. Но от архатства, обретенного плода невозможно отпасть [10, с. 23]. Следование религиозному пути осуществляется по трем направлениям: Шравакам, Пратьекабуддам и Бодхисаттвам. Способы реализации плода такие же, как и у Вайбхашиков. Большинство Саутрантиков полагают, что континуумы тела и ума отделяются друг от друга, когда представители трех направлений (Шраваков, Пратьекабудд и Бодхисаттв) вступают в Нирвану без остатка (*lhag med myang 'das*) [2, с. 44].

Считается, что существует два вида Нирваны: Нирвана с «остатком» и Нирвана «без остатка». Нирвана «с остатком» осуществляется при наличии скандх [5, с. 90]. Нирвана «без остатка» – при их отсутствии, то есть по смерти. Саутрантики, следующие Рассуждению (Доводам), также как Йогачара, следующая Рассуждению, утверждают, что работа мозга не прекращается Нирваной «без остатка». По мнению школы Йогачара, Разум – это «связанный» элемент, то есть его моменты связаны между собой. Саутрантики предполагают, что, если разум избавлен от желания, то он не является «связанным» с последующим своим моментом. Если момент разума Архата не связан с последующим, то после его (то есть Архата) смерти он перестает существовать. Следующие Рассуждению и Следующие Писанию солидарны в том, что умственные и телесные континуумы Шраваков и Пратьекабудд разделяются во время Нирваны без остатка, но уточняют, что Архаты Бодхисаттв, то есть Будд не разделяются. Для Саутрантиков Абсолютное и Форменное Тела явля-

ются Буддой. В отличие от Махаяны, Саутрантики считают, что Будда вступил в Нирвану при обычной жизни, то есть в качестве принца из рода Шакья. Вайбхашики, – что тело Будды в этой жизни было дано из-за страданий предыдущей жизни. Таким образом, они считают, что его тело есть истина страдания. Представители Махаяны, в свою очередь, полагают, что Тело Будды есть Перерожденное Тело (*sprul sku*). Вайбхашики признают, что теоретическая и практическая сторона Учения Будды заключаются в повороте Колеса о четырех Благородных истинах. Саутрантики считают, что Путь Видения – непосредственное осознание четырех Благородных истин есть практическая сторона Учения (Будды). Саутрантики придерживаются так называемого двенадцативидового поворота Колеса Учения, согласно которому Будда разъяснил сущность, действия, успешное выполнение этих действий по отношению к четырем Благородным Истинам, создавая, таким образом, 12 видов. Во-первых, Будда разъяснил сущность каждой из четырех Благородных истин: 1. Есть истина страдания; 2. Есть причина страдания; 3. Есть способ прекращения страдания; 4. Путь, ведущий к прекращению страдания. Во-вторых, утверждение Будды о действиях, по мнению Саутрантиков, состоит в следующем: истина страдания подлежит изучению, истина причины подлежит прекращению, истину прекращения следует осуществить, истина пути подлежит развитию. В-третьих, в стадии успешного выполнения этих действий, Будда утверждал, что истина страдания изучена, истина причины прекращена, истина избавления осуществлена и истина пути пройдена.

В Буддизме считается, что религиозное подвигничество начинается с практики видения четырех благородных истин. Познание четырех благородных истин – это интуитивное постижение реальности. Йогина, который осуществляет такую практику, называют Благородным. Данное постижение позволяло йогину получить дхармическое знание страдания, причин этого страдания, избавления от этих причин и пути, ведущему к избавлению от сансары. Считается, что этот процесс длится 15 моментов, в течение которых практикующий познавал существование благородных истин и обретал чистую мудрость без аффективных загрязнений. Таким образом йогин становился Благородной личностью. Затем йогин практиковал видение истин в отношении различных клеш (т.е. аффектов). В 16-й момент йогин обретал статус «вступившего в поток». Пятнадцатимоментный метод видения Истин дает возможность йогину практически

познать смысл Слов Будды. Практическое постижение истин позволяет йогину различать причинно-обусловленные дхармы в собственной последовательности моментных состояний, идущих из прошлых рождений в будущее, и уничтожение грубых аффектов. В 16-й момент йогин осуществляет сосредоточение сознания на «увиденном» за 15 моментов – к сверхмирскому созерцанию, уничтожению тонкого аффективно-загрязнения сознания [8, с. 98]. Плод первой стадии религиозного подвижничества в буддизме, то есть практика видения истин – это «вступление в поток». Плод подвижничества – йогическое созерцание, сосредоточение сознания на увиденном – «возвращение еще один раз» (то есть повторное рождение в чувственном мире). Практика йогического сосредоточения на «увиденном» связана с восхождением сознания по ступеням существования – четырем уровням сосредоточения сознания в мире форм [12, с. 120] и четырем уровням растворения сознания в самом себе мира не-форм. Вайбхашики считали, что йогину, который достиг плода «вступившего в поток», предстоит еще семь новых существований среди людей и семь промежуточных существований, а также семь существований среди богов. Считается, что подвижник, устранивший аффективные препятствия по пяти категориям интенсивности, является претендентом на следующий плод, то есть «возвращение еще один раз». Переход от статуса «возвращающегося еще один раз» к статусу анагамина, то есть «невозвращающегося». Анагамину для обретения плода не требуется еще одно рождение в чувственном мире. Этот плод достигается йогиним тогда, когда он устраняет девятую категорию аффектов. Это избавляет сознание от пяти оков, привязывающих к низшим состояниям: страстного влечения к чувственным объектам, ложной веры в реальность «я», приверженности к ложной практике небуддийских обетов и ритуалов, сомнения и злобы. И, наконец, затем

осуществляется четвертый плод – освобождение (архатство).

Литература

1. Донец А.М. Учение о верном познании в философии мадхьямаки-прансагики. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2006.
2. Ермакова Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – I трети XX века. – СПб., 1998.
3. Ермакова Т.В., Островская Е.П. Классический буддизм. – СПб., 1999.
4. Зелинский А.Н. Идея космоса в буддийской мысли. – Страны и народы Востока. – Вып. XV. – М., 1973.
5. Клейн А.К. Познание, наименование и исключение. – Нью-Йорк, 1991.
6. Клейн А.К. Знание и освобождение. Тибетская буддийская эпистемология, обосновывающая трансформацию религиозного переживания. – М.: Шечен, 2009.
7. Кечог Чжигме Ванпо. Драгоценное ожерелье: краткое изложение концепций буддийских и небуддийских философских школ / пер. с тиб., ком. А.М. Донца. – Улан-Удэ: Ринпоче-Багша, 2005.
8. Лепехов С.Ю. Буддизм: философия освобождения или освобождение от философии? // Проблемы новейшей историографии философии зарубежного Востока. – М., 1990.
9. Островская Е.П., Рудой В.И. Классические буддийские практики: вступление в Нирвану. – СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2006.
10. Ольденбург С.П. Жизнь Будды. – Новосибирск, 1994.
11. Пятигорский А.М. Лекции по буддийской философии / Непрерываемый разговор. – СПб.: Азбука-классика, 2004.
12. Торчинов Е.А. Введение в буддологию. Курс лекций. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
13. Туччи Дж. Религии Тибета. – СПб.: Евразия, 2005.
14. Чандракирти. Введение в Мадхьямику. – М.: Шечен, 2001.

Глебец Елена Андреевна, аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г.Улан-Удэ, e-mail: lena_Meili@mail.ru.

Glebets Elena Andreevna, postgraduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, e-mail: lena_Meili@mail.ru.

УДК 294.3

© Е.А. Глебец

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ШКОЛЕ САУТРАНТИКА

Статья посвящена исследованию непосредственного восприятия и концептуального мышления школы Саутрантика. Рассматриваются их отличительные черты, функционирование и их взаимосвязь.

Ключевые слова: непосредственное восприятие, концептуальное мышление, функционирование, школа Саутрантика.

DIRECT PERCEPTION AND CONCEPTUAL THINKING AND THEIR INTERPRETATION
IN THE SCHOOL OF THE SAUTRANTIKA

The article is devoted to investigation of direct cognition and thought consciousness of the Sautrantika school. There are considered its signs, functioning and correlation.

Key words: *direct cognition, thought consciousness, functioning, the Sautrantika.*

В школе Саутрантика рассматривались два вида познания: верное и неверное. Неверное познание подразделяется на пять видов: 1) исследуемое познание; 2) ложное; 3) сомнение; 4) исследующий ум; 5) ум, не устанавливающий явление [1, с. 150]. Рассмотрим кратко каждое из них. Исследуемое познание постигает концептуальность (то есть то, что обусловлено мыслью). Ложное познание устанавливает свой объект ошибочно. Сомнение основано на психических элементах, сущность которых выражается в неприятии крайностей. Исследующий ум не устанавливает собственный объект, а домысливает его. Ум, не устанавливающий явление, – это познание, при котором субъект не может установить собственный объект. Верное познание подразделяют на два: непосредственное верное восприятие и концептуальное мышление (или опосредствованное). Непосредственное восприятие безошибочно, неконцептуально и обладает признаком восприятия первого момента. Непосредственное восприятие подразделяют на четыре вида: самосознание [3, с. 120], чувственное непосредственное, умственное непосредственное, йогическое непосредственное восприятие. Самосознание неконцептуально и относится к познанию первого момента. Оно воспринимается только имманентно. Воспринимающее сознание, считают саутрантики, сопровождается элементом самосознания (*rang rig*), которое познает данное сознание. К примеру, при восприятии сознанием глаза затмения самосознание воспринимает это зрительное сознание и делает его своим объектом. Возникает следующая логическая цепочка: Сознание глаза (s) – Затмение (o); Самосознание (s) – сознание глаза (o).

Саутрантики считают, что самосознание действительно существует, так как при мысли о затмении вспоминают не только увиденное, но и ум, который это воспринимал. Саутрантики считают, что самосознание – это некоторый фактор, который позволяет вспомнить прошлое существование. Самосознание видит аспект воспринимающего сознания, к примеру, сознания глаза. Непосредственный объект (*dnngos yul*) самосознания – это воспринимающее сознание с аспектом своего объекта. Самосознание – это единст-

венный вид сознания, который никогда не будет проявляющимся объектом для неконцептуального сознания. Сознание, которое воспринимается самосознанием, не сможет воспринимать самосознание. Ученый школы Гелуг описывает, как между собой связаны непосредственно воспринимаемый объект, непосредственно воспринимающее сознание и самосознание на примере грязного стекла. Сторонники аспектного сознания, утверждает он, считают, что если заднюю поверхность стекла покрыть краской, то и стекло и краска будут оба воспринимаемыми объектами. Стекло воспринимается как материальный объект, а цвет краски из-за образа на стекле, однако разделить образ и стекло невозможно. Таким образом, непосредственное восприятие совмещает два объекта восприятия [5, с. 99]. Самосознание, воспринимает сознание глаза непосредственно, как стекло из примера, а также оно воспринимает объект сознания глаза через его образ, как краска воспринимается через стекло. Таким образом, самосознание воспринимает внешние объекты не непосредственно, а при помощи аспекта субъектного восприятия, или аспекта сознания. Буддизм считает, что различные состояния сознания, например, видение будущего, прошлого, чтение мыслей и прочее относятся именно к самосознанию. Чувственное непосредственное также неконцептуально, относится к познанию первого момента и опирается на орган чувств субъекта. Умственное непосредственное аналогично чувственному, за исключением того, что его главным признаком является опора на силу ума. Йогическое непосредственное представляет собой некую мудрость, которая непосредственно постигает грубое и тонкое отсутствие «я» личности [8, с. 25], а также тонкое непостоянство. Условием осуществления данного вида непосредственного восприятия является самадхи [10, с. 88]. Йогическое непосредственное восприятие подразделяется на три вида: 1) верное познание, постигающее непосредственно тонкое непостоянство; 2) верное познание, постигающее непосредственно «грубое» отсутствие «я» личности; 3) верное познание, постигающее непосредственно «тонкое» отсутствие «я» личности.

Концептуальное мышление (опосредствованное) – вид безошибочного познания первого момента, опирающийся на аргументы, которые считает истинными. Концептуальное (опосредствованное) мышление делится на три: 1) концептуальное (опосредствованное) мышление «настоящей силы» (*dnngos stobs rjes drag*); 2) концептуальное (опосредствованное) признаваемого (*grags pa' l rjes drag*); 3) концептуальное (опосредствованное) на основе доверия (*yid ched rjes drag*). Первый вид концептуального (опосредствованного) мышления постигает непосредственно непостоянство звука на основе собственного аргумента. Второй вид верно постигает концептуальный образ [7, с. 28] луны, на котором кажется видимым силуэт, к примеру, гор. Ощущается также постижение на основе какого-либо истинного аргумента. Третий вид верно постигает смысл Учения Будды на основе аргумента доверия к авторитету. Саутрантики полагают, что не всегда непосредственное восприятие и опосредствованное мышление относятся к верному познанию. Они полагают, что второй момент чувственного непосредственного и второй момент опосредствованного относятся к исследуемому познанию. Исследуемое познание является видом неверного познания.

Саутрантики полагают, что непосредственное восприятие не постигает явления действительности такими, какие они есть. Оно руководствуется набором чувственных данных. Эти данные связаны как с объектами, так и с тем, каким образом познается субъект. Саутрантики полагают, что объект и его аспект тождественны друг другу.

В буддизме процесс познания исследуется для того, чтобы выявить «...ограничения и обман (иллюзии) обычного познания для того, чтобы описать модель умственного развития, которое целенаправленно ведет к освобождению от соответствующих ошибок...» [12, с. 90]. Таким образом, при устранении различного рода заблуждений меняется поведение субъекта. В поведении изменившегося субъекта основными становятся такие черты, как высоконравственность, спокойствие, сострадание и мудрость.

Саутрантики считают, что непосредственное восприятие работает следующим образом: существует так называемый аспект (*gnam pa*), подобный объекту, который заставляет чувственное сознание создавать образ того или иного объекта. Саутрантики, следующие доказательству, считают, что объект непосредственного восприятия есть явление собственного признака. Конкретная чувственная способность, к примеру, зрение является основным условием для не-

посредственного восприятия глаза, еще одним неотъемлемым условием является воспринимаемый объект. «Непосредственно воспринимающее сознание узнает такой объект посредством принятия тождественного ему аспекта так же, как зеркало принимает цвет и очертание отражающегося в нем объекта» [7, с. 44].

Рассмотрим, каким образом непосредственно воспринимающее сознание принимает аспект того или иного объекта. Саутрантики, следующие Доказательству, считают, что явления собственного признака – это вещи, которые существуют так, как они есть в действительности. Существование таких явлений не обусловлено мыслью, так как они существуют благодаря собственной природе и такая природа проявляется для непосредственного восприятия. Объекты непосредственного восприятия отличаются от объектов концептуального мышления. К примеру, ментальный образ горшка, который проявляется для ума, подобен горшку, но не есть сам горшок. То, что проявляется для непосредственного восприятия – это горшок в действительности, а не нечто ему подобное. Непосредственно восприятие познает объекты такими, какие они есть. Непосредственное восприятие, такое как сознание глаза, видящее, к примеру, горшок, является «абсолютно входящим» (*sgrub `jug gi blo*). Этот термин означает, что все признаки кувшина – ручка, основание, цвет, тонкое непостоянство и т.д. – непосредственно проявляются в сознании глаза. «Все непостоянные характеристики, которые появляются и исчезают вместе с моментальным появлением и уничтожением самого горшка, считаются единой субстанциальной сущностью установления и пребывания (*grub bde rdzas gcig*) [6, с. 78]. Непостоянные характеристики, которые входят в ту же субстанциальную сущность, что и сам горшок, воспринимаются сознанием глаза непосредственно, постоянные явления подобным образом не воспринимаются. Если объект непосредственно воспринимается, то он передает свои характеристики сознанию. Постоянное явление не может передавать свои характеристики сознанию. Сознание глаза способно привлечь совокупность характеристик, связанных с определенным объектом, так как все аспекты этого объекта проявляются в чувственном сознании. Непосредственное восприятие или «абсолютно входящий» ум воспринимает только явления, существующие в настоящий момент. Настоящий момент горшка может быть объектом соответствующего момента сознания глаза, но глаз не способен видеть ни следующий момент горшка, который еще не состоялся, ни прошлый момент, который

уже не существует. Только мышление способно на осознание прошлых и будущих объектов. Мышление, а не непосредственное восприятие «...осуществляет наложение на существующее явление понятия тождества, которое распространяется на прошлое и будущее» [5, с. 67]. К примеру, некто смотрит на водопад, и то, что проявляется перед зрительным сознанием, это моментальные частицы воды. Эти моментальные частицы воды есть явления собственного признака. Они есть так называемые явленные объекты сознания глаза, который их воспринимает. Будущие и прошлые моментальные частицы воды для непосредственного восприятия не проявляются. Человек, чья лодка была унесена течением воды, даже по прошествии времени осознает, что именно река унесла когда-то его лодку. И хотя именно тех частиц воды уже нет, мышление этого не схватывает, так как прошлые и будущие частицы воды для него одинаковы. Мышление способно на смешение прошлого и будущего времен данного объекта. Рассмотрим, каким образом непосредственное восприятие познает свои объекты. В буддизме считается, что существует два способа объяснения того, как функционирует непосредственное восприятие: безаспектный и аспектный. Школа Саутрантика является сторонником аспектного непосредственного восприятия. Они считают, что аспект (*gnan ra*) воздействует на сознание. Этот аспект объекта либо проявляется, либо проецируется на сознание. Саутрантики считают, что непосредственно воспринимающее сознание глаза, к примеру, не устанавливает все, что для него проявляется, и поэтому оно не может производиться аспектами всех объектов, которые перед ним находятся. К примеру, если аспект в данный момент порождает нечто зеленое – это определенное состояние сознания, в котором оно воспринимает это зеленое. Хотя и красное и другие цвета могут проявиться в этот момент, но сознание глаза его не породит, так как в данный момент оно не замечает красное и прочие цвета.

Сознание, которое не устанавливает объект, не воспроизводится аспектом этого объекта. Например, когда непостоянное явление, такое, как чашка, проявляется для сознания глаза, то сознание воспринимает аспект чашки, но не аспект тонкого непостоянства чашки, так как оно является тонким непостоянством, которое не устанавливается непосредственным восприятием. Аспект, которым воспроизводится сознание, обладает природой сознания. Аспект, схожий с объектом, накладывается на сознание глаза, который затем принимает этот аспект. Объектные

и субъектные аспекты известны как аспекты восприятия. Когда сознание глаза воспринимает, к примеру, горшок, это сознание принимает аспект, соответствующий горшку. Такой аспект субъектного восприятия является аспектом сознания. То, что порождается в виде образа объекта, является аспектом сознания – аспектом субъектного восприятия.

Концептуальное мышление определяется явлением общего признака или относительной истиной, который есть «явленный объект» концептуального мышления. Мышление воспринимает непостоянные явления. Мышление приводит к живому переживанию. Мышление, в отличие от непосредственного восприятия, не воспринимает аспект явления собственного признака и не ограничивается пределами чувственных объектов. В школе Саутрантика считается, что проявляющийся объект мышления, постоянное явление и относительная истина – это синонимы. Образы, которые проявляются для мышления, считаются постоянными. Это значит, что они не изменяются от момента к моменту. Постоянные явления не подвергаются изменениям, пока существуют. Прошлые, будущие, настоящие явления проявляются для мышления. Для непосредственного восприятия прошлые и будущие явления не могут проявляться, так как непосредственное восприятие способно воспринимать только непостоянные явления данного момента. Образ, который проявляется для ментального сознания, воспринимающего чашку, является ментальной картинкой чашки, которая исключает все, что не является чашкой. Такой абстрактный образ является общностью, которая налагается на все моменты существования чашки. Такой образ Саутрантики называют «значением наименования» (*sgra don*). Этот термин подразумевает, что, если некто знаком с наименованием чашки и слышит это слово, то в его уме возникает соответствующий образ. Этот термин не работает в случае с детьми и не знакомыми с терминологией, то есть, если человек никогда не был знаком с наименованием чашки, то этот образ в его уме и не возникнет. Саутрантики считают, что существует два вида общностей: 1) наименование-общность, которая проявляется для ментального сознания, когда личность, которая никогда не была в Индии, слышит слово «Индия» [2, с. 44]; 2) значение-общность, которое проявляется, когда человек, бывавший в Индии, слышит это слово. Говоря о проявляющихся объектах, ментальные сознания бывают трех видов. Это сознания, для которых проявляются: 1) только наименование-общность; 2) только значение-общность; 3) смешение наименования-

общности и значения-общности. К примеру, когда человек, который не видел орхидеи, слышит это слово, в его уме в качестве проявляющегося объекта возникает только наименование-общность. То есть для ментального сознания проявляется звучание, а не смысл значения. Второй пример: когда человек, не знающий, что такое орхидея, вспоминает видимую ранее цветущую орхидею, перед ним возникает ее форма, цвет, запах и т. д. Образ орхидеи – это значение-общность. Третий пример: человек, который знает, что такое орхидея, вспоминает виденное прежде, его ментальное сознание обладает смешением общностей значения и наименования.

Существует такое понятие, как концептуальная ошибка. Это разъясняется в 1007 строфе «Компендиума Таковости» (De kho na nyid bsdus ra) Шантаракшиты [8, с. 78] Для мышления, как указано в сочинении, проявляется некая сущность, но оно не воспринимает эту сущность как проявляющийся объект, так как собственный признак объекта не проявляется. Значение-наименование, которое проявляется для мышления, – это общий признак. Хотя мышление и воспринимает объект как собственный признак, тем не менее, он не является его проявляющимся объектом. В этом случае можно было бы обрести серебряный кувшин, просто подумав о нем или даже, если кувшин оказался разбитым, ментальный образ кувшина не подвергся бы исчезновению.

Литература

1. Альбедиль М.Ф. Зеркало традиции: Человек в духовных традициях Востока. – СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2003. – 288 с.

2. Донец А.М. Учение о верном познании в философии мадхьямики-прасангики. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 251 с.

3. Ермакова Т.В., Островская Е.П. Классический буддизм. – СПб., 1999. – 168 с.

4. Зелинский А.Н. Идея космоса в буддийской мысли. Страны и народы Востока. – Вып. XV. – М., 1973. – С. 322-339.

5. Клейн А.К. Познание, название и отрицание. – Нью-Йорк, 1991. – 267 с.

6. Кечог Чжигме Ванпо. Драгоценное ожерелье: краткое изложение концепций буддийских и небуддийских философских школ / пер. с тиб., ком. А.М. Донца. – Улан-Удэ: Ринпоче-Багша, 2005. – 70 с.

7. Лепехов С.Ю. Буддизм: философия освобождения или освобождение от философии? // Проблемы новейшей историографии философии зарубежного Востока. – М., 1990. – С. 73-107.

8. Ольденбург С.П. Жизнь Будды. – Новосибирск, 1994. – С. 197-216.

9. Пятигорский А.М. Лекции по буддийской философии / Непрерываемый разговор. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 432 с.

10. Торчинов Е.А. Введение в буддологию: курс лекций. – СПб.: изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000. – 304 с.

11. Туччи Дж. Религии Тибета. – СПб.: Евразия, 2005. – 448 с.

12. Чандракирти. Введение в Мадхьямику. – М.: Шечен, 2001. – 330 с.

Глебец Елена Андреевна, аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г.Улан-Удэ, e-mail: lena_Meili@mail.ru.

Glebets Elena Andreevna, postgraduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, e-mail: lena_Meili@mail.ru.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 1 : 316.3

© И.И. Осинский

ТРАДИЦИОННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И КУЛЬТУРА ДОВЕРИЯ

В статье рассматриваются проблемы культуры доверия и роль в этом процессе традиционных этнических ценностей – любви к родному краю, положительного опыта межэтнического сотрудничества, языка, религии, приверженности к знаниям и др.

Ключевые слова: доверие, нация, культура, традиционные этнические ценности, интеллигенция, язык, родная земля, Бурятия.

I.I. Osinskiy

TRADITIONAL ETHNIC VALUES AND THEIR ROLE IN THE FORMATION OF CULTURE OF TRUST

This article presents the problems of culture of trust and its role in the process of traditional ethnic values – love for the native land, positive experience of interethnic cooperation, language, religion, commitment to knowledge, etc.

Key words: trust, nation, culture, traditional ethnic values, clerisy, language, native land, Buryatia.

Доверие является одним из важнейших факторов, поддерживающих устойчивость и интегрированность общества. Оно играет важную роль в конструировании горизонтальных и вертикальных общественных отношений, упорядочивании и уравнивании социальных и культурных разнообразий, в обеспечении позитивного социального самочувствия. Доверие выступает условием комфортного существования в согласии с окружающей средой, служит необходимым компонентом отношений толерантности.

Доверие, таким образом, является комплексным феноменом, пронизывающим все уровни социального взаимодействия – от ближайшего окружения индивида до общественных организаций и властных структур.

Сложная природа доверия обуславливает и неоднозначность его трактовок. Это понятие полисеманлично. Часто значение, вкладываемое в это слово, зависит от используемого контекста. Так, А.Гидденс определяет доверие как уверенность в надежности некоторой личности или системы относительно данного комплекса последствий или событий, где эта уверенность выражает веру в честность или любовь другого лица или в правильность абстрактных принципов (технического знания). Причем доверием облакаются не только личности, но и «абстрактные системы», такие как экспертное знание или финансовая система [1, с. 34-36]. Ф.Фукуяма рассматривает доверие как «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его

члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно или со вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [2, с. 52]. Некоторые исследователи связывают доверие с проблемой уязвимости одного из субъектов взаимодействия, обращаясь, таким образом, в первую очередь к межличностному доверию. Так, Дж.Б. Барни и М.Г. Хансен считают, что доверие является «взаимной уверенностью в том, что уязвимость одного не будет использована против него самого» [3, с. 177].

Понятие доверие нередко используется как синоним, разновидность или форма веры, так в «Словаре философских терминов» написано: «греч. Πίστις – вера, доверие (во что или кому); признание верным, истинным; верность, верное слово, речительство, клятва, обязательство, договор; верование; мнение, представление (в противоположность знанию). Подобные значения сохраняются в романо-германских языках». Здесь же подчеркнута: «Вера есть особое состояние психики индивида, группы, массы – верящих субъектов, – выражающихся в твердой убежденности, несомненном доверии и надежде» [4, с. 73].

Не ставя своей задачей специальное рассмотрение содержания приведенных выше трактовок доверия, мы будем исходить из понимания данного термина как открытые, положительные взаимоотношения между субъектами, содержащие уверенность в порядочности и доброжелательности другого субъекта, с которыми дове-

ряющий находится в тех или иных отношениях. Как уже отмечалось, в качестве доверяющих субъектов могут выступать отдельные индивиды, группы, массы людей. Формирование взаимного доверия между социальными субъектами – одна из ключевых задач политического класса. Ее утверждение, развитие детерминированы многими факторами.

Культура доверия в полиэтническом социуме неразрывно связана с этническими ценностями. Под традиционными этническими ценностями мы понимаем элементы социального и культурного наследия, которые передаются из поколения в поколение и закрепляются в жизни этноса в течение длительного времени.

Традиционные ценности существуют в материальной и духовной культуре. Это укоренившиеся представления, идеи, обычаи, обряды, позволяющие нации сохранить неповторимое своеобразие, специфические особенности, менталитет. Вместе с тем, следует отметить, что традиционные ценности не остаются неизменными.

Каждое поколение осуществляет выбор тех или иных традиций, принимая одни, отвергая другие. Очевидно, было бы в такой же степени неразумным пренебрегать ценностями прошлого, как и пытаться все их сохранить в неизменном виде в новых исторических обстоятельствах. Традиция должна иметь актуальную содержательность. В этой связи нельзя не согласиться с профессором Белградского университета Д.Ж. Марковичем, который пишет, что «традиция имеет своё актуальное культурное, историческое, эстетическое, политическое значение только тогда, когда под ней подразумевается процесс активной, критической валоризации культурных ценностей» [5, с. 342].

В противном случае национальное сознание остается пассивным, нетворческим, и, как правило, попадает в услужение консервативному традиционализму.

В предлагаемой статье мы остановимся на некоторых традиционных ценностях русского и бурятского населения Республики Бурятия, преимущественно наиболее образованной ее части (интеллигенции) и влиянии этих ценностей на формирование культуры доверия.

Республика Бурятия – один из сибирских субъектов Российской Федерации. Ее территория составляет 351,3 тыс. кв. км., население 972,0 тыс. человек, в том числе 286,8 тыс. бурят (29,5%), 630,6 тыс. русских (64,9%), 54,6 тыс. (5,6%) представителей других национальностей.

В процессе рассмотрения названной темы мы будем использовать материалы государственной

статистики, социологических исследований, проведенных в 1995 и 2011 гг., в ходе которых было опрошено 860 представителей бурятской и 995 русской интеллигенции. Цель исследований – выявить изменения в традиционных ценностях бурятского и русского этносов, произошедших в период трансформации российского общества, то есть в 1990-е и последующие годы.

Исследования показали, что важнейшей ценностью как у представителей бурятской, так и русской интеллигенции является любовь к родной земле, к краю, где они родились, выросли, где их дом, дом родителей, то есть патриотическая ценность. Эта ценностная установка является доминирующей и у молодежи. Анкетный опрос показал, что наиболее сильные чувства у студентов вузов Бурятии, по их признанию, связаны с местностью, где они родились – 70%, затем идут Россия, Бурятия. Несколько лет назад при опросе студентов БГУ мы ставили вопрос «Нужно ли в школе воспитывать учащихся патриотами?», 80% опрошенных ответили: «Да». Нас интересовало мнение студентов так как в российской печати развернулась критика патриотизма (некоторые авторы называли его неразвитым, примитивным и даже животным чувством). Мы убеждены, что патриотизм – это не только одно из самых древних, но и самых глубоких и важных чувств человека. Воспитательная система школы, несомненно, должна проявлять заботу о формировании теплых чувств к Родине, патриотических установок к нации.

В то же время патриотизм предполагает глубокое уважение к другим народам, государствам, к их истории, культуре, традициям, налаживанию взаимного сотрудничества, а при необходимости – помощи.

«Никакая нация, – пишет известный сибирский писатель В.Распутин, – не станет замыкаться в себе. В скрытое, возбужденное патриотическое чувство точно также не уткнется только в свою нацию, ибо истинный патриотизм не может быть эгоистичным, но зародиться ему надо из родных понятий и заговорить на родном языке».

Весьма значимой традиционной ценностью является накопленный в прошлом положительный опыт взаимодействия этносов, их сотрудничества. В истории межэтнических отношений народов Сибири можно выделить три периода: дореволюционный (до 1917 г.); советский (1917-1991 гг.); с 1991 г. по настоящее время. 350 лет Бурятия находится в составе России. За эти годы сложились достаточно стабильные, добрососедские отношения между русскими и бурятами, что прочно вошло в общественное

сознание как русского, так и бурятского населения и передается от поколения к поколению. Сохранению стабильности отношений способствовала и взвешенная национальная политика республиканской власти, что позволило сохранить в целом бесконфликтные отношения между народами Бурятии и в постсоветский период. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос анкеты 5): «Ощущается ли сейчас в том городе, районе, селе, где Вы живете, национальная напряженность?». 79,8% бурятской интеллигенции и 73,2% русских ответили, что не ощущают. Утвердительные ответы дали 17,5% бурят и 15,9% русских.

Одной из главных традиционных ценностей любого народа является язык. Он хранит и ретранслирует духовные ценности, выражает менталитет, углубляет у этнофоров ощущение принадлежности к данному этносу. Языку принадлежит важнейшая функция в формировании национального самосознания, без которого не может быть самой этносоциальной целостности. Как убеждает наше исследование, как русская, так и бурятская интеллигенция Бурятии стопроцентно приобщена к русскому языку. Бурятская

интеллигенция – 75% респондентов указали, что хорошо владеют и понимают бурятский язык, из них 47% владеют в совершенстве, 28% – хорошо понимают, правда, редко говорят, хотя в 1995 г. – эти данные равнялись соответственно 80%, 52% и 29%. За 15 лет, как видно, уменьшилась доля интеллигентов, в совершенстве владеющих бурятским языком. Это, очевидно, объясняется недооценкой в советском прошлом национальных языков в национально-государственных образованиях страны, а также наличием объективного фактора – относительной немногочисленностью бурятского населения, значительная часть которого рассредоточена в инонациональной среде.

В то же время бурятская и русская интеллигенция будущее своего нового поколения связывают со своим национальным языком, а также одновременно ориентируется на приобщении его к другим языкам.

Так, на вопрос анкеты: «В какую школу Вы послали бы учиться своих детей?» респонденты-интеллигенты бурятской и русской национальности ответили следующим образом.

Таблица 1

Результаты ответов на вопрос: «В какую школу Вы послали бы учиться своих детей?», %

№	Варианты ответов	буряты		русские	
		1995	2011	1995	2011
1	В русскоязычную школу с изучением бурятского языка	50,6	19,0	21,1	8,0
2	В бурятскоязычную школу с изучением русского языка	18,6	6,8	1,0	0,7
3	В школу только с русским языком	1,8	1,2	7,3	9,0
4	В школу только с бурятским языком обучения	2,6	1,0	1,0	0,4
5	В школу с изучением бурятского и английского языков	Нет сведений	6,1	Нет сведений	44,1
6	В школу с изучением бурятского и английского языков	Нет сведений	3,9	Нет сведений	0,9
7	В школу с изучением русского, бурятского и английского языков 26,1	26,1	59,85	68,9	32,55
8	Затрудняются ответить	5,7	1,5	5,8	3,6

Примечания: в анкете 1995 г. пункт 7 формулировался так: в русскоязычную школу с изучением английского языка.

Из приведенных данных видно, что 90,5% респондентов бурятской национальности нацелены на школу, где изучают бурятский язык, 93,0% – русский язык и 69,9% – английский язык. У русских респондентов аналогичные показатели равняются: 42,6%, 94,4%, 77,6%. В целом эти данные отражают, на наш взгляд, современные, прагматические тенденции в области языкового поведения в полиэтнической среде и свидетельствуют об относительно высоком уровне культуры межэтнического доверия.

Одной из важнейших традиционных ценностей у народов являлись и являются знания. С приходом в Бурятию буддизма установилась традиция отправлять старшего сына в дацанскую школу. Семьи с гордостью следовали этой традиции. С древних времен у монгольских племен существовало изречение: «Поклонись книге, Поклонись учителю, Поклонись богу». В годы советской власти эта традиция не только сохранилась, но в содружестве с интеллигенцией русского и других народов получила свою

широкую реализацию. В 1970-е годы, как свидетельствуют материалы Всесоюзной переписи населения, буряты имели один из самых высоких показателей уровня образования среди 53 этносов, имевших свои национально-государственные образования. Высокие показатели были и других народов, что не могло не сказаться на их культуре межэтнических отношений. Нельзя недооценивать в этом и роли традиционной религии бурят – буддизма, которая утверждает в среде верующих ценности толерантности, гуманизма, доверия, сотрудничества. Приверженцами буддизма являются более 60% бурятской национальной интеллигенции. Среди русской интеллигенции исповедующей, православие, более 50%. Существовали и другие традиционные ценности, наполнявшие все формы общественного сознания – моральные, эстетические, религиозное, политическое, правовое, научное, философское, экологическое.

Специфически преломляя их в плодотворном межкультурном взаимодействии с русским и

другими народами, особенно в современную эпоху, бурятская интеллигенция создала многие шедевры национальной культуры, которые стали достоянием широких народных масс. Вместе с тем в тот период бурятской традиционной культурой, к сожалению, не без участия интеллигенции, были утрачены или существенно девальвированы некоторые ее имманентные элементы.

В числе ушедших в небытие этнических ценностей назовем, к примеру, особое почитание родителей, родных и предков, стремление к этнической окрашенности своего быта и экологической среды обитания.

В постсоветские годы наметился процесс восстановления ряда утраченных традиций. Успех тут во многом зависит от того, в какой мере сама интеллигенция почитает национальные традиции, сколь укоренены они в сознании интеллигенции. Об отношении интеллигенции к традициям свидетельствуют данные приводимые ниже таблицы.

Таблица 2

Результаты ответа на вопрос: «Придерживаетесь ли Вы национальных традиций своего народа?», %

№	Варианты ответов	буряты		русские	
		1995	2011	1995	2011
1	Придерживаюсь всех национальных традиций	18,9	27,25	11,7	13,6
2	В основном придерживаюсь	62,5	55,5	39,1	45,75
3	Придерживаюсь изредка	19,6	15,3	39,8	32,55
4	Не придерживаюсь	2,8	1,7	3,4	7,0
5	Не вижу в этом необходимости	1,0	0,0	5,8	0,9

За период с 1995 по 2011 г. произошло как в среде бурятской, так и русской интеллигенции более глубокое внедрение традиционных ценностей: увеличилась доля лиц, придерживающихся всех национальных традиций, и уменьшилась, доля тех, кто их не придерживается, или придерживается изредка. Более привержены национальным традициям представители бурятской интеллигенции, чем русской. Наряду с работниками литературы и искусства, ламаистского духовенства, учителями, врачами, специалистами сельского хозяйства стали чаще обращаться к национальным традициям инженерно-технические работники, специалисты органов государственного управления, правоохранительной системы.

Нас интересовало отношение интеллигенции к истории своей страны, республики, народа. В этой связи в анкете предлагался вопрос: «Какие исторические события сыграли, на Ваш взгляд, решающую роль в развитии Вашего народа?». Из 19 предложенных вариантов ответов на первом месте оказалось «вхождение Бурятии в со-

став России» (у бурят – 62,8%, у русских – 53,35%). В 1995 г. этот показатель у бурятской интеллигенции равнялся 49,1%, у русской – 46,4%. Это значит, что за прошедшие 15 лет эта ценность приобрела в сознании бурятской и русской интеллигенции, надо думать, что и их народов больший вес, большую значимость, чем прежде. Это можно расценивать как высокий уровень взаимного доверия этих двух этносов. На втором месте у бурятской интеллигенции – «Образование Бурятской АССР в 1923 г.» (30,2%), у русской интеллигенции – «победа в Великой Отечественной войне» (45,9%), на третьем – у бурятской интеллигенции – «победа в Великой Отечественной войне» (35,5%), у русской – «избрание Президентом России В.В. Путина, его деятельность» (26,6%), на четвертом – у бурятской интеллигенции – «Октябрьская революция 1917 г.» (25,8%) и «Индустриализация республики» (25,8%), у русской – «Индустриализация республики» (19,5%), на пятом – у бурятской интеллигенции – «принятие декларации о государственном суверенитете Бурятии»

(22,6%), у русской – «Октябрьская революция 1917 г.» (17,5%).

Некоторые расхождения в оценках респондентов бурятской и русской интеллигенции таких исторических событий как вхождение Бурятии в состав Российского государства, образование Бурятской АССР в 1923 г., принятие декларации о государственном суверенитете Бурятии и некоторых других объясняются, на наш взгляд, ростом национального самосознания бурятской интеллигенции, более чувственным ее

отношении к земле своих предков, ее судьбе, к национально-государственному устройству своего народа.

Может служить одним из индикаторов межэтнического доверия отношение к национальной принадлежности руководителей органов государственной власти региона. В этой связи в анкете был поставлен вопрос: «Какой национальности, на Ваш взгляд, должен быть Президент Бурятии?». Ниже приводятся результаты ответов.

Таблица 3

Результаты ответов на вопрос: «Какой национальности, на Ваш взгляд, должен быть Президент Бурятии?»

№	Варианты ответов	Национальность	
		Бурят(-ка)	Русский(-ая)
1	Бурят	31,1	1,3
2	Русский	2,4	23,7
3	Национальность не имеет значения, главное деловые и нравственные качества	64,5	72,15

Абсолютное большинство респондентов как бурятской, так и русской национальности считает, что национальность не имеет значения, главное деловые и нравственные качества руководителя.

В заключение отметим, что существует тесная связь между понятиями «культура доверия» и «традиционные этнические ценности». Традиция – духовная основа, на которой существует, выживает общество, культура, цивилизация. Традиционные ценности играют важную роль в формировании культуры доверия между народами. Любовь к родной Земле, многолетний положительный опыт межэтнического взаимодействия, язык, стремление к овладению знаниями, традиционные верования, значимые исторические события в жизни народа – оказывают огромное влияние на жизнедеятельность этносов, побуждают их к сотрудничеству, взаимопомощи. В процессе взаимодействия вырабатываются общие духовно-нравственные качества, формируется культура доверия, необходимое усло-

вие становления и развития дружбы и сотрудничества между народами.

Литература

1. Giddens A. The consequence of modernity. – Cambridge: Polity Press, 1990. – P.34-36.
2. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и пути к процветанию: пер. с англ. – М: АСТ, 2004. – С.52.
3. Barney J.B., Hansen M. H. Trustworthiness as a Source of Competitive Advantage // Stategic Management Journal. – 1994. – № 15 (Winter Special issue). – P.177.
4. Словарь философских терминов / под ред. В.Г. Кузнецова. – М, 2004. – С.73.
5. Маркович Д.Ж. Общая социология. – М.: ВЛАДОС. – 1998. – С.342.

Осинский Иван Иосифович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Бурятского государственного университета, г.Улан-Удэ, e-mail: intelligence2007@rambler.ru.

Osinskiy Ivan Iosifovich, doctor of philosophical science, professor, department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: intelligence2007@rambler.ru.

УДК 316.343 (571.54)

© И.Ц. Доржиева

РАЗВИТИЕ БУРЯТСКОГО ЭТНОСА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

Статья посвящена исследованию современных этносоциальных процессов в среде городских бурят. Рассмотрены изменения в социальной структуре бурятского этноса. Выявлены особенности этноязыковой ситуации, религиозного поведения, традиционной семейной обрядности бурят в условиях урбанизации.

Ключевые слова: буряты, урбанизация, этносоциальные процессы, религиозное поведение, традиции.

I.Ts. Dorzhieva

THE DEVELOPMENT OF BURYATS IN THE SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT OF THE CITY
(ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

The article is devoted to the modern ethnosocial processes of the urban buryats. The changes in the social structure of buryats are discussed. The features of ethnolinguistic situation, religious behavior, traditional family rites of buryats in urbanization are determined.

Key words: *buryats, urbanization, ethnosocial processes, religious behavior, traditions.*

Большое влияние на современное развитие этнической общности оказывают урбанизационные процессы. Крупные города в большинстве своем характеризуются многонациональным составом населения, что в свою очередь влияет на этноязыковые и этнокультурные процессы. Социокультурное пространство города способствует интенсивному и всестороннему межэтническому взаимодействию и взаимовлиянию, нивелировке этнокультурной специфики, детерминирует изменения в социальной структуре этноса и в системе традиционных ценностей. Города осуществляют функцию центров процесса консолидаций различных национальностей. В связи с этим возникает необходимость изучения отдельных этнических групп, особенностей их социокультурного развития в условиях урбанизации.

Буряты входят в двадцатку наиболее многочисленных этносов, проживающих на территории России, хотя составляют лишь 0,3% всего населения РФ. Наибольшая доля бурятского населения РФ (62,2%) проживает на территории Республики Бурятия. Впервые, по данным Всероссийской переписи 2010 г., доля городского бурятского населения в республике превысила долю сельского и составила 51,3% (в 2002 г. – 48%) [1]. Наиболее интенсивно рост городского населения бурят происходил во второй половине 20 века. В целом же за период с 1970 г. по 2010 г. численность городского бурятского населения увеличилась более чем в 3,5 раза.

Урбанизация бурятского населения сопровождается повышением его образовательного уровня. Так, доля лиц с высшим образованием (включая послевузовское) среди бурят старше 10 лет, по данным Всероссийской переписи 2010 г., увеличилась до 29,6% (в 2002 г. – 21,2%), со средним профессиональным – до 22,3% (в 2002 г. – 18,7%). Сократился удельный вес бурят со средним (19,6%) и начальным образованием (9,2%). На сегодняшний день процент лиц, имеющих высшее образование, среди бурят является одним из самых высоких в стране (по сравнению с другими национальностями). В то же время наблюдается существенная разница

между образовательным уровнем городского и сельского населения. Так, по данным переписи 2010 г., среди городских бурят старше 10 лет 41,8% имеют высшее и послевузовское образование, тогда как среди сельских бурят – 20,7% [2].

Миграция бурятского населения в города сопровождается ростом национальной интеллигенции. Так, по материалам переписей, постоянно растет доля бурят, занятых умственным трудом, а доля бурят, работающих в сельском хозяйстве, которая являлась преимущественной сферой занятости бурятского населения, сокращается. Вместе с тем увеличивается число занятых в промышленности, строительстве, торговле, жилищно-коммунальном и бытовом обслуживании населения. Растет среди бурятского населения слой предпринимателей.

Основная доля городского бурятского населения сконцентрирована в г.Улан-Удэ. По данным Всероссийской переписи 2002 г., свыше 40% (в 1989 г. – 32%) от общей численности бурят республики проживают в ее столице (более 111 тыс. человек), что составляет 29,9% (в 1989 г. – 21,4%) от общей численности населения города [3].

Как отмечает Т.М. Михайлов, столица Республики Бурятия играет важную роль в этническом развитии бурятского народа и выполняет следующие функции:

1) служит центром формирования и развития бурятской национальной культуры, интегрирует культурно-бытовые особенности разных этнических групп бурят;

2) для определенной группы верующих бурят г.Улан-Удэ является центром, необходимым для реализации религиозных целей;

3) выступает важным фактором этнокультурной консолидации бурят (восточных и западных), поскольку здесь сконцентрированы средства массовой информации на бурятском языке, театры и др. [4].

Мотивы миграции сельских бурят в город разнообразны. Сосредоточение в городах большинства образовательных учреждений создает благоприятные условия для повышения образо-

вательного уровня. Роль Улан-Удэ, как одного из крупных центров Восточной Сибири по подготовке кадров, обуславливает значительный приток бурятской молодежи (15-24 лет) не только из сельских районов республики, но и из других регионов страны (Иркутской и Читинской областей). В последние годы заметна тенденция роста числа молодежи из сельской местности, поступающей в вузы и средние специальные учебные заведения города. Так, по данным проведенного нами социологического исследования, в ходе которого было опрошено 950 человек бурятской национальности, проживающих в Республике Бурятия, 42,2% сельских мигрантов переехали в Улан-Удэ с целью получения среднего и высшего специального образования.

Высокий уровень безработицы, низкая заработная плата на селе вынуждают многих жителей покинуть родные места и переехать в город, который предоставляет более широкий выбор трудовой деятельности и связанные с этим возможности социально-профессиональной мобильности. 24,5% респондентов приехали в город с целью трудоустройства.

Среди других причин миграции в город были названы следующие: стремление жить с родственниками (12,1%), улучшение жилищно-бытовых условий (6,6%), распределение после учебы (5,5%), брак (5,2%).

Формирование ценностей городского образа жизни, социальная адаптация к новым условиям требуют длительного времени. Вследствие этого городское бурятское население, основную часть которого на сегодня составляют бывшие сельские жители, находится в стадии маргинальности, то есть в переходном состоянии от традиционно-сельской к современной индустриально-урбанизированной среде.

Стремительные темпы урбанизации бурятского населения способствовали быстрому усвоению бурятами русского языка. Если, по данным Всесоюзной переписи 1970 г., 66,7 % бурят свободно владели русским языком, то по материалам Всероссийской переписи 2010 г., 97,5% бурят, проживающих в Бурятии, владеют русским языком. Вместе с тем, увеличивается доля лиц бурятской национальности, не владеющих родным языком. Результаты переписи 2010 г. свидетельствуют о том, что только 42,8% бурят, проживающих в РБ, владеют языком своей национальности [1].

Большое влияние на знание языка оказывает социальная среда. Уровень знания бурятского языка отличается в среде городского и сельского населения. Так, по результатам социологического опроса, в совершенстве владеют (читают,

пишут, говорят) бурятским языком 71,8% сельских и 34,7% городских жителей, среди последних, в основном сельские мигранты. Коренные горожане слабо владеют бурятским языком, только 6,1% из них знают его в совершенстве, в основном же превалирует знание языка на бытовом уровне. Достаточно высокий процент (37,4%) составляют буряты, которые только понимают, но не говорят или испытывают при общении на бурятском языке значительные затруднения. Более 16% коренных горожан, в особенности молодежь, не знает родного языка.

Важную роль на степень владения национальным языком оказывает язык, на котором проводится учебно-воспитательный процесс. В дошкольных учреждениях сельской местности, где преобладает бурятское население, нередко используется бурятский язык. В городах, поселках городского типа и крупных поселках со смешанным национальным составом в детских дошкольных учреждениях доминирует русский язык общения. Изучение бурятского языка носит факультативный характер или фактически отсутствует. Так, согласно материалам социологического исследования Н.С. Бабушкиной, языком воспитания в дошкольных учреждениях у 14,3% городских и 32,1% сельских бурят являлся родной язык [5].

Исследование показало, что бурятский язык в основном применяется в семьях, где оба родителя выходцы из сельских районов и хорошо владеют родным языком. В таких семьях поддерживаются более тесные отношения с родственниками из села, и дети из этих семей чаще бывают в селе, где обучаются бурятскому языку. В большинстве семей, где один или оба супруга из городской местности, используется русский язык. Также преобладает русский язык общения в семьях, где родители владеют разными диалектными формами бурятского языка, что создает некоторые трудности в коммуникации на родном языке. Что касается применения бурятского языка в других сферах, можно отметить, что на работе, в процессе учебы и в общении с друзьями преобладает использование русского языка (86,1%).

Значительную роль в сохранении традиционных элементов культуры бурятского этноса в городской среде играет религия. Укрепляясь в сознании людей, она становится частью культурного потенциала народа и выполняет определенные социально-политические и культурно-этические функции. В качестве критериев степени религиозности выделяют два признака – содержание и уровень религиозного сознания индивидов (их религиозное представление и

эмоции) и их религиозное поведение (соблюдение обрядов, участие в деятельности религиозных организаций, пропаганда религиозных взглядов). Так, по данным нашего социологического исследования, верующими назвали себя 52,7% городских и 59,4% сельских бурят, «в какой-то степени» верят 43,6% и 38,5% соответственно и только 3,7% горожан и 2,1% сельчан не относят себя к верующим. Менее религиозны коренные горожане: 44% – верующие, 45% – колеблющиеся и 11% – неверующие.

Материалы социологического опроса позволили выявить зависимость степени религиозности от возраста респондента. Наиболее религиозными в городе являются представители старшего поколения. Это объясняется тем, что люди в этом возрасте больше испытывают потребность в духовной опоре, утешении, защите, которые они стремятся найти в религии. Молодежь (16-29 лет) показала себя более религиозной, чем люди среднего возраста. Такая ситуация, на наш взгляд, связана с тем, что становление и развитие личности молодого поколения как раз пришлось на годы возрождения религиозной традиции в стране и в частности в Бурятии.

Другим немаловажным фактором, влияющим на степень религиозности, является уровень образованности. Данные опроса свидетельствуют, что с повышением образовательного уровня понижается степень религиозности. Так, в городе среди бурят с высшим или неоконченным высшим образованием верующих – 48,5%, а среди бурят со средним и неполным средним образованием верующих в городе – 56,9%.

Подавляющее большинство верующих как городских, так и сельских бурят является последователями буддизма (64,5%) и шаманизма (11,2%).

Религиозные традиции тесно переплетаются с традициями, связанными с семейно-бытовой сферой. Элементы традиционной семейной обрядности отражают этническую специфику образа жизни народа. Поэтому нам представляется необходимым рассмотреть бытование этих традиций у современных бурят.

Данные нашего социологического опроса показывают, что степень распространенности различных обрядов в среде городского бурятского населения неодинакова (табл.1).

Таблица 1

Результаты ответов на вопрос: «Соблюдает ли ваша семья национальные традиции, обычаи, обряды?», в %

Национальные традиции, обычаи, обряды	Соблюдают полностью	Соблюдают частично	Не представилось подобно-го случая	Не соблюдают
При рождении детей	22,1	49,5	18,1	10,4
На свадьбах	36,1	53,4	7,2	3,3
На похоронах	55,4	35,4	6,6	2,6
В быту, хозяйственной деятельности	16,8	68,4	3,3	11,5

Наименее устойчивыми являются обряды, связанные с рождением ребенка. В прошлом, когда была высокая смертность детей у бурят, существовала сложная система детской обрядности, связанная с сохранением жизни детей. В настоящее время в связи со снижением уровня детской смертности, проведением родов в медицинских учреждениях и в целом с повышением культурного уровня необходимость проведения полного комплекса обрядов при рождении ребенка отпала сама собой. В наши дни соблюдается традиция выбора имени ребенка в дацане в соответствии с датой его рождения.

В быту и хозяйственной деятельности буряты частично придерживаются традиционных обрядов. Необходимо отметить, что почти каждый десятый респондент находит необязательным соблюдение обычаев в данной сфере.

Определенный интерес представляют изменения в свадебной обрядности бурят, которая в прошлом отличалась сложной структурой и включала в себя множество элементов. Кроме того, свадебные обряды у каждой этнической группы имели свои характерные особенности. Выявлено, что проведение современной бурятской свадьбы упростилось, приобрело компоненты, заимствованные у русского и других народов, а также общероссийские черты. В последние годы особенно распространилось приглашение на роль тамады известных артистов или людей, специально занимающихся проведением свадебных мероприятий.

В то же время отметим, что многие традиционные элементы свадебного церемониала, начиная с церемонии сватовства и заканчивая послесвадебными обрядами, сохранились. До наших дней не утратили свой смысл обряды сва-

товства (хадаг), приданого (загал), проводов невесты (басаганай наадан), «невестин чай» (бэрийн сай). Обязательным считается обращение к ламам для определения совместимости жениха и невесты и назначения дня свадьбы. Таким образом, современная бурятская свадьба представляет собой сочетание традиционных и новых форм обрядности.

Наиболее устойчива из всех видов обрядности погребально-поминальная. Большинство городских и сельских бурят придерживается национальных традиций в этой области. По-видимому, такая ситуация объясняется тем, что похоронный обряд наиболее тесно связан с религиозными традициями. Вера в бессмертие души и перерождение умерших родственников является одним из положений традиционных религий бурят – буддизма и шаманизма. С древних времен у бурят существовали представления о том, что свойства духов покойников зависят от того, как они жили, как умерли и как были похоронены. Поэтому обязательным считается обращение к ламам для определения дня похорон, места погребения и проведения специальных молебнов для благополучного перерождения в следующей жизни.

Таким образом, в процессе урбанизации за короткий для истории период произошли значительные изменения в социальной структуре бурятского этноса: повысился образовательный уровень, увеличилось количество людей, занятых умственным трудом. Произошли существенные перемены в профессиональной структуре бурятского населения.

Современные этноязыковые процессы у бурят характеризуются массовым переходом к двуязычию и усиливающейся тенденцией языковой ассимиляции городских бурят. Общей тенденцией развития этнокультурных процессов у бурят в условиях современного города является снижение роли и значимости традиционной культуры, восприятие новых ценностей и усиление процесса межэтнической интеграции и аккультурации.

Литература

1. О демографических и социально-экономических характеристиках населения отдельных национальностей Республики Бурятия (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года). – [Электронный ресурс]. – URL: http://burstat.gks.ru/perepis2010/perepis_itog.
2. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/.
3. Районы Республики Бурятия. Основные характеристики: статистический сборник № 01-01-17 / Бурятстат. – Улан-Удэ, 2009.
4. Михайлов Т.М. Бурятия и ее этнокультурная динамика (XVII - нач. XX вв) // Проблемы истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1993.
5. Бабушкина Н.С. Социальный аспект двуязычия (на материалах Республики Бурятия). – Улан-Удэ: изд-во Бурятского гос. ун-та, 1998. – 114 с.

Доржиева Ирина Цыдыпжаповна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, г.Улан-Удэ, e-mail: dorjira@mail.ru.

Dorzheeva Irina Tsydypzhapovna, candidate of sociological science, senior lecturer, department of political science and sociology, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: [dorjira@mail.ru](mailto:dorzira@mail.ru).

УДК 316.347:63-051(571.54)

© О.Ж. Гончикдоржиева

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается динамика межнациональных отношений в регионе. Прослеживается влияние территориального аспекта на развитие межнациональных отношений.

Ключевые слова: межнациональные отношения, село, напряженность, традиции, толерантность.

O.Zh. Gonchikdorzhieva

INTERNATIONAL RELATIONS: TERRITORIAL ASPECT

In article dynamics of the international relations in the region is considered. Influence of territorial aspect on development of the international relations is traced.

Key words: international relations, rural area, intensity, traditions, tolerance.

Современная Россия – многонациональная страна, в которой проживают представители ста девяноста трех национальностей. Такое много-

образии национального состава, с одной стороны, способствует интеграции в единое культурное российское пространство, в котором «сис-

темообразующим ядром» исторически выступал русский народ (численность которого по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. составила 111,02 млн человек (80,9%)¹ при условии их самоопределения²) [1], а с другой стороны, осложняет данный процесс, так как каждая национальность старается сохранить собственную культуру, язык, что создает угрозу сохранения единства и целостности государства, особенно в условиях незавершившейся трансформации российского общества.

Переход государства на рыночные механизмы управления, особенно остро отразился на селе и привел к ряду парадоксов: первый парадокс заключается в натурализации хозяйства, возврате к бартерным формам обмена, обострении социальных проблем, второй – в увеличении числа убыточных хозяйств, третий характеризуется разрушением трудовой мотивации людей, и четвертый парадокс заключается в резком обнищании сельского населения, деградации социальной сферы села [2, с. 138]. Эти процессы сопровождались снижением уровня и качества жизни сельского населения, высоким уровнем безработицы и преступности, несовершенством законодательной базы и другими факторами, усиливающими дифференциацию людей не только по социальному, но и национальному признакам. Это не могло не отразиться на межнациональных отношениях в сельской местности. Все чаще происходят конфликты, например, в с.Кондопог (Республика Карелия, 2006), с.Демьяново (Кировская область, август 2012), с.Ремонтное (Ростовская область, сентябрь 2012). Официальная причина конфликтов – бытовые ссоры между местным населением и мигрантами, которые переросли в массовые межнациональные конфликты. Исторически село представляет собой замкнутую социальную, экономическую единицу, с тесными дружескими, часто родственными связями между жителями, в то же время «село – среда преимущественно гомогенная по национальному составу, – по существу как бы «глубинка» этнических традиций [3, с. 5], оно является хранителем национального самосознания жителей. И если в локальном пространстве, с ограниченным числом жителей, возникают подобные ситуации (вплоть до массовых убийств) стоит задуматься об эф-

фективности мер, предпринимаемых государством для решения межнациональных проблем.

В каждом субъекте федерации межнациональные отношения складываются особым образом. Республика Бурятия исторически считается этнически стабильным регионом. Так, по данным профессора А.Д. Карнышева 29,1% представителей бурятского населения и 17,2% представителей русского населения склонны охарактеризовать межнациональные отношения как «хорошие, способствующие национальному согласию», склонны охарактеризовать их как «нормальные, терпимые» 65,4% и 67,8% респондентов соответственно [4, с. 172]. Схожие результаты получены профессором Ю.Б. Рандаловым в рамках программы «Возрождение и развитие национального языка, национальной культуры, традиций и обычаев бурятского народа». Так, 21,8% респондентов оценивают межнациональные отношения в Республике как «хорошие, в целом взаимоуважительные», 61,9% – как «положительные, в целом взаимотерпимые» [5]. Стоит отметить, что в последние годы в анкетах все чаще межнациональные отношения характеризуются как толерантные, а не «хорошие, способствующие национальному согласию», или «взаимоуважающие».

Уже в 2005 г. в исследовании, проводимом Отделом социально-политического анализа экспертно-аналитического центра Президента РБ, 14,7% респондентов указали на наличие некоторой напряженности во взаимоотношениях между представителями разных национальностей» [6, с. 24].

По результатам массового и экспертного опросов, проведенных в 2010-2011 гг., в районах республики выявляется тенденция снижения числа респондентов, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в Бурятии. Так, 45,6% респондентов считают, что они «стабильные». Наличие «некоторой напряженности» отметили 32,9%, относительно «сильной межнациональной напряженности, возможных конфликтах» высказалось 4%. Тогда как экспертные оценки выглядят оптимистичнее, процент, считающих состояние межнациональных отношений в республике «стабильными», составил 63,2%. Они объясняют «стабильность» следующими факторами: «территория Забайкалья, так же как территория Центральной Азии, с древнейших времен была перекрестком разных культур. Население формировалось в результате смешения автохтонов и мигрантов самого различного происхождения. Несмотря на полиэтничность, достаточно большие различия в культуре, жители Забайкалья сумели накопить

¹Общая численность населения составила 142,9 млн человек.

²В соответствии с Конституцией Российской Федерации национальная принадлежность в ходе опроса населения указывалась самими опрашиваемыми на основе самоопределения и записывалась переписными работниками строго со слов опрашиваемых.

положительный опыт взаимодействия... Интеграционные процессы отечественной истории привели к формированию толерантности населения Забайкалья. Поскольку этническая толерантность, как правило, проявляется непосредственно в ходе межэтнических контактов и в каждом конкретном случае различна» [7, с. 120].

Наблюдаемая негативная тенденция свидетельствует о стремительном развитии националистических настроений, как в стране, так и в республике в частности. В то время как доля, оценивающих межнациональные отношения у себя в селе как «стабильные» составила 63,6%, появилось число респондентов, ощутивших «сильную межнациональную напряженность, возможные конфликты в селе» (2,7%).

Между тем, небольшая часть экспертов (5,3%) отмечает «сильную межнациональную напряженность» в сельской местности, наличие которой объясняется доминированием индивидуалистических ценностей, нивелирующих нравственное значение внутриэтнических отношений. В результате этого процесса многие позитивные этнические традиции начинают терять свое значение. Одной из характерных черт сельской местности являются культурные и религиозные основы народа, поэтому вопросы сохранения села становятся важными во всех аспектах его развития. Несмотря на такие результаты, межнациональная толерантность у сельских жителей выше, чем у городских. Возможно, это связано с тем, что город представляет собой сложную открытую систему социальных связей, развивающуюся по формуле: «каждый сам по себе» и «сам для себя». В селе же данная формула не работает, здесь нельзя (по крайней мере, очень сложно) выжить без посторонней помощи. Еще одним фактором, влияющим на рост межнациональной напряженности в городе, становится рост конкуренции на рынке труда, что влечет углубление разобщенности общества и прочее.

На вопрос: «Какие из представленных отношений с представителями других национальностей для Вас приемлемы?», 63,1% респондентов ответили «деловые отношения», 59,6% – «проживание по соседству», 32,2% – «брак», а вот варианты «дружба» и «не приемлемы» отметили 7,5% и 7% соответственно. На первый взгляд, такие результаты говорят о нарастании «напряженности», в тоже время не стоит нагнетать обстановку, возможно, это субъективное мнение человека, сложившееся на основе взаимоотношений с другими представителями этносов.

Для жителей Бурятии в целом предпочтительной является модель равностатусного взаи-

модействия без проявления этнофобии. Скорее всего, корни этого явления надо искать в длительном совместном проживании русских с бурятами и сформировавшемся ощущении себя не только в качестве представителей своего этноса, но и как жителей Бурятии.

Иная картина складывается в отношении мигрантов – соискателей на рынке труда. При ответе на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что многие люди склонны связывать трудности социально-экономического положения республики с наличием большого количества приезжих других национальностей?», «не согласных» с данным утверждением оказалось 49,6% респондентов, «согласных» – 17,7%, «согласных с тем, что из-за них возникают большие трудности» – 8%.

К россиянам из других регионов отношение остается положительным примерно у половины опрошенных, к трудовым мигрантам из других государств положительно относится примерно четверть респондентов. Такая ситуация не удивительна, так как во всем мире конкуренция на рынке труда приводит к подобным установкам. Самое главное, что нужно правильно оценивать и прогнозировать последствия трудовой миграции, формировать положительные установки. России принадлежит 13% мировых территорий, а ее доля в мировом населении к 2050 г. может сократиться до 1%. А.В. Вишневецкий считает, что спад рождаемости в глобальном масштабе явление положительное и неизбежное, так как природные ресурсы ограничены. В данном контексте миграционная политика и социокультурная адаптация мигрантов должны быть одной из важнейших задач государства. [8, с.18]. Непродуманная политика может привести к ухудшению межнациональной ситуации, как в регионе, так и в стране в целом.

На вопрос: «Возможна ли в будущем в Бурятии ситуация межнациональной напряженности, даже конфликты?», 36,2% респондентов ответили «маловероятно», 27,9% – «вполне возможно», 18,7% – «скорее нет, чем да», 7,5% – «скорее да, чем нет».

Респондентам, давшим положительный ответ, предложили назвать причины межнациональной напряженности, самыми значимыми вариантами ответов оказались: «рост безработицы» (39,15%), «социальные девиации (алкоголизм, наркомания, преступность)» (36,4%), «дуроговизна жизни, рост инфляции» (25,9%).

Отвечая на вопрос: «Что Вы думаете о решениях, которые принимает руководство РБ по урегулированию межнациональных отношений», 56,1% респондентов ответили, что ничего

не знают о таких решениях. Результаты свидетельствуют о низкой информированности сельского населения. Несмотря на предпринимаемые попытки государства стабилизировать ситуацию (различные федеральные и региональные программы по поддержке сельских жителей и аграрного сектора в целом), в условиях социально-экономического кризиса усилились социальные аномалии – алкоголизм, преступность, суицид, психические расстройства, распад семей и др., что ведет к снижению рождаемости как реакции семей на экономические трудности и социально-политическую нестабильность. В то же время, наблюдается повышение роли традиционно-религиозных ценностей, развитие этнического самосознания населения, что способствует проявлению латентной межэтнической напряженности. Так, на вопрос: «Считаете ли Вы возможным для себя принять активное участие в мероприятиях (акции, митинги и др.) в интересах своей национальной группы?» 12,5% всех респондентов ответили «положительно», для 41,9% респондентов участие «зависит от обстоятельств», для 18,3% – это не приемлемо.

При дальнейшем снижении уровня жизни, культуры и образования, а также давлении со стороны СМИ, даже в сельских районах Бурятии, отличающихся высокой толерантностью, возможно ухудшение межнациональных отношений.

Отметим, что эти процессы больше всего влияют на близлежащие к городу села, в них происходит наложение городского образа жизни на село, что приводит к изменению сознания сельских жителей. Итогом происходящих процессов становится изменение внутреннего состояния сельского населения, его образа жизни при сохранении внешнего сельского каркаса. Отдаленные от центра села остаются достаточно консервативными. Отличительными признаками такого села являются территориальная обособленность, в некоторых случаях изолированность, развитые межличностные коммуникации (родственные, соседские) и преобладание традиционных ценностей.

Современное состояние межнациональных отношений, как в селах, так и в городах требует осознания проблемы на всех уровнях власти и общества. Наблюдаются положительные сдвиги

в этом направлении, в виде принятия «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [9], приоритетными направлениями которой являются совершенствование государственного управления и развитие международного сотрудничества в сфере национальной политики, создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов. Необходимо развивать систему гражданско-патриотического воспитания, совершенствовать взаимодействие властей с институтами гражданского общества и др.

Литература

1. Национальный состав населения Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab 5.xls.
2. Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. – Новосибирск: изд-во ИЭиОПП СО РАН, 2001. – 196 с.
3. Современные этносоциальные процессы на селе / Сб. статей под ред. Ю.В. Арутюняна. – М, 1986.
4. Карнышева А.Д. Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика. – Улан-Удэ. изд-во Бурятского гос. ун-та, 1997.
5. Рандалов Ю.Б. Научное социологическое исследование по проблемам комплексной программы «Возрождение и развитие национального языка и национальной культуры, традиций и обычаев бурятского народа». – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2002.
6. Межнациональные и этнические вопросы Бурятии. – Улан-Удэ: изд-во Вост-Сиб. гос. техн. ун-та, 2006. – 132 с.
7. Город и село в условиях глобализации (на примере Республики Бурятия): материалы междунар. семинара. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 220 с.
8. Вишневецкий А.Г. Российское село в демографическом измерении / Е.А. Кваша, Т.Л. Харькова, Е.М. Щербакова. // Мир России. – 2007. – № 1. – С. 17-58.
9. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666). – [Электронный ресурс]. – <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/437675/>.

Гончикдоржиева Оюна Жимбаевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной стратификации Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: Gonchikdorjjeva@mail.ru.

Gonchikdorzhieva Oyuna Zhimbaevna, candidate of sociological science, senior researcher, laboratory of social stratification, Buryat State University, e-mail: Gonchikdorjjeva@mail.ru.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЕМ НРАВСТВЕННОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Рассматриваются и анализируются возможности социального управления формированием нравственности и ответственности, как предпринимателей, так и общества в целом средствами системы образования и воспитания.

Ключевые слова: образование, воспитание, нравственность, социальная ответственность, предпринимательство и бизнес, социальное управление.

V.Yu. Mineralov

EDUCATION AS SYSTEM OF SOCIAL MANAGEMENT OF FORMATION MORAL AND RESPONSIBILITY ENTREPRENEURS

Possibilities of social management by moral and responsibility formation, both entrepreneurs, and societies as a whole means of an education system and upbringing are considered and analyzed.

Key words: education, upbringing, moral, social responsibility, entrepreneurship and business, social management.

Одним из современных оснований развития человеческой цивилизации является предпринимательство. Транснациональные корпорации, предпринимательские системы, поощряющие, в том числе, внутреннее предпринимательство, обретают влияние и ресурсы, нередко превосходящие силы отдельных государств, а по всепланетарному охвату соперничающие с наиболее развитыми странами (государственными экономическими системами). Средние и малые предприниматели в своей совокупности также оказывают значительное влияние на развитие прогрессивных тенденций в обществе. В формирующейся новой расстановке общественных сил представляется чрезвычайно актуальным всестороннее управление процессами развития, становления и эволюции моральных, социально-нравственных, духовных качеств, ценностных ориентиров будущих, начинающих и действующих предпринимателей.

По мнению И.В. Игнатовой, предпринимательство, будучи активной и сознательной деятельностью, способствует удовлетворению общественных потребностей, выступает как важный элемент социальной культуры человечества. С ним связаны целесообразная хозяйственная деятельность, философско-мировоззренческие, правовые, нравственные, эстетические и другие ценностные ориентиры. Участие человека в предпринимательстве обусловлено его представлениями о смысле жизни, ее достойном образе, социально значимых целях, престижности тех или иных видов труда, об успехе, собственности, материальном благосостоянии, взаимоотношениях людей в процессе хозяйствования [4, с. 110].

В условиях, когда прямое влияние на духовные, нравственные и иные личностные качества предпринимателей практически невозможно (нельзя заставить быть нравственным, действовать в соответствии с какими-то нравственными нормами, не реформировав существующую экономическую систему) представляются важными долгосрочные косвенные воздействия, прежде всего, через систему воспитания и образования. «Опытные бизнесмены вообще говорят о том, что предпринимателей нужно воспитывать еще с детства, со школьной скамьи. Не учить, а именно воспитывать, развивать в них инициативность, целеустремленность, амбициозность – качества, которые определяют успешного предпринимателя» [5, с. 55]. Так почему бы не включить в перечень этих обязательных важных качеств предпринимателя воспитание нравственности.

Задаваемые образованием и воспитанием духовно-нравственные ориентиры, нормы, цели общественного развития, прививаемые навыки самоуправления и самодисциплины, цели и задачи приложения духовных и физических сил, подаваемые примеры, образцы поведения, в том числе делового, создают важные основы для социальной ответственности предпринимательства. Образование не просто транслирует знания, социализирует и воспитывает, а, в сущности, является инструментом социально-психологического управления обществом, при умелой организации носящим стратегический характер.

Нравственный вектор образования может привести к росту предпринимательской ответственности только если обеспечена преемствен-

ность на всех ступенях, начиная с дошкольного образования, семейного воспитания и далее к профессиональному (в частности, корпоративному) образованию. «Провал» какой-то стадии (в особенности начальных) образовательного процесса, протекающего на протяжении всей жизни, подрывает результативность всей системы образования, ее социализирующе-образовательной функции, не дает обществу желаемый результат – повышение духовно-нравственного уровня во всех областях материальной и духовной культуры, профессиональных взаимодействий, включая предпринимательскую деятельность.

Выделяя фундаментальные проблемы современного образования, некоторые исследователи замечают, что сегодня знания и образование, уравнивая достижение истины с получением частной пользы, заменили идеалы, цели и смысл человеческой жизни, ее субъективные, творческие основы и начала экономическим, политическим и идеологическим детерминизмом, рационализмом, прагматизмом. Тем самым они не способствуют становлению нового типа и способа деятельности, который не мотивируется материально, не измеряется количественно, который ведет к многообразию и индивидуализации общественных отношений, обогащению их интеллектуально и духовно [8, с. 11-12].

Высказывается также небезосновательное мнение, что современное образование вступило в существенное противоречие не только с настоящим, но и будущим. Не обеспечивая социальные потребности в настоящем, мировая образовательная система сложилась таким образом, что фактически игнорирует будущее, находя свое «комфортабельное» существование в «воспоминаниях о прошлом». Практически все образовательные учреждения, процессы и системы не ориентированы на будущее, на создание того его образа, который обеспечит выживание и оптимальное развитие человеческого рода. Если модернизация образования, о которой так много говорится, в том числе в контексте всеобщей российской модернизации, призвана его реформировать в соответствии с требованиями современности, т.е. настоящего времени, то следующим важным шагом на пути инновационных процессов должна стать футуризация, адаптирующая образование к устойчивому будущему [14, с. 444].

По нашему мнению, одним из ключевых факторов роста социальной (экономической, политической, экологической и др.) ответственности, действительно является формирование опережающего сознания (футуризация сознания) у

критического количества населения, что предполагает достаточно ясное видение образа желаемого будущего и последовательности шагов, ключевых общественных действий для его достижения.

В этом плане общее и профессиональное образование и воспитание (дошкольное, школьное, вузовское и т.д.) являются инструментом социального управления, способного в перспективе менять «культурный код» народа, менталитет, духовно-нравственные ценности, ориентиры. И хотя сам факт социального управления через систему воспитания и образования многим очевиден, далеко не так очевидно какое влияние на общество в среднесрочной, а тем более долгосрочной перспективе оказывает существующая система образования и воспитания и к какому будущему она готовит. Ведет ли действующая система образования к прогрессу, духовному росту, справедливости, свободе для всех слоев населения или деградации и упадку, поляризации жизненного уровня, доступа к знаниям, прав и свобод членов общества, интенсификации разрушения природной среды и т.д.

Мы не претендуем на всесторонний анализ сложных взаимосвязей культурно-образовательно-воспитательных факторов и социальной ответственности предпринимателей, но отметим некоторые важные тенденции, угрозы и возможности в этой области.

Традиционно выделяют такие уровни и виды образования как дошкольное, школьное, начальное профессиональное, среднее профессиональное, высшее образование. Вместе с этим существуют понятия непрерывного и дополнительного образования (в частности корпоративного образования), особо выделяются явление самообразования, семейное воспитание и так называемое «образование жизнью». Рассмотрим более подробно некоторые особенности современного образования.

Например, по мнению авторов Стратегии 2020: «Новый этап развития школьного образования должен быть ориентирован на достижение нового качества человеческого капитала России, создание системы образовательных сервисов для удовлетворения разнообразных запросов подрастающего поколения» [12, с. 291]. Делая акцент на новом качестве человеческого капитала, разработчики стратегии ничего не говорят о том, чтобы данный капитал должен включать в себя развитую нравственную составляющую, как определенную гарантию, что человеческий капитал будет реализован на пользу обществу, и полученные знания и навыки не будут в будущем

сознательно применены во вред обществу, государству.

Следует отметить сложную взаимосвязь духовно-нравственного воспитания и профессионального образования. Например, Ф.Э. Шереги, выделяя две основные функции образования, пишет: «Интегрирующая (социализирующая – В.М.) функция образования реализуется в процессе приобщения молодого поколения к культурным ценностям, нравственным идеалам, принципам мировоззрения, тем самым, формируя социальную общность. Дифференцирующая функция образования реализуется в потенциальном «рассредоточении» молодого поколения по пирамидальным ячейкам социально-профессиональной структуры. Через эту свою функцию образование, преимущественно на стадии профессионального самоопределения молодежи, реализует начальную стадию пирамидального замещения поколений в иерархии общественного разделения труда» [16, с. 2].

С одной стороны, недостаток духовного воспитания может способствовать превращению человека в орудие производства, «бездуховного» профессионала «знающего свое дело» (как сейчас образно говорят «биоробота»). С другой стороны, нравственное воспитание, всяческая «одухотворенность» на фоне слабой или не востребованной, не отвечающей вызовам времени профессиональной подготовки ведет к фрустрации, чувству беспомощности, не востребованности, что также может способствовать социальным конфликтам, ослабляя общество, делая его уязвимым как перед природными, так и техногенными рисками, агрессии со стороны других государств.

В связи с этим требует незамедлительного решения задача преодоления запаздывания образования, «производства» невостребованных специалистов – следствия несостоятельности стратегического планирования и управления государством, дающего неправильный государственный заказ на специалистов.

Согласно Ф.Э. Шереги, «профессиональное становление нынешней российской молодежи проходит в обществе с относительно устойчивой, но отнюдь не прогрессивной социальной структурой, критическим восприятием обществом своего прошлого и не вполне осознанной моделью будущего, что само по себе является предпосылкой для дисфункциональности профессионального образования, т.е. воспроизводства им не прогрессивной, а консервативной социальной структуры» [16, с. 4]. Происходит расстрачивание, выгорание, подрыв интеллектуального потенциала вследствие профессиональной

нереализованности знаний, навыков. А за утратой профессионализма, невостребованностью полученного образования следует фрустрация, потеря профессиональных ценностей и ориентиров, профессиональной нравственности и ответственности. Человеку становится все равно где, кем и как работать – лишь бы платили деньги.

Поэтому важно ясное планирование, объяснение перспектив будущего, направлений, целей движения общества, последовательное создание благоприятных условий для достижения декларируемого будущего, формирующее у молодежи сознание, признающее приоритет не иждивенчества (исключительное потребительство), а равноправной трудовой деятельности.

Значительная проблема образования состоит в том, что любые попытки прививать, воспитывать новые духовно-нравственные, ценностные, идейные и т.д. установки неизменно вступают в конфликт с существующим «порядком вещей», в частности, в «деловом мире» предпринимателей, а также со стратегиями бизнеса, государственными далеко не всегда учитываемыми и приветствуемыми гуманистическими устремлениями образования и воспитания, идущие вразрез с гиперпрагматизмом и рационализмом наиболее активных и влиятельных участников социально-экономических отношений.

Система образования вынуждена учитывать существующую реальность, а не только заниматься строительством гуманного, высоконравственного и справедливого общества будущего. По мнению Ф.Э. Шереги, «система образования «должна не «собой любоваться», а «смотреться в иное, экономическое зеркало». Только экономика есть тот потребитель «конечной продукции» системы профессионального образования, который либо признает ее функциональность, с пользой для себя трудоустривая выпускников, либо констатирует дисфункциональность профессионального образования, не проявляя потребности в выпускниках» [16, с. 10]. С этим мнением нельзя во всем согласиться. Конечно, образование не может «производить» специалистов без учета экономических реалий и будущих перспектив. Но не всегда сегодняшние экономические потребности должны быть выше долгосрочной стратегии образования, задача которой как раз в том, чтобы подготовить профессионалов, обладающих нравственными качествами и знаниями, способствующими изменению, совершенствованию самих экономических отношений, экономической системы. Возможно только комплексное, согласованное решение, на основе диалога, консенсуса, планирования и прогнозирования образования и экономики.

Схожую точку зрения высказывает А.Н. Кочетов, заявляя, что «профессиональное образование не должно слепо следовать за спросом текущего рынка труда, оно должно развиваться по формуле, опережающей потребности. Общество призвано иметь «чистый» интеллектуальный потенциал, прежде всего научно-технический, свободный от спроса нынешних работодателей для будущего прогресса. Однако то, что произошло с высшим образованием за последние годы, явно противоречит формуле формирования указанного потенциала». При этом цитируемый автор все же замечает: «"чистый" интеллектуальный потенциал не может сохраняться, если он не востребован реальной экономикой длительное время» [6, с. 85].

Компенсировать недостатки традиционной образовательной системы потенциально может так называемое самообразование. Суть его в том, чтобы личность самостоятельно формировала, «образовывала» себя, используя институциональные формы образования как инструмент самореализации, самоактуализации, самосовершенствования. Поэтому необходимо осознание личностью особой роли самообразования, которое становится системообразующим фактором образовательного пространства [3, с. 79].

Смысл самообразования – в возможности опережать состояние и уровень развития, как производства, так и образования, формируя потребность в непрерывном самообразовании [3, с. 84-85]. Самообразование как форма непрерывного образования способно стать фактором активизации консервативного, отстающего институционального образования, как более гибкое и динамичное.

Самообразование людей потенциально является предпосылкой массовой предпринимательской активности (способность к самообразованию и самоуправлению неотделимая черта настоящего предпринимателя, тем более занятого инновационным предпринимательством), роста числа инициативных людей, постепенно ликвидирующих статус предпринимательской деятельности, как привилегии «избранных», сверхспособных или сверхбогатых, обладающих властью. При этом в современной образовательной системе должны быть заложены механизмы побуждения, стимулирования, мотивирования к самостоятельной активной творческой образовательной деятельности. Можно сказать, что самообразование амортизирует, компенсирует недостаток гибкости государственной образовательной политики, страхует в случае ошибочных решений и целей.

Но не следует забывать, что призыв к самообразованию может стать удобным маневром для снятия с государства ответственности за качество, доступность и гарантию получения образования гражданами. Именно государство обязано обеспечивать главное – ресурсы для образования, которых нет у большинства людей – оборудование, помещения, финансы (оплату педагогов, консультантов, литературы и т.д.).

В противном случае выходит, что результаты производства, деятельности отчуждаются государству, собственнику-работодателю, которые ничего не инвестируют в работников, не обеспечивают им условия для образования, повышения квалификации, а только призывают самообразовываться (вынуждают при помощи культа конкуренции) за свой счет и в свое нерабочее время (в сущности, подчиняя всю жизнь производству). Никакое самообразование не может заменить организованный и ресурсообеспеченный образовательный процесс.

Нельзя не учитывать также и того, что в настоящее время самообразование стимулируется отчасти профессионально-трудовой деятельностью человека, которая в случае ее обеднения тормозит сам этот процесс [3, с. 79]. Например, в результате сокращения рабочих мест с массовыми увольнениями, закрытия градообразующих предприятий и т.п. у безработных и обнищавших граждан остается все меньше стимулов для самообразования и самосовершенствования.

Самообразование выступает как показатель личностной (групповой) социальной активности, стимулирует, конкретизирует и повышает ее продуктивность. При правильном задании вектора самообразования оно может стать гибким и действенным инструментом развития нравственности и духовности, прекрасно дополняя семейное воспитание и централизованное (институционализированное) образование. Но для этого государству следует создать благоприятные условия и обеспечить стимулы. В ситуации элементарного выживания об активном самообразовании, тем более духовно и нравственно ориентированном, не может быть и речи. Никакая социальная ответственность не возможна в условиях выживания, когда существуют барьеры для деятельности, преодоление которых требует затраты больших физических и духовных сил. Это касается также малого и среднего предпринимательства. В этом отношении раздражение, как типичная реакция предпринимателей, ежедневно упирающихся в искусственные, но почти непреодолимые барьеры, обретает весьма категоричную словесную форму: не надо нам никакой поддержки, хотя бы не мешайте [9, с. 45].

Согласно данным психологических исследований, несмотря на бурное развитие дошкольного образования, важным остается семейное воспитание, во многом превосходящее институализированное образование. Весьма значимыми в развитии интеллекта детей являются семейные факторы. Например, ученые отмечают следующий парадокс: с одной стороны, очевидно, что интеллект может быть развит под воздействием благоприятных средовых условий и, более того, обычная семья порой хорошо справляется с этой задачей, с другой стороны, специальные системы, сконструированные психологами, такого же эффекта не дают. Влияние семьи заключается в совершенно другом: в эмоциональной поддержке тех или иных действий, позитивном или негативном подкреплении, стимулировании любопытства, самовыражения и т.д. [2, с. 106].

Подобные выводы можно во многом проецировать и на развитие у детей духовно-нравственных, социально-нравственных качеств (чувства и понимания справедливости, сочувствия, заботы об окружающих и т.д.), которые наилучшим образом развиваются в семье и не могут быть полностью переданы под контроль специализированных служб, учреждений и организаций. А в настоящее время именно данная тенденция иницируется все более. Следовательно, создание благоприятных условий для семей, укрепление института семьи, помощь в формировании благоприятного психологического климата в семьях оказывают прямое влияние на духовно-нравственный, интеллектуальный, креативный потенциал общества.

Нельзя забывать и о роли корпоративного образования. Непосредственно связанное с профессиональной деятельностью повышение квалификации, обучение и развитие, дополнительные образовательные программы являются эффективными инструментами организационного управления (менеджмента). При этом корпоративные программы непрерывного образования и развития, приобщение к корпоративной культуре, этике, регламенту и распорядку способны оказывать значительное влияние на сознание, поведение, ценности и нормы не только в профессиональной сфере, но и менять поведение во внерабочее время [7, с. 30-31].

В завершении общего обзора и краткого анализа многогранной современной системы образования отметим, что в ее основе по-прежнему остается «обучение жизнью» как естественный и непрерывный процесс, играющий значительную роль, поскольку в ряде областей деятельности человек в основном самообразовывается и образовывается жизнью, окружающей его социаль-

ной и природной средой. «Образование» личности происходит за счет адаптации к происходящему в жизни и окружающей среде.

Однако усвоение жизненных реалий формирует в основном «отстающее» от жизни личностное (а тем более, общественное) сознание [15, с. 45]. В итоге приспособление к жизненным условиям без ясного понимания того, как использовать жизненный опыт, знания о прошлом и настоящем для улучшения окружающей действительности, создания лучшего будущего ведет лишь к накоплению ошибочных представлений, норм, ценностей и правил, способствует ошибочным решениям и действиям создающим определенные риски.

Одним из серьезных препятствий совершенствования, развития нравственных приоритетов системы образования является социальная незрелость российских элит и неготовность к устойчивому партнерству в сфере развития образования. Многие представители элиты не разделяют ответственности за кризис или развитие социума, а ориентированы на собственное воспроизводство в экономическом и политическом пространстве страны (и даже на экспансию за пределы России) в значительной степени за счет сохранения невысокого уровня образования и низкого уровня жизни основных слоев населения [10, с. 111].

Безусловно, важна социальная ответственность самой системы образования, основанная на социальном партнерстве заинтересованных сторон. Пока же приходится констатировать, что в образовательном менеджменте коммерческие интересы и стремление к корпоративному выживанию и экспансии оказываются сильнее чувства социальной ответственности [10, с. 108].

В идеале управление образованием не должно быть политизировано, подчиняться идеологическим интересам государственной или корпоративной элиты, а прежде всего, развивать мышление (общие способности), трудолюбие и гуманность (нравственность). Имея эти качества, человек способен наверстать многие пробы в специализированных и общих знаниях путем самообразования (если для самообразования созданы условия). Хотя нельзя также отрицать, что «сложные» профессии все же требуют серьезной подготовки, педагогов, наставников, специального оборудования и помещений.

Образование должно растить не только креативную личность, но и критически настроенных потребителей, развивающих сбалансированный подход к жизни [1, с. 72]. Задача образования – учить ориентироваться в усложняющемся мире, быть активным участником социальных отно-

шений и находить гармоничный баланс с природой.

Недаром многие специалисты сходятся во мнении, что «успешно реформы идут там, где государство способствует формированию широких слоев самодеятельного населения. Главное заключается в поддержке различных форм самоуправления – от предпринимательства в сфере малого и среднего бизнеса, где занята основная масса трудоспособного населения, до многочисленных иных организаций в структуре гражданского общества» [9, с. 45].

При этом на наш взгляд, самоуправление возможно и эффективно (социально ориентированно) только в случае достаточного культурного, нравственного и образовательного уровня (и личностного желания, стремления – потенциала к их росту). Это обеспечивается комплексом культурно-образовательных воздействий, в основу которых необходимо заложить сознательное стремление и навыки самообразования, саморазвития как вектора жизни каждого. В противном случае самоуправление если и возможно, то обеспечивает деструктивную (даже криминальную) направленность.

Развитию социальной ответственности способствует переориентация в образовательном процессе с обеспечения учащихся знаниями на обучение проработке и поиску возможных решений проблем. При этом в учебном процессе следует сохранить традиционный акцент на преподавании основных предметов, и в то же время необходимо привить навык многостороннего и междисциплинарного анализа ситуаций реальной жизни [11, с. 214]. Необходим переход от образовательной системы, пока еще ориентированной на навыки, умения, объем и качество знаний как конечную цель, к задачам развития личности и подготовки ее ко всем «сложностям жизни» на всех образовательных этапах, начиная с дошкольного и кончая вузовским [13, с. 83].

Связь футуризации сознания, образования и повышения социальной ответственности предпринимателей особенно явственно может проявляться при постановке ясного вектора, целей и задач общественного развития, когда от понимания общего направления движения возможно отталкиваться при анализе того вклада, какой вносит предпринимательская или иная деятельность в дело построения будущего (положительный или отрицательный вклад). Мышление и действия многих людей, опирающиеся на ясные положительные сценарии будущего (краткосрочного, среднесрочного, долгосрочного) способны выработать ориентиры для предпри-

нимательской деятельности и так называемого «свободного рынка», который все же нуждается в стратегическом управлении, учете ресурсов и состояния окружающей среды для их рационального использования.

К сожалению, в одном из недавних основополагающих документов развития России «Стратегия 2020: Новая модель роста – новая социальная политика» ничего не сказано о футуризации сознания, формировании нравственности, социальной ответственности (в том числе и профессиональной). Хотя профессионализм (знания, навыки, интеллект, креативность и т.п.) совершенно не гарантирует его общественно-полезное применение, скорее, наоборот, в конкурентной борьбе все средства оказываются хороши. Поэтому развитие и оценка профессиональной, социальной ответственности, этики и нравственности не могут оставаться без внимания. Вместе с тем вызывает тревогу тот факт, что многочисленные исследовательские и экспертные группы, работающие над Стратегией, совершенно не задумывались об этих вопросах. По всей видимости, составители окончательного доклада посчитали эти поистине стратегические факторы несущественными, не вписывающимися в прагматичную логику идеологов данного документа.

В заключении подчеркнем, что система образования и воспитания воздействует на сознание и деятельность потенциальных, начинающих и действующих предпринимателей двумя основными путями:

1. Напрямую, в процессе образования и воспитания детей и молодежи (потенциальных будущих предпринимателей) в семьях, институтах образования (дошкольного, школьного, высшего, дополнительного и т.д.), а также непрерывного образования и бизнес-образования взрослых.
2. Косвенно, образовывая, воспитывая и поощряя самообразование граждан, которые обладая знаниями и навыками, потенциально способны вести активную общественную деятельность, совершать сознательный потребительский выбор, объединяться и отстаивать свои интересы на рынке труда и т.д., тем самым вынуждая предпринимателей, бизнес учитывать изменяющиеся интересы, требования общества, подталкивая к более нравственному, социально-ответственному деловому поведению. Также немаловажной является поддержка со стороны государства в виде принятия законов, создания новых условий регулирующих поведение предпринимателей. Система образования является чрезвычайно важным регулятором социальной

ответственности предпринимателей, выражающейся, в том числе, и в бережном отношении к природной среде.

Существует мнение, что будущее образования неразрывно связано с созданием единого образовательного пространства. И на этом едином пространстве необходимо предусмотреть единые нормы, показатели, индикаторы и критерии, ступени социальной ответственности, подходы к ее формированию и развитию.

Литература

1. Биляна Раткович-Негован Глобализация, труд и образовательные парадигмы // Труд и социальные отношения. – 2010. – № 1 – С. 66-74.
2. Журавлев А., Ушаков Д. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Наука. Культура. Общество. – 2008. – №3 – С. 99-108.
3. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Самообразование как социологическая проблема // Социологические исследования. – 1997. – № 10 – С. 78-87.
4. Игнатова И.В. Социально-психологические аспекты предпринимательского успеха // Труд и социальные отношения. – 2010. – № 11 – С. 110-118.
5. Ильичева Л.Е. Молодежь и предпринимательство // Наука. Культура. Общество. – 2010. – №1 – С. 52-55.
6. Кочетов А.Н. Профессиональное образование и рынок труда: проблемы взаимодействия // Социс. – 2011. – №5 – С. 82-90.
7. Минералов В.Ю. Инновационная активность и культура в системе современных общественных отношений // ПОИСК. – 2010. – №5 – С. 28-37.
8. Миронов А.В. Социально-гуманитарные знания и образование в XXI веке // Социально-гуманитарные науки и мир в XXI веке. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2009. – 392 с.
9. Орланов Г.Б. «Золотое сечение» власти. Баланс управления и самоуправления // Труд и социальные отношения. – 2011. – № 7 – С. 40-51.

10. Осипов А.М., Карстанье П., Тумалев В.В., Зарубин В.Г. О социальном партнерстве в сфере образования // Социс. – 2008. – №11 – С. 108-115.

11. Степанов С.А. Глобализация и черты новой философии культуры мира и сохранения природы // Социально-гуманитарные науки и мир в XXI веке. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2009. – 392 с.

12. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика // Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. – 864 с. – [Электронный ресурс] – 10 октября 2012. – <http://2020strategy.ru/documents/32710234.html>.

13. Сухарев А.В. Механизмы преодоления системного кризиса: этнофункциональная парадигма в образовании // Интеллектуальный статус России: дух и нравы XXI века. – М.: Клуб «Реалисты», 2011. – 426 с.

14. Урсул А.Д. Перспективы образовательной революции в XXI веке // Социология: антология «Современное русское зарубежье». – М.: Академика, 2010. – 529 с.

15. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобально-эволюционный подход к перспективам образования // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – №1 – С. 40-55.

16. Шереги Ф.Э. Дисфункциональность российского профессионального образования // Всероссийская социологическая конференция «Образование и общество», 2009, Пленарный доклад. – [Электронный ресурс] – 20 июня 2012. – http://www.ssa-rss.ru/files/File/Ot_F__Seregi__Statqq.pdf.

Минералов Владислав Юрьевич, кандидат социологических наук, заведующий отделом инновационного развития Московского института социально-культурных программ, г.Москва, e-mail: mineralov.v@yandex.ru.

Mineralov Vladislav Yuryevich, candidate of sociological science, head of department of innovative development, Moscow Institute of Social and Cultural Programs, Moscow, e-mail: mineralov.v@yandex.ru.

УДК 316.752:316.354

© И.Н. Кузьмичева

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЦЕННОСТЕЙ В КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Рассматриваются содержание понятия «ценности», «корпоративная культура», роль ценностей в корпоративной культуре, методологические подходы к исследованию ценностей в корпоративной культуре.

Ключевые слова: ценности, корпоративная культура, корпоративные ценности.

I.N. Kuzmicheva

THE METHODOLOGICAL APPROACHES TO RESEARCH OF VALUES IN CORPORATE CULTURE

The article is considered values, concept content «values», «corporate culture», the role of values in corporate culture.

Key words: values, corporate values, corporate culture.

Ценностная проблематика всегда вызывала интерес и дискуссии среди ученых, представителей самых разных наук – философии, социологии,

психологии, педагогики, культурологии, менеджмента. Интерес к данной теме обусловлен важностью ценностей в жизни человека и

общества, затрагивающих все сферы человеческой деятельности.

Вклад в изучение сущности категории «ценность» внесли отечественные представители социологической и философской наук А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов, П.Тугаринов, А.А. Ручка, В.К. Шохин, И.И. Докучаев, Н.С. Розов и др.

Среди определений понятия «ценность», можно выделить определение А.Г. Здравомыслова, В.А. Ядова, считающих, что ценность – это выражение отношения между человеком, который выступает в качестве субъекта отношений и предметом, который становится объектом направленного на него интереса в связи со своей способностью удовлетворять какую-то потребность человека [3].

Что касается классификации ценностей, то существует большое количество различных подходов.

О.Г. Дробницкий выделяет два подхода к классификации: первый характеризуется классификацией ценностей, исходя из принадлежности к социальной сфере общества (духовные, материальные, экономические и другие ценности). Второй подход к классификации ценностей, по мнению О.Г. Дробницкого, основывается на оценивании предмета как ценности, представлении об его достоинстве [1, с. 44].

Ценности играют большую роль в жизни человека, в том числе и в трудовой деятельности. Как отмечает А.Г. Здравомыслов, ценностное восприятие действительности порождает мотивацию действий и поступков, основанную на ценностных отношениях, дополняющую и обогащающую мотивацию, основанную на потребностях и интересах [2, с. 170]. Неудивителен тот факт, что многие исследователи отмечают важную роль ценностей в повышении эффективности работы коллектива при условиях целенаправленного их формирования среди сотрудников.

Часто целенаправленное формирование ценностей среди сотрудников организовано в рамках корпоративной культуры.

Корпоративная культура, как отмечают многие исследователи, один из важнейших ключевых факторов успеха развития организации. Впервые проблемами корпоративной культуры занялись в 80-е годы в США. В России исследования в области корпоративной культуры появились в начале 1990-х гг.

Среди достоинств эффективной корпоративной культуры в организации можно выделить: конкурентное преимущество, развитие моральных качеств сотрудников, ответственность, преданность делу, производительность, психологи-

ческий климат, создание репутации организации, уменьшение роста издержек на персонал, высокая удовлетворенность работой, лояльность персонала, качество конечной продукции.

В настоящее время корпоративная культура рассматривается, во-первых, как дополнительный фактор для максимизации эффективности организации; во-вторых, как итог внутренних процессов в организации, причем в той или иной степени управляемых.

В отечественной науке до сих пор нет однозначного определения корпоративной культуры. Корпоративная культура, в нашем понимании, это система материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной корпорации, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды.

По мнению Н.И. Плаксиной, корпоративная культура выполняет ряд важных функций:

- охранная функция состоит в создании барьера, ограждающего организацию от нежелательных внешних воздействий;

- интегрирующая функция формирует чувство принадлежности к организации, гордости за нее, стремление посторонних лиц включиться в нее;

- регулирующая функция поддерживает необходимые правила и нормы поведения членов организации, их взаимоотношений, контактов с внешним миром, что является гарантией ее стабильности, уменьшает возможность нежелательных конфликтов;

- функция формирования имиджа организации, т.е. ее образа в глазах окружающих [6, с. 127].

Корпоративные ценности в основном рассматриваются как неотъемлемый элемент корпоративной культуры. Анализируя систему уровней корпоративной культуры О.С. Ильиной с учетом субъект-объектных отношений в организациях, можно выделить определенные ценности на различных уровнях ее формирующих:

- ценности на общем уровне, которые принимаются каждым членом коллектива, сюда также входят образцы базовых предположений, которых придерживается каждый член организации в своем поведении и действиях, а также символика, посредством которой ценностные ориентации передаются членами организации;

- ценности на уровне субъект-объектных отношений в корпоративной культуре, реализуемые через мотивационные структуры личности сотрудников организации, побуждающие к во-

площению в своем поведении и деятельности корпоративных ценностей в рамках организации;

– ценности на уровне субъект-субъектных отношений оказывают влияние на выработанные руководством и разделяемые им обобщенные представления о совершенстве в различных сферах деятельности организации (философия, девизы, мифы, герои) [3, с. 67.].

Можно согласиться с М.Сухоруковой в том, что корпоративные ценности являются ядром организационной культуры, на их основе вырабатываются нормы и формы поведения в организации [9, с. 40].

Большой вклад в изучение организационной культуры предприятий и корпоративных ценностей, в частности, внес Э.Шейн [10, с. 45]. В его теории организационная культура состоит из поверхностного, подповерхностного, глубинного уровней. Э.Шейн отнес ценности ко второму уровню – подповерхностному. На данном уровне изучению подвергаются ценности и верования, разделяемые членами организации, в соответствии с тем насколько эти ценности отражаются в символах и языке. Восприятие ценностей и верований носит более осознанный характер и зависит от желания людей. Ценности, по мнению Э.Шейна, являются «организационной идеологией», которая в организации отражается в программных документах организации и является основным ориентиром в ее деятельности.

Система ценностей в каждой организации уникальна, и является смесью ценностей, отношений, норм, привычек, традиций, форм поведения и ритуалов, присущих только данной организации. Каждая организация осуществляет свою деятельность в соответствии с теми ценностями, которые имеют существенное значение для ее сотрудников.

Корпоративные ценности можно подразделить на три уровня ценностной системы:

1) первый уровень состоит из ценностей организации в целом;

2) второй уровень состоит из ценностных приоритетов отделов, подразделений;

3) в третий уровень входят ценности сотрудников.

С согласованностью связано понятие «ценностный интерфейс», введенное К.В. Харским [11], в задачи которого входит правильное транслирование того, что важно для одного подразделения в руководящие требования для другого.

Разделяя и развивая взгляды современного отечественного психолога Д.А. Леонтьева, отечественные исследователи выделяют три основ-

ные формы существования корпоративных ценностей: 1) идеалы – выработанные руководством и разделяемые им обобщенные представления о совершенстве в различных проявлениях и сферах деятельности организации, 2) воплощение этих идеалов в деятельности и поведении сотрудников в рамках организации, 3) внутренние мотивационные структуры личности сотрудников организации, побуждающие к воплощению в своем поведении и деятельности корпоративных ценностных идеалов [9, с. 41].

Эти формы имеют иерархическую структуру осознания работниками и постепенно переходят одна в другую: организационно-культурные идеалы усваиваются сотрудниками и начинают побуждать их активность в качестве «моделей должного», в результате чего происходит предметное воплощение этих моделей. Предметно воплощенные ценности в свою очередь становятся основой для формирования организационных идеалов и так далее до бесконечности. Этот процесс повторяется, непрерывно совершенствуясь на каждом новом витке развития корпоративной культуры организации.

Анализируя факторы, которые нужно учитывать при формировании системы корпоративной культуры, необходимо отметить взаимосвязь с жизненным циклом организации.

Рассмотрим подробнее следующие жизненные этапы организации и корпоративные ценности на каждом этапе:

1. Этап создания. Философия основателей компании, деятельность топ-менеджмента.

2. Этап роста. Закрепление общеразделяемых ценностей при помощи героев и символов.

3. Этап замедления роста. Формализация критериев отбора и методов социализации персонала.

4. Этап зрелости. Интегративная роль общеразделяемых ценностей организационной культуры.

5. Этап нового роста. Приверженность персонала ценностям профессионализма, инновационности и лояльности фирмы как основа преодоления кризиса.

Различие особенностей формирования корпоративных ценностей, зависящих от цели организации, можно проследить в работе К.Харского, где автор анализирует систему корпоративных ценностей в коммерческой организации [11]. Он выделяет «принцип учета интересов пяти сторон», который подразумевает под собой учет и интересы следующих сторон:

- владелец/акционеры;
- клиенты компании;
- сотрудники;

- партнеры;
- общество.

Очевидно, что расположение в иерархии вышестоящих сторон зависит от формы собственности организации. В коммерческой организации интерес владельцев носит преимущественный характер, а интересы общества оказывают минимальное влияние на становление корпоративных ценностей организации. В государственных же учреждениях интересы общества в иерархии занимают одно из важных мест.

Ценности в корпоративной культуре – это ресурс, о котором необходимо помнить, создающий условия для комфортной работы сотрудников, при котором они реализуют свой потенциал.

Литература

1. Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. – М.: Политиздат, 1967. – 352 с.
2. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М.: Политиздат, 1986. – 223 с.
3. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после: учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 485 с.
4. Ильина О.С. Корпоративная культура: тенденции развития и инструменты // Вестник РУДН. – Выпуск 2, сер. Социология. – 2007. – С. 66-70.

5. Липатов С.А. Организационная культура: концептуальные модели и методы диагностики // Вестник Московского университета. – Выпуск 4, сер. Психология. – 1997. – С. 60.
6. Плаксина Методологические основы формирования корпоративной культуры организации // Вестник ТГУ. – 2011. – №3. – С. 127.
7. Ручка А.А. Ценностный подход в системе социологического знания. – Киев: Наукова думка, 1987.-132 с.
8. Спивак В.А. Корпоративная культура. – СПб.: Питер, 2001. – 352 с.
9. Сухорукова М. Ценности как ключевой элемент организационной культуры // Управление персоналом. – 2000. – №11. – С.40.
10. Шейн Э. Организационная культура и лидерство: учебник / пер. с англ. под ред. Т.Ю. Ковалевой. – СПб.: Питер, 2007. – С.45.
11. Харский К.В. Ценностное управление для бизнеса. – [Электронный ресурс]. – <http://financepro.ru/business/10049-kharskijj-k.v.-cennostnoe-upravlenie-dlja-biznesa.html>.

Кузьмичева Ирина Николаевна, аспирант кафедры связей с общественностью, социологии и политологии Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, г.Улан-Удэ, e-mail: irina4you@mail.ru.
Kuzmicheva Irina Nikolaevna, postgraduate student, department of public relations, sociology and political science, Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov, Ulan- Ude, e-mail: irina4you@mail.ru.

УДК 316.354

© **Т.Б. Баирова**

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ
СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ МВД РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)**

Изучены стадии развития профессионального становления сотрудников органов внутренних дел. Установлена связь между изменениями личностных качеств сотрудников и стажем службы в органах внутренних дел.

Ключевые слова: профессиональное развитие личности, стадии развития профессионального становления, диагностика профессиональной пригодности, профессиональная деформация личности, профессиональные кризисы.

T.B. Bairova

**PROFESSIONAL FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF PERSONAL QUALITIES POLICE
(ON THE MATERIALS OF THE BURYAT REPUBLIC)**

Studied stage of professional development of internal affairs. The relation between changes in the personality characteristics of the staff and the experience of service in the police.

Key words: professional development of the individual stages of professional development, diagnosis, professional ability, professional deformation of personality, professional crises.

Профессиональное развитие личности нельзя рассматривать отдельно от жизненного пути человека в целом. В своей профессиональной деятельности люди проходят определенные стадии развития, сходные с возрастными периодами в жизни.

В профессиональной деятельности человек проходит сложный путь своего становления. Вначале человек подготавливается к вхождению в профессию, далее осваивает профессиональную деятельность, потом адаптируется к ней и,

наконец, совершенствуется в выбранной профессии [2, с. 70].

Профессиональное развитие личности в литературе рассматривается в совокупности двух процессов: развитие жизненного пути человека и его профессиональное развитие с начала профессионального самоопределения до завершения трудовой карьеры.

Наиболее подробно о стадиях развития профессионального становления и последующей деятельности написано в работах В.А. Бодрова [1, с. 188].

Каждый кандидат на службу в органы внутренних дел проходит стадии развития профессионального становления.

Стадия профессионального обучения с 15-18 до 19-23 лет.

Происходит целенаправленное освоение системы знаний, умений, навыков в избранной сфере деятельности. Формируются целостные представления о профессиональной направленности, развиваются мотивы, цели деятельности. Развиваются профессионально важные качества, необходимые в выбранной профессии. Молодой сотрудник мало представляет тот объем и содержание служебно-профессиональных задач, с которыми он в последующем столкнется. Он начинает осваивать новую деятельность на основе полученных знаний, умений и навыков.

Стадия профессиональной адаптации с 19-21 до 24-27 лет.

Происходит приспособление к условиям, нормам, процессу трудовой деятельности. Не менее важным на данной стадии является осознание правильности выбора профессии, развитие дальнейшего видения себя в данной области, и уже на основе этого (при положительном решении вышеназванных задач) начинают формироваться значимые черты характера и развиваются профессионально необходимые качества.

Психологическая адаптация осуществляется путем усвоения норм и ценностей социального окружения. Важнейшим средством достижения психологической адаптации является общее образование, воспитание, трудовая и профессиональная подготовка. Процесс психологической адаптации проходит каждый человек в ходе своего индивидуального развития и профессионально-трудового становления.

Профессиональная адаптация – активный процесс приспособления молодого человека к профессиональной деятельности, новому социальному окружению, условиям труда и особенностям конкретной специальности. Успешность профессиональной адаптации является одним из главных критериев правильного выбора профес-

сии, оценкой эффективности всей профориентационной работы.

Стадия профессионального развития с 21-27 до 45-50 лет.

Происходит совершенствование личности профессионала, его практического мышления, восприятия, памяти, способностей и психологических особенностей. На данном этапе происходит процесс самосовершенствования, направленный на улучшение качества работы. На этом этапе для личности важно избежать профессиональной деформации или застоя в профессиональном плане.

Стадия реализации профессионала с 45-50 до 60-65 лет.

Этап совершенствования профессионализма. Уровень развития профессиональных способностей стимулирует постановку и решение профессиональных задач. Пути самореализации могут быть различными. От карьерного роста до научно-творческого самовыражения. Особенность данной стадии в нашем регионе заключается в том, что большая часть сотрудников органов внутренних дел, к этому времени уже уволена по предельному возрасту. Данный этап для многих бывших сотрудников – это этап профессиональной адаптации к новой деятельности, возможно, близкой к предыдущей деятельности, но уже в новом качестве.

На каждом этапе появляются новые требования, которые выступают детерминирующим фактором в развитии профессионала.

Важным моментом является понимание, что успешное прохождение всех этапов требует времени, зрелости мотивов, поддержки на этапе становления, развития определенных личностных качеств сотрудника.

Формирование личности профессионала в процессе становления профессиональной деятельности это не только накопление определенных знаний, умений и навыков, но и формирование определенного уровня развития профессионально важных качеств, которые необходимы для каждого этапа становления.

Одним из недостатков традиционного подхода, связанного с диагностикой профессиональной пригодности, является рассмотрение человека как субъекта константных функций и психологических качеств. В настоящее время мы понимаем, что профессиональная пригодность является постоянно формирующимся и развивающимся свойством личности.

В работах В.А. Бодрова [1, с. 188] говорится о том, что в зависимости от условий жизни и деятельности личностные черты могут изменяться. Особенно большая изменчивость проис-

ходит на этапах профессионального становления личности.

Профессиональная деятельность дает направление развитию личности. В ходе экспериментальных исследований было отмечено, что в профессиональной деятельности прослеживается влияние профессии на формирование определенных интересов, привычек, установок и личностных черт характера людей.

Отрицательным моментом является появление профессиональной деформации личности, которая проявляется в виде заострения негативных черт характера, огрубления манер, низкого самоконтроля поведения. Для сотрудника органов внутренних дел недопустимыми являются грубость, авторитарный стиль общения, низкая склонность к эмоциональным переживаниям других людей, безответственность, неисполнительность и другие негативные черты характера.

В связи с этим оценку профессиональной пригодности необходимо проводить и при переходе сотрудника на более ответственный или сложный этап работы и при выдвижении на должность руководителя. Экспертиза профессиональной психологической пригодности позволит определить готовность сотрудника к профессиональной деятельности, оценить влияние на индивидуально-личностные особенности сотрудника новых профессиональных знаний и навыков, выявить элементы профессиональной деформации и воздействие других факторов на его профессиональную адаптированность.

В первую очередь необходимо проведение экспертизы после окончания среднего и высшего образовательного учреждения системы МВД России. С одной стороны целью данной работы является дифференцированный отбор на предполагаемые виды профессиональной деятельности по уровню развития теоретических знаний, полученных знаний и способностей, а с другой стороны – профессиональная ориентация при выборе профессии или вида деятельности в структуре органов внутренних дел. Это позволит снизить вероятность ошибочного выбора конкретной деятельности, не соответствующей индивидуальным особенностям личности, адаптационным возможностям организма и склонностям человека.

В связи с тем, что правоохранительная деятельность носит экстремальный характер, отрицательным итогом может явиться формирование девиантных (отклоняющихся) форм поведения и возникновение психосоматических заболеваний. Специалисты отмечают наступление профессионально-кризисных состояний на 5-6, 9-11 и 15-17 годах службы. С целью своевременного

предупреждения их развития целесообразно проводить экспертизу профессиональной психологической пригодности в указанные периоды службы. Предлагаемая схема работы с кадрами позволит обеспечить реализацию таких актуальных задач, как сохранение и поддержание профессионализма, предупреждение кризисных состояний, продление трудо- и боеспособности личного состава.

Вместе с тем жизненные кризисы являются закономерными в развитии любой личности. Выделяют «кризис рождение профессионала», т.е. кризис начала самостоятельной профессиональной деятельности. Он характеризуется трудностью вхождения в трудовой режим, неуверенностью в своих силах, потребностью в обучении или переучивании, сложностями в адаптации к коллективу.

Если не происходит изменений, то следующий кризис наступает через 4-5 лет работы. Прослеживается некоторая эмоциональная неудовлетворенность деятельностью, что ведет к перенапряжению, переутомлению всех систем организма. В литературе этот кризис назван «кризисом 30-летия».

Следующим нормативным кризисом является «кризис середины жизни», когда человек «оборачиваясь назад» думает о своих достижениях и испытывает состояние перенапряжения, некоторой тревожности, апатии, переживает о своем физическом и психологическом состоянии.

Интересны так называемые «биографические кризисы». Одним из кризисов является кризис нереализованности. Данный кризис возникает тогда, когда в субъективной картине человека слабо представлены реализованные уже достижения, и в то же время в новой обстановке недостаточно оценивают его подготовку, опыт и квалификацию.

Следующий кризис – опустошенности. Он развивается в том случае, когда человек слабо представляет себе будущую трудовую деятельность. В основном это связано с душевной усталостью, апатией, сниженной мотивацией в реализации своего профессионализма.

Далее идет кризис бесперспективности, который характеризуется снижением мотивации к дальнейшему служебному росту или невозможности дальнейшей реализации себя как профессионала.

Мы провели обследование сотрудников органов внутренних дел по методике «Стандартизированного метода исследования личности» (СМИЛ), разработанного отечественным психологом Л.Н. Собчик [3]. Было обследовано 77 сотрудников ОМОНа и ОБ ППС. Из них:

13 сотрудников со стажем службы 1-2 года, 23 сотрудника со стажем службы 3-5 лет, 19 сотрудников со стажем службы 6-8 лет, 11 сотрудников со стажем службы 9-11 лет, 11 сотрудни-

ков со стажем службы 12-15 лет. Были обработаны результаты обследований этих сотрудников до службы в органах внутренних дел, через 1-2 года службы и в настоящий момент.

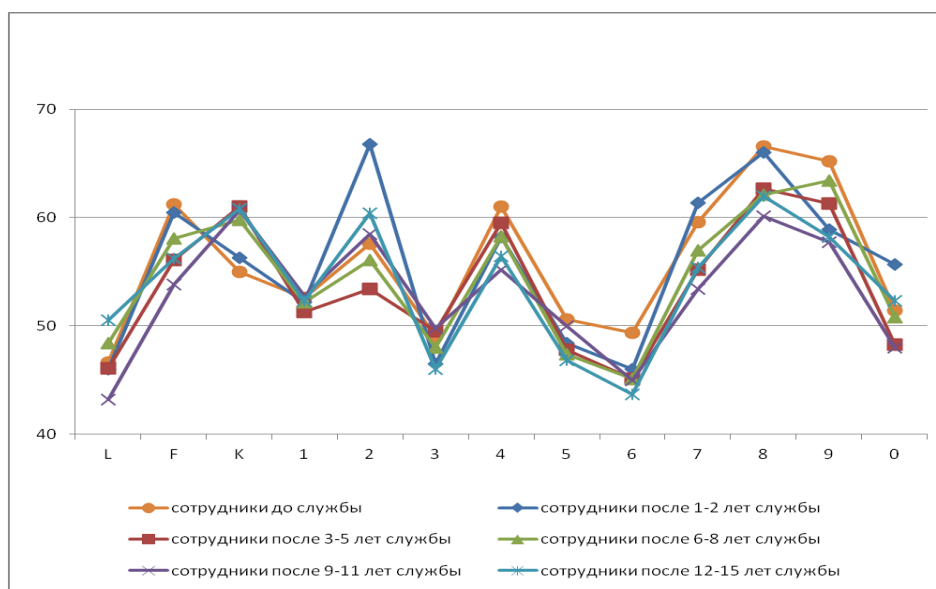
Таблица 1

Результаты обследований сотрудников до службы, через 1-2, 3-5, 6-8, 9-11, 12-15 лет службы

Шкалы	L	F	K	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
Результаты сотрудников до службы	46,6	61,2	55,0	52,6	57,6	49,0	61,0	50,6	49,4	59,6	66,6	65,2	51,4
Результаты сотрудников после 1-2 лет службы	46,0	60,5	56,3	52,2	66,8	46,5	58,2	48,4	46,0	61,4	66,0	58,9	55,7
Результаты сотрудников после 3-5 лет службы	46,1	56,1	61,0	51,3	53,4	49,5	59,5	47,8	45,1	55,2	62,7	61,3	48,3
Результаты сотрудников после 6-8 лет службы	48,4	58,1	59,8	52,2	56,1	48,0	58,3	47,4	45,1	57,0	62,1	63,4	50,8
Результаты сотрудников после 9-11 лет службы	43,2	53,8	60,7	52,8	58,5	49,8	55,2	50,0	45,0	53,4	60,1	57,7	48,0
Результаты сотрудников после 12-15 лет службы	50,5	56,2	60,8	52,3	60,4	46,0	56,4	46,8	43,7	55,4	62,0	58,2	52,3

Рисунок 1

Динамика изменений личностных особенностей

Средние результаты обследований представлены в таблице 1. Все значения даны в стандартных Т-баллах.

По результатам обследования можно сделать следующие выводы:

1. Анализируя шкалу №2 (рис.1), которая называется шкала «пессимистичности», мы на-

блюдаем резкое увеличение значений шкалы после 1-2 лет службы и дальнейшее уменьшение через 3-5 лет службы. После чего происходит постепенное увеличение значений шкалы «пессимистичности» после 6-8, 9-11 лет службы. После 12-15 лет службы шкала №2 становится одной из ведущих шкал в профиле сотрудников.

Увеличение значений шкалы «пессимистичности» через 1-2 года службы в органах внутренних дел по сравнению с «личностным профилем» до службы этих же сотрудников – это реакция адаптации на новую ситуацию, новые обстоятельства. В этот период у сотрудников возрастает некоторая неуверенность в себе и своих возможностях, осторожность в принятии решений, повышается чувствительность к мнению других людей.

Через 3-5 лет ситуация стабилизируется, человек осваивается в новой профессии, становится более уверенным в своих решениях, компетентным в той области, в которой работает.

Как уже говорилось выше, первые кризисы начинаются на 5-6 году службы, и по нашим результатам, начиная с 6-8-летнего периода службы и далее, наблюдается увеличение значений данной шкалы. По нашему мнению, это происходит потому, что с наступлением более зрелого возраста нарастает естественный «нажитой скептицизм», более мудрое отношение к жизненным проблемам в противовес беспечности и оптимизму молодости. Также можно предположить, что повышение значений шкалы №2 указывает на признаки эмоционального выгорания, что связано с высокой эмоциональной нагрузкой данного вида профессии. Напряженный характер деятельности, «хроническая усталость», работа на пределе эмоциональных возможностей ведут к снижению общего фона настроения, к осознанию имеющихся проблем через призму неудовлетворенности и некоторой пессимистичности.

2. При анализе шкалы №9 (рис.1), которая называется шкала «оптимистичности», можно сделать вывод, что наблюдается постепенное снижение значений у всех категорий рассматриваемых сотрудников, в связи с возрастными изменениями, т.к. с возрастом человек становится более сдержанным. Кроме этого, снижение значения шкалы №9 означает снижение уровня жизнелюбия, оптимистичности и активности человека, что связано с условиями труда.

3. Анализируя шкалу №8 (рис.1), которая называется шкала «индивидуалистичности», мы наблюдаем постепенное снижение значений шкалы по всем группам, что возможно продиктовано тем, что система органов внутренних дел учит действовать достаточно шаблоно, согласно регламентирующим документам, где нет места творческому мышлению и все шаги расписаны согласно соответствующим инструкциям.

4. Анализ шкалы №7 (рис.1), которая называется шкала «тревожности», показывает постепенное снижение значений шкалы, что означает

снижение чувства сострадания и сопереживания по отношению к другим людям, появление некоторой черствости, холодности во взаимоотношениях, возможно, проявление грубоватой и жесткой линии поведения.

5. Оценивая значение шкалы №4 (рис.1), которая называется шкала «импульсивности», мы видим постепенное снижение. Это означает снижение мотивации достижения, уровня притязаний, повышение самоконтроля, приверженность шаблонным формам поведения.

6. Шкала №6 (рис.1), которая называется шкала «ригидности», имеет тенденции снижения значений шкалы по всем категориям обследуемых, что характерно для личностей агрессивного типа, пытающихся демонстрировать миротворческие устремления.

Таким образом, по результатам наших исследований можно сделать вывод, что сотрудники органов внутренних дел как и все люди проходят сложные этапы профессионального становления, на которых неизбежно проявление признаков профессиональной деформации. Указанные признаки наиболее сильно проявляются после 6-8 лет несения службы, и данная тенденция наблюдается далее, в последующих периодах 9-11 лет и 12-14 лет. Признаки профессиональной деформации напрямую связаны со сложными условиями несения службы, постоянными эмоциональными и физическими нагрузками, экстремальным характером служебной деятельности.

Периодическое проведение экспертизы профессиональной психологической пригодности сотрудников органов внутренних дел к профессиональной деятельности на всех этапах профессионального развития должно способствовать своевременному выявлению признаков профессиональной деформации, с целью оказания квалифицированной помощи и сохранения психического здоровья и профессионального долголетия. Данная работа может стать определенным вкладом в процесс отбора и контроля за профессиональной деятельностью сотрудников полиции.

Литература

1. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: учебное пособие для вузов. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 511 с.
2. Шутко Г.В., Мягких Н.И., Бельченко М.А. Актуальные проблемы и направления совершенствования профессионального психологического отбора в органах внутренних дел: учеб.-метод. пособие. – Домодедово: изд-во ВИПК МВД России, 2011. – 190 с.
3. Собчик Л.Н. Ведение в психологию индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. – М.: изд-во Института прикладной психологии, 1998. – 512 с.

Баирова Туяна Балдановна, аспирант кафедры связей с общественностью, социологии и политологии Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, г.Улан-Удэ, e-mail: tuyabbbb@yandex.ru.

Bairova Tuyana Baldanovna, postgraduate student, department of public relations, sociology and political science, Buryat State Academy of Agricultural named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, e-mail: tuyabbbb@yandex.ru.

УДК 316.346.32

© М.К. Гайдай, Л.А. Кашина

ТАТУИРОВКИ И ЖАРГОН КАК НАИБОЛЕЕ НАГЛЯДНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ АСОЦИАЛЬНОЙ ДЕВИАНТНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Рассматриваются две формы асоциальной пенитенциарной девиантности: татуировки и уголовный жаргон. Раскрываются их место и роль в среде несовершеннолетних осужденных.

Ключевые слова: девиантность, асоциальная девиантность, субкультура, татуировки, наколки, жаргон, несовершеннолетние, осужденные.

M.K. Gaidai, L.A. Kashina

TATTOOS AND CANT AS THE MOST OBVIOUS DISPLAY OF JUVENILE ANTISOCIAL DEVIANCE

This article analyzes two main and most obvious forms of antisocial penitentiary deviance: tattoos and criminal cant. The author reveals their place and role in the surrounding of juvenile convicts. Today criminal tattoos are more typical for juvenile deviants and the language that is characteristic for them is different from both the informal Russian and the language of adult offenders.

Key words: deviance, antisocial deviance, subculture, tattoo, tattoos, cant, the juveniles, convicts.

Под асоциальной девиантностью мы понимаем – антиобщественное (негативное) отклоняющееся поведение несовершеннолетних осужденных, связанное с деструктивными социальными факторами окружающей их среды жизнеобитания, а также с пребыванием их в специфических условиях замкнутого пространства воспитательной колонии.

Одним из проявлений асоциальной девиантности несовершеннолетних осужденных являются татуировки. Татуировка или наколка представляет собой нанесенные на разные участки тела рисунки, надписи или целые тексты, аббревиатуры путем введения под кожу красящих веществ. В.М. Анисимков отмечает, что «татуировка для субкультурной личности является тайным языком общения с себе подобными как на воле, так и в пенитенциарных учреждениях. Она закрепляет принадлежность лица к определенной социальной общности, информирует о его неформальном положении (статусе) и криминальных заслугах, кроме того, передает мысли и социальные установки» [2, с. 22]. В настоящее время данный элемент пенитенциарной субкультуры в большей степени характерен для осужденных содержащихся в воспитательных колониях. Так, при опросе взрослых осужденных, отбывающих наказание в мужских исправительных учреждениях Иркутской области, 28,2% опрошенных отметили, что татуировки

сегодня остались только у молодежи. При этом 32,1% полагают, что значение и популярность татуировок в настоящее время падает (имеется в виду среди взрослых осужденных). В то же время, велик процент (29,4%) тех, кто затруднился с ответом, что в какой-то степени также свидетельствует, что для них эта тема не интересна и не актуальна.

Иная ситуация с татуировками среди несовершеннолетних осужденных. При опросе осужденных отбывающих наказание в воспитательной колонии (ВК) Иркутской области в анкету нами был включен вопрос «Есть ли у ребят в колонии татуировки?». При ответе на него, подавляющее большинство опрошенных – 77,3% признало наличие татуировок у несовершеннолетних осужденных. При этом лишь 14,8% отметили, что они встречаются редко. 62,5% респондентов категорично заявили, что татуировки есть у многих осужденных, содержащихся в воспитательной колонии, что еще раз подтверждает тезис о том, что сегодня татуировка – это характерная особенность именно субкультуры несовершеннолетних осужденных. Затруднились с ответом 22,7% опрошенных. В анкету также был включен вопрос: «Есть ли у вас татуировка?». Примечательно, что число респондентов, ответивших, что у них есть татуировка и число полагающих, что татуировки есть у многих осужденных, равно и составляет 62,5%, 34%

респондентов не имеют татуировки и еще 3,5% оставили этот вопрос анкеты без внимания.

Схожие данные (о распространенности татуировок в большей степени лишь в молодежной среде преступников) приводят и другие исследователи криминальных татуировок: «нами установлено, что подавляющее большинство преступников обоего пола наносят татуировки в возрасте до 30 лет, прежде всего, будучи еще подростками... Несовершеннолетние зачастую наносят татуировки безотносительно их прежних, изложенных в справочных изданиях интерпретаций, побуждаемые, как правило, лишь мотивом украшения и идентификации себя с преступной средой» [4, с. 144]. Или данные Ю.К. Александрова: «в последнее время татуировки наносят себе по большей части несовершеннолетние заключенные, причем зачастую даже не зная, какой смысл они несут» [1, с. 9].

Что же касается мотивов нанесения татуировок, то, в настоящее время, среди осужденных они аналогичны ставшей сегодня модной и в обычном обществе культуре украшения своего тела. В связи с этим меняется и функциональная нагрузка татуировок. И лишь среди несовершеннолетних осужденных остается отношение к татуировкам как к проявлению преступной романтики и криминальной идеи. Для них еще характерен групповой характер нанесения татуировок, как и совершения девиантных поступков: нарушений и преступлений. «Длительная изоляция от общества, однообразие повседневной жизни, свойственная молодым бравада друг перед другом, желание показать себя людьми «опытными» в криминальном ремесле, стремление завоевать авторитет среди своего окружения побуждают воспитанников и осужденных молодежного возраста следовать устоявшемуся обычаю «тюремной жизни». «По молодости», «От нечего делать», «Хотел, чтобы меня уважали», «Из-за чувства коллегальности», «Все имеют наколки, а я, что хуже всех?» – таковы, в основном, ответы на вопрос о мотивах, побудивших их нанести татуировку» [2, с. 90].

Нами были получены следующие данные о мотивах нанесения татуировки среди несовершеннолетних осужденных. Самым распространенным является мотив нанесения татуировки «на память о моем пребывании в ВК (СИЗО)», такой вариант ответа выбрало 34,6% опрошенных, имеющих татуировки, 18,2% сделали татуировку еще до осуждения, как принято говорить «на воле», потому, что они считают это модным и красивым. Подобные татуировки чаще всего носят не тюремный характер, а являются проявлением ставшей в последние годы

модной тенденции на нанесение татуировок. Те, у кого имеется татуировка (27,3%), сделали ее по иной причине – «просто так», «а чё тут такого?», «не знаю», «всегда была», «по пьянке» и т.д., 10,9%, имеющих татуировку отметили, – что «многие ребята в ВК (СИЗО) делали татуировку, и я сделал ее за компанию». Затруднились дать какой-либо ответ на этот вопрос 9% опрошенных. В то же время среди несовершеннолетних осужденных функция идентификации по схеме «свой – чужой» у татуировки еще остается. «В преступной молодежной среде бытует мнение, что своевременное нанесение татуировки предохранит молодого человека от негативных последствий, которые могут возникнуть при водворении его в места лишения свободы. Поэтому при помещении юноши в следственный изолятор он сразу же стремится нанести себе татуировку. Он надеется на то, что с татуировками при вступлении в криминальное сообщество взрослых преступники примут его за своего человека» [4, с. 147].

В настоящее время распространение татуировки в свободном обществе достаточно обширно. Естественно тематика и функциональная нагрузка татуировок сделанных в «тату-салонах» и уголовных разная. Поэтому сейчас трудно согласиться, с учетом приведенных выше данных, с позицией В.М. Анисимкова, который констатирует, «что ни одна из категорий населения не отличается таким пристрастием к «наколкам» как лица отбывающие наказание» [2, с. 86]. Возможно девять лет назад, когда была издана работа автора, тенденция к расширению и распространению моды на татуировки в российском обществе еще не была столь массовой. Но сегодня, даже по мнению некоторых проинтервьюированных нами как сотрудников пенитенциарных учреждений, так и осужденных «на воле колют чаще, чем на зоне».

Можно найти отличия и в тематике нанесенных татуировок в среде несовершеннолетних и взрослых преступников. Так, Е.Г. Багреева полагает, что «тематика татуировок, бытующих в среде несовершеннолетних преступников, значительно отличается от татуировок взрослого преступного мира», однако есть и то, что их роднит – «они базируются на одной системе клишированных образов. Набор символов у несовершеннолетних, будучи не столь разнообразным, все же в своих основных чертах состоит из тех же общеупотребительных элементов и несет в себе тот же самый смысл, даже будучи достаточно размытым, романтичным и не сформировавшимся окончательно» [3, с. 34]. Тематика татуировок у наших респондентов в большинст-

ве своем следующая (представлена по нисходящей): татуировки с названиями, символами, знаками, именами имеют наибольшее распространение среди несовершеннолетних; далее идут кольца, перстни; статьи по которым они осуждены; реже (но все же встречаются) – рисунки и сложные композиции (в основном у тех, кто сделал татуировки до осуждения), хотя и тюремная тематика представлена – кресты, церкви, решетки – как отметили некоторые респонденты – «что-нибудь про зону».

Следует согласиться с мнением Д.А. Корецкого и В.В. Тулегенова относительно уголовной татуировки, которые полагают, что «татуировка представляет собой отрицательное явление, ее содержание, как правило, аморально и безнравственно. Нанося ее, человек бросает вызов законопослушному обществу, попирает его духовные ценности, совершает религиозный грех» [5, с. 208].

Наряду с татуировками весьма наглядным проявлением субкультуры несовершеннолетних осужденных является специфический язык. Около половины опрошенных нами осужденных (48,9%) отметили, что в среде осужденных существует свой язык, отличный от разговорного русского языка. Язык осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, представляет собой сочетание приниженого русского разговорного языка, уголовного жаргона (именуемого у нас в стране «феня» или «блатная музыка»), современного молодежного сленга и абсцентной лексики. Причем, если при использовании уголовного жаргона взрослыми преступниками употребление ненормативной лексики в свое время считалось недопустимым и выражалось в максиме «фильтруй базар», то в настоящее время, в среде несовершеннолетних девиантов такое сочетание вполне допустимо. Будучи представителями молодежной среды, они привносят в свой язык еще и термины и словосочетания, характерные именно для современной молодежи. Это, при том, что в ряде случаев молодежный сленг, заимствует слова и выражения из криминального аргю. Однако обращает на себя внимание, что набор слов уголовного жаргона – это термины и понятия заимствованные из общеразговорного русского языка, а также возможно в силу того, что для ряда несовершеннолетних другой язык просто неизвестен, практически столько же опрошенных – 47,7% отметили, что специфического языка в их среде не существует. Действительно для них это единственный известный им язык. И еще 3,4% респондентов затруднились с ответом.

Уголовный жаргон, как взрослых преступников, так и несовершеннолетних, является в смысловом плане достаточно бедным. И это несмотря на то, что аргю преступников по некоторым данным, даже в словарях насчитывает более 10 тыс. слов и выражений» [1, с. 45; 2, с. 21]. Одной из причин такой бедности, а также того, что сленг преступного мира получил широкое распространение в обществе, является бедность бытия осужденных и социальный регресс общества. «Главной причиной такой бедности жаргона является их (преступников – прим. авт.) бытие. Сознание, определенное бытием, материализуется в слове, а серое и безрадостное существование осужденного в условиях неуверенности в завтрашнем дне и постоянном голоде в обществе себе подобных не может стать благоприятным субстратом для изысканных слов и выражений. Поэтому кровать называется шконкой, миска – шлемкой, куртка – лепенем, передача – дачкой и т.д. Очевидно поэтому большинство граждан страны, оказавшись фактически в таких же условиях, что и осужденные, в результате экономических преобразований так легко переняли жаргонные слова» [5, с. 180-181].

Исследуя воровской (уголовный) жаргон, Ю.К. Александров разделяет его на три группы: общеуголовный жаргон, которым пользуются как профессиональные преступники, так и обычные; специальные профессиональные воровские жаргоны, присущие определенным «профессиям» преступников: шулерам, наркоманам, карманникам, вымогателям и т.д.; тюремный жаргон, употребляемый общностью преступников, но в основном в местах лишения свободы [1, с. 48]. Полагаем, что данная дифференциация вполне может быть дополнена еще одним элементом, с одной стороны, несомненно, имеющим общие черты с перечисленными выше группами, а с другой – обладающим определенной спецификой и своеобразием – это уголовный жаргон несовершеннолетних преступников, в том числе содержащихся в ВК.

Асоциальная девиантность уголовного языка заключается в том, что сначала слова и словосочетания «блатного» жаргона попадают на язык несовершеннолетних, затем они начинают постоянно их использовать в повседневной речи и со временем им достаточно тяжело найти аналог слова не из жаргона, что обуславливается уже психологической привычкой и изменением сознания осужденного. Затем вслед за языком общечеловеческие нормы и правовые законы заменяются неформальными нормами («понятиями»), бытующими в преступной среде. Меняют-

ся ценностные установки, и несовершеннолетний осужденный уже является постоянным адептом профессиональной криминальной субкультуры. А выйдя из пенитенциарного учреждения, он рассеивает свои знания и впитанные ценности среди других несовершеннолетних, еще «незараженных» романтикой преступного мира.

В целом, можно говорить о том, что сегодня татуировка, как проявление тюремно-лагерной субкультуры, является характерной чертой несовершеннолетних. При этом мотивы ее нанесения, тематика изображения, смысловая нагрузка меняются сообразно существующей в открытом обществе моде на татуировки. Специфический язык преступно-криминального сообщества несовершеннолетних отличен от разговорного русского, хотя его основу составляют слова и словосочетания, используемые в ином смысле. Он девиантен по своей сути, а его использование не только засоряет русский язык, но и привносит в жизнедеятельность несовершеннолетних иные элементы пенитенциарной субкультуры, такие как неформальные криминальные нормы, основанное на них иерархическое деление, блатные песни, музыку и стихи зоны, наполненные псевдоромантикой.

Литература

1. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. – М.: Права человека, 2002.
2. Анисимков В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
3. Багреева Е.Г. Субкультура осужденных и их ресоциализация: монография. – М.: изд-во ВНИИ МВД РФ, 2001.
4. Копылова Г.К., Прозоров А.В. Психология в деятельности органов внутренних дел. – М.: изд-во ЦОКР МВД России, 2006.
5. Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.

Гайдай Мария Константиновна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России, г.Иркутск, e-mail: mkgfip@mail.ru.

Кашина Людмила Александровна, старший преподаватель кафедры юридических дисциплин Байкальского гуманитарного института, г.Иркутск.

Gaidai Maria Konstantinovna, doctor of sociological science, associate professor, professor of department of philosophy, psychology and social-humanitarian science, Eastern-Siberian Institute of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Irkutsk, e-mail: mkgfip@mail.ru.

Kashina Ludmila Alexandrovna, senior lecturer, department of legal disciplines, Baikal Institute of Humanities, Irkutsk.

УДК 316.346.2

© Т.Ц. Чойропова

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ О ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

В статье рассматриваются результаты социологического исследования представлений студенческой молодежи о трансформационных процессах в сфере гендерных отношений российского общества.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, молодежь, трансформация, фокус-группа.

T.Ts. Choiroпова

YOUTH'S IDEAS OF TRANSFORMATION SOFT GENDER RELATIONSHIPS IN SOCIETY (IN THE CASE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

The article deals with the results of sociological research of student's ideas of transformation soft gender relationships in contemporary Russian society.

Key words: the gender, gender stereotypes, youth, transformation, focus group.

Процессы, происходящие в современной России, требуют гармонизации отношений между различными слоями общества, включая гендерные отношения. Гендерная методология позволяет по-новому анализировать социальные процессы и делать адекватные, аргументированные выводы. Гендерные отношения составляют один

из важнейших аспектов социальной и культурной жизни общества.

В данной статье понятие «гендер» рассматривается нами как социокультурный конструкт (результат гендерной социализации) различий между мужчинами и женщинами, и, одновре-

менно, как процесс его формирования. В «гендере» мы выделяем следующие компоненты:

1) аскриптивный пол (предписанный социокультурной системой на основании биологических признаков мужской или женский пол);

2) гендерные роли (социальные роли, набор ожидаемых образцов поведения для мужчин и женщин);

3) гендерные стереотипы (гендерные диспозиции, гендерные нормы, идеалы);

4) гендерные технологии (социальные и культурные практики общественных институтов: семьи, системы образования, властных структур и пр. – которые участвуют в производстве гендера).

5) гендерную идентичность (самосознание личности в рамках существующей гендерной системы, восприятие себя и других как мужчины или женщины).

Социально-экономические преобразования в России инициировали новые противоречия в гендерной сфере:

– усилилась гендерная асимметрия на рынке труда;

– прослеживается дискриминация, как женщин, так и мужчин в различных сферах социальной жизни общества;

– происходит дезорганизация семьи как социального института;

– появляются значительные изменения в ценностно-нормативной системе общества (трансформируются образы маскулинности, феминности);

– в социальной реальности воспроизводятся традиционные гендерные стереотипы, которые сталкиваются с новыми ценностными образованиями.

Гендерные стереотипы – вид социальных стереотипов, основанных на культурно и социально обусловленных представлениях о «мужском» и «женском». Гендерные стереотипы включают в себя три компонента:

1) гендерные идеалы (социально разделяемые в рамках определенной общности или социальной группы представления о совершенных образах маскулинности и феминности);

2) гендерные диспозиции (социально разделяемые членами общности или группы представления о социальных статусах и ролях мужчин и женщин, приписанных им в рамках определенной гендерной системы);

3) гендерные нормы (социально разделяемые в общности или группе представления об образцах поведения, обязательных или желательных для мужчин и женщин).

Гендерные стереотипы глубоко укоренены в структурах подавления и господства, и они становятся предписаниями поведения и способами социального контроля. Гендерные стереотипы сильны и принимаются даже теми группами, относительно которых они созданы.

Гендерная стереотипизация создает дополнительные социальные, культурные различия, которые являются основой дифференциации социальных статусов, ролей мужчины и женщины в обществе. Некоторые гендерные стереотипы оказывают негативное воздействие, как на мужчин, так и на женщин, препятствуя развитию свободной гармоничной личности, ограничивая реализацию потенциальных возможностей. Гендерные стереотипы формировались в течение длительного периода развития общества. Они не только отражают ментальные уровни носителей той или иной культуры, но и существенным образом влияют на современное массовое сознание. Несмотря на то, что фактически в повседневной реальности происходит трансформация социальных ролей мужчин и женщин, гендерные стереотипы демонстрируют свою устойчивость. Можно говорить о том, что существует противоречие между официально декларируемыми эгалитарными гендерными принципами и сохранившейся в обществе гендерной асимметрией. Характер гендерных стереотипов определяется социокультурными факторами. На их содержание влияют различные аспекты: этническая принадлежность, возраст, религиозные воззрения.

Становление понятия «гендер» в социологии и философии Западной Европы начинается со второй половины XX в. Сам термин «гендер» ввел в научный оборот Р.Столлер в 1963 г. Он различал понятие пола, которое относилось к сфере биологии; рода (гендер), предполагающего определенные психологические и культурные нюансы; родовую сущность – понимание принадлежности к тому, а не другому полу. Различные подходы к определению понятия «гендер» развиваются в традициях, идущих от психоанализа З.Фрейда, структурно-функционального анализа Т.Парсонса, биологических и социобиологических концепций Л.Тайгера, Р.Фокса, философских концепций феминизма С. де Бовуар, С.Бем, К.Макмиллан, А.Рич, Б.Фридан, Н.Блюстоун, С.Файерстоун и др. Все эти направления и теоретические концепции повлияли на возникновение гендерных теорий. Исследователи П.Бергер, Т.Лукман, И.Гоффман, Д.Циммерман рассматривали гендер как результат социально-культурного конструирования реальности. Гендер в качестве стратификацион-

ной категории изучали Дж. Скотт, Т. де Лауретис. Гендер как культурная метафора являлся предметом исследования философских и постмодернистских концепций Л. Иригарей, Ю. Кристевой, основанных на теории деконструкции Ж. Дерриды [1].

Гендерные исследования в отечественной науке проводились в XIX–XX вв. Классики российской социологической, философской, религиозно-философской мысли М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин, В.А. Хомяков, В.С. Соловьев, В.М. Хвостов изучали проблемы взаимодействия мужчин и женщин в различных социальных сферах. В настоящее время отечественные исследователи О.А. Воронина, Т.А. Клименкова, В.Г. Ушакова, Г.Г. Силласте и др. активно ведут междисциплинарные поиски с применением методологических основ гендерного подхода, в ключе тех наработок, которые существуют в мировой практике. О.В. Рябов, Н.М. Лебедева и др. раскрывают философские, культурологические и антропологические аспекты «природы пола» человека [2].

Проблема гендерной стереотипизации так же оказалась в центре внимания многих исследователей, как зарубежных, так и отечественных. Впервые термин «стереотип» ввел в научный оборот У. Липпман в 1922 г., он рассматривал стереотип как эмпирическое представление о социальном объекте («картинки в голове») [3]. В отечественной научной мысли до конца 50-х годов XX в. термин «стереотип» не употреблялся, но проблема изучения шаблонов в поведении человека обсуждалась. Наиболее подробно это было рассмотрено П.А. Сорокиным. Не употребляя термин «стереотип», он практически описал его функционирование в социальной группе [4]. Среди первых отечественных исследователей одного из видов социальных стереотипов – гендерного стереотипа, нужно упомянуть работы В.С. Агеева, который впервые в отечественной науке обобщил и проанализировал основные подходы зарубежных исследователей к изучению гендерных стереотипов и выявил функции гендерных стереотипов в обществе – регулятивную, объяснительную и трансляционную [5]. Проблема воспроизводства гендерных стереотипов в современной российской культуре нашла отражение в работах И.С. Клециной [6], Г.В. Старовойтовой, Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной [7].

Актуальным является изучение мнения молодежи относительно изменений гендерных стереотипов в частности и гендерных отношений в целом.

Молодежь, как особая социально-демографическая группа, репрезентирует результаты трансформаций, происходящих в российском обществе, отображает все изменения социального характера. Особого внимания заслуживает такая подгруппа молодежи, как студенчество.

Студенчество – это определенный слой молодежи, занимающий позиции обучающихся в социокультурном поле, где осуществляется подготовка к высококвалифицированному труду. Студенческая молодежь может рассматриваться как определенная часть человеческих ресурсов, обладающих специфической ценностью для общества. Во-первых, студенческая молодежь прошла ступени отбора в сфере образования благодаря своим способностям, ценностным ориентациям. Во-вторых, студенческая молодежь демонстрирует высокие притязания в различных сферах жизнедеятельности и рассматривает институт высшего образования в качестве основного способа повышения своего социального статуса. Таким образом, студенчество решающим образом определяет социокультурные характеристики будущего российского социума. Студенческая молодежь также может рассматриваться как маргинальная группа, стремящаяся к высокому положению в обществе, чем группы, уже определившие свое место в социальной структуре. Она более мобильна, обладает значительными возможностями. Современная студенческая молодежь стала разнородной и дифференцированной по социальному статусу родительской семьи, доходам, типам вузов, стилям поведения и пр. В социальную структуру российского студенчества входят представители различных слоев населения, что может дать интересные результаты в исследовании гендерных отношений в современном российском обществе.

Изучению проблем молодежи посвящены труды многих ученых, таких как В.Т. Лисовский, В.И. Добренков, Ю.Г. Волков, В.Я. Нечаев, Ю.Р. Вишневский, Т.Б. Щепанская и др. Эти авторы исследовали ценностные ориентации молодежи, проблемы молодежной культуры и субкультуры, девиантного поведения и пр. [8]. Гендерные исследования российской молодежи проводились в работах Е.А. Изотовой, М.Котовской, Н.Шалыгиной и М.Золотухиной, С.В. Скутневой представлены основные результаты анализа динамики гендерных установок современной российской студенческой молодежи в сфере семейно-брачных отношений [9].

Суть проблемы, которая рассматривается в данной статье, состоит в выявлении мнения сту-

денческой молодежи Республики Бурятия о трансформации гендерных отношений и традиционных гендерных стереотипов современного российского общества на основе эмпирического материала.

Автор использовал метод фокус-групп. Фокус-группа, групповая дискуссия – способ выявить различие в понимании некоторой проблемы, явления определенными группами людей. Данный метод относится к качественным исследованиям. Дискуссия проводится в группе численностью до 15 человек, обычно это люди, объединенные по определенному признаку [10].

Использование качественных методов исследования в изучении гендерных отношений позволяет обнаружить подлинное взаимодействие социальных групп, раскрыть глубинные изменения в социальной системе при ее переходе к новому состоянию.

За период 2011-2012 гг. было проведено 4 фокус-группы в студенческой среде Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (ВСГУТУ) и Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова (БГСХА).

Первая фокус-группа. Дата проведения: 12 октября 2011 года. Место проведения: г.Улан-Удэ, ВСГУТУ.

Вторая фокус-группа. Дата проведения: 8 ноября 2011 года. Место проведения: г.Улан-Удэ, ВСГУТУ.

Третья фокус-группа. Дата проведения: 14 февраля 2012 года. Место проведения: г.Улан-Удэ, БГСХА.

Четвертая фокус-группа. Дата проведения: 10 апреля 2012 года. Место проведения: г.Улан-Удэ, БГСХА.

Цель исследования: определить мнение студенческой молодежи г.Улан-Удэ относительно трансформаций, происходящих в гендерных отношениях современного российского общества.

Задачи исследования – получение оценочных характеристик по нижеперечисленным параметрам:

1. Воспроизводство гендерных стереотипов через определение образов «идеального мужчины» и «идеальной женщины»;

2. Выявление отдельных аспектов гендерной дискриминации в семейно-брачных отношениях, в системе образования, в политической сфере, в трудовой деятельности;

3. Определение новых тенденций в сфере гендерных отношений. Отношение к достижению гендерного равенства в современном российском обществе.

В исследовании приняло участие 40 респондентов.

Первая фокус-группа (1ФГ СГР-Ж): 3 курс экономического факультета ВСГУТУ. Сегрегированная группа, состоящая из 10 студенток. Девушки в возрасте от 19 до 21 года.

Вторая фокус-группа (2ФГ СМШ-ВСГУТУ): 2 курс института пищевой инженерии и биотехнологии ВСГУТУ. Смешанная группа, состоящая из 5 студентов и 5 студенток. Юноши и девушки в возрасте от 18 до 20 лет.

Третья фокус-группа (3ФГ СГР-М): 3 курс агрономического факультета БГСХА. Сегрегированная группа, состоящая из 10 студентов. Юноши в возрасте от 19 до 21 года.

Четвертая фокус-группа (4ФГ СМШ-БГСХА): 2 курс гуманитарного факультета БГСХА. Смешанная группа, состоящая из 5 студентов и 5 студенток. Юноши и девушки в возрасте от 18 до 20 лет.

В целом участники всех четырех фокус-групп согласились с тем, что гендерные взаимоотношения в современном российском обществе меняются. Респонденты отметили, что эти перемены затрагивают практически все сферы общества, однако, есть отрасли, где сохранились традиционные взаимоотношения между полами (политическая сфера, в первую очередь). Степень и сила гендерных трансформаций оцениваются участниками по-разному. Наблюдается прямая зависимость между полученными данными и структурой фокус-группы (смешанные/сегрегированные группы). Сегрегированная женская фокус-группа отмечается «современными», эгалитарными взглядами на гендерные отношения, в отличие от мужской группы, которая показала склонность к воспроизводству более традиционных взглядов на вопросы взаимодействия полов в российском обществе. Юноши, принявшие участие в обсуждении в составе смешанных групп, проявили более либеральные взгляды в определении роли женщин и мужчин в современном обществе. Девушки – участницы смешанных фокус-групп, сохранили склонность к поддержке эгалитарных гендерных взаимодействий.

Студенты-участники исследования отметили также трансформацию гендерных стереотипов. В большей степени изменились стереотипы поведения женщин, это подтверждают как девушки (воспроизводство автостереотипа), так и юноши (воспроизводство гетеростереотипа). Студентки также выделили тенденции к изменению стереотипа поведения мужчин в современном обществе. Юноши таких перемен по отношению к своей половой группе не отметили, и

воспроизвели традиционный автостереотип поведения.

По вопросам гендерной дискриминации студентки – участницы, как сегрегированных, так и смешанных групп – привели примеры ущемления прав женщин в различных сферах общества, а также уверенно отметили некоторые факты нарушения прав мужчин. Юноши, принявшие участие в фокус-группе, привели лишь несколько примеров гендерной дискриминации мужчин, однако, подробно описали все формы дискриминаций женщин в российском обществе.

Возможно ли достижение гендерного равенства в российском обществе? Необходимо ли это нам? На эти вопросы были получены разные ответы. Студенческая молодежь замечает трансформацию гендерных отношений, активизацию и эмансипацию женщин, их стремление к независимости. Однако респонденты не в полной мере осознают степень дискриминации мужчин, кроме того, полагают, что сохранение традиционных гендерных взаимоотношений в некоторых случаях позволит сохранить стабильность общества.

В ходе нашего исследования было выявлено воспроизводство гендерных стереотипов через определение образа «идеального мужчины» и «идеальной женщины».

1) образ «идеального мужчины» с точки зрения смешанных групп (2ФГ СМШ-ВСУТУ; 4ФГ СМШ-БГСХА), выглядит следующим образом:

Качества: смелый, сильный физически, крепкий духом, ответственный, умный, спортивный, спокойный, уверенный в себе, добрый, заботливый, нежный, надежный, успешный, трудолюбивый, работающий.

Роли: хорошо зарабатывает, имеет стабильный высокий доход, хорошую работу, высшее образование; приносит основной доход в семью; не имеет вредных привычек; выполняет работу по дому, не только традиционно мужскую («забить гвоздь»), но и моет посуду, убирает в квартире, доме, стирает и пр. наравне с супругой; активно участвует в воспитании детей.

2) образ «идеального мужчины» с точки зрения сегрегированной женской группы (1ФГ СГР-Ж):

Качества: умный, заботливый, уверенный, надежный, добрый, щедрый, нежный, верный, трудолюбивый, красивый, спортивного телосложения, элегантно одет, следящий за своей внешностью, успешный, богатый.

Роли: не имеет вредных привычек («не пьет, не курит»); имеет высокий стабильный доход;

выполняет ту же работу по дому, что и супруга; воспитывает детей, заботится о них.

3) образ «идеального мужчины» с точки зрения сегрегированной мужской группы (3ФГ СГР-М):

Качества: умный, сильный, здоровый, обеспеченный, крепкий, образованный, мудрый, влиятельный, общительный, коммуникабельный.

Роли: обеспечивает финансово свою семью; имеет интересную работу; является главой семьи; должен «построить дом, вырастить сына, посадить дерево»; умеет «забить гвоздь».

Таким образом, в образе «идеального мужчины» появляются разные качества и характеристики в зависимости от состава группы, участвующей в исследовании. Мужская группа воспроизвела в наивысшей степени традиционный автостереотип черт характера и поведения мужчин. В то время как в стереотипе женской группы появились новые характеристики: девушки больше внимания уделили внешним характеристикам «идеального мужчины» (красота, спортивное телосложение, манера одеваться, уход за своей внешностью), а также выступили за эгалитарное распределение ролей между мужчиной и женщиной, как в семье, так и во внешней публичной среде. Смешанные группы отобразили и традиционные черты характера мужчин, и относительно новые качества («нежный», «спокойный»). В распределении гендерных ролей придерживаются равноправия.

4) образ «идеальной женщины» с точки зрения смешанных групп (2ФГ СМШ-ВСУТУ; 4ФГ СМШ-БГСХА):

Качества: умная, красивая, стройная, оптимистичная, энергичная, добрая, женственная, работоспособная, образованная, независимая.

Роли: успешная карьера; крепкая семья; участвует в формировании семейного бюджета 50/50 с супругом; «хранительница очага»; ответственна за воспитание детей; распределяет семейный бюджет; поддерживает супруга в принятии важнейших решений.

5) образ «идеальной женщины» с точки зрения сегрегированной женской группы (1ФГ СГР-Ж):

Качества: мудрая, умная, образованная, независимая, обеспеченная, карьеристка, симпатичная, стильная, ухоженная, заботливая, добрая, креативная.

Роли: равноправный партнер супругу; регулирует семейный бюджет; независима финансово от супруга; имеет успешную карьеру или стремится к ней; занимается воспитанием детей.

б) образ «идеальной женщины» с точки зрения сегрегированной мужской группы (3ФГ СГР-М):

Качества: красивая, умная, добрая, стройная, фигура 90-60-90, стильная, сексуальная, образованная, нежная, заботливая, верная, трудолюбивая, мудрая, независимая, самостоятельная.

Роли: заботится о супруге и детях; «хранительница домашнего очага»; создает уют и порядок в доме; зарабатывает деньги, формирует совместный семейный бюджет; без дурных привычек; получает высшее образование; активна, успешна в профессии.

Образ «идеальной женщины» среди мужской группы воспроизводит традиционные характеристики, хотя появляются элементы независимости в характере, поддерживается возможность реализовывать свои таланты и способности. И женские, и мужские, и смешанные группы сформировали, в общем, обновленный образ современной женщины. Просматривается тенденция к двойной занятости женщин. Идеальная женщина должна быть успешной в карьере, независимой финансово, а также быть «хранительницей очага», брать большую часть забот по домашнему хозяйству и воспитанию детей на себя.

Фокус-группы со смешанной структурой, состоящие из студентов ВСГУТУ и БГСХА (2ФГ СМШ-ВСГУТУ; 4ФГ СМШ-БГСХА), выделили несколько аспектов дискриминации женщин и мужчин в обществе. Ответы на вопросы: «Существует ли гендерная дискриминация в российском обществе? Каковы примеры дискриминации мужчин и женщин в российском обществе?» были получены в данных группах оперативно, описаны детально. Группа, в состав которой входили только юноши, не выявила явных примеров дискриминации мужчин, в отличие от фактов ущемления прав женщин. Фокус-группа, состоящая из девушек, напротив, выделила несколько аспектов дискриминации мужчин в современном российском обществе. Ниже представлены ответы студентов.

«При приеме на работу предпочтение отдают больше мужчинам, чем женщинам. Если на одну вакантную должность претендуют мужчина и женщина с одинаковым опытом работы, квалификацией, то место, скорее всего, получит мужчина, так как работодатели не хотят связываться с декретными отпусками, больничными, отпуском по уходу за ребенком» (Светлана, 3 курс ВСГУТУ).

«Мне кажется, что женщины больше соглашаются на низкооплачиваемую работу. Заработ-

ная плата женщин (есть, конечно, исключения) ниже, чем у мужчин» (Олег, 2 курс ВСГУТУ).

«Очень мало женщин в высшем руководстве страны. В Государственной думе больше всего мужчин-депутатов. Не могу себе представить женщину Президентом РФ» (Батор, 2 курс ВСГУТУ).

«Раньше и сейчас многие мужчины думают, что женщина должна и работать, деньги зарабатывать, и по дому все делать, за детьми смотреть, воспитывать. Муж домой приходит после работы и обычно лежит на диване, смотрит телевизор, а в это время жена, также после работы, выполняет множество домашних работ» (Саяна, 3 курс ВСГУТУ).

«При разводе суд отдает опеку над детьми матери, отец может только периодически встречаться с ними» (Анастасия, 2 курс БГСХА).

«Если мужчина и женщина совершают одно и то же преступление, к женщине относятся лояльно, смягчают наказание» (Александр, 2 курс БГСХА).

«Женщина может удачно выйти замуж и нигде не работать. Все равно будет считаться в глазах окружающих, что ее жизнь успешна. Если мужчина не работает и его обеспечивает супруга, то над ним смеются, его осуждают, даже презирают» (Анна, 2 курс БГСХА).

«Считаю, что права мужчин не нарушают у нас в России. А женщинам доступ к некоторым сферам закрыт» (Бато, 3 курс БГСХА).

Выявление новых тенденций в сфере гендерных отношений. Отношение к достижению гендерного равенства в современном российском обществе.

На вопрос «Возможно ли достижение гендерного равенства в российском обществе? Если да, то, как скоро это может произойти? Необходимо ли нам это?» были получены следующие ответы:

«Уже сейчас можно говорить о равенстве полов. Оно, конечно, не до конца достигнуто, но можно сказать, что процесс идет» (Анна, 3 курс ВСГУТУ).

«В России никогда не будет так же как в США, в Германии, в Европе в целом. Не будут развиты феминистские движения. Российские женщины и мужчины, по моему мнению, сами не хотят полного гендерного равенства» (Василий, 2 курс ВСГУТУ).

«Будет больше порядка, если будут сохранены традиционные гендерные отношения. Хотя, конечно, современные девушки уже не захотят просто сидеть дома и воспитывать детей. Это основная причина конфликтов в молодых семьях»

ях. Зачастую не могут определиться, кто в доме главный, кто какую роль должен выполнять» (Андрей, 3 курс БГСХА).

«Полагаю, что женщины сейчас стали более сильные. Учатся, получают второе высшее образование, изучают языки. Более активны. Мужчины, почему-то, становятся более пассивными, не интересуются многими вещами, довольствуются малым» (Елена, 2 курс БГСХА).

В результате проведенного социологического исследования, можно отметить, что студенческая молодежь в полной мере осознает все тенденции, происходящие в сфере гендерных отношений в современном российском обществе. Относительная традиционность взглядов сохраняется у юношей, более либеральных взглядов придерживаются девушки. Тем не менее, и девушки-студентки и юноши-студенты полагают, что в полной мере достичь гендерного равенства в нашем российском обществе в ближайшее время невозможно. Хотя гендерные стереотипы уже подверглись трансформациям и в измененном виде достаточно устойчивы.

Литература

1. Воронина О.А. Формирование гендерного подхода в социальных науках. // Гендерный калейдоскоп: курс лекций. – М.: Academia, 2001. – С. 10-15.
2. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М.: Ключ-С, 1999. – С. 22.

3. Липпман У. Общественное мнение. – М.: изд-во Института Фонда «Общественное мнение», 2004. – С. 78.
4. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 86.
5. Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов. // Вопросы психологии. – 1996. – №1. – С. 113-117.
6. Клецина И.С. Гендерная социализация: учебное пособие. – СПб.: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – С. 108.
7. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии. // Социологические исследования. – 2000. – №11. – С. 76.
8. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. – СПб.: СПбГУП, 2000. – С. 519.
9. Басакова М.Е. Высшее образование для мужчин и женщин. // Гендерный калейдоскоп: курс лекций. – М.: Academia, 2001. – С. 320-327.
10. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: учебное пособие. – М.: Омега-Л, 2007. – С. 365-366.

Чойропова Татьяна Цыренжаповна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью, социологии и политологии Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, г.Улан-Удэ, e-mail: tchoi@mail.ru.

Choirovova Tatiana Tsirenzhapovna, candidate of sociological science, senior lecturer, department of public relations, sociology and political science, Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, e-mail: tchoi@mail.ru.

УДК 316:61

© Т.Л. Трифонова

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО В МЕДИЦИНЕ: ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ

В статье рассмотрены причины, условия, формы получения взятки медицинскими работниками.

Ключевые слова: коррупция, медицина, здравоохранение, неформальные платежи, взятка, пациенты, врачи.

T.L. Trifonova

BRIBERY IN MEDICINE: REASONS AND CONDITIONS

The reasons, conditions, forms of receiving a bribe by medical workers are established in this article.

Key words: corruption, medicine, health care, informal payments, bribe, patients, doctors.

На современном этапе развития российского общества все более приоритетными становятся вопросы соблюдения законов и борьбы с преступностью. Особую значимость приобретает противодействие коррупции. В ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ неизменно акцентируется внимание на улучшении системы предупреждения и пресечения коррупционных процессов и преступлений.

В качестве наиболее опасной и широко распространенной формы проявления коррупции выступает взяточничество.

Конституция РФ, провозгласившая нашу страну правовым государством, защищает неотъемлемые права и свободы человека и гражданина, важнейшим из которых является право на жизнь и здоровье. В последнее время это право все чаще нарушается медицинскими работниками, которые по долгу профессии призваны

лечить и облегчать физическое и психическое состояние пациентов. Сегодня проблема преступлений, совершаемых в сфере здравоохранения, становится одной из актуальнейших в социальной сфере общества, чем и объясняется столь пристальное внимание к ней СМИ, общественных организаций по защите прав пациентов, правоохранительных органов и рядовых граждан. Наблюдается проникновение преступности в сферу здравоохранения. Система здравоохранения в России занимает пятое место среди наиболее коррумпированных сфер общества [5].

Наиболее болезненно российскими гражданами воспринимаются взятки, вымогательство и другие злоупотребления коррупционного характера в здравоохранении, в связи с тем, что в массовом сознании профессия врача ассоциируется с бескорыстным и самоотверженным служением людям, а здоровье является фундаментальным человеческим благом, без которого другие ценности утрачивают свой смысл. При этом речь идет не столько о мелких взятках в виде «подношений» врачам за лечение, сколько об условиях, которые все чаще создаются в последние годы для проявления коррупции. К ним можно отнести:

– искусственное создание «дефицита» оказания медицинских услуг, когда люди, остро нуждающиеся в определенных медицинских исследованиях, вынуждены ждать их месяцами. В то же время за определенную плату эти исследования проводятся более оперативно. При этом вынужденная оплата медицинских услуг далеко не всегда гарантирует их качество;

– постепенное превращение лечебных заведений в «торговые», в которых происходит замена честных квалифицированных врачей на коммерсантов от медицины.

Несмотря на то, что периодически медицинские работники, занимающиеся вымогательством, становятся участниками уголовных дел, ситуация с поборами в здравоохранении фактически не меняется.

При этом следует отметить, что среди медицинских учреждений, где наиболее часто встречаются случаи, связанные с дачей взятки медицинским работникам, особое место занимают наркологические и онкологические диспансеры, родильные дома.

О негативной тенденции, наметившейся в последние годы в России в сфере здравоохранения, свидетельствует официальная статистика: по сравнению с 2009 годом, количество людей, столкнувшихся со взятничеством в здравоохранении увеличилось (2009 г. – 19%, 2010 г. – 20,7%) [3]. При этом следует признать, что при-

веденные данные не отражают реальной ситуации. Причина в том, что высока латентность коррупционных преступлений, многие из которых остаются не выявленными.

Учитывая важность сферы здравоохранения, следует отметить, что коррупционные преступления, совершаемые в данной сфере, по степени общественной опасности и тяжести причиняемых последствий, превосходят такого рода преступления в других сферах общественной жизни, так как они не только дискредитируют всю систему здравоохранения, способствуя снижению авторитета ее сотрудников и формированию негативного общественного мнения относительно медицинского обслуживания населения, но и посягают на важнейшие ценности – жизнь и здоровье человека, защита которых является одной из главных обязанностей любого государства. Кроме того, довольно часто их жертвами становятся самые незащищенные слои населения – инвалиды, пенсионеры, дети.

С 2002 г. Институтом социологии РАН ежегодно проводится опрос более 7000 домохозяйств о структуре их потребительских расходов. Результаты исследования свидетельствуют об увеличении доли расходов на лекарства и медицинскую помощь в бюджете средней российской семьи. За период с 2002 по 2010 г. она выросла с 1,9% до 5,6% расходов семьи. По данным опроса, проведенного в 2010 г., доля тех, кто, обращаясь за амбулаторно-поликлинической медицинской помощью, платил за нее, составила 10,1%, при этом только около половины из них (49,7%) платили официально в кассу. Более половины пациентов (55,8%) давали медицинским работникам деньги в руки или дарили подарки. Кроме того, 39,2% от обратившихся за медицинской помощью проходили дополнительные анализы или процедуры, а доля тех, кто платил за эти процедуры, составила 21%. Из всех плативших около 70% делали это легально, и около 30% – неформально. Что касается стационарного обслуживания, то 15,4% госпитализированных платили за свое пребывание в больнице. При этом 65,3% из них платили официально в кассу, 51,3% давали деньги и подарки медицинскому персоналу [6, с. 48]. Что подтверждается и данными нашего исследования, проведенного в Бурятии в 2011 г. Так, 47,7% респондентов указали на то, что «пациент или его близкий предлагает вознаграждение медицинскому работнику за оказанную помощь в качестве благодарности».

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о том, что оплата населением медицинским работникам стала массовой прак-

тикой в российской действительности, причем взятки являются ее важной составляющей.

Коррупция встречается на всех этажах системы здравоохранения – от участков медсестер до высоких чинов в министерстве. Чем выше этаж, тем о больших масштабах злоупотреблений идет речь: если в кабинетах обычных врачей коррупция начинается с сотни рублей, то на самом верху она уже достигает десятков тысяч рублей [8, с. 15].

В ходе исследования нами были выделены следующие типы взятки медицинским работникам: взятка за выписку «нужных лекарств»; продажа справок; взятки за операции; нецелевое использование средств; продажа запрещенных средств; взятка за лечение несуществующих болезней.

Мы попытались определить ряд причин, по которым медицинские работники берут деньги от пациентов за свою работу. Исходя из данных, полученных в ходе анкетного опроса, основные из них выглядят следующим образом: низкая заработная плата медицинских работников (на что указало 68,3% респондентов); прямая экономическая выгода получения денег в руки в сравнении с доходами, получаемыми от оказания услуг, легально оплачиваемых пациентами через кассу медицинской организации (на что указало 18,4% респондентов); несоответствие легальной цены, установленной на предоставляемые услуги, представлениям самих врачей об их реальной стоимости (на что указало 9,3% респондентов).

Низкая заработная плата называется большинством опрошенных в качестве главной причины, по которой врачи берут деньги от пациентов. Неофициальные платежи выступают механизмом компенсации того, что врачам не доплачивает государство, средством преодоления неоправданных, с точки зрения врачей, различий в уровне оплаты их труда в сравнении с доходами других категорий занятых. В таких сравнениях преобладают два типа объектов: 1) доходы молодых специалистов не соответствуют уровню их образования, то есть сверстники, не имеющие высшего образования, получают более высокие заработные платы; 2) заработная плата врачей за рубежом [4, с. 43]. Некоторые врачи сравнивают уровень своей заработной платы с уровнем оплаты труда врачей такой же квалификации на Западе, которая оказывается в десятки раз больше. Сравнение с доходами западных коллег формирует у наиболее квалифицированных врачей установку на необходимость хотя бы частичной компенсации этого разрыва за счет платежей пациентов.

Существенной причиной распространения взяточничества является выгода для врачей и пациентов. Взятка становится взаимовыгодной формой взаимодействия. От официальных платных услуг в медицинском учреждении врач получает лишь незначительный процент в счет своей зарплаты, а больному выгоднее заплатить лично врачу меньшую сумму, чем в кассу по преискуранту. При этом многие врачи отмечают, что они учитывают возможности больных. Это компромисс между недоплатой труда врачей и неплатежеспособностью населения.

В целом следует констатировать, что взяточничество является для большинства врачей вынужденной практикой в тех условиях, в которых оказалось российское здравоохранение в данный период. Неправомерно рассматривать медицинских работников в качестве главных виновников широкого распространения этой практики. Этому способствуют дефицит государственного финансирования здравоохранения и готовность самих пациентов платить за внимание, за спокойствие и т.п.

В ходе исследования одной из задач было выяснить почему пациенты платят медицинским работникам в руки, а не в кассу. По мнению самих медицинских работников, это происходит по следующим причинам: желание получить медицинскую помощь более высокого качества или в большем объеме в сравнении с тем, на что можно рассчитывать при бесплатном лечении; стремление лечиться в тех медицинских учреждениях и у тех врачей, которые вызывают у них большее доверие; необходимость получения услуг, которые не предоставляются ни бесплатно, ни за официальную плату; возможность сократить сроки ожидания обследования или госпитализации; возможность уменьшить расходы на лечение в сравнении с оплатой через кассу медицинского учреждения; желание отблагодарить за успешно проведенное лечение.

Нами была предпринята попытка определить как пациенты воспринимают степень коррумпированности различных субъектов, задействованных в сфере здравоохранения. С этой целью в анкету был включен вопрос: «Кто, по Вашему мнению, чаще всего получает неофициальные денежные вознаграждения и иные подношения?». Ответы распределились следующим образом: в сфере здравоохранения наиболее коррумпированными считают тех, кто непосредственно общается с людьми, которые предлагают или готовы предложить неофициальные денежные вознаграждения или иные подношения. Это – врачи, на них указали 44,5% респондентов,

реже – руководители медицинских учреждений – 32%.

По мере возрастания должностного уровня, значение степени коррумпированности в оценках населения уменьшается. Подобные показатели можно объяснить, на наш взгляд, не столько принципиальной честностью или неготовностью чиновников и руководителей высшего уровня брать взятки, сколько их меньшей доступностью для рядовых граждан или обращения к ним в исключительных случаях.

Сравнительно невысокая степень коррумпированности работников систем здравоохранения и образования отмечается лишь на уровне обслуживающего персонала – 14,5% (медсестер, санитарок, завхозов, лаборантов), а также разного рода посредников между исполнителями и получателями услуг – например, представителей страховых компаний в медицине – 3,5%, о которых большинство российских граждан имеют очень смутное представление.

Во время опроса выяснялось также, кто чаще всего выступает инициатором вознаграждений и подношений. По мнению опрошенных, чаще всего инициатором получения взятки являются те, кто оценивается ими в качестве наиболее коррумпированных представителей системы здравоохранения.

В 2011 г. Центром экономико-социальных исследований был проведен анализ бюджетных расходов на здравоохранение в шести регионах России: Белгородской, Вологодской, Самарской, Челябинской областях, Хабаровском крае и Республике Чувашии [7, с. 24]. Было опрошено 562 человека. Среди всех опрошенных 40,6% ответили, что за последние три года за счет собственных средств пользовались услугами платных поликлиник, 8,1% – проходили лечение в платном стационаре. За последний месяц на момент опроса к платной медицинской помощи прибегало 21,3% респондентов (15% пользовались услугами платной поликлиники, 1,4% – платной больницы, 4,9% – услугами частного врача). Для многих опрошенных посещение медицинского учреждения повлекло за собой дополнительное обследование или процедуру, при этом 35,6% ответивших на данный вопрос (18,2% опрошенных) платили за это отдельно. 47,8% из тех, кто за последние три месяца до опроса пользовался услугами стационаров, платили за свое пребывание в больнице, медицинскую помощь, лечение и лекарства. Что касается профилактического обследования, то за него платили 27,1% ответивших (11,3% опрошенных).

Мы попытались выяснить «чувствительность» неофициальных вознаграждений для семейного бюджета. Респондентам был задан вопрос: «Насколько эти вознаграждения были чувствительны для Вашего бюджета и бюджета Ваших родственников?». Анализируя ответы на данный вопрос можно заметить, что, отвечая на поставленный вопрос, респонденты явно предпочитали другим вариантам ответов, вариант «этого не было» – 36,1%. Среди прочих (без «затрудились ответить») содержательных вариантов ответов по частоте упоминания лидирует ответ «было не очень чувствительно» – 17,6%.

Таким образом, можно сказать, что оплата медицинской помощи, производимая в руки медицинским работникам получила широкое распространение в российском здравоохранении.

Как показало наше исследование, коррупция в сфере здравоохранения способствует: нерациональному распределению денежных средств, выделяемых государством на исследуемую сферу; снижению финансирования медицинских программ; отказам в оказании медицинской помощи; снижению эффективности оказания медицинской помощи; злоупотреблениям представителями сферы здравоохранения при оплате пациентами полученной медицинской помощи.

Борьба с коррупцией – это масштабная общегосударственная задача, и без совместных действий в этом направлении властных структур и институтов гражданского общества добиться эффективных результатов в деле решения этой проблемы невозможно.

Литература

1. <http://www.minzdravsoc.ru/health/med-service/204>. [Электронный ресурс]. – (Дата получения информации: 11.05.12).
2. <http://www.rg.ru/2011/12/27/reformy.html>. – [Электронный ресурс]. – (Дата получения информации: 11.05.12).
3. Душко Т. Медицинская коррупция. [Электронный ресурс]. – <http://www.project.su/korruptsiya/korruptsiya.php>. – (Дата получения информации: 15.12.11).
4. Индейкин Е.Н. Заработная плата медицинских работников // Главный врач. – 2004. – №2. – С. 42-57.
5. Масюк Е. Обратни в белых халатах: о коррупции в медицине. – [Электронный ресурс]. – <http://www.mk.ru/social/article/2010/08/05/521320-oborotni-v-belyih-halatah.html>. – (Дата получения информации: 08.12.11).
6. Морозова Е.А., Ибрагимова Д., Красильникова М., Овчарова Л. Участие населения в оплате медицинских и образовательных услуг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2010. – № 5(46).
7. Сидорина Т.Ю., Сергеев Н.В. Государственная социальная политика и здоровье россиян. К анализу затрат домохозяйств на здравоохранение // «Мир России». – 2011 – №6.

8. Соловьев А.П. Предупреждение коррупции в сфере здравоохранения. – М., 2007.

9. Панова Л., Русинова Н. Неравенства в доступе к первичной медицинской помощи // Социс. – 2005. – №6. – С. 127–136.

10. Российское здравоохранение: оплата за наличный расчет / С.В. Шишкин, Л.Н. Овчарова, В.А. Чернец. – М.: изд-во Независимого института социальной политики, 2004.

Трифонова Татьяна Леонидовна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Бурятского государственного университета, г.Улан-Удэ, e-mail: bsu.philos@mail.ru.

Trifonova Tatiana Leonidovna, candidate of philosophical science, senior lecturer, department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: bsu.philos@mail.ru.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 351 : 556

© Т.Б. Цыренова

О ПОНЯТИИ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ»

В данной статье раскрывается понятие «государственное управление водными ресурсами», введенное автором в понятийную матрицу государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление, водные ресурсы, водные отношения.

T.B. Tsyrenova

ABOUT WATER RESOURCES STATE MANAGEMENT DEFINITION

The scientific definition «water resources state management» has been analyzed in this article. The definition has been included in the context of general state management.

Key words: state management; water resources; water relations.

Проблемы государственного управления водными ресурсами в отечественной науке мало изучены. Существует множество вопросов методологического характера, связанных с недостаточной разработанностью его понятийного аппарата. Необходимо уточнение понятий, имеющих непосредственное отношение к управлению водными ресурсами, а само понятие управления водными ресурсами требует рассмотрения в контексте понятия государственного управления.

Государственное управление как политический процесс привлекало к себе большой интерес уже с самого зарождения науки о государстве и политике. В ранних концепциях о государстве основное внимание акцентировалось на его регулятивных функциях. Так, Платон разделил общество, отождествлявшееся им с государством, на три категории граждан: 1) земледельцев и ремесленников, производящих все необходимое для поддержания жизни граждан; 2) воинов, охраняющих безопасность (стражников); 3) философов-правителей, осуществляющих мудрое и справедливое управление государством [1]. Он полагал, что каждая категория, выполняя свои функции, составляла единство и гармонию всех трех составных государства. Поэтому главной управленческой задачей государства должна была стать регуляция взаимоотношений между категориями граждан и регуляция взаимодействий и взаимоотношений между членами общества.

Проблема государственного управления разрабатывалась многими мыслителями Средневе-

ковья, эпохи Возрождения, Нового и Новейшего времени.

В современной отечественной науке проблема государственного управления также получила широкое обсуждение в трудах Г.В. Атаманчука, Д.Н. Бахраха, Л.А. Бургановой, К.С. Гаджиева, Н.И. Глазуновой, Б.М. Лазарева, Р.Т. Мухаева, О.В. Гаман-Голутиной, А.Ю. Мельвиля, Е.В. Мошелкова, А.И. Соловьева.

Среди указанных исследований отметим работы К.С. Гаджиева, Л.А. Бургановой, Н.И. Глазуновой, Г.В. Атаманчука, И.А. Василенко и ряда других исследователей [2], в которых наиболее полно освещена проблема государственного управления. В основе их понимания государственного управления лежит принцип единства регулятивной (законодательно-правовой) и принудительной (исполнительно-административной) функций.

Так, К.С. Гаджиев считает, что «государственное управление – это совокупность взаимозависимых и взаимодополняющих элементов, каждому из которых отведены четко определенное место и функции. В данном контексте государство можно было бы назвать формой самоорганизации человеческих сообществ для управления социальными, экономическими и иными сферами и процессами в пределах каждой конкретной страны» [4]. Согласно определению Л.А. Бургановой, государственное управление представляет собой «практическое, организующее и регулирующее воздействие государства на общественную жизнедеятельность людей с

целью ее упорядочения, сохранения или преобразования» [5]. В то же время Н.И. Глазунова уточняет, что государственное управление, представляя собой «целенаправленное организующе-регулирующее воздействие государства на общественные процессы, отношения и деятельность людей», осуществляет это самое организующе-регулирующее воздействие «через систему его органов и должностных лиц» [6].

По мнению Г.В. Атаманчука, государственное управление рассматривается как «самый важный и основополагающий вид управления», который реализуется «в условиях демократии государством, его аппаратом от имени и по поручению народа, общества в целом в соответствующих легитимных формах и процедурах и распространяется на все общество, воздействуя на системообразующие составные общественных отношений» [7].

И, наконец, обратим внимание на коллективный труд под редакцией А.Ю. Мельвиля, в котором встречаем следующее определение государственному управлению: «с одной стороны, государственное управление – это сила, интегрирующая общество, формирующая коллективные цели и принимающая решения, а с другой – давление граждан и их групп снизу связано с представительством их интересов» [8].

В указанных выше определениях наблюдается определенный разброс мнений, не имеющий, однако, принципиального характера. Здесь мы находим ряд схожих моментов, указывающих на характерные признаки понятия. Однако необходимо отметить, что в них не получили своего полного отражения все те признаки, которые представляют собой существенные и необходимые компоненты содержания государственного управления.

Для выявления этих компонентов анализ понятия «государственное управление» мы предлагаем начать с анализа содержания понятия «управление» как более широкого родового понятия с тем, чтобы, следуя законам формальной логики, под структурно-содержательный компонент более широкого родового понятия (управление) подвести конкретные признаки определяемого понятия (государственное управление).

Управление в широком смысле, согласно определению, данному в «Политической энциклопедии», является функцией «организованных систем, возникших естественным (эволюционным) или искусственным (креационным) путем» [9]. Между тем, К.С. Гаджиев считает управление «руководством действиями определенной группы или коллектива людей по достижению

какой-либо цели» [4]. Г.В. Атаманчук рассматривает управление как «целесолагающее, организующе-регулирующее воздействие» [7]. По мнению Л.А. Бургановой, «процесс целенаправленного воздействия субъекта управления на объект управления для достижения определенных результатов представляет собой сущность управления» [5].

В этих определениях мы не находим концептуального расхождения. В них следует выделить два необходимых компонента, составляющих сущность содержания понятия «управление». Это – наличие субъектно-объектных отношений и целесолагания. Действительно, управление – это, прежде всего, взаимодействие субъекта и объекта, в котором субъект воздействует на объект, преследуя определенную цель. Но при этом субъект воздействует на объект, обладая необходимыми средствами для достижения цели, используя определенные способы, которые выражаются в конкретной форме. В таком случае к первым двум компонентам управления следует добавить еще три. Это: 1) средства достижения цели; 2) способы достижения цели, а также 3) внешние формы, через которые реализуется цель. Таким образом, на наш взгляд, достижение целесолагания через субъектно-объектные отношения возможно лишь при наличии определенных средств и способов, которые реализуются в конкретной форме. Эти три компонента наряду с субъектно-объектными отношениями и целесолаганием должны присутствовать в определении понятия «управление». Поэтому, обобщая и дополняя вышесказанное, отметим, что управление – это воздействие субъекта на объект для достижения конкретной цели, реализующееся необходимыми средствами с использованием соответствующих способов, проявляющихся в конкретных формах.

Выделенные нами существенные и необходимые компоненты понятия «управление» должны также составлять структурно-функциональный остов понятия «государственное управление» и быть наполненными конкретным содержанием.

Субъектно-объектные отношения в государственном управлении характеризуются тем, что субъектом управления выступает государство, а объектом – общество в целом или же все сферы его жизни (экономическая, политическая, правовая, культурная, экологическая, внутригосударственная, международная и иная). Субъектно-объектные отношения в данном случае выступают как отношения государства и общества в целом или же всех сфер общественной жизни.

Цели воздействия государства на все сферы общественной жизни и общественных отношений могут быть весьма многообразными, в том числе внутригосударственными и внешними. Однако главной целью, как во внутренней, так и внешней областях, является защита интересов граждан во всех сферах их жизнедеятельности.

Средства, при помощи которых субъект осуществляет воздействие на объект, также могут быть многообразными, но в своей основе они должны указывать на полномочность (легитимность) субъекта оказывать воздействие на объект. Такая полномочность может быть только властной.

Способы воздействия субъекта на объект также неоднозначны, но могут быть сгруппированы на императивные способы, базирующиеся на законодательных принципах, и принудительные, в основе которых лежат административные принципы.

И, наконец, средства и способы достижения цели выражаются в форме определенных органов, а именно институтов власти. И, если средства и способы сгруппированы по императивному (регулятивному) признаку – посредством законов, и принудительному – через административное воздействие, то формы могут быть представлены в виде политических институтов, обладающих законодательными и административными властными полномочиями.

В данном случае мы подошли к важнейшему понятию в системе государственного управления – понятию власти. Как справедливо отмечает Г.В. Атаманчук, «поняв феномен власти, можно подойти к определению управления как целеполагающего, организующе-регулирующего воздействия, которое осуществимо лишь потому, что одна сторона (субъект управления) способна воздействовать, а другая (объект управления) вынуждена такое воздействие воспринимать, на него реагировать, ему подчиняться. Такое воздействие представляет собой власть» [7]. Иными словами, власть представляет собой важнейший элемент в системе категориального аппарата государственного управления. По определению В.Ф. Халипова, «власть – это способность, право и возможность распоряжаться кем-либо, чем-либо; оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение, деятельность, нравы и традиции людей с помощью различных средств – закона, принуждения, авторитета, права, воли, суда» [10].

Нельзя не согласиться с данным определением власти, которое полностью отразило ее сущность. Обратим здесь внимание на такую ее ха-

рактеристику, как «способности, права и возможности распоряжаться, оказывать воздействие». Такой способностью, возможностью и правом в контексте нашего анализа содержания государственного управления может обладать только государство. Именно посредством власти государство воздействует на все сферы общественной жизни для достижения конкретных целей. Власть в данном случае представляет собой средство достижения.

Рассмотренные выше определения понятия государственного управления свидетельствуют о единодушии исследователей в определении субъекта в качестве государства, с одной стороны, а с другой – некотором расхождении мнений в определении объекта. Под объектом понимаются «общество», «общественная жизнедеятельность», «общественная жизнь», «социальные, экономические и иные сферы». Во всех определениях присутствует элемент целеполагания, однако отсутствуют третий, четвертый и пятый компоненты – средства, способы и формы воздействия субъекта на объект для достижения цели.

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем следующее определение понятия «государственное управление»: государственное управление – это воздействие государства на общество в целом или на все сферы общественной жизни с целью защиты интересов граждан во всех сферах их жизнедеятельности посредством властных полномочий через императивные (регулятивные) и принудительные (административные) функции (способы), осуществляемые в форме законодательных и исполнительных институтов.

Этот принцип определения государственного управления в полной мере применим и к государственному управлению водными ресурсами. Управление в области охраны и использования водных ресурсов, будучи государственным управлением, должно в полной мере соответствовать ему, а это означает наличие в нем всех рассмотренных выше компонентов, но с конкретными признаками, указывающими именно на сферу водных отношений, связанных с вопросами охраны и использования водных ресурсов.

Иными словами, понятие «государственное управление водными ресурсами» мы вводим в контекст понятийной матрицы государственного управления и рассматриваем с позиций определения его субъектно-объектных отношений, целеполагания, средств, способов и форм.

Первый компонент – субъектно-объектные отношения. В качестве субъекта в субъектно-объектных отношениях в данном случае высту-

пает государство, объектом – водные ресурсы. Для более полного определения первого компонента государственного управления водными ресурсами необходимо внести уточнения в понятие «водные ресурсы», которое включает в себя «поверхностные, подземные и трансграничные воды».

В системе государственного управления понятие «водные ресурсы» имеет свои специфические особенности, отражающие их включенность в политические процессы и правовое поле. Основные принципы содержания понятия «водные ресурсы» в контексте государственного управления водными ресурсами в России получили свою разработку в водном кодексе 2006 года, который представляет собой политический документ, определяющий законодательную основу государственного управления водными ресурсами, также они отражены в положениях главного политического документа (конституции) российского государства постсоциалистического периода.

Водные ресурсы в системе государственного управления в области охраны и использования водных ресурсов Российской Федерации рассматриваются как «поверхностные и подземные воды, которые находятся в водных объектах, используются или могут быть использованы» [11], при этом дается уточнение, что только воды, находящиеся в водных объектах, являются объектом государственного управления.

В российский Водный кодекс 2006 года вводится понятие «речной бассейн», который представляется нам существенным аспектом в вопросах государственного управления в области охраны и использования водных ресурсов, под которым понимается «территория, поверхностный сток вод с которой через связанные водоемы и водотоки осуществляется в море или озеро» [11].

Рассмотренные выше определения представляют собой основу понятийного аппарата системы государственного управления водными ресурсами в Российской Федерации, применяемого для характеристики водных объектов, расположенных в пределах территории одного государства и режим использования которых определяется его национальными (внутренними) политическими нормами и принципами государственного управления водными ресурсами. Данные понятия представляются ключевыми в государственном управлении водными ресурсами. Точность их определения имеет большую значимость для непосредственного осуществления процесса управления в области водных от-

ношений, поскольку от нее во многом зависят принципы и направления государственного управления в данной области. И в предельной лаконичности этих определений во многом могут быть отражены интересы определенных групп.

Следует отметить, что в Российской Федерации существуют водные объекты (реки), ресурсы которых находятся в совместном управлении двух и более государств и режим использования которых определяется в соответствии с принятыми международными нормами и принципами. Они также выступают как объекты государственного управления водными ресурсами в Российской Федерации. Такие водные объекты определяются как «международные водные объекты», «трансграничные водные объекты», «пограничные водные объекты».

Второй компонент понятия государственного управления водными ресурсами – целеполагание. В Российской Федерации он однозначно характеризуется как использование и охрана водных ресурсов. Под использованием водных ресурсов в Российской Федерации понимается «использование различными способами водных объектов для удовлетворения потребностей Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, физических лиц, юридических лиц» [11]. Следует отметить, что изначально использование водных ресурсов доминировало над их охраной, и такое положение существовало достаточно долгое время. Главным образом, под использованием подразумевалось обеспечение нужд народного хозяйства, которое, как показала практика, оказало существенное влияние на изменение уровня, волнового, температурного режима водных объектов, скорость течения и условия прохождения паводков. Это, в свою очередь, обусловило необходимость усиления внимания государства к проблемам охраны водных ресурсов. Постепенно акцент в управлении в области охраны и использования водных ресурсов переместился с использования на охрану. В понятийном аппарате государственного управления в области охраны и использования водных ресурсов все большее внимание стало уделяться определению «охрана водных объектов», под которым понимается система мероприятий, «направленных на сохранение и восстановление водных объектов» [11]. Вместе с тем, согласно данному определению, вопросы улучшения и оздоровления состояния водных объектов и их экологических систем не включены в основные требования к охране водных объектов и не рас-

смаатриваются в качестве основных принципов государственного управления водными ресурсами в Российской Федерации.

Третий компонент государственного управления водными ресурсами – средства управления – характеризуется как легитимные (властные) полномочия на управление водными ресурсами. Эти полномочия закреплены в Конституции Российской Федерации, в которой отражено право граждан на благоприятную окружающую среду. Поэтому, исходя из принципов государственного управления, основными средствами государственного управления водными ресурсами являются государственные организации с разделенными функциями контроля и надзора, управления государственным имуществом и предоставления государственных услуг в области водных отношений, требующих новых действенных механизмов управления в области охраны и использования водных ресурсов. Под средствами достижения цели в системе государственного управления в области охраны и использования водных ресурсов необходимо понимать субъект управления. Важным фактором, влияющим на государственное управление в целом, является государственное устройство территории (унитарное, федеративное), определяющее структуру государственной власти с учетом региональных, этнических и географических особенностей местности.

Основным субъектом государственного управления, реализующим политику в области использования и охраны водных ресурсов в Российской Федерации, является правительство Российской Федерации как политический институт, наделенный широкими публично-властными полномочиями и оказывающий свое организующее и регулирующее воздействие на водные отношения посредством способов государственного управления, выраженных в виде императивных, основанных на законодательных принципах, и принудительных механизмов, основанных на административных принципах. И в данном контексте государственное управление водными ресурсами в Российской Федерации представляет собой часть целостного процесса государственного управления, для которой характерно объединение нормативно-правового и институционального компонентов. Государство осуществляет реализацию своих функций в области использования и охраны водных ресурсов, с одной стороны, как основные политические субъекты, а с другой – как управленческий аппарат, разрабатывающий нормы права в области использования и охраны водных ресурсов, руко-

водящий их реализацией и контролирующий следование установленным нормам.

Для осуществления эффективного процесса государственного управления водными ресурсами необходимо формирование как действенной нормативно-правовой базы в части регулирования водных отношений, так и необходимой структуры государственного управления в области охраны и использования водных ресурсов.

Ключевыми принципами государственного управления водными ресурсами в России являются принцип значимости водных ресурсов как основы жизни и деятельности человека, соответствующий положениям главных политических документов – конституций двух государств, и приоритет охраны водных объектов перед их использованием, согласно которому использование водных ресурсов вне зависимости от их видов подчиняется экологическим интересам. Вместе с тем особенностью Водного кодекса России 2006 г. является необходимость принятия по целому ряду вопросов подзаконных нормативных правовых актов, которые позволяют довести до завершения механизмы политико-правового регулирования водными отношениями.

В данном контексте особое место занимает административный аспект управления водными ресурсами, отражающий собой вертикальный уровень государственного управления и представленный конкретными механизмами регулирования водных отношений в виде подзаконных актов и иных нормативно-правовых документов, принятых центральными органами исполнительной власти. Это свидетельствует о том, что и в Российской Федерации, и в Монголии органы исполнительной власти не только исполняют законы, но и обладают правом на издание собственных нормативных документов.

Реализация вышеперечисленных способов государственного управления водными ресурсами в Российской Федерации и Монголии осуществляется в форме институтов управления в области охраны и использования водных ресурсов, которые подвержены постоянным трансформациям в зависимости от состояния политических систем указанных обществ. Характерными признаками институализации управления в области водных отношений, объединившей два вышеуказанных аспекта, являются: 1) разработка норм и выработка правил, регулирующих водные отношения и отражающие принципы нормативного подхода; 2) организация непосредственного управления в области охраны и использования водных ресурсов через создание институтов, которые осуществляли бы реализацию

цию политических субпроцессов, с одной стороны, как основные политические субъекты, а с другой – как аппарат управления водными ресурсами, руководящий реализацией принятых политических норм и принципов государственного управления водными ресурсами и контролирующий следование им.

Подводя итоги, отметим, что понятие государственного управления претерпело эволюцию от первоначального представления о преимуществе императивных (регулятивных) функций государства к примату принудительной силы, затем акцент вновь переместился на императивные (регулятивные) признаки управления. В настоящее время содержание понятия государственного управления включает в себя как императивные (регулятивные), так и принудительные (административные) принципы, которые отражают собой структурный и функциональный компоненты государственного управления.

Понятийный аппарат государственного управления водными ресурсами в логическом контексте понятия государственного управления включает в себя все существенные и необходимые компоненты государственного управления, представленные субъектно-объектными отношениями, целеполаганием, средствами, способами, формами.

Литература

1. История философии: в 3 т. Т. 1: Философия античного рабовладельческого общества / под ред. Г.Ф. Алек-

сандрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина, П.Ф. Юдина. – ОГИЗ Госполитиздат, 1941.

2. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. – NY, 1953; A Framework for Political Analysis. Englewood Cliffs. – NY, 1965; A System Analysis of Political Life. – NY, 1965; The Analysis of Political Structure. – NY, 1990; Новая революция в политической науке // Социально-политический журнал. – 1993. – №2.

3. Гаджиев К.С. Политология. – М., 2009; Бурганова Л.А. Теория управления. – М., 2007; Атаманчук Г.В. Управление: сущность, ценность, эффективность. – М., 2006; Глазунова Н.И. Государственное управление. – М., 2004.

4. Гаджиев К.С. Политология. – М., 2009.

5. Бурганова Л.А. Теория управления. – М., 2007.

6. Глазунова Н.И. Государственное управление. – М., 2004. – С. 5-6.

7. Атаманчук Г.В. Управление: сущность, ценность, эффективность. – М., 2006.

8. Политология / под общ. ред. А.Ю. Мельвиля. – М., 2010. – С. 298.

9. Василенко И.А. Управление // Политическая энциклопедия. – М., 1999. – С. 524.

10. Халипов В.Ф. Введение в науку о власти. – М., 1995. – С. 17; Кратология – наука о власти. Концепция. – М., 2002; Наука о власти. Кратология. – М., 2002. – С. 8-11.

11. Водный кодекс РФ 2006 г. Ст. 1.

Цыренова Татьяна Батомункуевна, доктор политических наук, доцент кафедры общей экономической теории и регионоведения Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, e-mail tstatiana75@inbox.ru.

Tsyrenova Tatiana Batomunkuevna, doctor of political science, associate professor, department of general economic theory and regional studies, Eastern-Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, e-mail tstatiana75@inbox.ru.

УДК 323 (571.54)

© Э.Д. Дагбаев

ИЗМЕНЕНИЕ КОМПОЗИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА БУРЯТИИ

*Статья написана в рамках выполнения проекта РГНФ «Эволюция политических систем и режимов в регионах России: сравнительный анализ», проект №10-03-00074а

В статье рассматривается новая композиция политических акторов в Республике Бурятия, сложившаяся после 2007 года, что оказало серьезное влияние на трансформацию политического режима. Современный политический режим Бурятии характеризуется автором как умеренно-авторитарный.

Ключевые слова: композиция политических акторов, политический режим, трансформация.

E.D. Dagbaev

COMPOSITION'S INFLUENCE OF POLITICAL ACTORS ON THE TRANSFORMATION OF THE POLITICAL REGIME OF BURYATIA

In this article the new composition of the political actors in Republic of Buryatia is analyzed. This composition was built after 2007, and has a serious influence on the transformation of the political regime. The modern political regime of Buryatia will be characterized by the author as moderately authoritarian.

Key words: composition of the political actors, political regime, transformation.

Политический режим современной Бурятии находится в постоянной трансформации под воздействием ряда факторов. Прежде всего, основные его параметры являются производными от композиции политических акторов региона и контуров групп влияния, которые, в свою очередь, формируются в результате институциональных преобразований.

Нами уже рассматривались композиционные построения политических акторов Бурятии в предшествующие периоды развития республики. Использовались элитистский и акторно-ресурсный подходы, в рамках которых главное внимание уделялись личностям лидеров и элитным группам, находящимся в тесном политическом взаимодействии, механизмы реализации их властных отношений [1].

Институциональные политические преобразования, инициированные в период первых двух президентских сроков В.В. Путина, имели последствия для регионального политического режима Бурятии с некоторым опозданием по сравнению с другими регионами. К таким институциональным преобразованиям относятся: принятие федерального закона «О политических партиях», прекращение прямых выборов глав регионов, введение новых норм представительства для региональных легислатур, когда не менее половины депутатов избирается по партийным спискам, партизация выборных органов местного самоуправления. В Бурятии очередной срок избранного президента Л.В. Потапова завершился только в 2007 года, и только в этот же год прошли выборы в региональный парламент – Народный Хурал – с применением партийных списков.

По отношению к Бурятии федеральный центр всегда проводил осторожную политику, связанную, очевидно, с двумя обстоятельствами. С одной стороны, в республике, включая даже бурные и хаотичные в политическом и социальном отношениях 1990-е годы, всегда наблюдалась относительная политическая стабильность, с другой стороны, вплоть до середины 2000-х годов республика находилась в так называемом «красном поясе», то есть группе регионов со слабым социально-экономическим положением и голосующих зачастую против нынешней федеральной президентской власти.

В связи с истечением срока полномочий Л.В. Потапова, который, кстати говоря, не ставил вопроса о доверии, предполагая возможность сохранения срока полномочий до конца избранного периода, и не являлся членом какой-либо партии в бытность президентом, хорошо обозначились интересы основных политических

акторов и политической элиты в целом. Если в целом приход одного из региональных лидеров политической элиты, либо приход его из соседнего региона¹, как полагалось, существенно не изменит расстановку сил в регионе, то приход руководителя со стороны мог привести к кардинальной смене политического курса и институциональных основ формирования управляющего звена в республике.

Очевидно, что кандидаты на пост президента со стороны Администрации Президента России подбирались вне пределов республики. Первоначально произошло рейтинговое ознакомление с депутатами Народного Хурала двух претендентов – Б.С. Золотарева («Единая Россия») и В.В. Бавлова («Справедливая Россия»). Местную элиту не устроили ни та, ни другая кандидатура, потому что назначение человека со стороны меняло конфигурацию сил, прежняя клиентело-патронажная система рушилась, что было невыгодно никому. В результате практически за полторы недели до голосования был выдвинут на этот пост первый заместитель губернатора Томской области, член «Единой России» В.В. Наговицын.

В.В. Наговицын, пользуясь безусловной поддержкой со стороны федерального центра, привнес в национальную республику новые технологии политического управления. Очень скоро выяснилось, что «технологические» компоненты системы управления В.В. Наговицына являются сугубо технократическими и связаны со стремлением обеспечить экономический рост региона путем постоянного привлечения внимания со стороны средств массовой информации, проведения различных форумов и конференций, участия в выставках и проектах.

Новый Президент (ныне Глава) Бурятии уклоняется, на наш взгляд, от решения вопросов, связанных с национальной политикой, в целом гуманитарных проблем, согласований и встреч с общественностью, предпочитая кулуарные непубличные решения. Укреплению подобного стиля политического управления способствовали и общие условия авторитарного правления в стране, когда главе региона было достаточно обладать поддержкой со стороны правящего круга, оценка уровня руководства по принятым индикаторам. Без сомнения, главный ресурс В.В.Наговицына заключается в поддержке со

¹К примеру, выдвигалась возможная перспектива назначения на пост Президента РБ Б.Жамсуева, что особенно импонировало интересам коренного населения и национальной элиты.

стороны Президента России (он считается креатурой Д.А. Медведева).

У него не было собственной команды, однако после его утверждения ряд ключевых постов заняли также прибывшие из-за пределов региона управленцы – заместителем председателя правительства по экономическим вопросам стал А.Н. Чепик, работавший в бизнес-структурах Москвы, руководителем администрации – политтехнолог А.В. Ковалев, немного позднее заместителем председателя правительства по координации деятельности федеральных структур и развитию гражданского общества – политтехнолог А.Н. Полосин. Двое последних проработали совсем недолго. Из Томской области он пригласил в качестве заместителя руководителя администрации – председателя информационно-аналитического комитета журналиста И.В. Смоляк. Так сложилась правящая группа, где не было места влиятельным местным политикам.

В эту команду вошли некоторые местные политики и специалисты, которые лояльно относились к новой стратегии республики. При формировании первого состава правительства в 2007 году сохранили свои посты лишь три министра из прежнего правительства Л.В. Потапова, причем прослеживается отчетливая тенденция подбора кадров по принципам способности обеспечить экономическое соответствие бюджетным возможностям и возрасту (молодости). Ряд молодых министров, пришедшие под лозунгом выдвижения молодежи, на деле были ведомыми фигурами.

Наиболее сильные, как правило, харизматичные фигуры из числа местной региональной политической элиты постепенно выдавливались из ключевых политических позиций, некоторые из них подвергались информационной атаке в подконтрольных средствах массовой информации. К таковым можно отнести бывшего депутата Государственной Думы и одного из кандидатов на пост Президента Б.Ц. Семенова, бывшего министра образования и науки С.Д. Намсараева, ректора Бурятского госуниверситета С.В. Калмыкова и других. У многих вызвал недоумение факт ареста по надуманной причине злоупотребления служебным положением бывшего начальника ГИБДД, боевого офицера, участника в прошлом боевых действий в Чечне А.Сыренова. И это на фоне прибывших из других регионов на пост министров МВД М.Цукрука и В.Сюсюры, которые отработав совсем немного, попали под следственные действия правоохранительных органов.

Изменена структура правительства, в соответствии с новыми задачами, где многие функ-

ции министерств переданы новым агентствам, в частности, созданным агентству инвестиций и агентству по развитию промышленности, предпринимательства и инновационных технологий. Приняты бюджеты и новая программа социально-экономического развития на краткосрочную и долгосрочную перспективу до 2017 года. На первых этапах ставится задача достижения бездотационного бюджета. Экономический рост предполагается достичь за счет развития минерально-сырьевого комплекса, вложений в создание особой туристско-рекреационной зоны и выхода на инновационную высокотехнологичную экономику. Традиционная для большей части 1990-х годов линия нелояльности к Москве поставлена под сомнение, она приобрела не только материальные черты, но и символические очертания, их лучшей иллюстрацией являются частые приезды высокопоставленных российских чиновников, что воспринимается как залог экономической поддержки со стороны центра.

Однако разрушение традиционных элементов распределения власти, институциональных соглашений с лидерами различных политико-корпоративных групп, откровенное игнорирование общественных настроений, при организации ежедневных пиаровских акций по телевидению и другим СМИ перевели возможные конфликтные линии на латентный уровень. Насколько убедительна была бы правящая региональная элита в случае прямых выборов главы региона, – вопрос остается открытым. Особенно, если оппозиция, являющаяся в настоящее время очень разрозненной, смогла бы консолидироваться. Выборы состоятся только в 2017 году.

Политическим каркасом, призванным закрепить подобную композицию политических акторов, стало усиление, как в рамках страны в целом, так и в регионе в частности, партизации, где все члены правящей группы вошли в ряды «Единой России», а сам Глава республики стал фактическим ее лидером.

В мае 2012 г. произошло примечательное политическое событие. На фоне бурных общегосударственных событий, связанных с принятием законодательства о выборности глав (губернаторов) регионов и определении его основных параметров, Глава Бурятии оказался чуть ли не единственным из глав, кого Президент России удостоил возможностью досрочно продлить свои полномочия на основе доверия, хотя срок его президентства заканчивался только 10 июля с.г., а закон начинал действовать с 1 июля. При этом ни для кого из правящей элиты не было секретом, что В.В. Наговицын вел некие перегово-

воры по поводу своей политической карьеры в Администрации Президента России.

Как уже высказывалось нами ранее, В.В. Наговицын является фактическим руководителем Бурятского отделения партии «Единая Россия», хотя не занимает в нем формальных руководящих постов. Примечательно, что в числе трех претендентов, которые выдвигались для представления от «Единой России» Президенту России, кроме действующего Главы, были руководитель его Администрации, ближайший сподвижник П.Л. Носков и предприниматель, депутат Народного Хурала Б.Л. Очиров. Совершенно очевидно, что двое последних были чисто номинальными кандидатами.

Последовавшее за этим формирование правительства подтвердило линию на неизменность курса. На фоне значительной смены федерального правительства, в правительстве Бурятии не произошло каких-либо заметных перемен (остались все те же министры), за исключением одного (в Министерстве строительства и модернизации жилищно-коммунального хозяйства), но это никак не связано с переформатированием политики.

К группе влияния следует отнести и группу, лидером которой является уже бывший многолетний мэр г. Улан-Удэ Г.А. Айдаев. Последние политические события показывают, что мэр столицы Бурятии все же являлся временным союзником правящей группы на период своих полномочий, а его партнер председатель городского Совета депутатов А.М. Голков гораздо глубже аффилирован в структуру правящей группы.

К очевидной оппозиционной группе регионального уровня можно отнести Бурятское отделение КПРФ, лидер которой В.М. Мархаев стал депутатом Государственной Думы по итогам избирательной кампании декабря 2011 г. С того времени депутат неизменно рассматривается как реальный претендент на пост Главы региона, а КПРФ, набравшая во время избирательной кампании в Государственную Думу 24 % голосов избирателей, реальной политической силой. Впрочем, КПРФ тоже не является единой консолидированной силой. В 2012 году отделение партии также поразил кризис, связанный с тем, что два видных члена КПРФ во время выборов Президента России вошли в штаб общественной поддержки кандидата в Президенты В.В. Путина: председатель Президиума Бурятского научного центра СО РАН Б.В. Базаров возглавил штаб, а первый Президент Бурятии Л.В. Потапов стал одним из доверенных лиц. Они были исключены из партии, а затем последовал раскол в рядах коммунистов, последствия

которого до сих пор не разрешены. В.М. Мархаев на очередной отчетно-выборной конференции сохранил свои позиции, но среди его ближайших соратников нет таких известных прежних руководителей партии, как депутаты Народного Хурала С.П. Будажапов, Н.Д. Чимбеев, Ю.И. Гармаев.

Следствием абсолютного доминирования фракции «Единой России» в Народном Хурале стало постепенное дрейфование в сторону оппозиционности партий «Справедливая Россия» и ЛДПР, также имеющих свои фракции в парламенте. Если ранее их оппозиционность была условной (лидеры партий И.Э. Матханов и И.А. Бобков являлись крупными предпринимателями), то теперь эти парламентские фракции все чаще выражают несогласие с действиями «партии власти», однако делают это весьма осторожно.

Иные нелатентные оппозиционные группы вычленить трудно, поскольку они не обозначают своими действиями устойчивых политических интересов. Таковые обнаруживаются, прежде всего, во время выборов Главы, которых не было с 2002 года, и в меньшей степени выборов в парламент, которые теперь являются партийными. Но партийность кандидатов в значительной мере условная, потому что политическое структурирование происходит не только по партийной линии. Таковые группы имеются и по линии землячества, в среде интеллигенции, молодежи, среди предпринимателей.

Таким образом, в настоящее время в Республике Бурятия выделяются две наиболее распространенные причины политических размежеваний: введение федерального законодательства, в соответствии с которым региональные парламенты как минимум наполовину должны избираться по партийным спискам, и фактическое назначение на пост Президента Бурятии Администрацией Президента России своего доверенного лица. В совокупности это разрушило довольно устойчивую систему формирования и функционирования местной политической элиты.

Если ранее стартовавший процесс «скупки» партийных брендов не отличался своей интенсивностью, то новые условия подняли ажиотаж ожиданий. Практически все политики, стремившиеся стать депутатами или занять ключевые позиции в исполнительной власти, были вынуждены вступить в ту или иную партию. Исключением, конечно же, стали принципиально соответствующие идеологическому бренду члены КПРФ. Вопрос о выборе стоял только в плоско-

сти выбора чиновничьего лейбла «Единой России» либо проекта «Справедливой России».

Показательно в этом отношении то, как произошла партизация Народного Хурала, а «Единая Россия» стала реальной и единственной политической базой Президента РБ. Сюда мобилизовывали в духе КПСС представителей высшего политического класса, элитных представителей бизнеса, науки, образования, религиозных конфессий, женщин, даже представитель молодежи был включен в список. Те же, кому не доставались заветные места, были вынуждены пополнять «Справедливую Россию».

Сложившийся за последние пять лет политический режим Бурятии следует, на наш взгляд, назвать умеренно-авторитарным. Парадоксально, но, несмотря на то, что избирательная кампания прошла под знаком усиления оппозиционных настроений и формирования митингово-оппозиционного движения, а также последовавшей за этим либерализации партийного и избирательного законодательства, следует констатировать, что трансформация политического режима Республики Бурятия происходит по-прежнему в сторону усиления авторитарности. Причины подобной трансформации были выявлены нами при помощи методов включенного

наблюдения (автор является прямым участником региональных политических процессов) и экспертного опроса. Выявление этих причин позволяет моделировать складывающиеся политические отношения в Республике Бурятия и прогнозировать в дальнейшем отсутствие предпосылок быстрой демократизации.

Литература

1. Дагбаев Э.Д. Трансформация политической системы Бурятии // Республика Бурятия в начале XXI века: социально-политические аспекты развития: сб. науч. тр. – Улан-Удэ: изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – С.5-21; Дагбаев Э.Д. Типологические характеристики современного политического режима Республики Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. – Выпуск 6, сер. Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ: изд-во бурятского госуниверситета, 2012. – С.189-194 и др.

Дагбаев Эрдэм Данзанович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и социологии Бурятского государственного университета, г.Улан-Удэ, e-mail: edagbaev@mail.ru.
Dagbaev Erdem Danzanovich, doctor of sociological science, professor, head of department of political science and sociology, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: edagbaev@mail.ru.

УДК 328.132.7

© А.А. Иванова

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

В данной статье анализируются особенности регионального политического режима Республики Бурятия с помощью методологии Р.Ф. Туровского на основе проведенного экспертного опроса в контексте политико-культурного подхода. В качестве основного параметра анализа рассматривается институт президентской власти в регионе.

Ключевые слова: региональный политический режим, институт президентства, политико-культурный подход.

A.A. Ivanova

PECULIARITIES OF REPUBLIC BURYATIA PRESIDENCY INSTITUTE

In this article the peculiarities of Republic Buryatia regional political regime are examined with help of R.Turovskiy's methodology on the base of the expert's interview in the context of the political cultural approach. The presidency institute is considered as a main parameter of the analysis.

Key words: regional political regime, presidency institute, political cultural approach.

Проблема президентства в России занимает одно из центральных мест в политологической науке. Данной проблематике посвящено множество работ российских и зарубежных авторов [4,5,7,9]. Значимость института президентства для России невозможно переоценить. Нельзя не согласиться с Р.Саквой, по словам которого,

«президентство является доминирующей властной структурой в том смысле, что оно оказывается в центре всей системы государственных и политических институтов и стремится подчинить их своему влиянию»[9, с. 112].

В регионе главным действующим политическим лицом является глава региона. В республи-

ках России, до недавнего времени, главы этих субъектов имели статус президентов названных национально-государственных образований. Во многом именно глава региона выстраивает те или иные отношения с центральной властью, что непосредственно сказывается на экономическом благосостоянии региона. Кроме того, глава региона зачастую выступает в качестве стыкующего звена между исполнительной и законодательной ветвями власти в регионе, обеспечивая конструктивный диалог и относительное силовое равновесие, являющееся необходимой составляющей политической стабильности региона. Особенно важной представляется роль Президента республики, обладателя особого статуса и особых полномочий (по сравнению с главами других регионов, таких, как край, область, город федерального значения и т.д.).

Институт президентства в Республике Бурятия существует с 1994 г. с момента принятия Конституции РБ, ст. 69 которой закрепляет наличие этого института. Совсем недавно, в мае 2012 г., институт президентства сменен институтом Главы республики.

Полномочия Президента Республики Бурятия были закреплены в Конституции Республики Бурятия [6], в которой подчеркивается приоритетная роль Президента республики, определяется его значимость как «гаранта Конституции Республики Бурятия, прав и свобод человека и гражданина, (который) обеспечивает функционирование и взаимодействие органов государственной власти Республики Бурятия» (ст. 69). Президент РБ является главой исполнительной власти региона и возглавляет Правительство Республики Бурятия. Полномочия Президента РБ обширны и отражают тот факт, что Президент непосредственно влияет на формирование органов исполнительной, законодательной и судебной власти региона, (ст. 74), а также контролирует деятельность муниципальных органов власти (ст. 74).

На протяжении длительного периода времени Президентом республики был Леонид Васильевич Потапов. В 1991 г. Л.В. Потапов возглавил Верховный Совет Бурятии, в 1994 г. был избран Президентом республики, а позже дважды переизбирался на новые сроки (в 1998 и 2002 гг.), несмотря на имеющееся в Конституции ограничение: «одно и то же лицо не может быть Президентом Республики Бурятия более двух сроков подряд» (ст. 71, п. 2). Однако первые два срока были погашены после введения соответствующих поправок в законодательство. Ситуация, кстати, не уникальная: Президент Калмыкии К.Н. Илюмжинов занимал свой пост в тече-

ние семнадцати лет, Президент Башкирии М.М. Рахимов избирался на этот пост три срока подряд, а до того руководил республикой в качестве Председателя Верховного Совета. Следовательно, можно констатировать тот факт, что на практике президенты национальных республик (кроме вышеназванных, можно отметить Туву, Чувашию и с некоторыми оговорками Карачаево-Черкесию) пребывали у власти в течение длительного периода времени, зачастую еще с советского периода (до введения практики назначения губернаторов).

Стоит отметить, что в период 1990-х гг. в Бурятии сложилась конфликтная ситуация, где на линии раскола находились глава Верховного Совета Л.В. Потапов и глава Совета Министров В.Б. Саганов. Происходило противостояние между противниками и сторонниками реформ Б.Н. Ельцина. Подобная ситуация наблюдалась и в других национальных республиках (Башкирия, Карелия, Северная Осетия и др.). Нестабильность политической обстановки в России в целом, наметившаяся тенденция к радикальной смене политического режима породили проблему передачи и/или разделения власти в регионах. Сложная ситуация, сложившаяся в республике на тот период, во многом повлияла на выбор формы государственного устройства региона. Раскол между исполнительной и законодательной властью привел к победе первой (как в России в целом, так и в ряде регионов, включая Бурятию), и в целях закрепления своего положения глава исполнительной власти отражал в новообретенной Конституции свое приоритетное положение. Кроме того, существующая Конституция (как РФ, так и РБ) практически сводит к нулю вероятность серьезного противостояния органов законодательной власти как непосредственно Президенту, так и органам исполнительной власти в целом. Представитель законодательной власти в регионе В.Б. Саганов проиграл президентские выборы в 1998 г. Л.В. Потапову, и с тех пор (до 2007 г.) последний оставался бессменным главой региона, несмотря на конкуренцию серьезного оппонента Б.Ц. Семенова в 2002 г.

Президентские республики считаются более политически стабильными, нежели парламентские, и одновременно более авторитарными, что связывают, прежде всего, с патриархальным характером президентской власти национальных республик и с особенностями моноцентричной власти главы региона. Анализ регионального политического режима целесообразно проводить при помощи методологии Р.Ф. Туровского, известного отечественного аналитика регио-

нальных политических процессов, специалиста в области кроссрегиональных исследований. Власть главы региона, степень ее моноцентричности можно проанализировать с помощью оси «моноцентризм-полицентризм». В рамках исследования был проведен экспертный опрос, включающий в себя рассмотрение мнений 24 экспертов (в сфере СМИ, политического и научного пространства региона).

Первый параметр – разделение властей – анализируется с учетом того, что в той или иной степени власть в Бурятии сосредоточена в руках глав исполнительной власти. Автономия законодательной власти от исполнительной закреплена в высших нормативно-правовых актах всех регионов, однако на практике формы взаимодействия этих ветвей различаются. На вопрос о характере взаимодействий исполнительной и законодательной власти в регионе эксперты, на первый взгляд, ответили неоднозначно: ситуацию как «взаимовыгодное сотрудничество» и как «подчинение законодательной власти исполнительной» охарактеризовало равное количество экспертов (по 38,89% голосов). Однако фактически эти два варианта ответа не противоречат друг другу: сотрудничество органов исполнительной и законодательной власти в регионе протекает под эгидой приоритета исполнительной.

На втором месте по значимости для характеристики процесса взаимодействия ветвей власти в регионе по 27,78% голосов получили варианты ответа «властная конкуренция» и «объединение в определенных ситуациях». То есть, с точки зрения экспертов, ситуация в регионе может быть охарактеризована как взаимовыгодное сотрудничество при приоритетном положении исполнительной власти, проявляющаяся в спорных вопросах конкурентность и объединение в случае совпадения интересов. Конкурентность, исходя из очевидно приоритетного положения исполнительной власти, носит, как правило, скрытый характер, так как фактически у законодательной власти нет ресурсов и возможностей для победного противостояния органам исполнительной власти. Примечательно, что ни один эксперт не охарактеризовал процесс взаимодействия органов исполнительной власти и законодательной власти в регионе как открытую конфронтацию или как подчиненность органов исполнительной власти органам законодательной.

До введения практики назначения губернаторов взаимоотношения органов исполнительной и законодательной власти в регионе складывались с позиций несомненного приоритета Президента РБ, обусловленного характером

взаимоотношений и итогом конфликта 1990-х гг. между Верховным Советом и президентско-правительственной властью России, когда победила исполнительная власть. Отношения между органами исполнительной и законодательной власти можно охарактеризовать как спокойные, фактическим властным центром в регионе был Президент Л.В. Потапов, и такая ситуация не вызывала серьезного протеста со стороны депутатов Народного Хурала. С середины 2000-х гг. характер отношений между законодательным органом и Президентом обрисовывается на начальном этапе в период принятия или отклонения членами законодательной власти кандидата на пост губернатора региона, предлагаемого Президентом Российской Федерации. В Бурятии депутаты Народного Хурала фактически еще до голосования отклонили две кандидатуры, предложенные В.В. Путиным: Б.С. Золотарева («Единая Россия») и В.В. Бавлова («Справедливая Россия»). Выдвижение на этот пост В.В. Наговицына и его одобрение законодательной властью стало своего рода компромиссом федеральной власти и региональной элиты, тогда как отклонение первых двух кандидатур можно рассматривать как протест региональных элит против навязывания властным центром «неудобных» представителей. За кандидатуру В.В. Наговицына проголосовали 54 из 66 депутатов Народного Хурала. В других регионах кандидаты Президента РФ утверждались, как правило, с первого раза.

Как и в других регионах, в Бурятии не использовалась и не используется процедура вынесения вотума недоверия Президенту, позже — Главе республики, что свидетельствует о низкой степени автономности законодательных органов [10], об отсутствии у них реальных возможностей противодействовать исполнительной власти и, как следствие, контролировать ее. Также о низкой степени автономности законодательных органов свидетельствует отсутствие случаев неодобрения законодательными органами предлагаемого губернатором представителя члена Совета Федерации от исполнительной власти региона. В Бурятии Президент самостоятельно формирует Правительство РБ (ст. 74, п. в) и, с одобрения Народного Хурала, назначает заместителя Председателя Правительства РБ и ряд министров.

Конечно, с приходом нового главы региона кардинально поменялся состав правительства (из состава правительства Л.В. Потапова только три министра продолжили осуществлять свои полномочия). Утверждение кандидатур, предлагаемых Президентом РБ, проходит без проблем, что также свидетельствует о значительной сте-

пени концентрации власти в руках главы региона.

Значительным для оценки степени моноцентричности власти главы региона является анализ состава законодательного органа с точки зрения наличия в его составе представителей групп интересов, зависимых или независимых от главы региона. В этом отношении и Народный Хурал прошлого созыва (2002-2007 гг.), и действующий Народный Хурал РБ можно охарактеризовать как преимущественно однопартийный, причем в партийные списки Народного Хурала 2007-2012 гг. перед выборами были включены те серьезные политические региональные акторы, которые могли бы выступать в качестве самостоятельных игроков на политическом пространстве региона: действующий мэр г.Улан-Удэ Г.А. Айдаев, прежние руководители отделения «Единой России» в регионе, крупные промышленники, главы муниципальных районов, представители профессиональных, национальных и религиозных сообществ региона [3]. Принадлежность к одной политической партии Президента РБ и значительной части депутатов Народного Хурала при учете достаточно целостной партийной структуры («Единой России») в регионе свидетельствует о наличии единства интересов исполнительной и законодательной власти.

Пропрезидентский характер значительной части законодательного органа региона демонстрирует низкую степень автономности легислатуры. Патронажно-клиентелистская система, характерная для региона (как и для большинства национальных республик в целом), продолжила свое существование и при новом Президенте. Естественно, эта система подразумевает наличие а) неформальных связей и механизмов влияния бизнес-элиты, промышленников и аграриев (это весьма влиятельные группы интересов в регионе), в меньшей степени представителей культурной элиты на обладателей властных полномочий; б) устойчивой степени лояльности элитных групп главе региональной власти. Кроме того, патронажно-клиентелистская система определяет второстепенное значение формальных институтов и норм в процессе принятия политических решений: эксперты признают, что в Бурятии «влияние [неформальных связей] имеет значимость для политического процесса» (68%).

Таким образом, фактически урегулирование принципиально значимых для политической реальности региона вопросов решается на неформальном уровне (что, в принципе, характерно для политического процесса в России, но особое значение приобретает в национальных респуб-

ликах, в частности [1,2,10,11]). Лояльность большей части депутатов Народного Хурала Президенту РФ и, как следствие, назначенному им главе региона не вызывает сомнений. Таким образом, можно констатировать низкую степень автономности легислатуры региона, несмотря на наличие оппозиционной коалиции в составе Народного Хурала, которая, впрочем, выполняет функции сдерживания властных полномочий членов «Единой России» в пределах легислатуры региона.

Вторая переменная данного исследования – автономия местной власти. В рамках нашей работы не подразумевалось проведения отдельного исследования, затрагивающего проблемы и специфику взаимоотношений муниципальной и региональной власти. Для Улан-Удэ характерна выборная модель прихода к власти мэра города (сейчас вводится система сити-менеджера). В целом отношения между муниципальной властью, возглавляемой мэром, и региональной (во главе – Глава) можно охарактеризовать как отношения сотрудничества на основе приоритета региональной власти. Стоит учесть то, что региональная власть всегда идет навстречу муниципальной, поддерживая инициативы последней. Такая система отношений сформировалась в период правления Л.В. Потапова и сохранилась при В.В. Наговицыне. Хотя нынешний президент в значительно большей степени вмешивается в дела городского управления, курируя строительные проекты в столице, контролируя подготовку к культурно-массовым мероприятиям регионального масштаба и т.п.

Тем не менее, региональная власть поддерживает бессменного с 1998 г. мэра Улан-Удэ (именно этой поддержке мэр и обязан своей бессменностью: последние на данный момент выборы однозначно поставили под сомнение вопрос о доверии населения действующему мэру, однако силой административного ресурса мэру удалось остаться на своем посту, что было бы невозможно в случае отсутствия поддержки со стороны региональной власти).

На политическом пространстве в рассматриваемый период с 2002 по 2011 гг. эти власти никогда не вступали в противоборство, и, более того, наблюдалось внешнее полное согласие органов власти, обусловленное сходностью интересов и практикой подчинения центру, приоритетом региональных властей над муниципальными, также важную роль играет отсутствие у муниципалитета самостоятельных источников финансирования.

Эксперты практически единогласно признают наличие приоритета региональных органов

власти над муниципальными (66,67%). Также отмечается наличие общности интересов у этих структур (16,67%). На второе место по значимости эксперты вынесли «желание [властных структур] решать проблемы за счет другой стороны» (33,33%) и существование взаимного недоверия между этими структурами (33,33%).

Таким образом, при наличии общности интересов региональные и муниципальные органы власти не всегда проявляют полную согласованность в своих действиях, что обусловлено желанием муниципалитета ограничить свои полномочия с теми рамками ответственности, которые не налагают внешнего контроля. В свою очередь, региональная власть стремится поручить исполнение конкретных проектов и ответственность за них муниципалитету, сохраняя возможность контролировать деятельность последнего. То есть политическое пространство региона характеризуется наличием контроля над муниципальными властями со стороны региональной власти, что является распространенной практикой для политического процесса в субъектах РФ, хотя, как правило, регионы с выборным мэром характеризуются большей автономией муниципальной власти [11]. Неформальный контроль муниципалитета над государственными органами в регионе не наблюдается, глава региона обладает большими возможностями для его осуществления.

Важным понятием для политико-культурного подхода является понятие «архетип», зародившееся в рамках психоанализа (К.Юнг). Под «архетипом» в политико-культурном смысле понимаются «первичные элементы идентификации... устойчивые элементы культурных моделей» [8, с. 18]. Эксперты отмечают, что архетипическая модель, характеризующая отношение к президенту Л.В. Потапову, может быть обозначена как «отец народа» (это достаточно современная модификация классического архетипа спасителя, «царя-батюшки», благодетеля-отца). То есть стиль правления Л.В. Потапова патриархален, направлен на сохранение и воспроизводство традиционных политических отношений и институтов. В отношении населения подвластной территории «отец народа» предпочитает использовать тактику опеки, заботы о подданных. Термин «подданные» вполне уместен в данном случае, поскольку архетип «отец народа» характерен для патриархальной и подданнической политической культуры, где индивид расценивает себя как объект воздействия политического субъекта (органов власти и представителей властных структур), не как гражданина, а как подданного. Лицо, обладающее властью,

осуществляет управление над «детьми», теми, кто нуждается в опеке и воспринимает главу (региона) как отца, защитника. То есть обладатель высшей власти (в регионе) рассматривается как тот, кто способен поощрять и наказывать, как носитель высшей справедливости, как тот, кто в силу старшинства и занимаемого положения прав, полномочен указывать подвластным, как жить и что делать.

Наиболее значимым для региональных лидеров шагом властного центра стало введение практики назначаемости президентов, губернаторов. В период правления В.В. Путина глава региона получил увеличение объема полномочий со стороны центра, что, с точки зрения экспертов, в основном положительно сказалось на политической жизни региона (этот вариант ответа получил 36,36% голосов). Однако с другой стороны новый статус главы региона (его фактическая назначаемость) привел к определенному ослаблению позиций главы региона как актора политического процесса (27,27%). Часть экспертов полагает, что назначаемость главы региона никак не сказалась на его статусе и политической ситуации в регионе (27,27%). Очевидно, эта точка зрения связана с восприятием главы региона как наиболее значительного актора в политическом пространстве Бурятии, на позиции которого не может повлиять практически никакое изменение «правил игры». Эта позиция демонстрирует значимость политико-культурного контекста в осмыслении роли президента в политической жизни региона. Ведь она показывает отсутствие взаимосвязи между статусом президента и политическим контекстом, механизмами его прихода к власти.

То есть статус президента не зависит от текущей политической ситуации, а связывается с его восприятием в сознании людей. С 2007 г. республику возглавляет назначенный В.В. Путиным Вячеслав Владимирович Наговицын, выходец из Томской области. Эксперты характеризуют В.В. Наговицына как «сити-менеджера» (57,89%) в противовес «отцу народа» Потапову. Стоит отметить, что приход В.В. Наговицына ознаменовал новую эпоху в развитии региона и формировании отношений как между властными институтами, так и между обществом и государственной властью.

Западный, технократический подход нового Президента, с одной стороны, принято считать более прогрессивным и демократичным, нежели патриархальную модель правления Л.В. Потапова. Но вместе с тем, с другой стороны, неаффилированный с регионом правитель не способен в полной мере оценить всю глубину и сложность

региональных политических процессов, обусловленную и национальным фактором, и особенностями политической культуры населения и должностных лиц (как части региона). Политика, направленная на укрепление отношений с Москвой, продвижение экономических реформ, экономического развития региона, не ставит своей целью защиту национальных интересов жителей региона, не учитывает существующие проблемы с бурятским языком, плачевным состоянием сельской части региона.

То есть на практике правление главы региона остается умеренно авторитарным, так как в своей деятельности он опирается на «вертикаль власти» в силу отсутствия полноценной связи с интересами региона. Зачастую имеет место скрытое сопротивление политике Президента (например, через отсутствие поддержки тех или иных законопроектов депутатами законодательного органа региона), нет инициативы со стороны партийных и общественных организаций по установлению равноправного диалога с властью. На самом деле восприятие главы региона народонаселением в сущности не изменилось: власть по-прежнему обладает правом и способностью регулировать и контролировать жизнь общества, а общество не способно повлиять на процесс принятия политических решений. То есть власть по-прежнему воспринимается через призму неизбежности ее существования и необходимости подчинения ей, в подсознании индивида нет вариантов противления власти законными способами, тем более что на практике эти способы неинституционализированы и малоэффективны.

Литература

1. Бирюков С.В. Региональная политическая власть: институты, структуры, механизмы. – Кемерово, 2006.
2. Гаджиев К.С., Гудименко Д.В., Каменская Г.В. и др. Политическая культура: теория и национальные модели. – М., 1994.
3. Дагбаев Э.Д. Институциональный дизайн политических процессов в российских регионах Внутренней Азии и Монголии. – Улан-Удэ: изд-во Бурятского гос. ун-та, 2011. – С.136-137.
4. Зудин А.Ю. Режим В.Путина: контуры новой политической системы // Общественные науки и современность. – 2003. – №2. – С.67-84.
5. Клямкин И.М., Шевцова Л.Ф. Внесистемный режим Бориса II. Некоторые особенности политического развития постсоветской России. – М., 1999. – 63 с.
6. Конституция РБ. <http://roszakon.narod.ru/konst/buriatia/burkonst1.htm>.
7. Пастухов В.Б. Третий срок Путина как альтернатива политическому ханжеству // Полис. – 2006. – № 2. – С.162-173.
8. Растимешина Т. Культурное наследие и подданническая политическая культура российского общества // Власть. – 2012 – №2. – С. 18.
9. Саква Р. Институт президентства: либеральный или неопатерналистский режим? // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2003. – №4. – С.112-126.
10. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. – М.: изд-во ГУ-ВШЭ, 2006.

Иванова Анна Алексеевна, аспирант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, г.Улан-Удэ, e-mail: ivanova.anna.alex@yandex.ru.
Ivanova Anna Alekseevna, postgraduate student, department of political science and sociology, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: ivanova.anna.alex@yandex.ru.

УДК: 329(571).54

© А.С. Родионов

ПАРТИЙНЫЕ ФРАКЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ НАРОДНОГО ХУРАЛА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

В статье рассматриваются некоторые аспекты функционирования партийных фракций, сформированных в Народном Хурале Республики Бурятия четвертого созыва. Выявляются и анализируются основные политические акторы, влияющие на деятельность фракций, выясняются факторы и мотивы принятия депутатами, членами фракций важных политических решений, как внутри фракции, так и на голосовании во время работы сессий парламента.

Ключевые слова: партийная фракция, политическая партия, политический актор, парламент, политический процесс, политическое решение, партийная идеология, избиратели.

A.S. Rodionov

PARTY FACTIONS REGIONAL PARLIAMENTS (FOR EXAMPLE, THE PEOPLE'S KHURAL OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

This article discusses some aspects of the party factions formed in the People's Khural of the Republic of Buryatia fourth convocation. Identifies and analyzes the main political actors that influence the factions being investigated fac-

tors and motives of making MPs, a member of the important political decisions, both within the faction, and the vote during the sessions of the Parliament.

Key words: *party faction, political party, political actor, parliament, political process, political decision, party ideology, voters.*

Народный Хурал – законодательный (представительный) орган государственной власти Республики Бурятия, является постоянно действующим высшим и единственным органом законодательной власти Республики Бурятия [2].

Так как в Бурятии не было принудительного роспуска советов, Народный Хурал стал преемником Верховного совета Республики Бурятия и поэтому он обладает довольно существенными полномочиями, в том числе по утверждению всех персональных назначений в региональном правительстве.

До 2007 года Народный Хурал Республики Бурятия (НХ РБ) состоял из 65 депутатов, избираемых по мажоритарным округам. Статья 80 Конституции Бурятии, принятой в 1994 году, гласила, что Народный Хурал Республики Бурятия избирается с учетом территориального и национального представительства [5].

В ходе подготовки к выборам 2007 года было решено, что численность нового Народного Хурала составит 66 депутатов [7], избираемых на 5 лет – 33 человека по одномандатным округам и 33 по партийным спискам с 7% барьером [8]. Сами списки стали «плоскими», минимальное число кандидатов установлено не было, максимальное составляло 66 кандидатов (численность депутатов Народного Хурала).

По итогам данных нововведений ныне действующий четвертый созыв республиканского парламента является практически полностью партийным.

Заградительный барьер преодолели все 4 списка политических партий, включенных в избирательный бюллетень. Это партии «Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР. Согласно результатам, полученные голоса по пропорциональной части избирательной системы партий конвертировались в мандаты. Так, ЕР получила 22 мандата (62,87%), по четыре депутатских места получили партии КПРФ (12,81%) и СР (11,96%), а три мандата – ЛДПР (8,57%). Кроме того, в 27 одномандатных округах из 33 победу одержали кандидаты, выдвинутые от политических партий. 21 депутат был избран при поддержке партии ЕР, 5 депутатов при поддержке СР, один депутат был избран от КПРФ, 5 депутатов, завоевавших мандат, выступили как самостоятельные кандидаты.

Подведение общих итогов выборов по обеим частям избирательной системы привело к сле-

дующей расстановке сил: партия ЕР в НХ РБ получила 43 мандата (22+21); партия СР – 9 (4+5); КПРФ – 5 (4+1); ЛДПР – 3 (3); 5 составили группу независимых депутатов [12]. Вскоре после начала работы НХ РБ группа независимых разошлась по фракциям.

В результате в Народном Хурале четвертого созыва было сформировано четыре партийные фракции [15]:

1) фракция политической партии «Единая Россия» – 47 депутатов (руководитель – Калашников Иван Игнатович);

2) фракция политической партии «Справедливая Россия» – 9 депутатов (руководитель – Матханов Иринчей Эдуардович);

3) фракция политической партии «КПРФ» – 5 депутатов (руководитель – Мархаев Вячеслав Михайлович);

4) фракция политической партии «ЛДПР» – 3 депутата (руководитель – Бобков Игорь Александрович).

Партийная фракция представляет собой депутатскую группу в парламенте или ином представительном органе, в которую входят депутаты, избранные от определенной партии или избирательного блока партий, и представляющие интересы этой партии.

Отмена электорального качества замещения поста Президента РБ превратила Народный Хурал РБ в один из влиятельнейших каналов лоббирования региональных интересов. При этом основным инструментом, способным оказать давление на Главу региона, который, по определению, стал администратором (региональным менеджером), могли оказать только организованные группы парламентариев, единственной формой консолидации которых стали политические партии.

Данное предположение нашло свое подтверждение при обработке и анализе результатов исследования, проведенного нами среди депутатов Народного Хурала Республики Бурятия посредством экспертного опроса. В опросе приняло участие 26 человек с применением направленной целевой выборки. Это связано с тем, что в четвертом созыве Народного Хурала Республики Бурятия сложилась ситуация, при которой полное доминирование имеет одна партийная фракция, а все остальные являются малочисленными. Поэтому при проведении опроса нами было принято решение уравнивать количество

участников от малочисленных фракций, с одной стороны, и доминирующей фракции, с другой, с целью придания исследованию наибольшей эффективности.

Итак, полученные данные говорят о том, что при оценке степени влияния законодательного органа (Народного Хурала) на политический процесс в регионе более половины опрошенных (54%), склонились к тому, что парламент имеет равное влияние на политический процесс с исполнительной властью. 34,5% респондентов заявили, что Народный Хурал является доминирующим органом власти в республике. И лишь 11,5% опрошенных уверены, что законодательный орган является подчиненным по отношению к исполнительной власти. Вызывает интерес тот факт, что все депутаты, признавшие подчиненность парламента правительству и главе республики, являются членами фракции «Единая Россия».

Однако при относительном равенстве законодательной и исполнительной властей в регионе, последней необходимы действенные механизмы контроля, как над политическим процессом в целом, так и над парламентом в частности. Как и во всей стране, в республике был применен наиболее эффективный механизм – создание «партии власти». Этот факт подтверждают и данные проведенного нами опроса: 81% респондентов считают главным механизмом контроля над Народным Хуралом создание «партии власти». Лишь 4% депутатов склонны видеть в качестве механизма давления патронажно-клиентелистские отношения. Данный факт свидетельствует о том, что отмена электорального принципа смены Главы РБ через выборы и замена его принципом прямого назначения привела к развалу системы патронажно-клиентелистских отношений и кардинальной перестановке политических сил в регионе. 15% опрошенных уверены в том, что законодательный орган никак не контролируется Федеральным центром и Главой республики.

По итогам выборов в законодательном органе, сформированном по партийному принципу, образованы и функционируют партийные фракции, каждая из которых имеет свое положение о фракции и руководящие органы. Однако все они подвержены влиянию различных политических акторов, под которыми, согласно определению Б.И. Краснова, понимаются «субъекты, активно осуществляющие какую-либо из форм политической деятельности», «лицо или общественная группа, воздействующие на процесс принятия и осуществления решений в данной политической системе» [13].

Исходя из приведенных определений, правомерно говорить как об индивидуальных, так и о совокупных политических акторах. Индивидуальный политический актор – это конкретная отдельно взятая личность, которая в той или иной степени проявляет политическую активность, включающую в себя определенное взаимодействие данного индивида с политической действительностью, его действия и ориентации по отношению к политической практике.

Совокупные политические акторы – это неинституционализированные общности и социально-политические институты, деятельность которых является интегративным результатом взаимодействия составляющих данную общность или институт индивидуальных акторов, и, в соответствии с известным законом системности, отличается от простой суммы их персональных качеств некоторыми и новыми кооперативными параметрами. Главным из них большинство депутатов (92%) назвало политическую партию, представителями которой они являются. То есть, в своей работе члены партии руководствуются Уставом и Программой партии, решениями руководящих органов партии и руководящих органов регионального отделения партии. Вызывает интерес тот факт, что часть респондентов (преимущественно депутаты от «Единой России») помимо политической партии называет в качестве политического актора, влияющего на развитие и функционирование фракций в парламенте, Главу региона. Это дает нам право говорить о том, что на уровне нашего региона Глава РБ ассоциируется не только у населения, но и у депутатов законодательного органа с политической партией, т.е. решение Главы есть решение партии и наоборот. Также в качестве одного из влиятельных политических акторов были названы финансово-экономические группы. Конкретики по этому вопросу добиться не удалось, но тем не менее факт налицо. Связано это, прежде всего, с тем, что большинство депутатов являются руководителями тех или иных предприятий, фирм и коммерческих структур, что не может не сказаться на работе фракции в парламенте.

Большинство экспертов (61%) отмечает, что в ходе процедуры голосования в законодательном органе депутаты опираются на мнение ведущей партийной фракции. Менее значимым выглядит мнение парламентского большинства (31%). Следующим по уровню влияния следует отметить мнение Главы РБ (27%), и последним в этом списке является возможность развития процедуры голосования основанное на мнении каждого отдельного депутата (4%).

Полученные результаты интервьюирования экспертов во многом подтверждают тенденцию отождествления мнения ведущей партийной фракции в парламенте с мнением Главы Республики. При возможности выбора двух или более вариантов ответа на данный вопрос, совокупная группа экспертов, подтвердившая данную тенденцию, составила 88%.

Выяснив основные принципы голосования депутатов за тот или иной законопроект непосредственно на сессии Народного Хурала, респондентам был предложен ряд вопросов, касающихся процесса выдвижения, поддержки или неприятия тех или иных политических решений внутри фракций.

Большинство опрошенных нами экспертов (58%) склонны считать, что все решения принимаются заранее на заседании фракции и на голосовании его поддерживают все члены фракции, независимо от того, согласны они с ним или нет. Однако 42% депутатов утверждают, что при возникновении спорного решения внутри фракции может образоваться группа депутатов, несогласная с мнением большинства фракции и голосующая против него. При этом стоит заострить внимание на том, что безоговорочно поддерживают решения своих фракций депутаты от КПРФ, ЛДПР и Справедливой России, что говорит о дисциплине и сплоченности внутри данных фракций. Скорее всего, это связано с их малочисленностью и невозможностью противодействия доминирующей фракции «Единой России». В свою очередь, депутаты последней в большинстве своем склонны к отказу в поддержке непопулярных решений. Этот факт дает нам основания предполагать, что внутри данной фракции нет особого единства во мнениях, что, тем не менее, не мешает «единоросам» приводить в жизнь инициированные партией законопроекты.

И это полностью подтверждают ответы на следующий вопрос нашего исследования. Мы предложили депутатам ответить на вопрос: чем руководствуются члены фракции, принимая те или иные решения? За то, что основополагающим фактором при принятии решений является партийная идеология, (т.е. тот случай, когда решение уже принято политической партией на федеральном или региональном уровнях) и депутаты, представляющие эту партию, должны лишь претворить его в жизнь, высказались 54% опрошенных. 27% во главу угла ставят общую выгоду и пользу, предполагая, что далеко не все партийные решения, спущенные сверху, являются таковыми. 12% экспертов предложили в качестве ответа свой собственный вариант, ко-

торый у всех совпал. Данные депутаты, принимая решения, руководствуются в первую очередь интересами своих избирателей. И 8% респондентов действуют исключительно в собственных интересах, игнорируя всех, включая собственную политическую партию.

Наибольший «политический вес» в нашем регионе имеет Глава Республики Вячеслав Наговицын, который имеет определенное влияние на депутатов парламента. Это подтверждают и результаты опроса. Мы попросили экспертов выделить одну или несколько фигур или групп, влияющих на принятие решений внутри фракции. Большинство респондентов (42%) выделили в качестве такой фигуры Главу Республики, причем все они являются членами фракции «Единая Россия». Хотя не менее важным для депутатов является и мнение избирателей, к которому склонились 34% опрошенных. Члены дисциплинированной фракции КПРФ, все как один, придерживаются мнения руководителя регионального отделения политической партии.

Поддержка избирателями инициированных и принятых фракцией решений является определяющим фактором, влияющим на развитие и функционирование партийной фракции. Данное мнение разделяют 60% респондентов, связывая дальнейшую судьбу фракции в парламенте со своей ответственностью перед избирателями, от которых, по большому счету, зависит, пройдет ли данная партия в следующий созыв парламента. 23% опрошенных ставят перспективу развития и работы фракции в парламенте в прямую зависимость от принятия и поддержки ими тех парламентских решений, которые выгодны, прежде всего, политической власти региона и страны. И лишь 12% депутатов видят будущее своей фракции при условии их противодействия принятию непопулярных и невыгодных решений, не отвечающих интересам либо властей, либо избирателей, либо и тех, и других вместе.

Итак, функционирование партийных фракций Народного Хурала Республики Бурятия последнего четвертого созыва во многом отличается от всех предыдущих и имеет ряд особенностей.

Выборы в парламент проходили по новой смешанной системе с разделением на одномандатные округа и партийные списки, что, безусловно, кардинально повлияло на развитие политических партий в регионе.

В результате нововведений республиканский парламент стал практически полностью партийным. На основе партийной принадлежности были сформированы партийные фракции, в которые вошли 64 из 66 депутатов.

Что касается особенностей функционирования данных фракций внутри Хурала, то ссылаясь на результаты проведенного исследования, мы можем сформулировать ряд выводов:

1) законодательный орган оказывает примерно равное влияние на политический процесс республики вместе с Главой и Правительством, что достигается, по сути, лишь наличием большого количества полномочий у парламента; однако на деле он, как мы думаем, является подконтрольным органом политической власти, прежде всего, со стороны Главы Республики;

2) основным актором, влияющим на функционирование и развитие партийных фракций в парламенте, являются политические партии, которые эти фракции представляют;

3) при голосовании депутаты опираются на мнение ведущей партийной фракции, которая представляет собой парламентское большинство, и которое в большинстве случаев поддерживает мнение Главы;

4) при принятии решения внутри фракции большинство депутатов склонны менять собственное мнение в пользу решения, предложенного им политической партией и поддержанного большинством, даже если оно, по их мнению, не является правильным.

Литература

1. LaPalombara, J. and Weiner M. Political Parties and Political Development. – Princeton: Princeton University Press, 1966.

2. Закон Республики Бурятия N 111-1 «О Народном Хурале Республики Бурятия» от 19 апреля 1995 год, гл.1, ст. 1.

3. Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический проект, 2000.

4. Галенпольский Ф.С. Соотношение Конституции Российской Федерации и Конституций субъектов Российской Федерации (на примере Конституции Республики Бурятия) // Сибирский юридический вестник. – 1998 – №1.

5. Джанда К. Сравнение политических партий: исследование и теория // Современная сравнительная политология. – М., 1997.

6. Конституция Республика Бурятия. Принята Верховным Советом Республики Бурятия 22 февраля 1994 года (в ред. Закона Республики Бурятия от 22.11.2006 N 1922-III), гл. 5, ст. 80.

7. Закон Республики Бурятия «О выборах депутатов Народного Хурала Республики Бурятия» N 427-XII (в ред. Постановления Конституционного Суда РБ от 11.07.2003, Закона Республики Бурятия от 06.01.2004 N 603-III). Принят Верховным Советом Республики Бурятия 16 марта 1994 года.

8. Przeworski A., Sprague J. Paper Stones: A History of Electoral Socialism. – Chicago, 1986.

9. Выборы депутатов Народного Хурала Республики Бурятия IV созыва (2008 год). – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. – 256 с.

10. Политическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1999. – С. 35.

11. Списки фракций Народного Хурала Республики Бурятия (30.04.2009). – [Электронный ресурс]. – <http://hural-buryatia.ru/struktura/frakcii/Rossiia>.

Родионов Артемий Сергеевич, аспирант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, г.Улан-Удэ, e-mail: aptem_rs@mail.ru.

Rodionov Artemiy Sergeevich, postgraduate student, department of political science and sociology, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: aptem_rs@mail.ru.

УДК 316.346.32 – 053.6+316.7 : 32

© В.А. Емельянов

ПРОКРЕМЛЕВСКИЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В 2005-2006 гг.

В статье рассматривается история создания «партий власти» России лояльных прокремлевских молодежных общественно-политических организаций. Указаны основные причины, побудившие государство начать процесс ускоренной политической социализации молодежи в нашей стране.

Ключевые слова: молодежь, молодежные объединения, организации, движения, Россия, политическая социализация.

V.A. Emelyanov

CREATION OF THE PRO-KREMLIN YOUTH POLITICAL ORGANIZATIONS

In article are considered history of creation by the party in power of Russia of the loyal pro-Kremlin youth political organizations. The main reasons which have induced the state to begin process of accelerated political socialization of youth in our country are specified.

Key words: youth, youth associations, organizations, movements, Russia, political socialization.

К концу 2004 года – началу 2005 года в России существовали две большие провластные молодежные организации: Молодежное движение Всероссийской политической партии «Единая Россия» общественная организация «Молодежное Единство» и Общероссийская общественная организация содействия воспитанию молодежи «Идущие вместе».

В начале нового тысячелетия организация «Идущие вместе» провела множество многотысячных мероприятий в поддержку существующего курса власти, но, тем не менее, многие публичные мероприятия ценностно-культурного аспекта серьезно дискредитировали саму общественную организацию в обществе и молодежной среде. Одним из наиболее известных мероприятий, вызвавших негативную реакцию и широкий резонанс в обществе, стала акция по обмену книг В.Ерофеева, В.Пелевина и В.Сорокина на произведения других авторов. По мнению руководителей этого молодежного движения, работы именно этих писателей являются безнравственными и подлежали обмену на классическую литературу [1].

Главной задачей движения «Идущие вместе» была поддержка Президента Путина, поэтому 7 мая 2001 года во время митинга в поддержку президентского курса на каждом члене организации была одета майка с изображением анфаса Путина и с надписью «Все путем!». Использование образа Президента в своих публичных акциях и открытая поддержка его деятельности были восприняты обществом как возврат в советские времена, сама же организация идентифицировалась гражданами как «новый комсомол». При этом сам Путин неоднократно высказывался о недопустимости возврата к советскому прошлому и подчеркивал свое отрицательное отношение к созданию культа личности вокруг своей персоны.

Главным недостатком движения «Молодежное Единство» было то, что оно занималось исключительно социальными проектами, изредка участвуя в политических митингах.

Данные организации не могли быть эффективными инструментами по привлечению молодежи в свои ряды, вследствие утраты на тот момент общественного доверия. Актив обоих движений довольствовался кратковременными и стихийно организованными мероприятиями. В самих движениях между членами отсутствовало чувство единства в выполнении общего дела. Молодые люди рекрутировались к участию в мероприятиях посредством материального стимулирования: денежного вознаграждения, билетов в кино и театры и т.п. Участников дви-

жения использовали в качестве политической массовки, создавая имитацию политической социализации молодежи, которой не было и в помине.

На начало 2005 года активная российская молодежь была распределена примерно по семи группам различных организаций, основываясь на идейной близости и на желании участвовать в общественной жизни страны своими методами. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что властям полезно иметь «свои» молодежные движения в каждой из семи указанных групп для канализации всех протестных и экстремистских настроений в молодежной среде.

17 февраля 2005 года заместитель главы Администрации Президента РФ В.Сурков встретился в Санкт-Петербурге с 40 юношами и девушками, которым отводилась роль активистов в новом провластном движении «Наши». Во время встречи Сурков пообещал с их помощью создать в России новую политическую силу [2]. В течение 2005-2006 года проводились многочисленные встречи, конференции, организованные Администрацией Президента и посвященные молодежной тематике. К участию в данных мероприятиях приглашались лидеры молодежных движений и организаций, ведущие эксперты и исследователи.

При создании «Наших» был использован такой информационный повод как годовщина 65-летия Победы в Великой Отечественной войне. Организация заявила о себе как об антифашистском движении, противостоящим идеям национализма и ксенофобии в современной России.

15 апреля 2005 года в концертном зале Российской академии наук состоялась учредительная конференция движения «Наши», на которую было приглашено 687 делегатов из 30 регионов. Лидерами движения стали пять федеральных комиссаров, переизбираемые каждые полгода. В состав лидеров вошел бывший руководитель «Идущих вместе» В.Якеменко, который пригласил в центральный штаб и в региональные представительства ведущих функционеров из своего прошлого движения.

В ноябре 2005 года в Воронеже прошел IV съезд движения «Молодежное Единство», на котором оно было преобразовано во всероссийскую общественную организацию «Молодая Гвардия Единой России». Должность лидера нового движения покинула прежний руководитель «Молодежного Единства» – депутат Государственной Думы РФ от партии «Единая Россия» А.Буратаева, на место которой был выбран

координатор молодежной политики партии А. Турчак.

Руководство партии «Единая Россия» поставило перед новым движением задачу – перейти от исключительно социальной деятельности к политической, мобилизовать молодежь в качестве электората партии, привести их на избирательные участки, вести предвыборную контрработу по отношению к системной и несистемной оппозиции в стране.

По словам нового лидера «Молодой Гвардии»: «Я понимал, что со структурой, доставшейся в наследство от «Молодежного Единства», мы ни одну избирательную компанию не выиграем. Организация была «заточена» под уборку водоемов, посадку деревьев, перевод бабушек через дорогу... Перед организацией стояли задачи мобилизации молодежи, привлечение молодежи на выборы, к голосованию за «Единую Россию» и мы структуру ломали, меняли, учили, тренировали» [3].

Иного рода стояли задачи перед движением «Россия Молодая» с ее лидером М. Мищенко. Организация опиралась на студенчество, как на самую амбициозную и интеллектуальную часть молодежи, которая не верила, что в движениях «Наши» и «Молодая Гвардия» можно сделать карьеру. «Россия Молодая» была создана на базе одного из элитных вузов страны – МГТУ им. Баумана и его активно поддерживал ректор – член «Единой России». В качестве стимулов для членов «России Молодой» служили прибавки к стипендиям и доброжелательное отношение преподавателей [4]. Помимо этого движение проводило локальные, с небольшим количеством участников, но откровенно провокационные акции на грани фола против системной и несистемной оппозиции, рассчитанные на широкое освещение в СМИ.

Стоит отметить также появившийся в 2005 году «Евразийский союз молодежи», с идеологией реакционного антизападничества, антилиберализма и российского империализма. Главной задачей данного движения было привлечение в свои ряды националистически настроенной молодежи.

По словам лидера «Евразийской партии А. Дугина: «Националистические организации России намерены активно бороться с «оранжевой угрозой» и помогать в этом Президенту Путину... Мы не намерены использовать методы гражданской борьбы, и обещаем дать симметричный ответ оранжевым, которые, безусловно, будут выходить за рамки правового поля, а значит и мы оставляем это право за собой». Главными противниками движения были: «СПС»,

«Яблоко», «Родина», «КПРФ», молодежное движение «Оборона». Используя «управляемый национализм», «Евразийский союз молодежи» создавал альтернативу на правом поле, рассчитывая привлечь в свои ряды патриотично настроенную молодежь, поддерживающую идею возрождения нации в радикальном виде.

Отдельно стоит отметить, что в 2006 году будут созданы еще два провластных молодежных движения: движение молодых политических экологов «Местные» и «Гражданская смена», которые займут, собственно, экологическую и либеральную ниши в молодежной среде.

Таким образом, мы рассмотрели все четыре основных провластных организации, созданных для борьбы с «оранжевой угрозой» в 2005 году. Остальные 11 организаций, созданные в этом году, относятся к парламентской и несистемной оппозиции и являются в большей мере оппонентами первой четверки.

Политический истеблишмент страны серьезно опасался возможности дестабилизации внутриполитической обстановки в период сдвоенного электорального цикла, выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ и Президента РФ, которые проходили в 2007-2008 гг. [1]. Движения «Молодая Гвардия», «Наши», «Россия Молодая», «Евразийский Союз молодежи», «Местные» и «Гражданская смена» выступили как патриотические контрдвижения молодежи в противовес созданию огромного количества протестных и леворадикальных молодежных организаций, таких, как: «Идущие без Путина», «Пора», «Мы», «НБП», «РНЕ», «Спас», «Оборона», «Да!», «СКМ», «АКМ», «РКСМ», «МЛФ», «ЛКРСМ», «ВЛКСМ» и многих других. Направленные в первую очередь против движений «НБП» и «Оборона», они должны были стать альтернативной уличной силой, причем агрессивной и готовой на силовые методы борьбы.

Литература

1. Лисаускене М.В. Поколение next – прагматичные перфекционисты или романтики потребления // Социс. – 2006. – №4. – С. 111-115; Понукалина О. Специфика досуга современной молодежи // Высшее образование в России. – 2007. – №11. – С. 124-128; Сироткин О.Э. В поисках объединяющей идеи: отношение молодежи к созданию единой общероссийской организации // Россия: центр и регионы. – 2003. – №11; Хименос О.И., Мурти М. Не скупитесь на молодежь. Государства могут достичь невероятного процветания, если будут больше вкладываться в молодое поколение / пер. с англ. Е.Нерсеянц // Отечественные записки. – 2006. – №3. – С. 239-249; Шаламова Социальная активность молодежи: принципы управления // Высшее образование в России. – 2006. – №7. – С. 96-99.

2. Мухин А.А. Поколение 2008: наши и не наши. – М., 2006. – С. 122.

3. Турчак А. План на выборы – провести в Госдуму как можно больше молодых депутатов // Всероссийская общественная организация «Молодая Гвардия Единой России»: http://www.molgvardia.ru/vazhnaya_tema/andrey_turchak_plan_na_vybory_provesri_v_gosdumu_kak_mozhno_bolshe_molodyh_deputatov.html.

4. Новая газета. – 21 декабря. – 2005.

Емельянов Владимир Александрович, аспирант кафедры политических наук и связей с общественностью Челябинского государственного университета, г.Челябинск, e-mail: emelyanov_v@inbox.ru.

Emelyanov Vladimir Aleksandrovich, postgraduate student, department of political science and public relations, Chelyabinsk State University, e-mail: emelyanov_v@inbox.ru.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 398(571)

© В.В. Тихонов

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ АНГАРО-ИЛИМСКОЙ ЗОНЫ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ

В статье анализируются особенности традиционной народной культуры населения, проживающего на территории среднего течения Ангары, Илима и Оки, в хронологических рамках XVII – первой половины XX в. Рассматриваются как перспективы сохранения дошедших до нашего времени материальных носителей традиционной народной культуры ангаро-илимской историко-культурной зоны, так и возможность реконструкции утраченного историко-культурного наследия, в том числе методом создания этнографических музейных комплексов под открытым небом.

Ключевые слова: ангаро-илимская историко-культурная зона, «Тальцы», «Ангарская деревня», Илимский острог, деревни-малодворки, волостное село.

V.V. Tihonov

THE PECULIARITIES OF THE TRADITIONAL CULTURE OF ANGARO-ILIMSKOY ZONE OF PREDBAIKALYA

In article the peculiarities of the traditional and national culture of Angaro-Ilimskoy historical and cultural zone of Predbaikalya of 17th-20th centuries are analyzed. The author considers questions about saving material and spiritual culture of Angaro-Ilimskaya historical and cultural zone and gets to know methods of founding the ethnographic open-air museums.

Key words: Angaro-Ilimskaya historical and cultural zone, Taltsy, Angarskaya village, Ilim Stockade Town, malodvorka, Volostnoe selo.

Историко-культурное зонирование территории Предбайкалья началось в 70-х гг. XX в., когда встал вопрос об определении экспозиционной инфраструктуры создаваемого музея деревянного зодчества «Тальцы». В 1971 г. Г.Г. Оранская предложила на основе укрупненного историко-культурного зонирования Предбайкалья построить в музее «Тальцы» экспозиции, отражающие восемь историко-культурных зон данного региона, одной из которых является ангаро-илимская.

Ангаро-Илимская историко-культурная зона охватывает северо-западную территорию Иркутской губернии, в основном места расселения русских в XVIII–XIX в. в долинах крупных рек – Илима, Оки, среднего течения Ангары – и в простирающейся в этих пределах таежной полосе [4, с. 18-19]. Экономико-хозяйственная деятельность в данной зоне в большей степени определялась ее природными факторами. За длительный период освоения земель Среднего Приангарья под влиянием климатических, природных и социально-экономических условий здесь сложилась земледельческая культура, которая во многом совпадала с земледельческими культурами других территорий региона, но в то же время

имела значительные отличия. Эти отличия и позволили по итогам историко-культурного зонирования Предбайкалья выделить ангаро-илимскую историко-культурную зону.

В Среднем Приангарье в условиях тайги сложилось комплексное хозяйство, сочетающее земледелие и животноводство с промысловой деятельностью: охотой, рыболовством. Для рассматриваемой зоны характерно натуральное крестьянское хозяйство с элементами товарного производства. Занятие земледелием, разведение скота, рыбная ловля и другие домашние промыслы в начале XX в. велись для домашнего потребления. Товарный характер носил охотничий промысел, которым занималось все мужское население зоны. Промыслы, извоз, лоцманство также носили товарный характер, но занимались ими отдельные семьи, особенно лоцманством. Искусство проведения судов через Ангарские пороги передавалось строго по наследству.

Планировка населенных пунктов характеризовалась однорядной застройкой. Редко встречались деревни свободной и гнездовой застройки. Усадьбы были замкнутого типа с преобладанием выхода чистого и скотного дворов на улицу, разделял их между собой дом, также выходящий

торцевой стороной на улицу. Огороды, если позволяла местность (пологий длинный спуск), шли от улицы к берегу, огораживались поскотиной. Вторая поскотина огораживала круговую весь населенный пункт. Изолированность региона от транспортных магистралей привела в быту и культуре к консервации традиций, восходящих своими корнями к началу заселения Сибири выходцами с Русского Севера. В земледелии здесь господствовало двухполье, при котором одно поле обрабатывалось, другое пускалось в залежь. Зерно производилось для собственного потребления. В домостроении в конце XIX в. по-прежнему господствовала самцовая крыша, сохранялся подклет. Самой распространенной планировкой усадьбы был выход обоих дворов, чистого и хозяйственного, разделенных домом, на улицу. Однорядная застройка велась вдоль берега реки и повторяла его изгибы. И только крупным административным центрам была свойственна либо уличная планировка с двухсторонней застройкой, либо геометрическая с образованием в центре площади.

Характерные особенности таежного поселения:

1) сохранение в домостроении вплоть до второй половины XIX – начала XX в. высокого подклета и самцовой кровли (три усадьбы деревни-малодворки музея «Тальцы»);

2) наличие одноэтажных мангазей средних размеров (14 x 6 x 4,5 м);

3) наличие самоловен – однокаменных срубов на среднем подклете. Самоловы устанавливались напротив дома владельца и служили для хранения рыболовных снастей – сетей, фитилей, морд;

4) наличие в небольших деревнях кладбищ с архаичными надмогильными домиками – гобцами. Традиция сохранилась с далекого язычества и встречалась только в ангаро-илимской зоне;

5) наличие у части крестьян, занимавшихся извозом, сенокосных заимок.

Освоение Предбайкалья русскими началось в XVII в. Заселение края небольшими деревнями-малодворками (заимками), от одного до десяти домов, осуществлялось довольно быстро, и к середине XVIII в. весь этот огромный регион по долинам крупных и мелких рек, наиболее удобных для земледелия, был занят русскими.

История заселения русскими северо-западных территорий Предбайкалья начинается с 1626 г., когда отряд из 15 служилых людей под командованием атамана Максима Перфильева был отправлен из Енисейска в бурятские земли. В связи с практически полным отсутствием су-

хопутных путей продвижение русских в Предбайкалье осуществлялось по крупным рекам, в частности по Ангаре.

С 1929 г. походы русских из Енисейска в пределы Предбайкалья становились по существу ежегодными, при этом расширяется их география – дальше от места впадения Оки в Ангару, в сторону истока Ангары. Летом 1630 г. 28 казаков под предводительством атамана Галкина плыли на лодках вверх по р.Ангаре. В месте впадения Илима в Ангару их застала зима. Атаман принял решение остаться на зимовку, для этого было выбрано хорошее, возвышенное место на берегу реки, откуда шел главный путь (волок) на р.Лену, и основал здесь зимовье. Место было настолько удачным, что было принято решение построить здесь острог, и в 1631 г. он был построен. Острог очень быстро развивался, но в 1647 г. сгорел. В том же году был построен второй Илимский острог, состоящий из двух башен, тына и внутреннего наполнения. Илимское поселение росло настолько быстро, что вскоре ему был присвоен статус города. Илимское воеводство, центром которого стал Илимский острог, охватывало всю восточную от р.Енисея часть Сибири.

В 1666 г. острог опять не обошла беда – он сгорел. Назначенный в 1667 г. новый илимский воевода Оничков, прибыв на место, увидел вместо острога лишь пепелище и 8 августа 1667 г., по распоряжению правительства, приступил к строительству нового, третьего по счету, острога на обширном лугу, на берегу, в полутора километрах от старого. По замыслу строителя, новый острог должен был не только выполнять роль крепости, но и стать кремлем новой сибирской столицы, во владение которой входила огромная территория, равная площади нескольких европейских государств.

Острог состоял из восьми башен, три из которых были въездными и украшались часовнями «на свесах». Скрываемый поворотом реки и лесом острог представлял перед путешествующим неожиданно, поражая его своей красотой, величием и мощью. До наших дней сохранились только фрагменты острога в виде Спасской проезжей башни и раскопанных фундаментов некоторых острожных башен и тыновых стен. В связи с затоплением г.Илимска водами водохранилища строящейся Усть-Илимской ГЭС в конце 60-х гг. XX в. было принято решение о переносе единственных в регионе дошедших до нас памятников истории и архитектуры XVII в. из зоны затопления в создаваемый, по большей части в связи с необходимостью спасения Спасской проезжей башни Илимского острога (1667 г.) и

стоящей рядом Казанской часовни (1679 г.), музей деревянного зодчества «Тальцы». Сейчас острог находится в стадии реконструкции.

В 2010 г., несмотря на скудность материала об Илимском остроге, на основе его чертежа-рисунка, выполненного С.Ремезовым в 1702 г., и подробного описания внутренней инфраструктуры острога с указанием мест расположения всех его объектов и расстояний между ними был составлен генеральный план реконструкции острога и разработана рабочая документация на реконструкцию первых объектов: гостевого двора и приказной избы. К реконструкции гостевого двора реставраторы уже приступили. Особенностью внутренней инфраструктуры острога будет воеводский двор. Воевода Илимского острога князь Гагарин, родственник царю Алексею Михайловичу, стремясь подражать царю, свои покои строил по аналогу дворца царя в Коломенском, но меньших размеров. Практика реконструкции дворца Алексея Михайловича в Коломенском свидетельствует о жизнеспособности и востребованности исторической реконструкции фундаментальных объектов исторического среза для лучшего понимания истории. По завершении реконструкции-реставрации всей инфраструктуры Илимского острога мировая культура получит уникальный объект – единственную в мире сохранившуюся деревянную крепость XVII в. с элементом-оригиналом Спасской проезжей башни.

Вторым уникальным историко-культурным объектом, характеризующим оборонное зодчество ангаро-илимской историко-культурной зоны, стал Братский острог [1]. Первый Братский острог, основанный в начале 30-х гг. XVII в., в 1653 г. частично сгорел. Тогда в 1654 г. решено было не восстанавливать острог на старом месте, а перенести на новое. Из старого острога была перенесена угловая северо-западная башня (1648 г.), находящаяся теперь в музее деревянного зодчества «Коломенское» (г.Москва). От нового острога до нас дошла южная угловая башня (1654 г.), размещенная в настоящее время в архитектурно-этнографическом музее «Ангарская деревня» (г.Братск). Сохранившиеся башни Братского острога неоднократно переносили. Северо-западную – в 1958 г. из зоны затопления Братского водохранилища перенесли в музей «Коломенское», а в 2008 г. уже в самом этом музее вновь перенесли с одного места на другое. Южная башня в 1958 г. была перенесена из зоны затопления на Падунский мыс в пос. Падун, а уже в 1980 г. ее перенесли в архитектурно-этнографический музей «Ангарская деревня».

В состав Илимского острога входила и привратная Казанская церковь. Официальной датой ее постройки считается 1679 г., хотя некоторые ученые приводят доказательства более ранней даты ее строительства, сопоставимой с датой строительства последнего Илимского острога. Церковь была сооружена рядом со Спасской проезжей башней и играла роль не только культового сооружения, но и берега для острога, как и часовня «на свесях» [2].

В последующем церковь была перестроена в крупный храм с трапезной. В настоящее время при реставрации церкви в музее «Тальцы» она реконструирована практически в первоначальном варианте, за исключением того, что с северной стороны оставлена вторая дверь в храм, которая появилась на месте ранее существовавшего косячатого окна во время перестройки-расширения здания в конце XVII в.

Особенность быта русских ангаро-илимской историко-культурной зоны середины XIX – начала XX в. заключалась в сохранении архаичного традиционного крестьянского уклада жизни. Земли эти, быстро осваиваемые русскими в первоначальный период заселения края (XVII – начало XVIII в.), с введением в эксплуатацию Московского тракта остались в стороне, сухопутного пути не было, водный путь по Ангаре был из-за мощных порогов, сосредоточенных в ее среднем течении, труднодоступным, поэтому развитие края законсервировалось. Обилие леса, разнообразие занятий – земледелие, животноводство, охота (многие из них велись вдали от жилищ) – привели к образованию сезонных стационарных построек, используемых крестьянами для проживания. Это охотничьи станы, на островах сенокосные заимки, пахотные заимки, рыбацкие зимовья. Стационарные жилища свидетельствуют о подвижном образе жизни крестьян северо-запада Предбайкалья. Размеренность и обустроенность быта, высокие моральные качества русских старожилов, воспитанные христианством, изолированность края от быстро развивающихся регионов Предбайкалья – все это способствовало сохранению традиций. Высокое качество строительного материала и работ обусловило сохранение в этой историко-культурной зоне деревянных памятников XVII – XX вв., посредством которых стало возможным показать историческое развитие края.

Освоение Предбайкалья, и в частности территории среднего течения р.Ангары, шло первоначально казаками, которых постепенно сменили иные вольные люди, крестьяне и промысловые люди с северных территорий Центральной России. В целях закрепления необъятных терри-

торий Предбайкалья к концу XVII в. возрастает роль центральной власти по ускорению развития земледелия на новых землях Российского царства. Одной из основных задач развития земледелия являлось решение насущной проблемы снабжения хлебом осваиваемых бесхлебных районов Предбайкалья и казачьих отрядов, направляемых дальше на восток. Центральная власть требовала от воевод скорейшего выявления пригодных для хлебопашества земель, освоения их и заселения крестьянами.

Переселенческий поток в Сибирь, в том числе в Предбайкалье, с северных территорий Центральной России к концу XVII в. был настолько большим, что, по данным «Статистического обозрения Сибири» Н.А. Гегеймейстера, в 1686 г. в отписке архангельского воеводы царю он доносил, что не сможет выполнить разрядку, наложенную на воеводство по поставке рекрутов, так как две трети населения воеводства ушло на Дон и в Сибирь. Уходили целыми семьями, отчего в Устюжском и Усольском уездах «учинилась великая пустота».

Крестьяне селились в основном по долинам Ангары, Илима, Оки, где были благодатные земли для выращивания пшеницы. После раскорчевки земель заводили пашни, несмотря на то, что сильные морозы в сочетании с мало-снежьем являлись большой проблемой для земледелия и были совсем другой природной средой по сравнению с той, к которой крестьяне привыкли на прежнем месте жительства. Наиболее пригодными для земледелия здесь были дерново-карбонатные почвы, по цвету красно-бурые, в народе их называют «столетними». Они обладают большим плодородием, долго не разрушаются. Хотя территория среднего течения Ангары из-за климатических условий попадает в зону рискованного земледелия, плодородная почва и труд крестьян позволяли, как жить в относительном достатке крестьянским семьям, так и практически полностью, за счет налогов, обеспечивать продовольствием все население региона.

Освоение гигантской по размерам территории Предбайкалья шло в основном по рекам (главным путям сообщения на то время) посредством строительства разбросанных на значительном удалении друг от друга (от 80 до 150 верст) небольших деревень-малодворок, насчитывающих в своем составе от одного до десяти дворов. Были деревни однодворки, двухдворки, а далее малодворки. Равномерно, хотя и редко расставленные по всему Предбайкалью, деревни-малодворки к середине XVIII в. стали опор-

ными пунктами колонизации русскими края, окончательно закрепив его за Россией.

Практика показала, что основными носителями строительных традиций являются крестьяне. Приходя на новые земли, переселенцы на первых этапах их освоения, не имея достаточной информации о местном климате, при обустройстве хозяйств, строительстве домов использовали строительные традиции тех мест, откуда они приехали. Большая часть переселенцев была с севера Центральной России, и первоначально на новых местах они строили дома, совмещенные со скотным двором под единой крышей, как делали это на родине из-за обильных снегопадов. В XVII–XVIII вв. таких строений в Предбайкалье было много, однако до настоящего времени о них дошли лишь упоминания в литературе. Историки и этнографы помнят, как в 70-х гг. XX в. такие дома были в пос. Марково и Шаманка.

Климатические условия, характер хозяйственной деятельности (земледелие, животноводство, промысловый уклад) со временем внесли существенные, если не сказать кардинальные, изменения, как в планировку усадеб, так и непосредственно в облик жилых домов. Процесс приспособления к новым условиям происходил эволюционно, растянувшись почти на два столетия (с XVII по XIX в.).

Незначительный по сравнению с севером России снежный покров в Предбайкалье обусловил возможность вначале частично, а потом и полностью отказаться от крытых дворов, совмещенных с домом под одной крышей, и перейти к строительству открытых дворов. Таким образом, с XVIII в. в Предбайкалье формируется новый тип планировки усадеб: в центре усадьбы горницей на улицу – жилой дом, а справа и слева от него – открытые дворы с хозяйственными постройками. Чистый двор выстилался полубревнами и имел набор хозяйственных построек, обеспечивающих хранение продовольствия и имущества. Скотный двор в соответствии со своим названием обеспечивал обслуживание домашних животных и был, как правило, земляным, хотя и здесь встречались исключения. В музее «Ангарская деревня» (г.Братск) автор встретил единственный экземпляр – усадьбу Скрипова второй половины XIX в. из д.Подъяланка Усть-Илимского района Иркутской области, где чистый двор был земляным, а скотный – вымощен полубревнами.

То обстоятельство, что основная часть историко-культурных объектов, характеризующих разнообразие строений ангаро-илимской историко-культурной зоны, оказалась в этнографических музеях под открытым небом, связано с

тем, что большая часть населенных пунктов среднего течения Ангары и рек, впадающих в нее в этом районе, попала в зону затопления в связи со строительством Братской и Усть-Илимской ГЭС, а оставшаяся часть Ангары с ее поселками, возникшими в XVII–XVIII вв. от г.Усть-Илимска до пос. Богучаны, в 2012–2013 гг. тоже попадут в зону затопления создаваемой Богучанской ГЭС.

Для музеев под открытым небом, а также в целом для науки, безусловно, наиболее интересными и ценными являются этапные моменты, в том числе и в развитии домостроения. К сожалению, в Предбайкалье образца домостроения первого этапа освоения края, каковым был дом с двором под единой крышей, не сохранилось. Для полного восстановления исторической среды в музейном пространстве данный тип домостроения придется полностью реконструировать. Образцов второго типа усадьбы – дом-связь с открытыми дворами – пока достаточно, в том числе уже перенесенных в музей.

Для музейной науки интересны и переходные варианты от дома с крытым двором к дому с открытым двором. На удивление, образец такого дома, правда, в несколько измененном виде, сохранился. Это усадьба крестьянина Якова Непомилуева из д.Гарманка Братского района Иркутской области, перенесенная в 1971 г. в музей «Тальцы», отреставрированная и с 1980 г. включенная в экспозиционный комплекс «Деревня-малодворка». Автор проекта реставрации усадьбы архитектор Г.Г. Оранская. При просмотре составленных ею натурных обмерных чертежей мы обратили внимание на отмеченные на скотном дворе, выходящем на улицу, столбы, которые поддерживали навес полукрытого двора, соединяющего дом со стайками. Однако при проведении реставрационных работ в усадьбе Непомилуева полукрытый двор, вошедший в историю архитектуры как переходный от закрытого к открытому типу, был заменен на открытый, а также были значительно изменены планировка усадьбы и набор хозяйственных построек. Какова же причина столь кардинальных изменений? Думается, нужно обратиться к 60–70-м гг. XX в., когда шло формирование музея «Тальцы». В то время в Предбайкалье музейных комплексов под открытым небом еще не было. Музей «Тальцы» – это первый опыт. Основной идеей, господствовавшей тогда среди создателей подобных музейных комплексов, было стремление сохранить в музейном пространстве как можно больше памятников-оригиналов. Реконструкция исторической среды, главным образом в виде крестьянской усадьбы, рассматривалась

как синтез представления об усадьбе вообще, и это характерно не только для музея «Тальцы», но и для многих музеев России. Так, в музее «Ангарская деревня» при полной утере материала оригинала усадьбы Пастухова она все равно была взята за основу, а постройки или были привезены из других деревень, или выполнены в новоделе.

Несмотря на значительные изменения усадьбы Непомилуева из д.Гарманка, усадьба и в дошедшем до нас виде уникальна [6].

Приспособление крестьян к климатическим условиям, ландшафту, развитый в пределах территории вид экономико-хозяйственной деятельности, сложившиеся за столетия традиции размещения и компоновки усадеб к XVIII–XIX вв., определили в ангаро-илимской историко-культурной зоне характер планировки населенных пунктов (деревень) и компоновки усадеб, которые уже в реконструированном виде можно увидеть только в этнографических музеях под открытым небом.

Традиционной планировкой населенных пунктов ангаро-илимской историко-культурной зоны была постройка деревни в однорядную улицу, лицом (красной линией) на реку, с расположением огородов в зависимости от природного ландшафта, чаще всего в сторону леса, за хозяйственными постройками. Иногда огороды находились между рекой и красной линией деревни. Зимние бани, как правило, располагали в усадьбе, летние – на берегу реки. На берегу реки также ставили самоловни. Мельницы в Сибири в основном были водоналивные и реже подливные, ставили их на маленьких речках и ручьях [3]. Ветряных мельниц в ангаро-илимской историко-культурной зоне не было. Кузницы старались ставить на краю деревни, поближе к какому-либо водоему, это нужно было для того, чтобы после нагрева металла резко производить его охлаждение. Особенно часто это практиковалось, когда ставили железные обода на колеса и ступицу. В этом случае раскаленный обод надевали на деревянное колесо, а чтобы оно от горячего металла не загорелось, его быстро скатывали в водоем, где обод мгновенно остывал и за счет охлаждения металла сокращался, плотно облекая колесо. Еще одну специфическую постройку – мангазею (амбар для хранения страхового фонда зерна деревни на случай пожара или неурожая) – ставили вдали от деревни, на расстоянии от 0,5 до 1 версты, что позволяло в случае пожара в деревне сохранить страховой семенной фонд.

Планировка усадеб приангарских деревень, сложившаяся к концу XVIII–XIX в., определя-

лась положением доминанты усадьбы – жилого дома – и была нескольких типов. Наиболее распространенным типом планировки являлась усадьба, разделенная домом-связью на чистый и хозяйственный дворы, при этом из дома-связи было два одинаковых выхода – крыльца: на чистый и на скотный двор. В чистом дворе чаще всего размещались хозяйственные постройки, амбары, кобрики, завозни, в скотном – стайки с поветями, навесы для скота и лошадей с поветями. Чистый двор, как правило, полностью или частично замаскировался тесаными полубревнами, но иногда он застилался деревянным настилом на выходе с крыльца, а в глубине двора был травяной покров. Красная линия строилась по принципу: в центре лицевая часть дома, направо и налево шли главные ворота с калиткой и ворота в скотный двор. По краям усадеб углы формировали торцы хозяйственных построек: амбаров, стоек с поветью, навесов для скота. Наиболее характерными крестьянскими усадьбами с различными архитектурными типами домов (дом-связь, пятистенки с сенями, одноколки и т.д.) ангаро-илимской историко-культурной зоны являются усадьбы: Серышева (из с.Дубынино Нижнеилимского района), Прокопьева (из с.Прокопьевка Нижнеилимского района), одноколки (из д.Едарма Усть-

Илимского района), Московского (из д.Антонова Братского района), Зарубина (из д.Едарма Усть-Илимского района) [5], Непомилуева (из д.Нижняя Шаманка Усть-Илимского района), Пастухова (из с.Старо-Батурино Усть-Илимского района), Погодаева (из д.Гарманка Братского района), Скрипова (из д.Подъяланка Усть-Илимского района).

Литература

1. Нефедьева А.К. Казанская привратная церковь Илимского острога // Тальцы. – 2000. – № 1 (8). – С. 59–66.
2. Нефедьева А.К. Мукомольный промысел в Среднем Приангарье (конец XIX – начало XX в.) // Тальцы. – 1997. – № 1(2). – С. 3-9.
3. Тихонов В.В., Нефедьева А.К. Основные направления развития Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». – Иркутск, 2006. – 216 с.
4. Тихонов В.В. Усадьба крестьянина Зарубина Среднего Приангарья начала XX века // Тальцы. – 2001. – № 1 (12). – С. 66–70.
5. Тихонов В.В. Усадьба Непомилуева из деревни Гарманка // Тальцы. – 2000. – № 1(20). – С. 34–41.

Тихонов Владимир Викторович, кандидат культурологии, директор Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», г.Иркутск, e-mail: talci@irk.ru.

Tihonov Vladimir Victorovich, candidate of culturology, head of Architectural and Ethnographic Museum «Talsy», e-mail: talci@irk.ru.

УДК 24+221.3

© А.К. Хабдаева

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ БУДДИЗМА И ДАОСИЗМА

Статья рассматривает историю становления буддийского учения в Китае и проблемы его взаимоотношений с даосизмом. В результате тесного взаимодействия с автохтонными традициями, индобуддийская мысль подверглась значительным изменениям. Эволюция буддийской мысли происходила под влиянием даосизма и конфуцианства. Взаимоотношения буддизма с даосским учением были противоречивы и сложны, они пережили стадии от сближения через конфликт до состояния «саньцзяо» – концепции «трех учений».

Ключевые слова: история и культура Китая, буддизм, даосизм, конфуцианство, категории конфуцианской и буддийской культуры.

A.K. Khabdayeva

CHINESE SPIRITUAL CULTURE ISSUES: THE HISTORY OF BUDDHISM AND TAOISM RELATIONS DEVELOPMENT

The article considers the history of Buddhism doctrine formation in China and the problems of its relations with Taoism. As the result of close cooperation with autochthonous traditions, indobuddhist idea had considerable changes.

The evolution of Buddhist idea inspirated by Taoism and Confucianism ideology. Buddhism and Taoism relations were contradictory and difficult, developing from conflict stage to «sanjiao», the concept of three doctrines.

Key words: *history and culture of China, Buddhism, Taoism, Confucianism, categories of Confucian and Buddhist culture.*

История взаимоотношений буддизма и даосизма представляет собой достаточно сложную и противоречивую картину. На первом этапе распространения буддизма в Китае формальное сходство некоторых буддийских и даосских положений позволило говорить об определенной солидарности этих учений. Китайские исследователи отмечают первоначальное сближение буддизма с даосизмом (период Хань), а затем – консолидацию с учением Сюаньсюе (эпоха Вэй-Цзинь) [1].

Воззрения представителей двух традиционных автохтонных учений – конфуцианцев и даосов – на жизнь и методы ее организации, их ценностные ориентации имели значительные отличия. От конфуцианства даосизм отличался отсутствием строгой и выраженной социальной направленности. Он представлял сферу иррациональной составляющей в системе философско-религиозных верований Китая. В отличие от рационализма и прагматизма конфуцианцев, даосы в своем учении демонстрировали мистический и иррациональный элемент. Именно даосизм с его мистикой, культами, суевериями оставил рядовому китайцу возможность для выражения индивидуалистических эмоций. На первых порах иррациональный элемент и сблизил даосизм и только утверждавшийся на китайской почве буддизм.

Для даосизма, так же, как и для буддизма, характерен плюралистический подход, отсутствие строгой унифицированной теоретической системы. Многие положения даосского учения демонстрировали внешнюю идентичность с буддийскими концептами. Идеи наличия «природы Будды» во всем сущем, относительности (пустотности) мира были в определенной степени схожи с даосскими установками, однако при

этом находились в совершенно разных мировоззренческих плоскостях.

Даосизм и буддизм сближал также нигилистический способ восприятия и выражения абсолютного начала. «Китайский натурализм был несовместим с идеей трансцендентного Бога-Творца, творящего мир ex nihilo («из ничего») и управляющего им посредством своего промысла. Буддизм тоже был нетеистической доктриной ниришваравата, отрицавшей существование Бога-Творца и промыслителя. И буддисты, и китайские мыслители описывали высший принцип своих учений в отрицательных терминах. Нирвана, бодхи (пробуждение, просветление), татхата (истинная реальность как она есть) не описываемы, ибо они трансценденты обыденному опыту, который только и описывает язык. Но с этим согласны и даосы, говорившие, что истинный Путь (Дао) невыразим в словах и даже «Путем» называется только условно. Если с этим не всегда были согласны конфуцианцы (зачастую вообще воздерживавшиеся от суждений о предметах метафизических, ибо они есть то, о чем цзы бую э – учитель ничего не говорил), то эта идея все-таки оставалась хорошо известной традиционной китайской культуре и вполне гармонировала с буддийскими подходами» [2].

В системе даосов прослеживаются ноты неудовлетворенности существующим порядком жизни. Даосы так же, как и буддисты, устремлены на «освобождение» от окружающего мира. Однако это «освобождение» даосские мужи рассматривают в совершенно иной интерпретации, нежели конфуцианцы и буддисты. Даосское «освобождение» – это своеобразный мир собственной природы, сущности, сверхъестества человека. Даосский идеал – достижение состояния «святого» (神人), отрешенного от эмпирического мира. Согласно даосской доктрине, жизнь чело-

века представляет большую ценность, и человек должен прилагать все усилия для ее продления и совершенствования. «Даосизм пропагандировал идею достижения Дао (道) путем создания эликсира бессмертия (修炼). Идеал «святого» (神山) предполагал телесное и душевное бессмертие, преодоление жизни и смерти, бесконечное изменение. В даосизме следует радоваться жизни, опасаться смерти, беречь жизнь. Здесь считается, что человеческая жизнь – явление радостное, смерть – печальное. Люди должны бороться за продление жизни, стараться избегать смерти, по крайней мере, делать все возможное для продления срока своей жизни» [3].

Процесс адаптации буддизма в Китае проходил через использование даосской терминологии, даосских представлений и понятий. «В буддизме начального этапа распространения Будда описывался как «святой» (神人), «возносящийся к небожителям» (轻举能飞). «Архат» (阿罗汉), самое высокое состояние достижения степени Будды, описывался как «перевосплащающийся в полете, живущий вечность» (能飞行变化·明劫寿命). Опираясь на даосские магические практики, буддизм одновременно обращал большое внимание на соответствие китайским традиционным религиозным представлениям – идее неумирающего духа (灵魂不死), поклонению сверхъестественным силам и т.п. Например, буддийское учение о круге перерождений (轮回转) было объединено с традиционными китайскими представлениями о духе, душе (灵魂). Считалось, что если человек совершает недобрые поступки, его «душа» (魂神) после смерти может оказаться в «аду, среди голодных демонов, животных, злых и добрых духов». Если же человек совершает хорошие поступки, он может «возродиться либо на небе, либо среди людей» [4].

В эпоху Трех царств (220-265 гг.) буддизм начинает постепенно отделяться от даосизма. Буддизм заявляет о собственной независимой позиции и все резче высказывается об идеологической несовместимости с принципами даосско-

го учения. Стали очевидными внутренние противоречия буддизма и даосизма. Для буддизма в основе бытия лежит фундаментальное заблуждение, формирующее привязанности и иллюзорное представление об окружающем мире. Буддизм в своих базисных положениях заявляет о неизбежности страдания и смерти, более того, целью человеческого существования провозглашается не-рождение. Конечным идеалом выступает не статусное повышение человеческого бытия, а преодоление условных привязанностей, выход из круга перерождений. Даосизм же, наоборот, в качестве основной проблемы рассматривает возможность продления человеческой жизни, ее долголетие. В даосизме, в том числе в его философском аспекте, мы можем наблюдать превалирование рационального начала. Несмотря на определенную мистическую окраску и апелляцию к потустороннему миру, даосские идеи обращены в первую очередь к человеческой жизни и к способам ее качественного улучшения. Неудивительно, что с течением времени и с усилением независимости буддизма характер взаимоотношений двух учений претерпел значительные изменения.

Если на первоначальном этапе буддизм зачастую воспринимался в качестве разновидности даосизма, то со временем, с усилением позиций буддизма в китайском обществе, конфликт двух идеологических систем был неизбежен. По замечанию китайского исследователя Лай Юнхая, форма, в которую было облечено противостояние буддизма двум традиционным китайским учениям, несколько отличалась. «В вопросе отношения к буддизму конфуцианство и даосизм находились на одинаковых позициях, оба учения критиковали буддизм и противостояли ему. Отношение же буддизма к конфуцианству и даосизму имело некоторые отличия. Поскольку положения о политике добродетельного правления, морально-этических нормах имели глубокие корни в среде высшей чиновнической аристократии, относительно конфуцианства буддизм избрал тактику приближения,

конформизма и мира. В отношении даосизма был применен метод «око за око» и ответного удара. По этой причине в истории Китая борьба между буддизмом и даосизмом нашла выражение в более острых, ожесточенных формах. Ситуация эта возникла вследствие того, что даосизм в отличие от конфуцианства не обладал таким же мощным политическим и идеологическим фоном, а его ответные удары и нападки не могли нанести непосредственный вред существованию и развитию буддизма. Поэтому буддизм и даосизм по многим ключевым вопросам вступали в прямое противоречие» [5].

По мнению даосов, буддисты нарушали многие традиционные китайские морально-этические основы, так называемые «три устоя и пять постоянств» (三纲五常). Под «тремя устоями» имелись в виду порядок взаимоотношений между государем и подданным, отцом и сыном, мужем и женой; под «пятью постоянствами» – человеколюбие (仁), долг (义), этикет (礼), мудрость (智) и верность (信). В этом вопросе даосы проявляли абсолютную солидарность с конфуцианцами. Большой поток критики вызвала буддийская теория «трех разрушений» (三破论). В «Хун мин цзи» (弘明集) говорится: «войти в государство и разрушить государство, войти в семью и разрушить семью, войти в тело и разрушить тело» (入国而破国 入家而破家 入身而破身). Неподготовленной аудитории было сложно воспринять столь резкие высказывания, хотя на самом деле речь, разумеется, не велась ни о буквальном разрушении государства, ни о разрушении семьи или человека. В «Рассуждениях об установлении истинного» (辨正论) Фа Линя (法琳) упоминаются слова танского даоса Ли Чжунцина (李仲卿) из храма Цинсюйгуань (清虚观), автора сочинения «Рассуждения о десяти различиях и девяти ошибочных суждениях» (十异九迷论): «Основой учения Лаоцзюня (Лаоцзы) у китайцев является сыновняя почитательность и родительское милосердие. В учении же Будды во главу угла ставится отказ от родителей» (老君之教 以夏孝慈为德本; 释迦之法, 以舍亲戚为行先);

«У Лаоцзюня образцом является сыновняя почитательность и верность» (老君作范 唯孝唯忠); «Буддийское учение отвергает долг и родственные отношения, не признает человеколюбие и сыновнюю почитательность (释教弃义弃亲, 不仁不孝)» [5].

Разбираясь в деталях полемики даосов и буддистов, необходимо также заметить, что вопрос этот переносится, помимо прочего, в плоскость «разногласие варваров (иностранцев) и китайцев (хуася)» (夷夏之辨). В определенный период времени обозначенный тезис стал едва ли не основным доводом в попытке подавления буддийского учения и ограничения его влияния в Китае. Даосы и конфуцианцы сообща уверяли, что «буддизм произошел из Западного края, это учение из мест обитания жунов (戎). Оно не находится в сфере китайской культуры и обычаев. А потому необходимо вернуть его в Индию, или отправить в родные места» [5]. В «Хун мин цзи» (弘明集) говорится, что китайцы (华人) «по натуре своей миролюбивы и порядочны, придерживаются [принципов] человеколюбия и долга (справедливости). Поэтому здесь широкое распространение получило учение Чжоу Гуна и Конфуция. Характер же жителей внешних земель жесток, они порочны и грубы. Поэтому им [необходимо] строго придерживаться буддийской системы запретов (稟气清和 合仁抱义, 故周孔明性习之教; 外域之徒, 禀性刚强, 含欲忿戾, 故释氏严五戒之科)» [5]. Тезис о высоконравственной конфуцианско-даосской культуре китайцев и буддийском учении для иностранцев оставался последним и излюбленным аргументом в религиозных дебатах вплоть до эпохи Тан.

Заметим, парадокс истории заключается в том, что при наличии множества идеологических противоречий с автохтонными культурными традициями, буддизм, тем не менее, по прошествии времени стал восприниматься именно как элемент китайской культуры. Более того, в дальнейшем китайский буддизм выступил в дальневосточном регионе уже в роли представителя китайской культуры в целом, и в этом пла-

не он может рассматриваться в качестве продукта межкультурного взаимодействия. «При рассмотрении конкретного процесса распространения китайской культуры за пределы Китая и превращения ее в некоторую культурную универсалию региона нетрудно заметить, что этот процесс совпадает с распространением буддизма в странах Дальнего Востока, который выступал в качестве посредника между китайской и местными традициями и представителя ценностей и норм уже не индийской, а китайской цивилизации. Именно через буддизм народы Восточной Азии знакомились с китайской культурой, в том числе и с ее небуддийскими пластами, хотя в дальнейшем буддизм мог быть (и зачастую бывал) оттеснен другими формами китайских идеологических доктрин (прежде всего конфуцианством). Но и в случае подобного оттеснения буддизм зачастую сохранял значительное влияние» [6]. Именно буддизм, отвергавшийся в Китае из-за своего инородческого происхождения, на более позднем этапе зачастую стал олицетворять традиции китайской культуры.

Таким образом, критика буддизма объединенными усилиями конфуцианцев и даосов в основном осуществлялась в трех направлениях: несоответствие буддийского учения традициям «ритуала и положению о «трех устоях и пяти постоянствах», разногласия во взгляде на политику добродетельного правления, а также разница в китайском и неазиатском мировоззрении. Выражаясь словами китайского исследователя Лай Юнхая, «эти три аспекта на самом деле представляют собой особенности общественно-политической системы, традиций идеологии и культуры, национального менталитета китайцев. По этой причине буддизм не раз оказывался в крайне затруднительном положении, особенно в те периоды, когда даосизм руками императора доводил буддизм практически до безвыходной ситуации, имеется в виду известный в истории прецедент «уничтожение буддизма при императорах У-ди» (三武灭佛)» [5].

Несмотря на все усилия даосов, успехи по устранению буддизма, в конечном счете, имели временный характер; буддизм за короткий срок умел восстанавливаться после нанесенных противниками ударов. Даосам не удалось ни подавить, ни тем более вытеснить из Китая буддийское учение. Борьба между двумя идейными соперниками за лидерство вылилась в сферу литературы, в своих сочинениях адепты двух школ продолжали оспаривать идеологическое доминирование, утверждая, в частности, идею временного первенства. Так, в трактате «Канон о том, как Лаоцзы изменил северные племена ху» (老子化胡论) даосские мыслители утверждали, что именно Лаоцзы и был настоящим основателем буддизма, а Шакьямуни – его учеником [5].

Конфликт с даосизмом и конфуцианством вылился в долгий поликультурный диалог, зафиксированный в даосских, конфуцианских и буддийских сочинениях, рассуждениях, комментариях, дебатах и спорах. Отвечая на выдвинутые претензии, буддийские адепты последовательно излагали собственную мировоззренческую систему. Суть их линии поведения в этой ситуации зачастую сводилась к попытке привязать собственные концепции к местной социокультурной традиции. Так, защищаясь от рекламаций по поводу несоответствия местным догмам морали и этикета, концепции «трех устоев и пяти постоянств», буддисты утверждали, что буддийское положение о великой добродетели (大慈) – это есть, по сути, учение о сыновней почтительности и другие традиционные китайские доктрины. В трактате «Гуан хун мин цзи» (广弘明集) говорится: «В конфуцианстве на первом месте стоит теория о сыновней почтительности, и человеколюбие считается основой вселенной. В буддизме наиболее авторитетным является положение о великом милосердии, и оно распространяется повсеместно на пять начал (孔以敬孝为首, 则仁被四海, 释以大慈为务, 则化周五道)» [5].

Буддисты уверяли, что их учение не может причинить вред государственным устоям Китая,

наоборот, оно способствует умиротворению обстановки в стране, и таким образом помогает политике добродетельного правления: «Разве где-нибудь в буддийских канонах говорится об [обычае] обезглавливания врага для получения повышения в ранге? Буддизм не имеет ничего общего с казнью конфуцианцев в период Цинь. И Будде неведомы разрушения конфуцианской системы морали и этикета. А безвластие в эпоху Чжаньго – как оно связано с буддийским монахом? (周朝傳首，豈見佛經？秦坑儒士，非矣釋事；禮崩樂壞，未睹爭屠；戰國無主，何矣僧偽?) [5]».

Наконец, по поводу замечания «конфуцианство и даосизм – для китайцев, буддизм – для иностранцев», буддисты напоминали, что многие китайские совершенномудрые (шэн сянь 圣贤) были не китайского (неханьского) происхождения. «Юй родом из западных Цянов, Шунь родом из восточных И. Кто же сможет сказать, что они низки и усомниться в их святости? Цю (Конфуций) желал посетить земли восточных не китайских племен, Дань бывал на земле западных не китайских племен. Дао повсюду, отчего же тогда мы не рассматриваем земли равными? (禹生西羌，舜生东夷，孰云地贱而奔其圣？丘欲居夷，聃适西戎，道之所在，宁选于地?) [5]».

Между тем, несмотря на очевидный конфликт и идеологическую несовместимость буддизма и автохтонных учений, с течением времени появляются сторонники их сближения. Так, в сочинении «Трактат о постижении Будды» (明佛心) Цзун Бин (宗炳) династии Восточная Цзинь (317-420 гг.) указывает: «Хотя наставления Конфуция, Лаоцзы и Будды и разнятся, тем не менее, они все ведут по пути воспитания добра (孔、老、如来，虽三训殊路，而习善共轍)» [5].

В эпоху Южных и Северных династий (410-589 гг.) буддизм стал претендовать на роль лидера в системе трех учений и представлять собой заметное явление собственно китайской культуры. К этому времени во взаимоотношениях трех традиций наблюдалась видимая тенденция к сближению. Приверженцы объединения стали выражать мнение, что, по сути, три учения

идентичны и представляют собой одну нравственную идею. Расхождения формальны, а разница в представлениях появляется в результате рассмотрения положений под различным углом зрения. В своем сочинении «Трактат о внутренней добродетели» (内德论) Ли Шичжэн (李师政) пишет: «Учение Конфуция, Будды и Лаоцзы едино. Все они провозглашают устранение желаний. И все они демонстрируют учение о недеянии. Разница в противоречивых представлениях вызвана особенностью восприятия людей (夫释老之教，体一而不二矣。同躡有欲之累，俱显无为之宗。……理非矛盾之异，人不同嗜之殊)» [5].

К периоду Суй-Тан (581-618 гг., 618-906 гг.) адаптационный период прошел, и отношения между конфуцианством, даосизмом и буддизмом стали выходить на этап складывания «сань цзяо» (三教 – «трех учений»). В «Новой книге Тан. Записи Сюй и Дай» (新唐书徐岱传) говорится: «отношения между тремя учениями начали улучшаться» (始三家若矛盾然，卒同归于善)» [5].

В результате сложного межкультурного диалога между буддизмом и автохтонной традицией достигался определенный «компромисс идей». Так, концепция «не-Я», имевшая системообразующее значение в рамках индубуддийской цивилизации, в простонародном китайском буддизме была оставлена практически без внимания. Адаптация буддийского учения к местной культурной и духовной традиции заставила его пересмотреть собственную содержательную составляющую и приобрести ряд новых черт, отсутствовавших в оригинальном варианте. Стоит заметить, что так называемая «китаизация» буддизма коснулась в большей степени религиозной стороны системы, и в меньшей – философской.

Необходимо также говорить и о разнородном характере буддийского учения. Буддизм, объединенный фактически лишь исходными базовыми положениями, проник в Китай во всем своем многообразии течений и школ. Потенциал буддийской теории предоставлял большие возможности для реализации разных, подчас диа-

метрально противоположных направлений. Внутренние резервы буддизма допускали развитие идей, в основу которых легли и рациональный, и иррациональный методы мышления. Пластичность буддизма, его способность к вариативности, а также толерантность по отношению к собственной внутренней и окружающей внешней трансформации явились важными факторами успешного взаимоотношения буддизма с традиционными китайскими учениями.

Литература

1. Тан Ицзе. Фоцзяо юй чжунго вэньхуа (Буддизм и культура Китая). – Пекин: изд-во религии и культуры, 1999. – С. 2; 7; Хун Сюпин, Чэн Хунбин. Чжунго фосье чжи цзиншэнь (Дух китайского буддизма). – Шанхай: изд-во ун-та Фудань, 2009. – С. 8-9.
2. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. – СПб.: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2005. – С. 312-313.

3. Фан Литянь. Чжунго фоцзяо юй чуаньтун вэньхуа (Китайский буддизм и традиционная культура). – Пекин: изд-во Пекинского народного ун-та, 2009. – С. 313.

4. Хун Сюпин, Чэн Хунбин. Чжунго фосье чжи цзиншэнь (Дух китайского буддизма). – Шанхай: изд-во ун-та Фудань, 2009. – С. 8.

5. Лай Юнхай. Чжунго фоцзяо вэньхуа лунь (К вопросу о культуре китайского буддизма). – Пекин: изд-во Китайского народного ун-та, 2007.

6. Торчинов Е.А. Введение в буддологию: курс лекций. – СПб.: СПб-ое филос. общ-во, 2000. С.204.

Хабдаева Аюна Константиновна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры восточных языков Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: ayupost@yandex.ru.

Khabdayeva Ayuna Konstantinovna, candidate of historical science, senior lecturer, department of oriental languages, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: ayupost@yandex.ru.

УДК 75

© А.Ж. Бальжурова

«СТРАННОЕ ПРОСТРАНСТВО» В ИСКУССТВЕ ДАШИ НАМДАКОВА

В данной статье проанализирован уникальный авторский стиль современного бурятского художника Д.Намдакова. Выделен ряд серий работ автора по тематике, выявлены основные составляющие авторского стиля – вековые традиции европейского и азиатского искусства, черты скифо-сарматского стиля, влияние гуннского искусства, искусства тюрков-кочевников более позднего времени, монгольской пластики, японской гравюры и средневековой скульптуры, включающие аспекты, связанные с шаманизмом, анимизмом и буддизмом.

Ключевые слова: буддийские и шаманские традиции, искусство, художник, скульптура, миф.

A.Zh. Balzhurova

«STRANGE AREA» IN THE ART OF DASHI NAMDAKOV

The article deals with a unique author's style of Dashi Namdakov, the famous Buryat contemporary artist. The series of the author's artworks are mentioned in the article. The author distinguishes various cultures elements that from the artist's personal style, including the traditions of Asian and European art existed for centuries, the features of the Skifo-Sarmatsky style, Japanese engraving, Mongolian plastics and the medieval sculpture. Namdakov's artworks also contain the influence of the art of the Huns and the late Turkish nomads, and zoomorphic patterns and various elements derived from shamanic and Buddhist traditions.

Key words: Buddhist and shamanic traditions, art, culture, artist, sculpture, myth.

Даши Бальжанович Намдаков – скульптор, художник, ювелир, член Союза художников РФ. Родился в 1967 г. в Читинской области, окончил Красноярский художественный институт. В 2003 г. награжден серебряной медалью Россий-

ской Академии. Его художественные работы выполнены из бронзы, серебра, золота, меди, драгоценных и полудрагоценных камней, а также из кости (бивень мамонта), конского волоса и

дерева, в технике художественного литья,ковки и смешанной технике.

Он провел 14 персональных выставок в России и за рубежом, в том числе в известных музеях и галереях мира. С 2004 г. живет и работает в Москве. Работы художника хранятся в фондах Государственного Эрмитажа, Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея искусства народов Востока, Российского этнографического музея, Музея современного российского искусства, Тибетского Дома в Нью-Йорке, Музея искусств г.Гуанчжоу в Китае, а также в частных коллекциях [3, с. 3].

Цель данной статьи – проанализировать произведения Д.Намдакова, выявить специфику ярко выраженного уникального авторского стиля, характерного для мастеров Байкальского региона, творящих свои произведения в постмодернистском искусстве XXI в.

Источником вдохновения в творчестве Д.Намдакова являются две составляющие: вековые традиции европейского и азиатского искусства. Здесь черты прекрасной профессиональной школы, скифо-сарматского стиля, влияние гуннского искусства, искусства тюрков-кочевников более позднего времени, монгольской пластики, японской гравюры и средневековой скульптуры, включающие аспекты, связанные с шаманскими анималистическими и буддийскими традициями. Его работы – не воспоминания о великих культурах бронзового и железного веков, не иллюстрации к мифам или сказаниям, не изображения исторических героев или давно минувших событий. Художник придумывает свой особый мир, причудливый и мощный, сочетающий духовные традиции древности и реальность действительности, густонаселенный созданными им героями, фантастическими и одновременно убедительно достоверными. Исследователи творчества скульптора отмечают, что такое умение передается по наследству через генетические коды мастеров-дарханов.

В скульптурах, графике, ювелирных изделиях Даши мы видим образы степной и азиатской цивилизаций: воинов и всадников, буддийских священнослужителей, сибирских шаманов, тотемных животных и мифологических существ. Причем сюжеты его произведений, восходящие к восточным верованиям и легендам, переданы посредством современной европейской пластики, позволяющей создавать удивительные образы. По словам художника: «предметы обладают энергией, и задача скульптора – искать способ полного воплощения идеи вещи посредством пластики» [11, с. 6].

Рассматривая скульптуру мастера, мы выделяем ряд серий, объединенных единой тематикой.

Ритуальная буддийская скульптура малой формы, которую мы назвали «дацанский оркестр» в буддийской ритуальной мистерии Цам. Это «Лама с литаврами», «Лама с бубном», «Лама с колотушкой». Здесь каждый лама держит в руках ритуальный музыкальный инструмент, сочетание которых создает определенную музыкальную композицию.

«Лама с литаврами» – молодой монах с поднятым к небу лицом и с блаженной улыбкой медитирующего. Это самая романтическая скульптура триптиха. «Лама с бубном», «Лама с колотушкой» – на аскетических лицах старых лам запечатлены размышления о природе кармических перерождений. На «Ламе с колотушками» головной убор тибетских монахов в виде высокого колпака с бахромой. Плащ драпирует фигуру экспрессивными складками. Создается ощущение, что каждое движение души сопровождается гулкими и вибрирующими звуками инструмента. Вся серия Ламы построена на сочетании и противопоставлении героев. Три образа и три характера связаны между собой идеей погружения в Учение Будды [5].

К этой же серии мы причислили скульптуру «Ритуал» – на круглом постаменте в виде лотоваго трона стоит лама-юноша. Тонкие руки бережно держат раковину – ритуальный музыкальный инструмент. Аскетический облик ламы говорит нам о трудной духовной работе, а музыкальный инструмент рождает иллюзию чудесного неземного звука, создающего вокруг скульптуры атмосферу вибраций.

Наряду с малой формой, можно отметить и станковую скульптуру автора «Маленький Будда», подаренную автором Иволгинскому дацану. Она представляет собой фигуру маленького Будды на спине льва, держащегося за его гриву. Фигура льва в буддизме почитается как воплощение храбрости, благородства, постоянства. В его образе многократно воплощался Будда. Лев держит лапу на шаре. Шар под его лапой – это символика мира, ребенок олицетворяет все мироздание и Будду, который еще не осознал себя основателем великого учения.

В следующую серию мы объединили скульптуры, отражающие религиозно-аллегорические представления. К ним относится «Жемчужина» – это изображение девушки-раковины, которая держит в левой руке жемчужину. Раковина – один из старейших культовых предметов. Среди «Восьми буддийских символов счастья» раковина обозначает славу буддийского учения. Ли-

цо у девушки умиротворенное, божественно-спокойное, волосы собраны в форме конусообразного возвышения или же головного убора «Ушниша» (буддийский головной убор) и мочки ушей удлинены, эти признаки являются основными признаками присутствующие у Будды Шакьямуни и указывающие на божественную природу других Будд.

«Кокон» – скульптура показывает процесс появления прекрасного гармоничного существа из хаотичных элементов предшествующих рождений. Фрагменты, напоминающие дракона, обвитого вокруг тела девушки, и увеличенного гротескового насекомого противопоставлены спокойной коленапреклоненной женской фигуре с ясным выражением лица. Полуприкрытые веки и полуулыбка говорят о медитативном процессе духовного совершенствования.

Другая работа художника «Медитация» – это медитирующий философ, принявший позу буддийского монаха, и восточный борец-воин. Сюжет и форма скульптуры составляют единое гармоничное пространство. Мы видим человека в состоянии сложного процесса освобождения от реальной внешней жизни и концентрации мысли одновременно. Перед нами бронзовая глыба, гора мышц, сосредоточенная на конечной цели, на минутной схватке и победе. Гигантский человек пребывает в сосредоточенном трансцендентном преображении. Законы космической гармонии преломляются в творчестве художника в символах и ощущениях, когда животное наделяется качеством человека, а человек – животного. Так могучий воин напоминает сильного и опасного зверя и наоборот. Великий борец перед схваткой становится символом концентрации внутренней энергии, выражением неведомых нам качеств природы [5].

Таким же образом выполнена скульптура «Лань», мы видим зооантропоморфное существо – девушку-лань. У грациозно лежащей лани лицо молодой девушки с прической напоминающей головной убор «Ушниша». Выражение лица также божественно-спокойное, умиротворенное, медитирующее. По легенде пара ланей была слушателями первой проповеди Будды.

Широкий интерес автора к буддизму не случаен, поскольку буддийская мифология, являющаяся одной из самых богатых и разнообразных в истории мировой культуры, сегодня стала наиболее распространенной в мире [7, с. 4-5].

В следующей серии малой пластики из серебра «Номады», представлены работы, основанные на народных традициях, связанных с природой мифопоэтического мышления. Это старые воины и одинокие ханы: «Всадник» (ма-

ленький), «Всадник» (большой), «Лучник», «Старый воин», «Дорога домой», «Кочевник», «Хан» и др. Усталость и осознание тщеты земной жизни отражены в «окаменелости» скульптур, напряженных мускулах, жестких позах, – и лишь складки одежд наполнены жизненной энергией: они трепещут на ветру, принимая формы экзотических цветов или лotosовых буддийских тронов. Так Д.Намдаков воплощает тему Чингисхана, великого героя монгольского народа в бронзе. В этих работах Д.Намдакова заметно влияние монгольского искусства. Это проявляется не только в общем облике скульптур воинов, лошадей, но даже в отдельных деталях: в головных уборах, одеждах, оружии. Связанные с образами властителей, героев композиционные элементы повторяются и в бронзе, и в золоте, и в других материалах. Это ханская корона или шапка, стержень, завитые рога, монгольское священное оружие – лук и стрелы. Часто встречаются стилизованные изображения наконечника стрелы и тонкого скуластого лица монголоидного типа или гиперболизированной, удлиненной стреловидной маски, символизирующие вечность, как, например, в золотых серьгах и подвесках «Идол», «Цель», «Вечность» [5].

У Д.Намдакова есть работы, где буддийские и шаманские мотивы присутствуют как аллегория или как стаффаж – дополнение в виде украшения одежды. Например, в скульптурах «Вельможа», «Звездочет II», «Затмение» одежда на уровне груди и живота украшена головой гневных буддийских божеств защитников веры – Дхармапал или же мифических существ, например, таких как Макара, Гаруда и т.д. Такие дополнения придают более глубокий смысл скульптуре, так как представленные мифические существа и защитники веры обладают гигантской силой и энергией.

В работах «Маски», «Воспоминание о будущем», «Мастер» представлена шаманская тематика. Аура мифов и сверхъестественного наполняет эти работы. Шаманская тематика в этих работах представлена в детально разработанных головных уборах из бивней и лошадиных черепов и в масках из костей животных. Представленные нам шаманы настолько архетипичны в своем образе, что напоминают древнейших предков – первых шаманов.

Эти работы реминисценции образной репрезентации буддийских и шаманских мотивов. Если представить насколько глубоко хронологические пласты, участвовавшие в становлении видов и жанров в искусстве региона, сколь сложны переплетения культур прилегающих террито-

рий, оказавших воздействие на формирование традиционной культуры Бурятии, то становится понятно, что подобное явление было неизбежно. Оно предопределено свободой выбора художников, живущих на рубеже двух столетий [5].

Д.Намдаков с увлечением разрабатывает анималистическую тему в скульптуре, графике и особенно изощренно и фантазийно в ювелирной пластике (над которой начал работать с 2004 г.). В этой серии, по нашему мнению, в большей степени отразилось влияние скифо-сарматского стиля и гуннского искусства.

Ювелирные украшения Даши выступают как драгоценные артефакты истории. Хищные птицы, животные и насекомые участвуют в процессе творения современного мира искусства. Как известно у бурят животные издревле являются древнейшими культами, тотемами. С детства наблюдая за священными для монгола или бурята животными, он испытывает к ним особое, трепетное отношение. Неизменное восхищение вызывают у художника красота, грация, стремительный полет лошадей, пластичность мягких движений мощных тел хищников. Обращаясь к изображению тех или иных представителей фауны, характерным сюжетам, скульптор трансформирует их, создавая наделенные особой магией образы-символы хранителей человека, защитников домашнего очага и обитателей неведомых миров, существующих по представлениям бурят-шаманистов и буддистов. Поэтому сложно обозначить термином «животное» то или иное существо, пусть и сохраняющее отдаленные черты привычного облика. Характеры персонажей яркие, эмоционально насыщенные, предельно выразительны. Их позы даже в зримой статике кажутся экспрессивными. В состоянии внешнего покоя мы видим могучее усилие внутреннего преображения [5].

Одна из самых ярких работ в творчестве скульптора связана с мифическим прародителем бурятских родов быком «Буха-Нойоном». По легенде, от брака быка с женщиной пошли первые люди, жившие в предгорьях Восточного Саяна. Поэтому народ наделял своего предка неукротимой силой, мощной красотой и величием. В исполнении Даши этот легендарный бык кажется сошедшим с палеолитической фрески, выполненной первобытным художником на стене пещеры. Бык в своей титанической силе кажется космическим явлением, движущейся тектонической плитой.

В композиции «Стихия» художник рождает идеальный образ летящего коня, передает ощущение стремительного движения к цели, пьянящего чувства свободы, грации и силы. Стихия –

символ полета духа человека. Неуправляемая, подчиненная лишь природной целесообразности лошадь-явление летит над степью, олицетворяя извечное движение вперед. Архетипическое начало здесь связано с символикой летящего скифского оленя, обозначающего смену времен года и наступление нового цикла в природе.

Скульптура «Степной ветер», напротив, статична, выполнена как фрагмент тела барана. Однако несокрушимой энергией веет от взгляда, всего облика животного. Кажется, что перед нами сам дух степей, мудрый и грозный. Оставшийся от жизненных бурь, крутой, свернутый в пружину рог и пустота глазниц говорят о долгой борьбе за существование [4, с. 4].

Многие работы посвящены теме сакральной жертвенности. Конь Модэ и конь Сэтэр красивы в своей усталой, но гордой покорности священных избранников. Известно, что у кочевников был культ животных, которым поклонялись, но в определенный момент приносили в жертву духам ради великой идеи. В их опущенных головах и мощных телах мы угадываем целые эпохи войн с победами и поражениями.

Можно выделить и мистическую серию, связанную с созданием фантастических существ, которые вышли из восточных преданий, легенд, фольклора: «Хранительница», «Гений-хранитель», «Химера (Гаруда)». Например, фантазмагорией и мистикой веет от работы «Хранительница», в которой образ львицы-самки дополнен острыми, как лезвия крыльями, грозно вздыбившимися за спиной хищной кошки. Окаленная пасть и острые когти говорят о яростном стремлении защищать свое потомство. Прием устрашения как защита традиционно использовался как в шаманской символической пластике онгонов, так и в изображениях буддийских гневных божеств – хранителей веры.

«Гений-хранитель» – некое фантастическое существо, гений места, персонаж древнего мифа. Образ составлен из нескольких элементов: тела хищной птицы, рогов быка, хвоста скорпиона и мощных лап льва, что придает этому существу красивый, но грозный вид.

«Хранительница» и «Гений-хранитель» архетипичны в использовании приема полиморфизма совмещения форм различных существ. Несмотря на свою фантастичность, они, тем не менее, выглядят вполне реальными в анималистической галерее Д.Намдакова.

«Химера (Гаруда)» – скульптор создал динамичную сцену схватки между птицей, охраняющей гнездо, и змеей, нападающей на птенцов. Фантазмагоричный облик Птицы-самки наделен автором хищным клювом и острыми крыльями,

рогами и проступающими ребрами животного. Перекрученное тело этого существа наполнено яростью и стремлением защитить свое потомство. Змея попала под мощную лапу птицы, но ее пластичное тело напряжено до предела в упорном поединке. Сцена борьбы равных существ становится символом и переходит из категории привычного жанра в категорию ритуального символизма.

В буддийской мифологии есть персонаж, по своим функциям напоминающий птицу и змею, ассоциирующийся с добром и злом как философскими категориями. Это Гаруда, один из самых древних символов восточной религиозной мифологии. В тибетско-монгольской традиции образ Гаруды связан также с Познанием, Знанием, Мудростью.

Таким образом, мы видим, что стилеобразующим началом творчества Д.Намдакова являются фольклорные и героико-эпические мотивы кочевых народов Забайкалья, буддийское искусство, шаманские традиции, анималистика и архаические традиции древних культур. Сочетая разные традиции, Даши создает неповторимое намдаковское «странное пространство». Его работам свойственна символичность, декоративизм, архетипичность и авангардизм. Все это характеризует творчество скульптора как яркое, самобытное, необычное и эффектное явление в культуре XXI века.

Литература

1. Алтаргана-2006.: спец. выпуск межрегион. общ.-полит. журн. «Байкал-гео»/ подгот. Г.Бадмаева [и др.]. – Улан-Удэ: Байкал-гео, 2006. – 123 с.
2. Витте М. «Бронзовая мистерия» // Мир культуры России. – [Электронный ресурс] – www.dashi-art.com.
3. Даши Намдаков: путеводитель. – Иркутск: Артиздат, 2001. – 31 с.
4. Даши Намдаков [каталог] (вступит. ст. Н.П. Комаровой). – Иркутск: Artkoda, 2001. – 37 с.
5. Комарова Н.П. Планета, имя которой степь. – [Электронный ресурс] – www.dashi-art.com.
6. Меньшикова М.Л. «Новое звено в цепочке традиций». – [Электронный ресурс] – www.dashi-art.com.
7. Марц Л.В. О художнике Даши Намдакове // Бронзовая Азия [каталог]. – М.: Пекин, 2006. – 132 с.
8. Рикардс Джеймс. Скульптор меняет представления о Чингисхане // Газета «Чайнопост». – Тайвань, 2005 // www.dashi-art.com.
9. Намдаков Д. Скульптура [каталог]. – М.: Менеджер, 2004. – 216 с.
10. Намдаков Д. Ювелирная коллекция [каталог]. – М.: СканРус, 2005 – 32 с.

Бальжурова Арюна Жамсуевна, аспирант кафедры этнологии и народной художественной культуры Восточно-Сибирской Государственной академии культуры и искусств, г.Улан-Удэ, e-mail: Aryunabalzh@mail.ru.

Balzhurova Aryuna Zhamsuevna, postgraduate student, department of ethnology and national art culture, East-Siberian State Academy of Culture and Arts, Ulan-Ude, e-mail: Aryunabalzh@mail.ru.

УДК 791.43 (520)

© **В.И. Антонов**

ПАТРИАРХ МИРОВОГО КИНО, «САМЫЙ РУССКИЙ» ЯПОНСКИЙ РЕЖИССЕР

В статье дана развернутая характеристика творческой деятельности мэтра мирового и японского кино Канэто Синдо на примере последовательного рассмотрения его многочисленных фильмов – подлинно художественных творений, проникнутых глубоким реализмом. Подробно раскрыт мощный и многогранный талант Синдо, проявленный в области кинематографии.

Ключевые слова: классик и легенда мирового и японского кино, выдающийся режиссер, талантливый кино-сценарист.

V.I. Antonov

THE PATRIARCH OF THE WORLD CINEMA, «THE MOST RUSSIAN» JAPANESE FILM DIRECTOR

In the article the characteristic of creative activity of Caneto Sindo, a master of the world and Japanese cinema is given. His numerous movies are shown on the example of the consecutive consideration; they are really artistic creations, inspired by a deep realism. Sindo's powerful and versatile talent, revealed in the field of cinema, has been convincingly exposed on the background of such analysis.

Key words: classic and legend of the world and Japanese cinema, outstanding film director, talented movies scriptwriter.

Канэто Синдо... Сразу в голову приходят образные, но вместе с тем глубоко правдивые сравнения. Патриарх мирового кино. Настоящий Мудрец.

Живой классик кино. Истинный гуманист. Величайший знаток многогранного человеческого мира. Все эти и другие близкие по смыслу образные но-

минации – не что иное, как грани цельного и неразрушимого слитка, единого и органичного сплава, имя которого олицетворено в Канэто Синдо. К данному ряду можно отнести и такую номинацию как «самый русский из японских кинорежиссеров», что также вполне оправдано: свои лучшие фильмы он непременно демонстрировал на московских кинофестивалях, где они не раз становились призерами.

Канэто Синдо прожил очень долгую и непростую, тяжелую жизнь. Жизнь длиною в целое столетие. Даже перешагнул календарный век на месяц и один день. Родился 28 апреля 1912 г., а умер 29 мая 2012 г.

Канэто Синдо (его настоящее имя – Нобору Канэ) был родом из пригорода Хиросимы. Того самого города, который вместе со своим населением испытал ужасы атомной бомбардировки в августе 1945 г. и который впоследствии из города-призрака, из города-пепла вновь восстал, но восстал уже в своей необычной, по-человечески осмысленной красе. Того самого города, который в послевоенное время стал настоящим символом борьбы за мир и сохранение человечества во всем мире.

«Я родился, – скажет позднее Канэто Синдо, – недалеко от Хиросимы. С этим городом связано многое – моя семья тоже погибла там от атомного взрыва. Может быть, поэтому тема Хиросимы, тема трагедии человеческих судеб стала главной в моем творчестве» [1].

Но в кино он пришел задолго до хиросимской трагедии. Еще в 1934 г. Канэто Синдо был принят на работу в качестве художника-декоратора в киностудии «Синке». Через два года он перешел в сценарный отдел компании «Сетику».

Хотя Канэто Синдо с самого начала прихода в киноиндустрию был в равной степени прагматиком и идеалистом, после хиросимской трагедии внутри у него все перевернулось, в нем стал все более разыгрываться дух протеста, настоящего бунтаря. И не удивительно то, что в 1949 г. сценариста Синдо уволили из киностудии «Сетику» за попытку отстаивать свои творческие принципы и права на свободу тематического выбора в кинодеятельности. В 1950 г., когда по приказу военного коменданта Японии генерала Макартура в стране была проведена люстрация членов компартии и сочувствующих им, Синдо, склонявшийся тогда больше к левым взглядам, вместе со своим оператором Кодзубуро Есимурой создал независимую кинофирму «Киндай эйга кекай». Через год он впервые выступил режиссером-постановщиком. Так была поставлена новая точка отсчета в его профессиональной жизни. 1951 год стал годом рождения великого кинорежиссера. В японском кино (и не только в японском) началась эра Канэто Синдо.

Режиссерский дебют Синдо был связан с фильмом «Повесть о любимой жене». Японская публика отнеслась к нему после выхода этого фильма более чем спокойно и снисходительно, понимая, что он всего лишь дебютант. Но через год, в 1952 г., произошел настоящий взрыв в сознании не только японского, но и мирового кинозрителя. На Каннском кинофестивале Канэто Синдо получил «Золотую пальмовую ветвь» за фильм «Дети атомной бомбы» (в советском прокате – «Дети Хиросимы») и приз за режиссуру. Сценарий был написан самим Синдо на основе тщательного, и вместе с тем трепетного ознакомления с классными сочинениями хиросимских детей, испытавших на себе ужасы атомной бомбежки.

Фильм явился, как отмечает известный японский кинорежиссер Тадао Сато, «первой японской картиной, в которой содержалась резкая критика американских бомбардировок» [2]. В тот период строжайше запрещалось даже обсуждать тему, связанную с атомной трагедией Хиросимы и Нагасаки. Поэтому постановка и показ фильма Канэто Синдо на мировом кинофоруме стали настоящим прорывом в информационной и идеологической блокаде, устроенной в Японии американскими военными. Столь высокая и вполне заслуженная оценка этой кинокартины в Каннах принесла его автору-постановщику мировую славу. Затем этот фильм в 1954 г. удостоился Премии мира на международном кинофестивале в Карловых Варах (ныне – Чехия). Кинокартиной «Дети Хиросимы» в свое время восторгались и одновременно содрогались от нее такие знаменитости как Жорж Садуль и Бертран Рассел.

С другой стороны, «Дети атомной бомбы» («Дети Хиросимы») стал тем фильмом, «в котором чувство вины японцев наконец-то было преодолено, и режиссер Канэто Синдо, используя ретроспективный показ событий до и после бомбардировки Хиросимы, создал лирическую картину жизни, исполненную спокойной стойкости, не впадая ни в раскаяние, ни в романтическую мелодраму. Синдо впервые поставил очень важную проблему ответственности Японии перед забытыми ею людьми, пережившими ядерную катастрофу» [2].

Сюжет кинокартины зиждется на том, что молодая учительница по имени Такако Исигава (эту роль тогда блестяще сыграла Нобуко Отова (1924–1994), впоследствии ставшая японской кинозвездой и женой Канэто Синдо) возвращается в родную Хиросиму спустя семь лет после атомной бомбардировки, которую ей, к счастью, удалось пережить. До войны она работала там воспитательницей в одном из детских садов. И Такако невольно начинает вспоминать свою прошлую жизнь, погибшую семью, навсегда утраченных друзей, мысленно, с

глубокой, неизбывной болью в душе переживать все, что произошло в «тот злосчастный, страшный, бесчеловечный» августовский день 1945 года, когда одно мгновение унесло с собой сто с лишним тысяч человеческих жизней.

Затем Канэто Синдо ненадолго смещает тематический акцент в своем кинотворчестве в сторону «дна» японского общества. В своих работах первой половины 50-х годов кинорежиссер рассказывает о жизни нищих, проституток и других деклассированных элементов: «Канава» (1954), «Волки» (1955). Также он обращается к женским образам. Они – в центре его кинолент «Миниатюра» (1953), «Актриса» (1956).

К теме атомной трагедии Канэто Синдо вновь обращается в фильме «Счастливый дракон №5», снятом в 1959 г. (в советском прокате он шел под названием «Трагедия “Счастливого дракона”»). Картина посвящена трагической судьбе команды рыболовецкой шхуны с идентичным названием, ставшей жертвой смертоносных радиоактивных осадков после взрыва американской водородной бомбы на атолле Бикини, что в Тихом океане. Канэто Синдо в фильме скрупулезно восстанавливает события, происшедшие 1 марта 1954 года в тихоокеанской пучине в семидесяти милях от Бикини. Убедительно и правдоподобно, профессионально используя технические и художественные возможности кинематографа того времени, Канэто Синдо показывает, как рыбаки были ослеплены яркой вспышкой ядерного взрыва, как обрушился на них шквалом огромный массив белого пепла, похожего на снег. В порт рыбаки вернулись внешне вроде бы здоровыми, без всяких признаков недомоганий или симптомов какого-либо недуга. Однако все они были заражены лучевой болезнью, от которых их тщетно пытались спасти лучшие врачи и ученые Японии.

Фильм «Счастливый дракон №5» явился еще одним серьезным, выраженным в художественной форме, предостережением для всех людей на планете о том, что человечество в результате интенсивной разработки и безудержной гонки ядерных вооружений неминуемо сползает к общемировой катастрофе. Он призван был стать кинематографическим призывом к тому, чтобы страшные уроки не только Хиросимы, Нагасаки, но и Бикини впредь не повторялись.

К теме хиросимской трагедии Канэто Синдо еще раз возвращается в фильме «Бессилие» (1962). В картине вновь с особой силой воскресает история конкретной человеческой жизни, исковерканной, опаленной смертоносными лучами атомного взрыва в Хиросиме. Но, в отличие от фильмов «Дети Хиросимы» и «Счастливый дракон №5», наделенных большой обобщающей силой, художественно-

предметный мир «Бессилия» соткан из сугубо персонализированного материала: личные, интимные мотивы, судьба одного человека, психология его личности.

В промежутке между двумя последними фильмами, отстоящими друг от друга на три года, Канэто Синдо сумел создать настоящий художественный шедевр под названием «Гольй остров» (1960). С этим фильмом он блестяще дебютировал в 1962 г. на II Московском международном кинофестивале, завоевав Гран-при фестиваля. После большого успеха в Москве его картине открылась дорога по всему миру: она совершила триумфальное путешествие по кинозалам Европы и Америки, принесла кинорежиссеру славу и известность.

К слову сказать, автору этих строк довелось трижды, причем в разном возрасте, видеть «Гольй остров». Впечатления были неодинаковые, даже немного контрастного порядка. В первый я увидел фильм, будучи учащимся 9 класса. Это произошло в кинотеатре «Родина», расположенном в п.Авиазавод. Картина мне тогда совсем не понравилась. Она показалась очень скучной и однообразной. Такое ощущение усугублялось и тем, что уже к середине сеанса больше половины зрителей покинуло кинозал, хотя то была лишь обывательская реакция на фильм. Но во второй раз, когда я был аспирантом МГУ, картина предстала совсем по-другому. Просмотр фильма от начала до конца проходил под знаком напряженного пульсирования мыслей и чувств. Он произвел на меня сильное впечатление. Картина была воспринята мною не иначе как философская песня о мире японских крестьян. В третий же раз, когда я смотрел это произведение уже в зрелом возрасте, ко мне вновь пришло то понимание. Канэто Синдо в фильме с помощью скупых, одновременно очень емких и убедительных кинематографических средств и методов сумел не только сотворить немую элегию о тяжелейшем быте и жизни крестьянской семьи на маленьком безводном островке, но и поднять ее на подлинно философскую высоту.

«Гольй остров» изначально предполагался и ожидался как рискованный проект: на съемках были заняты всего трое детей и два недорогих (в смысле оплаты их работы) актера. Женскую роль потрясающе тонко и правдиво сыграла Нобуко Отова. Мужскую не менее убедительно и глубоко исполнил Тайдзи Тонояма – большой друг Синдо, знаменитый своим мастерским исполнением эпизодических ролей во множестве фильмов.

Известный специалист по японскому кино И.Генс пишет: «На фоне бескрайнего неба шагает маленькая, хрупкая женщина. Ее плечи прижаты коромыслом, она согнулась под тяжестью кадок с водой. Но упорно, настойчиво нащупывает дрожа-

щими от усталости ногами опоры на сыпучей дорожке маленького крутосклонного острова. Тоненькая фигурка актрисы Нобуко Отова в фильме Канэто Синдо «Голый остров» напоминала легкий побег бамбука, который не в состоянии сокрушить сильнейший шквал ветра. Бамбук – это символ стойкости в японском искусстве – лучше всего характеризует актрису, ее далеко не простой путь в творчестве» [3].

«Голый остров» – картина печальная, но в то же время лирическая, добрая. Хотя черно-белый, без диалогов, по манере и способу подачи зрителю чрезвычайно близкий к документальности фильм Синдо кажется воплощением сизифова труда, эта картина все-таки рассказывает нам не о покорности, не о слабости, а о величии, великой силе человека. Крестьянская семья, состоящая из четырех членов: отца, матери и двух ребятишек, демонстрирует чудеса жизнестойкости. Их жизнь полностью сконцентрирована на бесплодной островной земле, которую надо обрабатывать и постоянно орошать, чтобы получить хоть какой-то урожай на пропитание. Удивительная по красоте природа, наполненная прозрачным синим небом, нежным беловатым песком, притягательными зелеными соснами, увы, оказалась без пресной воды: ее можно доставить лишь с ближайшего острова на лодках. Поэтому муж и жена (каждый со своим коромыслом) вынуждены были по двадцать раз в день на лодках отправляться за спасительной водой. А затем, полусогнутые под тяжестью ведер, нести ее по почти что отвесным скалам к узким полоскам возделанной земли, еле заметной среди бесконечной груды камней. Но не дай господи, если изнуренная, обессиленная женщина по пути упадет и прольет даже половину содержимого в ведрах! Это уже будут целой драмой.

А тут на них нагрянула страшная беда: болезнь и смерть одного из сыновей. Мать с горя выливает воду на землю. Но потом все повторяется прежней чередой. На заре и в сумерках водоносы продолжают свою работу. И так из дня в день, из года в год.

Отсюда продолжительные статичные планы, немного замедленные ритмы, непривычное отсутствие диалога в фильме воспринимаются как естественные. Порою кадры в нем идут в абсолютной тишине, потом слышны всплеск воды, скрип от шагов, тяжелое дыхание, раздаются какие-то звуки природы, воссоздается необычный музыкальный фон. Ритмика, музыка, шумы природы, заменяющие человеческую речь, тем не менее, порождают феномен особого языка общения. И во всем этом ощущается суровая, но вместе с тем, прекрасная гармония взаимоотношений жизни и природы.

Как вспоминает сам Канэто Синдо, «я родился в семье крестьянина у берегов живописного Внутреннего моря. Своими глазами я видел тяжелую работу моих родителей: сбор озимых в начале лета, посев риса, прополку под знойным небом, головокружительную спешку осенней жатвы. Молчаливый образ моей матери, сгорбившейся под тяжестью грузов, которые она носила на спине, никогда не покидал меня.

Я хотел когда-нибудь языком кино рассказать о борьбе крестьян с неподатливой землей, передать пафос этой бессловесной борьбы. Но как это сделать? С детства я привык к тому, что мои родители молчали. Борьба с каменистой землей и палящим солнцем поглощала все их силы. У них не хватало времени для разговоров. Так я пришел к выводу, что нужно сделать драму без слов, озвучив ее только естественными шумами и музыкой. Таким образом, я не искал оригинальности, создавая фильм без слов» [1].

И действительно, «Голый остров» – произведение, проникнутое истинным гуманизмом. Кинокритики, как советские, российские, так и зарубежные, включая японских, отмечали в нем пластическую завершенность кадров, композиционную целостность и совершенство. При этом особо подчеркивали тонкую, но прочную его связь с национальными – и живописной, и поэтической – традициями, с японской философией жизни.

В кинолентах 60-х годов Канэто Синдо обращается к чувственной сфере жизни. Умело показывает ее многообразие, многоцветье. Например, целая гамма чувств обнажается в таких его фильмах как «Чертова баба» (1964), «Инстинкт» (1966), «Источник секса» (1967). Правда, кинокритика упрекала режиссера за то, что в этих фильмах реализм нередко трансформируется в натурализм.

Интересен и необычен фильм «Черные кошки в бамбуковых зарослях» (1968), созданный на основе старинных японских легенд. Говоря конкретнее, он поставлен по мотивам древних мифов о женщинах-оборотнях. В другом фильме Канэто Синдо под названием «Сильная женщина, слабый мужчина», снятом в том же году, остро озвучена социально-нравственная тематика. Оба фильма были показаны на первом Ташкентском международном кинофестивале. Автору данных строк удалось увидеть эти картины на кинолектории в МГУ в 1972 г. при синхронном переводе Инны Генс.

Обе киноленты, в общем-то, просты и лаконичны в своем художественном решении, в то же время глубоки и масштабны в своем идейном основании. В первом фильме зло и жестокость олицетворяет группа самураев. Они, обесчестив двух красивых женщин (одна из них средних лет, вторая приходилась ей юной снохой, а ее муж, т.е. сын стар-

шей женщины, тремя годами ранее ушел на войну и пропал без вести), зверски убивают их, затем дотла сжигают их хижину. И тут происходит нечто невообразимое. Духи этих женщин, вернувшись на пепелище дома, яростно замыкав, в мгновение ока превращаются в черных кошек, которые дают себе обет – уничтожить всех самураев. И вновь обретая женский облик, духи убитых женщин начинают завлекать в свой заколдованный дом полупьющих самураев, чтобы перегрызть им горло. Загадочные убийства продолжаются до тех пор, пока одна из женщин не узнает в самурае своего мужа, Она, даже обернувшись черной кошкой, не может найти в себе решимости перегрызть ему горло.

В кинофильме с увлекательным, не лишенным временами натуралистических «ужастиков», сюжетом заложена в аллегорической форме выраженная мысль Синдо об ужасах насилия и жестокости, которые несут в себе воинство, война. Это – фильм-притча, фильм-протест.

В другой картине Канэто Синдо – «Сильная женщина, слабый мужчина» – в сатирически едкой форме высмеиваются нравы и образ жизни, царящие в Японии 60-х. Мать и дочь отправляются в Киото и поступают в одно заведение с весьма сомнительной репутацией, чтобы иметь возможность платить за обучение сына и брата в университете. При этом обе считают, что занимаются вполне respectable трудом. А муж вынужден на это закрыть глаза, поскольку он – безработный. Синдо свой фильм называл комедией, с чем трудно не согласиться. Но это – комедия, прямо скажем, очень горькая, обличающая псевдоморальные устои общества.

В 1971 г., спустя 9 лет после триумфального выступления в Москве с фильмом «Голый остров», Канэто Синдо вновь выставил на суд зрителей Московского международного кинофестиваля свою очередную картину «Девятнадцатилетние обнаженные» (в советском прокате – «Сегодня жить, умереть завтра»). Результаты ее оценки членами жюри превзошли все ожидания. Фильм (т.е. уже вторая кинокартина К.Синдо) удостоился Гран-при кинофорума.

Как рассказывал сам Канэто Синдо, «прототип главного героя существует в действительности. Его зовут Норио Нагаяма. В марте 1969 года он был арестован при попытке взломать сейф. За полгода до этого он похитил револьвер на военной базе Йокосука и совершил ряд бессмысленных убийств. Я прочитал в газете заметку о его преступлениях, и этот случай показался мне типичным. В тюрьме Норио Нагаяма написал историю своей жизни: книга «Слезы неуча», трогательная по форме и философская по существу, стала бестселлером. Сценарий не воспроизводит документально его жизнь,

но, опираясь на нее, исследует причины, которые толкают девятнадцатилетних на путь преступлений, анализирует их психологию. Как могли сформироваться такие люди? Под влиянием чего? Куда идет молодое поколение? Как оно должно жить сегодня, чтобы не умереть завтра? Вот круг проблем, которые интересовали меня. Сам Нагаяма, когда снимался фильм, был под следствием. Его история помогла мне создать собирательный образ определенной части молодого поколения Японии» [1].

Поэтому фильм «Сегодня жить, умереть завтра», повествующий о трагической и лишенной смысла жизни девятнадцатилетнего Митие, – настоящая драма, разразившаяся на жизненном пути молодого человека. Она полна горечи и гнева.

Преступный образ жизни у Митие начинается с того момента, когда ему удается украсть пистолет. С этим оружием убийства он долгое время скитается по Японии – с Хоккайдо в Токио, из Токио в Осака, Киото, Нагоя, потом снова добирается до Токио. За это время он застреливает несколько человек. Митие не может оставаться на одном месте, постоянно лжет окружающим, скрывая свое несчастливое прошлое и беспросветное настоящее.

На натуру Митие оказали сильное влияние его воспоминания о тяжелом детстве. Бедная, многодетная семья, где он родился, едва сводила концы с концами. Отец мальчика – большой любитель выпить и заядлый картежник – постоянно и надолго покидал свою семью, забываясь в азартных играх. Брат сбежал из дому со своей любовницей, оставив на попечение семьи своего ребенка. Старшая сестра – настоящая красавица – была изнасилована на глазах Митие и сошла от этого с ума. В школе Митие вполне оправданно слыл большим прогульщиком. Это объяснялось тем, что ему приходилось много трудиться на разных подсобных работах, чтобы хоть как-то помочь жившей впроголодь семье.

Митие по окончании школы перебирается в Токио и устраивается на работу в магазин по продаже фруктов. Но не об этом мечтал он в своих юношеских грезях. Митие бросает малопривлекательную работу и начинает вести бродячую жизнь. Первое случайное убийство сторожа в саду гостиницы с помощью украденного пистолета провоцирует серию последующих убийств. Митие как опасного преступника объявляют во всеяпонский розыск.

Так завершается его жизнь на свободе, беспутная, бессмысленная, обреченная на печальный конец. Как, почему и неужели такое возможно в Японии, в одной из самых передовых стран мира? Этими вопросами я неоднократно задавался после первого же ознакомления с кинокартиной осенью далекого 1973 года, когда был студентом МГУ. В результате своих студенческих размышлений я при-

шел к выводу о том, что фильм – суровый социально-системный приговор существующей в Японии проблеме молодежи. Картина, будучи глубоко мотивированной именно в этом плане, получилась острой, драматичной, хотя с элементами гипертрофии. Она мастерски (как с драматургической точки зрения, так и в художественном смысле) обличает пороки и язвы японского общества конца 60-х и начала 70-х.

Из последующих фильмов, появившихся в творчестве Канэто Синдо, можно назвать такие как «Металлический обруч» (1972), «Молитва» (1972), «Сердце» (1973), документальная лента «Жизнь одного кинорежиссера. Кэндзи Мидзогути» (1975), «Одинокое путешествие Тикудзана» (1977, картина удостоена премии на Московском международном кинофестивале), «Удушение» (1979), «Художник Хокусай» (1981), «Горизонт» (1984), «Дерево без листьев» (1986), «Послеобеденное завещание» (1995), «Жажда жизни» (1998). Кстати, последний из вышеназванных фильмов в 1999 г. завоевал Гран-при на Московском международном кинофестивале.

В этом фильме рассказывается о том, как бывший химик Ясукичи, став пенсионером, остро ощущает состояние своей ненужности и бесполезности. С болью переживая свое положение, когда его дети тяготятся им, болезни делают старого человека все более беспомощным, окружающие испытывают к нему плохо скрытую неприязнь, он бредит о горé, куда обычно в древние времена уносили умирать ненужных стариков и старух (в этой связи невольно вспоминается фильм «Легенда о Нараяме»). Но в то же время пенсионер противится тому, чтобы его отдали в дом престарелых, поскольку считает: это то же самое, что быть вывезенным и выброшенным на какой-нибудь горе. В семье Ясукичи столь же ненужной оказывается его дочь, страдающая психическим заболеванием.

Примечательно, что фильм о старости и стариках Канэто Синдо снял в возрасте 86 лет. Но трудно поверить тому, что картина, тонко и умно во всем естестве представляющая богатую палитру человеческих чувств и эмоций, наполненная сочным и искрометным юмором и в то же время горькой иронией, создана очень пожилым человеком. Тем не менее, в фильме от самого начала и до самого конца чувствуется око глубоко видящего мудреца, истинного знатока многогранного человеческого мира. Потому полагаю, что фильм Канэто Синдо заслуженно завоевал главный приз Московского фестиваля.

В ряду вышеназванных фильмов хочется специально выделить киноленту «Художник Хокусай» и в двух словах охарактеризовать ее. Картина, посвященная жизни и творчеству великого японского

художника, получилась очень красивой. Она привлекает зрителя множеством ярких красок, изумительными и гармоничными цветовыми сочетаниями. В то же время в фильме представлено обилие женской наготы, поскольку художник изображает много эротических сюжетов. В центральной сцене, где в его фантазии обнажается красивое женское тело, органично звучат слова-признания Хокусай о том, что он пишет не изнасилованную женщину, а скрытое желание женщины, которое, конечно же, всегда эротично. Надо сказать, что в фильме прекрасны различные виды священной для всех японцев Фудзиямы.

Вступая в новый век, Канэто Синдо в 2000 г. снял фильм «Подыгрывающий» о своем давнем друге Гайдзи Тонояме, о котором нами уже упоминалось выше в связи с сыгранной им главной мужской ролью в фильме «Голый остров» и который сыграл в более чем 250 фильмах. Тонояма был по жизни очень своеобразным и вместе с тем удивительно талантливым и неординарным человеком. Его увлекали, условно говоря, только три вещи: кино, женщины, выпивка, и он так и не сумел в течение всей жизни определиться с приоритетом в этой «троице». Фильм в целом получился интересным, драматичным. Канэто Синдо в сюжет о жизни актера искусно вплел также собственную линию: реальные сцены съемок своих ранних картин – «Голый остров» (1960), «Чертова баба» (1964), «Мать» (1963), «Негодяи из порта» (1957).

В 2003 г. 91-летний мастер японского кино привез в Москву очередной свой фильм, немало удивив жюри и зрителей международного кинофестиваля. Уже на открытии фестиваля его поджидал приятный сюрприз: ему был вручен специальный приз «За выдающийся вклад в мировой кинематограф».

Фильм, который Канэто Синдо представил москвичам и на премьере которого он присутствовал лично сам, назывался «Сова». Дело в нем происходило более 20 лет назад, когда на горе над одной глухой деревушкой беженцы из Манчжурии основывают поселение «Пик надежды». Название символическое, дающее как бы надежду начать благополучную жизнь на новом месте. Однако, увы... Год за годом следуют сплошные неурожаи. В результате поселенцы разбегаются кто куда, чтобы не умереть с голоду. И ко времени, о котором рассказывает фильм, в «Пике надежды» остаются только двое: Юми и ее 17-летняя дочь Эмико. Муж Юми много лет назад уехал в Токио на поиски работы, да так и не вернулся. Но неожиданно рядом с деревушкой начинают строить дамбу. Компания, ведущая это дело, посылает туда электрика и водопроводчика, чтобы восстановить подачу воды и электричества. За ними приезжают представитель пре-

фектуры и полицейский. Все они вдруг бесследно пропадают. Позже исчезают и Юми с Эмико, сумевшие каким-то хитрым способом заработать неплохое состояние.

Так Канэто Синдо оставляет зрителю необычную загадку. О судьбе матери и дочери знает только один свидетель – старая сова, обитающая на дереве напротив их дома. «Это загадочная птица, – объясняет К.Синдо. – Она ведет ночной образ жизни и видит то, чего не видит никто» [4]. В фильме режиссером осуществлен оригинальный ход: проводятся кажущиеся естественными параллели между героями кинокартины и животными. Благодаря этому, все персонажи «Совы» становятся яркими и неповторимыми, а порою выглядят просто смешными.

В итоге фильм, первоначально воспринимаемый как легкая игровая комедия, незаметно превращается в почти что психологический триллер. И все это основано на тонком ощущении и понимании традиционной национальной эстетики японцев, очарование от которой способно подкупить любого мало-мальски сведущего в ней зрителя.

Свой новый и, к сожалению, последний фильм «Открытка» Канэто Синдо опять отправил в Москву. Его в 2011 г. на Московском кинофестивале представлял сын режиссера, одновременно продюсер картины Дзиро Синдо. Главная тема снятого 99-летним режиссером фильма – война и простые люди. Картину, во многом автобиографичную, Канэто Синдо назвал своим творческим завещанием.

«Открытка» стала для Канэто Синдо особым знаком возврата к рубежному событию в его жизни, что требовало от него более глубокого осмысления и даже переосмысления этого события. Оно связано с участием Синдо во Второй мировой войне, хотя туда он попал довольно поздно, в 1944 году, когда ему было уже 32 года. Канэто Синдо служил в армии, как подобает всякому японскому солдату, честно и верно. И выжил, несмотря на то, что почти всего сослуживцы из его части были убиты.

«Отец всегда потом рассуждал так, – говорил Дзиро Синдо. – Коль скоро мне выпало выжить, я не должен забывать своих погибших товарищей. Я обязан сделать все, чтобы в дальнейшем предотвратить массовую гибель людей. Вообще, если тебе выпало выжить во время какого-то бедствия, живи не просто так, а во имя чего-то, во благо» [5].

Герои «Открытки» – дважды вдова (потеряв первого мужа на войне, женщина по просьбе свекра и свекрови выходит замуж за его младшего брата, который также был убит, будучи призванным в армию) и вернувшийся с фронта однополчанин ее первого мужа. Оба они чувствуют себя глубоко

потерянными, опустошенными и одинокими. Их постоянно обуревают внутреннее желание – бежать неизвестно куда, но непременно бежать из разоренных войной, не дающих тепла и света домашних очагов. Но японский стоицизм и жажда жизни, приносящая хоть какой-то смысл и надежду, побеждают. Немолодые уже мужчина и женщина строят новый дом и засевают поле саженцами... И надежда, наполняясь смыслом, постепенно начинает обретать реальные очертания. Таков философский фильм-послание великого кинорежиссера.

Канэто Синдо еще при жизни стал и классиком, и легендой кино одновременно. Он был не только выдающимся режиссером, но и первоклассным сценаристом. Ярким признанием последнего, т.е. его киносценарного таланта, служит тот факт, что Синдо более двух десятилетий, начиная с 1972 г., являлся генеральным секретарем Гильдии сценаристов Японии. У себя на родине считался одним из «самых русских» (наряду с Акира Куросавой) японских кинорежиссеров. Был любимцем московских кинофестивалей (семь раз участвовал со своими фильмами на них, трижды брал Гран-при). Канэто Синдо – большой поклонник творчества Льва Толстого. В 91-летнем возрасте он осуществил свою давнюю мечту, съездив в «Ясную Поляну».

Выдающийся мэтр мирового кино оставил после себя огромное творческое наследие. На его счету 45 фильмов. Он – автор более двухсот сценариев.

Канэто Синдо ушел из жизни, а значит из профессии (они у него всегда были неразрывны между собой), уверенно перешагнув столетнюю черту. Ушел на высокой ноте человеческой надежды и жизнелюбия.

Литература

1. Черток С. Зарубежный экран. Интервью. – М.: Искусство, 1973.
2. Тадао Сато. Кино Японии. – М.: Радуга, 1988. – С. 141.
3. Генс И. Нобуко Отова // Актеры зарубежного кино. – М.: Искусство, 1977. – С. 185.
4. [Электронный ресурс] – <http://www.vostokinform.ru/antik/festivals/miff25/owl>.
5. Вы прожили свой длинный век // Независимая газета. – 2012. – 31 мая.

Антонов Владимир Иосифович, доктор философских наук, профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, e-mail: wlanto@rambler.ru.

Antonov Vladimir Iosifovich, doctor of philosophical science, professor, Eastern-Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, e-mail: wlanto@rambler.ru.

ИНФОРМАЦИЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ И ДРУГА

После непродолжительной болезни на 88-м году ушел из жизни известный российский философ Владимир Иосифович Затеев – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель науки Республики Бурятия, участник Великой Отечественной войны.

Судьба даровала ему долгую жизнь и завидное творческое долголетие.

Владимир Иосифович родился в селе Баргузин Республики Бурятия в учительской семье. После окончания средней школы был направлен в Иркутскую военную школу авиамехаников, а в конце 1943 г. – в действующую армию. Служил в воинской части, базировавшейся в г.Иваново (аэродром «Северный»). Отсюда подготовленные авиамеханиками американские «кобры» отправлялись в районы боевых действий. В 1945 г. он возвращается домой, а в следующем году поступает на философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, который оканчивает с отличием. Там же зачисляется в аспирантуру.

В 1954 г. В.И. Затеев успешно защитил кандидатскую диссертацию «Особенности формирования в социалистические нации народов, не прошедших капиталистической стадии развития (на примере бурятского народа)» и был направлен в Бурятский государственный педагогический институт. В 1964 г. избирается заведующим кафедрой философии и научного коммунизма. В этой должности он трудился с перерывом около 30 лет. В 1979 г. В.И. Затеев в Институте философии АН СССР защитил докторскую диссертацию «Национальные отношения: сущность, закономерности (философско-социологический аспект)».

Как заведующий кафедрой он большое внимание уделял подготовке квалифицированных философских кадров, их профессиональному росту. При его помощи многие стали кандидатами, а некоторые докторами наук. Проявлял постоянную заботу о совершенствовании учебного процесса, внедрении современных методов преподавания философии.

Был инициатором широкого применения проблемного изложения учебного материала, использования технических средств и программирования. Сам являлся прекрасным лектором, у которого учились лекторскому мастерству многие не только молодые, но и опытные преподаватели.

Научная деятельность В.И. Затеева со студенческих лет связана с исследованием проблем национальных отношений. Под его руководством в 1960-1990-е гг. в Бурятском пединституте разрабатывались коллективные темы: «Научно-техническая революция и проблемы развития социалистических наций», «Общее и регионально-особенное в развитии социалистических наций и народностей», «Национальные процессы региона (на материалах Сибири)». Результатом исследований явились подготовка и издание ряда коллективных и индивидуальных научных трудов, проведение конференций, симпозиумов. В 1989 г. вышла крупная монография В.И. Затеева «Диалектика национальных процессов в СССР», в которой показаны диалектика национальных отношений при социализме, место и роль интернационализации общественной жизни и противоречий в национальных процессах. Начиная со второй половины 1990-х годов В.И. Затеев сосредоточился на проблеме русских в Сибирском регионе. Для изучения

данной темы им был сформирован большой коллектив ученых вузов, НИИ, управленческих структур Бурятии. Итогом явился объемный капитальный труд «Русские в Бурятии: история и современность (Улан-Удэ, 2002 – 578 с.), в котором дан глубокий анализ исторического, экономического, социального, политического и духовного развития русского этноса в одном из сибирских национально-государственных образований Российской Федерации.

Другим важным направлением его научного творчества стала разработка социально-политических и философских взглядов видных отечественных и зарубежных мыслителей и ученых, чьи подлинные и неординарные воззрения в советские годы предавались забвению или искажались. Совместно со своими бывшими аспирантами, докторантами им были подготовлены и опубликованы труды, посвященные творчеству П.А. Сорокина, П.А. Кропоткина, П.А. Лаврова, М.К. Михайловского, М.А. Бакунина, Л.А. Гумилева. Владимиром Иосифовичем создано 260 научных работ, в том числе свыше 10 монографических исследований, получивших высокую оценку ученых России и за рубежом.

Под его научным руководством было подготовлено 3 доктора и 18 кандидатов философских наук. Он плодотворно трудился над написанием учебных пособий, методической литературы, которые широко используются преподавателями и студентами.

В.И. Затеева всегда отличала активная жизненная позиция. В течение многих лет он возглавлял научно-методический совет республиканской организации общества «Знание», Бурятское отделение философского

общества РФ, был внештатным лектором обкома и горкома КПСС. В постсоветское время около 10 лет являлся заместителем председателя докторского диссертационного совета при Бурятском госуниверситете. Ряд лет был членом Совета Старейшин при Президенте Республики Бурятия.

Владимира Иосифовича отличала глубокая порядочность, высокая культура, доброжелательность, интеллигентность. Он был Учителем, Учителем с большой буквы, как для студентов, так и для преподавателей, для всех тех, кому посчастливилось быть рядом с ним. Для автора этих строк он был учителем и другом.

Многолетний плодотворный труд Владимира Иосифовича Затеева отмечен правительственными наградами, в числе которых – ордена «Отечественная война» второй степени, «Дружбы народов», восемь медалей, около десяти почетных грамот Президиума Верховного Совета Республики Бурятия.

В последние годы своей жизни Владимир Иосифович планировал продолжить исследование проблем национальных отношений в Сибири, написание новых работ... Теперь осуществление этих планов – дело коллег и учеников Владимира Иосифовича.

В.И. Затеев прожил достойную жизнь и оставил о себе светлую память.

И.И. Осинский,
главный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Сафонов А.Л.</i> Социальные атрибуты глобализации.....	3
<i>Гомбоева Л.В., Пристенский В.Н.</i> Социокультурные и политико-правовые основания модернизации страны в свете целостной философии.....	10
<i>Меднис Н.В.</i> Рекреационная роль философии в геронтологическом аспекте современной педагогики.....	19
<i>Мочалов К.С.</i> Настоящее время в знаковой системе условного рефлекса: механизм его становления и роль в организации структуры знака-сигнала.....	22
<i>Чуркина М.В.</i> Страх как социокультурный феномен жизни человека и общества.....	29
<i>Думинская М.В.</i> Комплексный методологический подход к постижению эстетической природы бытия.....	33
<i>Думинская М.В.</i> Экзистенциально-метафизические аспекты онтологии эстетического.....	38
<i>Раитина М.Ю.</i> К вопросу коммуникативности познания.....	43
<i>Истомина О.Б.</i> Тенденции развития билингвальных компетенций в региональной системе организованного обучения.....	48
<i>Долгов В.Б.</i> «Американизм» в католичестве: национальная «ересь» или часть католического ответа на модерн?....	54
<i>Станкевич А.Р.</i> К вопросу о сущности патриотизма и национализма в философском учении И.А. Ильина..	62
<i>Литвинцев О.С.</i> Философско-сотериологические аспекты трансформации буддизма в Китае.....	66
<i>Хао Цзюй.</i> Культ неба в социально-политической традиции Китая.....	70
<i>Глебец Е.А.</i> Путь и плод просветления в учении школ Вайбхашика и Саутрантика.....	72
<i>Глебец Е.А.</i> Непосредственное восприятие и концептуальное мышление и их интерпретация в школе Саутрантика.....	76

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Осинский И.И.</i> Традиционные этнические ценности и культура доверия.....	81
<i>Доржиева И.Ц.</i> Развитие бурятского этноса в социокультурном пространстве города (на материалах Республики Бурятия).....	85
<i>Гончигдоржиева О.Ж.</i> Межнациональные отношения: территориальный аспект.....	89
<i>Минералов В.Ю.</i> Образование как система социального управления формированием нравственности и ответственности предпринимателей.....	93
<i>Кузьмичева И.Н.</i> О методологических подходах к исследованию ценностей в корпоративной культуре.....	99
<i>Баирова Т.Б.</i> Профессиональные особенности развития личностных качеств сотрудников полиции (на материалах МВД Республики Бурятия).....	102
<i>Гайдай М.К., Кашина Л.А.</i> Татуировки и жаргон как наиболее наглядные проявления асоциальной девиантности несовершеннолетних.....	107
<i>Чойропова Т.Ц.</i> Представления современной молодежи о трансформации гендерных отношений в обществе (на примере Республики Бурятия).....	110
<i>Трифорова Т.Л.</i> Взятничество в медицине: причины и условия.....	116

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Цыренова Т.Б.</i> О понятии «государственное управление водными ресурсами».....	121
<i>Дагбаев Э.Д.</i> Изменение композиции политических акторов и ее влияние на трансформацию политического режима Бурятии.....	126
<i>Иванова А.А.</i> Особенности института президентства Республики Бурятия.....	130
<i>Родионов А.С.</i> Партийные фракции региональных парламентов (на примере Народного Хурала Республики Бурятия).....	135
<i>Емельянов В.А.</i> Прокремлевские молодежные общественно-политические организации в 2005-2006 гг.....	139

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Тихонов В.В.</i> Особенности традиционной культуры ангаро-илимской зоны Предбайкалья.....	143
<i>Хабдаева А.К.</i> История развития взаимоотношений буддизма и даосизма.....	148
<i>Бальжурова А.Ж.</i> «Странное пространство» в искусстве Даши Намдакова.....	154
<i>Антонов В.И.</i> Патриарх мирового кино, «самый русский» японский режиссер.....	158

ИНФОРМАЦИЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

<i>Осинский И.И.</i> Памяти учителя и друга.....	165
--	-----

CONTENTS

PHILOSOPHY

<i>Safonov A.L.</i> Social attributes of globalization.....	3
<i>Gomboeva L.V., Pristenskiy V.N.</i> The problems of socio-cultural and politico-legal modernization of the country in the light of a holistic philosophy.....	10
<i>Mednis N.V.</i> The recreational role of philosophy in gerontological aspect of modern pedagogy.....	19
<i>Mochalov K.S.</i> The present in the sign system of conditioned reflex: mechanism of formation and its role in the organization of structure of the sign-signal.....	22
<i>Churkina M.V.</i> Fear as sociocultural phenomenon of human life and society.....	29
<i>Duminskaya M.V.</i> A comprehensive methodological approach to the research of aesthetic nature of being.....	33
<i>Duminskaya M.V.</i> Existential-metaphysical aspects of the ontology of aesthetic.....	38
<i>Raitina M.Yu.</i> The evolution of methodological construction of models scientific creation: on the issue of knowledge communicative.....	43
<i>Istomina O.B.</i> Development tendencies of competences bilinguals in regional system of the organized training.....	48
<i>Dolgov V.B.</i> «Americanism» in Catholicism: national «heresy» or part of modern catholic answers?.....	54
<i>Stankevich A.R.</i> To the question of the essence of patriotism and nationalism in the I.A. Ilyin.....	62
<i>Litvintsev O.S.</i> Philosophical and soteriological aspects of the transformation of Buddhism in China.....	66
<i>Hao Tszuyu.</i> Cult of the sky in social and political tradition of China.....	70
<i>Glebets E.A.</i> Paths and fruits of the enlightenment in the Vaibhashika and the Sautrantika`s doctrines.....	72
<i>Glebets E.A.</i> Direct perception and conceptual thinking and their interpretation in the school of the Sautrantika.....	76

SOCIOLOGY

<i>Osinskiy I.I.</i> Traditional ethnic values and their role in the formation of culture of trust.....	81
<i>Dorzhieva I.Ts.</i> The development of Buryats in the sociocultural environment of the city (on the materials of the Republic of Buryatia).....	85
<i>Gonchikdorzhieva O.Zh.</i> International relations: territorial aspect.....	89
<i>Mineralov V.Yu.</i> Education as system of social management of formation moral and responsibility entrepreneurs....	93
<i>Kuzmicheva I.N.</i> The methodological approaches to research of values in corporate culture.....	99
<i>Bairova T.B.</i> Professional features of the development of personal qualities police (on the materials of the Buryat Republic)	102
<i>Gaidai M.K., Kashina L.A.</i> Tattoos and cant as the most obvious display of juvenile antisocial deviance.....	107
<i>Choiropova T.Ts.</i> Youth's ideas of transformation soft gender relationships in society (in the case of the Republic of Buryatia)...	110
<i>Trifonova T.L.</i> Bribery in medicine: reasons and conditions.....	116

POLITICAL SCIENCE

<i>Tsyrenova T.B.</i> About water resources state management definition.....	121
<i>Dagbaev E.D.</i> Composition`s influence of political actors on the transformation of the political regime of Buryatia.	126
<i>Ivanova A.A.</i> Peculiarities of Republic Buryatia presidency institute.....	130
<i>Rodionov A.S.</i> Party factions regional parliaments (for example, the People's Khural of the Republic of Buryatia)...	135
<i>Emelyanov V.A.</i> Creation of the pro-kremlin youth political organizations.....	139

CULTURAL STUDIES

<i>Tihonov V.V.</i> The peculiarities of the traditional culture of Angaro-Ilimskoy zone of Predbaikalya.....	143
<i>Khabdayeva A.K.</i> Chinese spiritual culture issues: the history of Buddhism and Taoism relations development.....	148
<i>Balzhurova A.Zh.</i> «Strange area» in the art of Dashi Namdakov.....	154
<i>Antonov V.I.</i> The patriarch of the world cinema, «the most Russian» Japanese film director.....	158

INFORMATION, EVENTS, PEOPLE

<i>Osinskiy I.I.</i> The memory of teacher and friend.....	165
--	-----

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2012 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Бадмаева Мария Валентиновна – тел. 21-37-44

эл. адрес: vestnik_econom@bsu.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Доржиев Цыдып Заятуевич – тел. 21-03-48

эл. адрес: vestnik_biolog@bsu.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: railia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_matem@bsu.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имихелова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: vestnik_phylolog@bsu.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. После аннотации дать ключевые слова на русском и английском языках.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое - 15 мм, левое - 25 мм, верхнее, нижнее - 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ - 5 мм. Интервал - полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля - 14 пт. Список литературы и аннотация - 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Кратких сообщений – до 3 с., статей на соискание ученой степени кандидата наук – 7-12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 8-16 с.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

- Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

- Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

- Решение о публикации статьи принимается редакцией «Вестника БГУ». Корректурa авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

- Статьи принимаются в течение учебного года.

- Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

- Статья должна содержать минимум таблиц, формул, рисунков и графиков. Их присутствие допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно или нецелесообразно. Желательно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок. Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, формулы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки.

- Формат журнала 60x84 1/8.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, Издательство БГУ.

Тел. (301-2)-21-95-57. Факс (301-2)-21-05-88